

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PROPERTY OF

The
University of
Michigan
Library

1817

ARTES

ERITAS

PROPERTY OF

The
University of
Michigan
Library

1817

ARTES

LIBRITAS

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ ПЕРИОДЪ РАЗДѢЛЕНІЯ ЕЯ НА ДВѢ МИТРОПОЛИИ.

186388

— — — — —
ор 18096

МАКАРІЯ,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Макарій, Митрополитъ Московскій

КНИГА III.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія Р. Р. Голицы, Спасская, 17.

1868.

*120
Д.Т. Фронт*

BX
485
.M23
v. 8

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

МАКАРИЯ,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

ТОМЪ VIII.

615694-406

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

**Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать
дозволяется. С.-Петербургъ. Ноября 4 дня 1897 года.**

**Старшій Цензоръ Архимандритъ
Климентъ.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА VI.

БОГОСЛУЖЕНИЕ.

Стр.

I. *Св. храмы, иконы, кресты, колокола.*

Замѣчательнѣйшіе храмы:

Въ Москвѣ	1
Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи	4
Число храмовъ въ разныхъ городахъ Россіи	6
Храмы обѣтныя и теплыя	7
Храмы соборныя и число ихъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ	9
Извѣстныя иконописцы, состояніе иконописанія и распоряженія церковной власти относительно иконописанія . . .	12
Древнія иконы, приносившіяся въ Москву для обновленія .	17
Иконы чудотворныя и новоявленныя	19
Принесеніе иконъ въ Москву изъ покоренныхъ городовъ . .	20
Рѣзные иконы и кресты	21
Форма или виды крестовъ	23
Колокола	25

II. *Новые праздники въ Россіи, новые церковныя службы и обряды и измѣненія въ церковномъ тѣни.*

Число новыхъ праздниковъ	27
Праздники въ честь русскихъ Святыхъ, установленные:	
До митрополита Макарія	29
При митрополитѣ Макаріи на соборахъ 1547—1549 г.	43
Послѣ означенныхъ соборовъ до конца періода . . .	45
Праздники въ честь св. иконъ и въ память отечественныхъ событій	48
День всеобщей панихиды	50

Церковныя службы и пѣснопѣнія, составленныя:

Во второй половинѣ XV в. и, въ частности, пѣснопѣнія сербя Пахомія Логоета	51
Съ начала XVI в. до соборовъ 1547—1549 г.	57
По поводу этихъ соборовъ и послѣ нихъ до конца періода	59
Достоинство этихъ службъ и пѣснопѣній	61

Новые обряды:

Обрядъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ ми- трополитовъ	63
Обрядъ шествія на ослати въ недѣлю Ваий	66
Обрядъ пещнаго дѣйствія	68
Новые крестные ходы въ Москвѣ, установленные Стоглавымъ соборомъ	70
Въ чемъ состояли измѣненія въ церковномъ пѣніи	71

III. Церковно-богослужебныя книги и священнодѣйствія.

Разности въ богослужебныхъ книгахъ	75
Погрѣшности въ нихъ	78

**Попытки къ исправленію и предотвращенію такихъ погрѣш-
ностей:**

Попытка Максима Грека	80
Постановленіе Стоглаваго собора	—
Исправленія, сдѣланныя самимъ Стоглавымъ соборомъ	82
Печатаніе богослужебныхъ книгъ	84
Погрѣшности и неисправности при совершеніи священнодѣйствій	86
Мѣры противъ этого Стоглаваго собора	87
Разности въ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ	89

**IV. Двуперстіе для крестнаго знаменія и благословенія и
сузубая аллилуія.**

Постановленіе Стоглаваго собора о двуперстіи для крестнаго знаменія и благословенія	91
Дѣйствительно ли это постановленіе принадлежит Стогла- вому собору?	93

	Стр.
Когда появилось у насъ такое перстосложеніе для крестнаго знаменія и благословенія?	96
Два предварительныя замѣчанія	—
Въ первой половинѣ XV в. у насъ употреблялись два различныхъ перстосложенія: одно для крестнаго знаменія, другое для благословенія	99
Какое перстосложеніе употреблялось въ предшествовавшіе вѣка для крестнаго знаменія?	101
Какое—для благословенія?	108
Какъ изъ двухъ различныхъ перстосложеній могло составиться одно—двуперстное и для крестнаго знаменія и для благословенія?	114
Появленіе у насъ ученія объ этомъ перстосложеніи во второй половинѣ XV в. и основанія, для него тогда придуманныя	116
Слѣды ученія о двуперстїи и употребленія его въ первой половинѣ XVI в.	122
Возведеніе ученія о двуперстїи на степень догмата Стоглавымъ соборомъ	124
Распространеніе этого ученія послѣ Стоглаваго собора и свидѣтельства объ употребленіи тогда русскими троеперстїа для крестнаго знаменія	126
Первые слѣды у насъ сугубой аллилуїи въ XIV—XV в. и первыя обличенія противъ нея; посланіе митрополита Фотїа въ Псковъ объ аллилуїи	129
Ревнованіе преп. Евфросина псковскаго о сугубой аллилуїи, его споры объ ней съ псковскимъ духовенствомъ и посланіе неизвѣстнаго противъ нея во второй половинѣ XV в	131
Посланіе къ архїепископу новгородскому Геннадію Димитрія Толмача объ аллилуїи и новый ревнитель сугубой аллилуїи—безымянный писатель житїа преп. Евфросина въ нач. XVI в.	137
Мнѣніе Максима Грека о сугубой аллилуїи; житїе прпс. Ев-	

Фросина, составленное пресвитеромъ Васи́емъ въ 1547 г.; служба преп. Евфросину съ восхваленіемъ сугубой аллилуи и возведеніе ея на степень догмата Стоглавымъ соборомъ	139
--	-----

ГЛАВА VII.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

I. Законы, которыми руководствовалась Церковь.

Кормчая книга: въ какомъ видѣ она у насъ употреблялась?	
Кормчая, по номоканону схоластикова и фотіеу, съ изложеніемъ однихъ правилъ безъ толкованій . . .	143
Кормчая, по номоканону фотіеу, съ изложеніемъ правилъ съ толкованіями, фамилін рязанской и софійской	145
Кормчая, по номоканону фотіеу, съ изложеніемъ правилъ съ толкованіями по грамамъ и главамъ этого номоканона	149
Кормчая князя - старца Вассіана Косаго	150
Кормчая такъ-называемая сводная	159
Другіе каноническіе сборники, греческіе и русскіе	165
Правила узаконенія русскихъ соборовъ, іерарховъ и князей	167

II. Церковное управленіе и судъ.

Вѣдомство церковнаго управленія и суда	169
Высшая, правительственная и судебная, власть въ церкви—	
Соборы	171
Пространство власти митрополита	176
Власть епархіальныхъ архіереевъ	181
Епархіальное управленіе:	
Священники приходскіе	182
Священники безприходные или безмѣстные	186
Священники пришлые	188
Священники вдовы	190

	Стр.
Причетники и просвирни	193
Служебныя лица по епархіальному управленію: архіерейскіе намѣстники, поповскіе старосты и другіе	—
Способы надзора за епархіальнымъ духовенствомъ . .	197
Епархіальные соборы	201
Епархіальный судъ:	
Судъ по дѣламъ духовнымъ, его устройство и кругъ вѣдомства	202
Суды по дѣламъ недуховнымъ, устройство этихъ судовъ и кругъ вѣдомства	204
Порядокъ судопроизводства во всѣхъ судахъ епархіи	206
Судъ смѣтный или общій	211
Поплины по епархіальному управленію и суду:	
Съ отдѣльныхъ лицъ епархіальнаго духовенства . . .	212
Съ цѣлыхъ церковныхъ причтовъ и монастырей . . .	211
Съ мірянъ	221
Церковныя причты и монастыри, освобожденныя отъ епархіальнаго суда и пошлянъ	
Міряне, освобожденныя отъ церковныхъ пошлянъ	225
III. Церковныя владѣнія: недвижимыя имуществва и крестьяне.	
Кому принадлежали эти владѣнія, ихъ разные виды и способы приобрѣтенія	226
Пространство этихъ владѣній	229
Владѣнія архіерейскихъ кафедръ	230
Владѣнія монастырей	235
Владѣнія бѣлаго духовенства	240
Попытки къ отобранію и ограниченію церковныхъ владѣній:	
Въ началѣ періода	242
Съ послѣдней четверти XV в., при Иванѣ III, Василіи Ивановичѣ и правительницѣ Еленѣ	243
При Иванѣ Васильевичѣ IV	247
Какъ владѣла церковь своими имѣніями и крестьянами, осо-	

	Стр.
бенности этого владѣнія и служебныя лица, которымъ поручалось завѣдываніе церковными имѣніями и крестьянами	255
Управленіе церковными имѣніями и крестьянами	260
Судъ надъ церковными крестьянами и по жалобамъ о церковныхъ имѣніяхъ	263
Какъ пользовались духовные владѣльцы своими владѣніями	266
Личныя повинности и оброки церковныхъ крестьянъ духовнымъ землевладѣльцамъ и ихъ прикащикамъ	270
Ограниченіе власти духовныхъ землевладѣльцевъ надъ ихъ имѣніями и крестьянами; повинности и оброки этихъ крестьянъ государству	276

IV. Содержаніе духовенства.

Источники для содержанія и доходы:	
Архіереевъ	280
Монастырей	281
Бѣлаго духовенства	289
Употребленіе духовными лицами своихъ доходовъ:	
На собственныя потребности	296
На вспомоствованіе бѣднымъ и нищимъ	297
На отбываніе государственныхъ повинностей	299
На пожертвованія для временно-открывавшихся нуждъ церкви и государства	302
На «помятки» или подарки	304

ГЛАВА VIII.

ВѢРА И ПРАВСТВЕННОСТЬ.

I. Приверженность русскихъ къ своей вѣрѣ и слабья о ней познанія; примѣры обширныхъ познаній о вѣрѣ и недостатки этихъ познаній	309
Вредное вліяніе подложныхъ сочиненій и отреченныхъ книгъ	

	Стр.
на религиозное сознание, — господство всякаго рода суевѣрій въ народѣ и духовенствѣ	312
Увлеченіе лицъ духовныхъ и мірянъ ересью жидовствующихъ и другими	315
II. Приверженность русскихъ къ <i>обрядовой сторонѣ своей вѣры</i> , ихъ почтеніе, уваженіе, любовь:	
Къ св. храмамъ	317
Къ св. иконамъ и другимъ свящ. предметамъ	319
Къ молитвѣ и употребленію крестнаго знаменія	320
Къ постами и иноческимъ подвигамъ, въ особенности, къ юродству Христа-ради	322
Къ благословенному хлѣбу и св. водѣ	325
Крайности, до какихъ простиралась эта привязанность къ обрядамъ, и вредныя отъ нея послѣдствія въ области вѣры	327
III. Вредныя послѣдствія отъ излишней привязанности къ обрядамъ въ области нравственности; примѣры истиннаго благо- честія и господство благочестія вѣншаго, фарисейскаго.	331
Состояніе нравственности:	
Въ высшемъ сословіи общества	333
Въ духовенствѣ	336
Во всѣхъ прочихъ сословіяхъ	339

ГЛАВА IX.

ОТНОШЕНІЕ ВОСТОЧНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ И ИСПОВѢДАНІЯМЪ.

I. Отношеніе къ православнымъ церквамъ востока и юго- славянскимъ.

Особенное положеніе восточно-русской церкви въ кругу этихъ церквей, и въ чемъ состояли ея сношенія съ ними	345
Непрерывныя пособія этимъ церквамъ изъ Россіи:	
Въ княженіе Василя Васильевича Темнаго	347

	Стр.
— Ивана Васильевича III	349
— Василия Ивановича	353
— Ивана Васильевича IV	357
— Федора Ивановича до конца настоящаго періода . .	365
Замѣчаніе о приходившихъ къ намъ за этими пособиями, ихъ поминки нашимъ вел. князьямъ и посылка русскихъ въ Царьградъ для изученія греческаго языка	367
II. Отношеніе къ церкви римской.	
Какъ смотрѣли у насъ на латинянь и ихъ вѣру	370
Попытки папъ и ревнителей папства къ совращенію русскихъ:	
При вел. кн. Василіи Васильевичѣ и Иванѣ III	373
При Василии Ивановичѣ	382
При Иванѣ IV,—сего бесѣда о вѣрѣ съ Антоніемъ Пос- севиномъ	386
III. Отношеніе къ лютеранамъ и другимъ протестантскимъ обществамъ.	
Когда и какъ начали проникать къ намъ лютеранскія идеи и какъ смотрѣли у насъ вообще на протестантовъ	402
Бесѣда царя Ивана Васильевича о вѣрѣ съ пасторомъ Рокитою	405
Сочиненіе того же государя противъ Рокиты и въ защиту православія	408
Общее замѣчаніе объ отношеніи русскихъ къ протестантамъ и другимъ иновѣрцамъ и переходъ къ слѣдующей части	411

ГЛАВА VI.

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

I.

Давно уже Москва, какъ столичный городъ великаго князя и особенно какъ мѣстопребываніе первосвятителя всей Россіи, считалась главнымъ въ ряду городовъ русскихъ. Но, по своимъ храмамъ, она все еще уступала нѣкоторымъ изъ этихъ городовъ, болѣе древнимъ, каковы Новгородъ и Псковъ: почти всѣ храмы въ Москвѣ были деревянные, за исключеніемъ пяти-шести каменныхъ (¹). Въ настоящей періодъ, когда, съ окончательнымъ паденіемъ у насъ системы удѣловъ, московскіе князья сдѣлались государями всей Россіи и, вступивъ въ сношенія съ болѣе просвѣщенными странами Европы, начали вызывать оттуда разныхъ художниковъ и украшать свою столицу, она прежде всего украсилась новыми храмами, такъ что и въ этомъ отношеніи, если не по числу, то по благослѣпію ихъ, заняла въ нашемъ отечествѣ первое мѣсто. Вел. кн. Іоаннъ III вновь соорудилъ почти всѣ важнѣйшіе храмы Кремля. Успенскій соборъ, заложенный еще святителемъ Петромъ и окончанный Іоанномъ Даниловичемъ Калитою (1327), при-

(¹) Нашей Истор. Русск. Церкви IV, 229.

шелъ въ крайнюю ветхость; своды его треснули и под-держивались деревянными подпорами, а одинъ изъ придѣловъ, послѣ пожара 1471 г., совсѣмъ разрушился. Митрополитъ Филиппъ I, задумавъ перестроить этотъ храмъ, собралъ много серебра съ монастырей и церквей, которыя обложилъ для того тяжкою данью, а также отъ бояръ и торговыхъ людей, припешихъ добровольныя пожертвованія. Работы поручилъ (1472 г.) двумъ русскимъ мастерамъ Кривцову и Мышкину, съ тѣмъ чтобы они построили новый соборъ по образцу собора владимірскаго, только шире и длиннѣе и выше на полторы сажени. Но черезъ годъ самъ святитель скончался, а еще черезъ годъ (21 мая) и храмъ, складенный уже до сводовъ, обрушился. Тогда вел. кн. Іоаннъ вызвалъ изъ Венеціи славнаго зодчаго Фіоравенти, котораго «хитрости ради Аристотелемъ зваху». Этотъ Аристотель Фрязинъ, разрушивъ павшій храмъ до основанія, заложилъ новый, и спустя пять лѣтъ въ Москвѣ явилась церковь соборная, «чудная вельми величествомъ, и высоту, и свѣтлостію, и пространствомъ», какой «прежде того не бывало въ Руси, oprичъ владимірскія церкви». Торжественное освященіе новаго успешскаго собора совершено 12 авг. 1479 г. митрополитомъ Геронтіемъ (?). Такимъ же образомъ, по повелѣнію Іоанна, разобраны и созданы вновь еще три древніе обветшавшіе храма Кремля: соборъ благовѣщенскій на великокняжескомъ дворѣ, соборъ архангельскій и церковь св. Іоанна Лѣствичника (Иванъ Великій). Надъ построеніемъ перваго трудились теперь (1484—1489)

(?) Собр. Р. Лѣтоп. VI, 15. 19. 34. 194. 198. 199; VIII, 170. 179—181. 201; Никон. Чѣт. VI, 37. 56. 60. 69. 108; VII, 70.

псковскіе мастера; архангельскій соборъ, по образцу успенскаго и въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, соорудилъ (1505 — 1508) миланецъ Алевизъ Новый; а церковь св. Іоанна Лѣствичника воздвигъ (1505—1508) водчій Фрязинъ Цебошъ (*). Вообще же число церквей въ Москвѣ при Іоаннѣ III было уже довольно значительно: такъ въ 1472 г. сгорѣло, не въ самомъ городѣ или Кремлѣ, а только въ посадѣ 25 церквей; въ 1475 г. сгорѣло въ самомъ Кремлѣ 12 деревянныхъ церквей и 11 каменныхъ обгорѣло; въ 1488 г. опять только въ посадѣ сгорѣли еще 42 церкви (*). Сынъ и преемникъ Іоанна, в. к. Василій съ усердіемъ украшалъ прежнія церкви въ Москвѣ: онъ велѣлъ (1508) расписать по золоту свой придворный благовѣщенскій соборъ, обложилъ въ немъ всѣ иконы серебромъ, золотомъ и жемчугомъ и позолотилъ самый верхъ церкви, отчего она начала именоваться златоверхуою; а чрезъ нѣсколько лѣтъ (1515) велѣлъ расписать внутри весь успенскій соборъ, и это расписание было столь «чудно и всякія лѣпоты исполнено», что всѣ, входившіе во храмъ, поражались и какъ бы переносились на небо. Не съ меньшимъ усердіемъ вел. князь сооружалъ въ Москвѣ новыя церкви: въ 1514 г. онъ повелѣлъ заложить и воздвигнуть разомъ десять каменныхъ церквей, въ томъ числѣ — Рождества Пресв. Богородицы на своемъ дворѣ, св. Владимира въ Садѣхъ, св. Леонтія ростовскаго и св. Петра, митрополита московскаго, за Неглинною, поручивъ всѣ эти работы

(*) Собр. Р. Лѣт. VI, 87. 50. 198. 235; Никон. Лѣт. VI, 119. 124. 172. 180. 184; VII, 41. 274; *Снегирев*. Памяти. Моск. древн. 62. 83. 110.

(*) Собр. Р. Лѣт. VIII, 173. 181. 217; Ник. Лѣт. VI, 45. 61. 122.

одному и тому же мастеру Алевизу Фрязину; а въ 1527 г. поставилъ разомъ еще три каменные церкви, въ томъ числѣ Преображенія Господня на своемъ дворѣ (*). Царь Іоаннъ Васильевичъ IV не уступалъ двумъ своимъ предшественникамъ въ украшеніи своей столицы св. храмами. Послѣ страшнаго пожара 1547 г., истребившаго или разрушившаго, болѣе или менѣе, почти всѣ зданія въ Москвѣ, Іоаннъ возобновилъ, между прочимъ, три главные кремлевскіе собора: успенскій, благовѣщенскій и архангельскій, и при этомъ верхи двухъ первыхъ позолотилъ. Изъ церквей же, созданныхъ самимъ Іоанномъ, наиболѣе замѣчательная есть церковь Покрова Пресв. Богородицы (Василій Блаженный), каменная о девяти верхахъ, которую въ 1555 г. заложилъ царь въ Китай-городѣ на память взятія Казани (**).

Въ другихъ городахъ и вообще мѣстностяхъ Россіи какихъ-либо замѣчательныхъ храмовъ, вновь сооруженныхъ, или только обновленныхъ и богато украшенныхъ, почти не встрѣчаемъ въпродолженіе настоящаго періода, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ, наприм. въ Новгородѣ и Псковѣ, храмы сооружались тогда довольно часто, иногда по два, по три, даже по четыре разомъ ('). Какъ на болѣе замѣчательные въ этомъ

(*) Собр. Р. Лѣт. VI, 247. 254. 280; VIII, 249. 254. 255. 272; Нлк. Лѣт. VI, 182. 217. 233.

(**) Нлк. Лѣт. VII, 70. 71. 232—234. 238. 239; *Сметере*. Памяти. Моск. древн. 62. 84.

(') Собр. Р. Лѣт. III, 153. 157. 241. 248. 250. 253; IV, 266. 291. 303. 305. Въ лѣтописяхъ иногда упоминаются строители церквей и подрядчики: Сырковъ (III, 247; VI, 287. 290. 298. 303), Таракановъ (VI, 281), мастера тверской земли—Ермола и др. (VI, 296). За построніе каменной церкви мастера брали по 20-ти и по 30-ти рублей (Собр. Р. Лѣт. IV, 231. 235), потомъ по 50-ти и по 70-ти (—III, 296. 300), а къ концу періода и по 90 рублей (А. до юрид. быта Россіи, II, № 254).

отношенія случая можно указать на слѣдующіе: въ Новгородѣ архіепископъ Макарій устроилъ (1528 г.) въ софійскомъ соборѣ — новыя царскія врата, чудно изукрашенныя, шестьдесятъ шесть иконъ для иконостаса, обложенныхъ серебромъ и золотомъ, и какой-то особый, позлащенный амвонъ съ тридцатью иконами, который поддерживали на себѣ двѣнадцать деревянныхъ, одѣтыхъ фигуръ въ образѣ Человѣческомъ; а совнѣ, надъ западными дверями собора приказалъ написать настѣнные изображения Пресв. Троицы, Софіи-Премудрости Божіей и нерукотворенный образъ Спасителя, остающіяся доселѣ. Въ любимомъ селѣ своемъ Коломенскомъ в. кн. Василій Ивановичъ соорудилъ (1532) каменную церковь Вознесенія Господня, которая, по словамъ лѣтописи, была «вельми чудна выотою, и красотою, и свѣтлостію», и какой «не бывало прежде сего въ Русіи»; и снабдилъ эту церковь драгоценными сосудами и иконами, обложенными золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Въ Хутынскомъ монастырѣ построена (1535 г.) каменная церковь во имя св. Григорія, просвѣтителя Великой Арменіи, также, по свидѣтельству лѣтописи, вельми чудная, какой не бывало въ новгородской области: церковь была круглая и весьма высокая, имѣла восемь угловъ, пять дверей и одинъ верхъ, на которомъ повѣшены были колокола. Въ Твери мѣстный епископъ Акакій, послѣ страшнаго пожара, истребившаго (1537 г.) весь городъ и соборную церковь, вновь соорудилъ ее въ прежнемъ видѣ и украсилъ ее множествомъ иконъ, искусно написанныхъ и обложенныхъ серебромъ и золотомъ. Въ Троицко-Сергіевой лаврѣ царь Иванъ Васильевичъ позолотилъ (1556 г.) верхъ троицкаго собора, построеннаго еще

въ 1477 г. псковскими мастерами, тѣми самыми, которые тогда же соорудили придворный благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ (*).

О числѣ церквей въ нѣкоторыхъ городахъ можемъ заключать на основаніи лѣтописныхъ замѣтокъ при описаніи происходившихъ тогда пожаровъ. Такъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ, который въ 1491 г. выгорѣлъ весь съ посадами, сгорѣло 9 церквей въ городѣ и 13 въ посадѣ; въ Угличѣ, также выгорѣвшемъ въ то время, сгорѣло церквей 15. Въ Псковѣ сгорѣло: 1466 г.—12 церквей, въ 1539 г.—12, въ 1550 г. обгорѣли или поразсѣдались 36 каменныхъ церквей и сгорѣли 15 деревянныхъ; въ 1562—сгорѣли или обгорѣли 52 деревянныхъ и каменныхъ церкви и остались неповрежденными отъ огня только 8; слѣд. всего въ Псковѣ до этого пожара было 60 церквей. Въ Новгородѣ въ 1476 г. сгорѣло 15 церквей, а три каменныя разсыпались; въ 1541 г. обгорѣли 22 церкви и двѣ разсыпались, а вскорѣ обгорѣли еще 6; въ 1555 г.—обгорѣло 15 церквей. Впрочемъ, относительно Новгорода сохранилась особая запись, составленная, какъ догадываются, къ концу XV или въ началѣ XVI вѣка и свидѣтельствующая, что всѣхъ церквей въ Новгородѣ, за исключеніемъ загородныхъ монастырей, было тогда 89, и что въ 44 изъ нихъ совершались ежедневныя службы (*).

(*) Собр. Р. Лѣт. VI, 206. 285. 291. 296. 303; Ник. Лѣт. VI, 248. 249; VII, 270; *Максим. Грек.* Сочин. II, 293. 294.

(*) Собр. Р. Лѣт. III, 150. 250. 252; IV, 231. 303. 308. 313; VIII, 221. 222; Ник. Лѣт. VI, 128; *Карамз.* VI, прим. 629, стр. 94; Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 41. Въ 1545 г. при новгородскихъ церквахъ, кромѣ софійскаго собора, пасхитывалось 158 священниковъ, которые, съ своимъ причтами, обьявляны были, по государеву приказу, выставить извѣстное число ратныхъ людей (А. Э. И.).

Вообще въ храмахъ у насъ тогда недостатка не было, напротивъ чувствовался даже избытокъ. Случалось, какъ свидѣтельствуя отцы Стоглаваго собора, что міряне, оставляя въ пренебреженіи свои прежнія церкви, строили новыя; многіе созидали церкви не ради Бога, а по тщеславію и гордости и ради своихъ жепъ; нѣкоторые, увлекаясь сповидѣніями, давали обѣты воздвигать церкви и молитвенные дома, но, соорудивъ церковь, не имѣли средствъ снабдить ее иконами, книгами и содержать при ней причтъ, или если вначалѣ кое-какъ и дѣлали все это, то вскорѣ, совсѣмъ оскудѣвъ, оставляли церковь безъ всякой поддержки и пустою; еще нѣкоторые строили церкви самовольно безъ благословенія епископа. Потому-то соборъ и опредѣлилъ, чтобы впредь епархіальные архіереи отнюдь не допускали, безъ благословенія ихъ, строить церкви и вообще дѣйствовали при этомъ, какъ требуютъ каноны, и чтобы, собравъ свѣдѣнія о всѣхъ церквахъ, какія по городамъ и селамъ стояли пусты и безъ пѣнія, освободили ихъ, своими тарханскими грамотами, отъ всякихъ церковныхъ пошлинъ на пятнадцать лѣтъ, и предоставили мѣстнымъ прихожанамъ собирать тѣ пошлины и употреблять на устроеніе ихъ запустѣлыхъ церквей (Стогл. гл. 70 и 84).

Обычай строить обѣтныя церкви болѣе и болѣе усиливался. Ему слѣдовали сами великіе князья: Іоаннъ III поставилъ (1468 г.) въ Москвѣ обѣтную церковь св. Симеона Дивно-

стр. 184. 186). А еще гораздо прежде, именно въ 1467 г., во время свирѣпствовавшего мора, въ Новгородѣ «на посадѣ по градскимъ церквамъ не стало поповъ 300, а діаконовъ 21, а которые овдовѣли и стриглись—19 поповъ, а діаконовъ 6», какъ гласитъ запись, сдѣланная на доскѣ и доселѣ сохраняющаяся въ новгородскомъ Звѣринѣ монастырѣ на стѣнѣ обѣтнаго храма (напеч. въ Ист. Росс. іерарх. IV, 151—153).

горца, а Василиій Іоанновичъ, по случаю рожденія отъ него сына Іоанна ІV, поставилъ (1531) такую же церковь на старомъ Ваганьковѣ во имя св. Іоанна Крестителя съ двумя придѣлами ⁽¹⁰⁾. Церкви обѣтныя всегда строились изъ дерева и въ одинъ день, отчего и назывались обыденными; въ тотъ же день онѣ и освящались, и въ нихъ совершалось богослуженіе. Поводомъ къ сооруженію ихъ, большею частію, служили общественныя бѣдствія, особенно моровая язва: церкви строились тогда, по обѣту и при участіи всего народа, съ цѣлю умилоствитъ Бога и отвратить Его гнѣвъ. Иногда созидалась только одна обыденная церковь, а чрезъ нѣскольکو времени, если моръ не прекращался, то созидалась и другая; иногда же строились разомъ двѣ обыденныя церкви ⁽¹¹⁾. Впослѣдствіи случалось, что на мѣстахъ этихъ деревянныхъ обыденныхъ церквей воздвигаемы были каменныя во имя тѣхъ же Святыхъ, какъ бы по завѣту отъ предковъ, и назывались завѣтными. Такъ въ 1537 г. сооружена новгородцами въ Кремлѣ каменная церковь Похвалы Пресв. Богородицы, «завѣтная отъ мору», на мѣстѣ деревянной обыденной, построенной еще въ 1508 г. и сгорѣвшей; а черезъ три года новгородскій архіепископъ Макарій въ Кремлѣ же поставилъ каменную церковь св. муч. Анастасіи, «отъ мору завѣтную», на мѣстѣ деревянной обыденной, построенной еще въ 1417 г. по случаю такъ-называемаго Анастасіинскаго мора ⁽¹²⁾. Не такъ скоро установился у насъ другой обычай, которому начало

⁽¹⁰⁾ Собр. Р. Лѣт. VIII, 154. 278; Ник. Лѣт. VI, 7. 246.

⁽¹¹⁾ Собр. Р. Лѣт. III, 244. 248. 249. 251; IV, 127. 230. 267. 294. 295. 298; VI, 35. 281. 290.

⁽¹²⁾ Собр. Р. Лѣт. III, 249, снес. 107; VI, 295.

положилъ новгородскій архіепископъ Евѣимій въ 1439 г.,— обычай созидать теплыя церкви или, по крайней мѣрѣ, теплыя придѣлы къ нимъ. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія такія церкви устраивались только въ нашихъ монастыряхъ, а изъ приходскихъ церквей въ Новгородѣ первая была церковь муромская, у которой устроенъ былъ теплый каменный придѣлъ во имя Срѣтенія Господня въ 1538 г. (13). Зато въ послѣдней половинѣ XVI вѣка обычай этотъ былъ уже довольно распространенъ по всей новгородской области, и теплыя церкви встрѣчаемъ не только въ монастыряхъ, но и во многихъ небольшихъ селахъ и погостахъ (14).

О церквахъ соборныхъ мы упоминали еще въ предшествовавшій періодъ; но не имѣли возможности объяснить тогда самое значеніе ихъ. Теперь открывается эта возможность. *Соборною* церковію называлась та, къ которой причислялось нѣсколько другихъ приходскихъ церквей и при которой учреждался *соборъ* изъ священнослужителей всѣхъ этихъ церквей, представлявшій собою особую корпорацію изъ мѣстнаго духовенства, особое церковное общество или братство. Число священнослужителей, составляющихъ соборъ при избранной церкви, по имени которой онъ и назывался, простиралось иногда до ста и болѣе. Хотя каждая соборная церковь находилась въ городѣ, но въ составъ собора, при ней существовавшаго, входили не одни городскіе священники съ своими

(13) Нашей Ист. Р. Церк. IV, 235; Собр. Р. Лѣт. VI, 303.

(14) *Неволин*. О пятиц. повг. (въ Записк. Географ. Общ. кн. VIII), Приложен. стр. 250. 251. 253. 254. 256. 260. 262. 286—288. 292. 293. 300. 302. 304. 309. 312. 319. 337. 341. Спес. Собр. Р. Лѣт. III, 151. 153; IV, 293.

церквами; но и пригородные, и сельские: такъ было, по крайней мѣрѣ, въ псковской области. Всѣ они обязывались собираться въ свою соборную церковь для разсужденій и совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ, для совершения въ ней соборныхъ богослуженій въ опредѣленные дни; всѣ обязывались отправлять въ ней ежедневно очередную службу по недѣля. Во главѣ каждаго собора священнослужителей находился одинъ соборскій или поповскій староста, котораго избирали они сами изъ среды своей и который имѣлъ наблюденіе какъ надъ всѣми ими, такъ и надъ ихъ приходскими церквами и заправлялъ дѣлами собора. Такихъ соборовъ и соборныхъ церквей въ Новгородѣ было семь, вѣроятно, по числу седми вселенскихъ соборовъ, еще въ прошлый періодъ, и болѣе теперь уже не появлялось. Но въ Псковѣ къ тремъ прежнимъ прибавилось теперь четыре новыхъ собора, такъ что общее число ихъ возрасло, какъ и въ Новгородѣ, до семи. Въ 1453 г., когда владыка Евѣимій посѣтилъ Псковъ, попы невкупные, т. е. не принадлежавшіе къ существовавшимъ соборамъ, били челомъ намѣстнику вел. князя и посадникамъ, чтобъ быть въ Псковѣ четвертому собору; намѣстникъ и посадники били челомъ владыкѣ, и владыка благословилъ невкупныхъ поповъ держать четвертый соборъ и всенедельную службу у Св. Спаса Всемилостиваго на Торгу (по имени этой церкви четвертый соборъ и назывался) да у св. Христова мученика Димитрія въ Домонтовой стѣнѣ. Въ 1466 г. другіе невкупные попы били челомъ Пскову, чтобы быть въ Псковѣ пятому собору, и псковичи повелѣли быть пятому собору у Похвалы Св. Богородицы (по имени этой церкви пятый соборъ и назывался), да у Покрова Св. Богородицы, да у Св. Духа за Домон-

товою стѣною. Въ 1471 г. еще невкупные попы били челомъ Пскову, чтобы ходатайствовалъ объ открытіи шестаго собора. Посадники затѣмъ били челомъ митр. Филиппу отъ всей псковской земли и представили ему грамоты отъ всѣхъ пяти соборовъ псковскихъ съ просьбою объ учрежденіи въ Псковѣ шестаго собора при церкви Входа во Іерусалимъ, объясняя, что для новаго собора у нихъ набралось уже сто два *служителя церковныхъ* — священниковъ и священноиноковъ (туть, очевидно, разумѣются не монастыри, — не тѣ священноиноки или іеромонахи, которые жили въ монастыряхъ, а тѣ, которые, по тогдашнему обычаю, нерѣдко состояли при приходскихъ церквахъ, завѣдывали приходами, вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, и назывались *черными попами*). И митрополитъ благословилъ открыть этотъ шестой соборъ. Наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. учреженъ былъ въ Псковѣ и седмый соборъ, хотя не извѣстно при какой церкви, какъ можно заключать изъ того, что въ 1544 г., когда Псковъ посѣтилъ владыка Феодосій, сельскіе попы и пригородскіе «откололись отъ всѣхъ *седми соборовъ*», въ составъ которыхъ они входили дотолѣ, и владыка далъ имъ особаго старосту. Въ Москвѣ, по волѣ царя и опредѣленію Стоглаваго собора, учреждено разомъ семь соборовъ, съ расчисленіемъ между ними всѣхъ церквей собственно столицы: первый соборъ всесвятскій въ Черторья, второй — борисоглѣбскій, третій — никитскій на Никитинѣ улицѣ, четвертый — введенскій во Псковичахъ, пятый — покровскій на Площадкѣ, шестой — ивановскій за Болотомъ, седьмой — варваровскій въ Новомъ Городѣ и Старомъ. Каедральная соборная церковь Успѣнія Пр. Богородицы не входила въ число *седми москов-*

скихъ соборовъ и считалась надъ ними большею и вышею (15).

Церкви, какъ и прежде, украшались иконописью, а иногда и стѣнописью. Тѣмъ и другимъ искусствомъ занимались у насъ многіе, особенно изъ лицъ монашесвующаго и бѣлаго духовенства. Нѣкоторые изъ нихъ приобрѣтали въ свое время извѣстность, даже славу. Во дни Іоанна III болѣе всѣхъ славились иконописцы Митрофанъ-инокъ и Діонисій, расписавшіе въ 1466 г. главный храмъ въ монастырѣ преп. Пафнутія боровскаго (16). Черезъ пятнадцать лѣтъ этотъ самый Діонисій, а съ нимъ поць Тимоѳей, Ярецъ и Коня, написали «чудно вельми» три яруса въ иконостасѣ (деисусъ, праздники и пророки) новаго московскаго успенскаго собора, получивъ за труды сто рублей отъ Вассіана, архіепископа ростовскаго. Еще черезъ пять лѣтъ тотъ же Діонисій, вмѣстѣ съ двумя сынами своими Владиміромъ и Феодосіемъ, старцемъ Паисіемъ

(15) Собр. Р. Лѣт. IV, 215. 221. 243. 306; Акт. Истор. I, № 283; Акт. Эксп. I, № 232; Стогл. гл. 6. 35. Снес. нашей Ист. Р. Церкви IV, 236. Въ Псковѣ, вѣроятно, съ того времени, какъ сельскіе и пригородскіе попы откололись отъ городскихъ соборовъ и получили особаго старосту, слѣд. составили особый соборъ, осталось только *шесть* соборовъ: по крайней мѣрѣ, въ 1555 и 1556 г. существовало именно шесть (Древн. Росс. Вивл. XV, стр. 15, изд. 2; Опис. рукоп. Хлудова, стр. 215). Въ одномъ спискѣ лѣтописи упоминается о семи соборахъ въ Москвѣ еще въ 1479 г.; но въ другомъ спискѣ, вмѣсто семи соборовъ, сказано: *семь дней* (VIII, 201). Да и приговоръ Стоглаваго собора объ учрежденіи церковныхъ старостъ въ Москвѣ ясно выражается: «достоитъ убо семь соборовъ *учинити* и *семь* старости устроить» (Акт. Эксп. I, стр. 227). А что въ Псковѣ и псковской области нерѣдко состояли тогда при приходскихъ церквахъ, вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, не только священнопопки, но даже игумены, это видно пѣз граматы самого новгородскаго владыки 1528 года (Евген. Истор. Княж. Псковск. II, 84—85).

(16) Въ Вассіановомъ житіи преп. Пафнутія сказано: «къ симъ же сугубыми труды церкви та съвершеное украшеніе пріемлетъ, еже отъ живописцевъ Митрофана-инока и Діонисія и ихъ пособниковъ, пресловущихъ тогда пачо всѣхъ въ *таковѣмъ дѣлѣ*» (Сборн. нашей библ. № 100).

и двумя племянниками преп. Иосифа волоколамскаго—старцем Досиеемъ и старцем Вассіаномъ (который впослѣдствіи былъ епископомъ коломенскимъ) расписали новый каменный храмъ въ Иосифо-волоколамскомъ монастырѣ (17). При Василии Іоанновичѣ извѣстны были своимъ искусствомъ иконописцы: а) въ Москвѣ—сынъ Діонисія Θεодосій и Θεодоръ Едикеевъ, расписавшіе въ 1508 г. придворный благовѣщенскій соборъ, а также митрополиты Симонъ и Варлаамъ: отъ перваго доселѣ сохранилась икона Божіей Матери владимірской, имъ писанная; а послѣдній въ 1518 г. поновилъ собственными руками двѣ старыя иконы—Спасителя и Богоматери, принесенныя изъ Владиміра; б) въ Новгородѣ и его области—Андрей Лаврентьевъ и Иванъ Дермоярцевъ, дописавшіе въ 1509 г. деисусъ и праздники въ иконостасѣ софійскаго собора; іеромонахъ Антоніева монастыря Анапія, писавшій «дивныя иконы многихъ св. чудотворцевъ» († 1521), и преп. Антоній Сійскій, писавшій также «многія св. иконы»; в) въ Псковѣ—Алексѣй Малый, «мужъ благочестивый житіемъ и богобоязливый», написавшій въ 1521 г. образъ Успенія Богородицы для Псково-печерскаго монастыря (18). При царѣ Грозномъ въ числѣ иконописцевъ встрѣчаются два митрополита: Макарій, неразъ поновлявшій св. иконы, которыя приносимы были для того въ Москву изъ другихъ мѣстъ, и Ава-

(17) Собр. Р. Лѣт. VI, 233; *Сказы* Житіе преп. Иосифа, стр. 23. Въ 1485 г. упоминается еще иконникъ Далматъ (Собр. Р. Лѣт. VI, 237).

(18) Собр. Р. Лѣт. IV, 136; Ник. Лѣт. VI, 214. 215; *Списокъ* Памятн. Моск. древн., о соборѣ успенск. стр. 17; *Росинск.* Истор. русск. школъ иконоп. (нѣ т. VIII Запис. Археол. Общ.), стр. 4. 7. 127. 130. 133. 140. 143. 158. 181; *Макар.* Археол. Опис. Новг. церк. древн. II, 21; *Сахаров.* О русск. иконоп. II, прилож. стр. 14.

насій, писавшій многія иконы; протолерей Андрей, сотрудник Макарія при поновленіи иконъ; преп. Адріанъ, игумень пошехонскій, писавшій многія иконы; псковскіе иконники—Останя, да Яковъ, да Михайла, да Якушка, да Семепъ, Высокій Глаголь, съ товарищами, участвовавшіе въ расписаніи благовѣщенскаго собора въ Москвѣ послѣ пожара 1547 г.; московскіе иконники—Ларіонъ, да Третьякъ, да Федоръ Никитины, родомъ ярославцы, расписавшіе въ 1564 г. спасскій соборъ въ Ярославлѣ; діаконъ Николай Грабленой въ Новгородѣ, написавшій въ 1568 г. образъ живоначальной Троицы для Клопскаго монастыря (19).

Впрочемъ, хотя и не переводились тогда у насъ иконописцы, болѣе или менѣе искусные, но вообще состояніе иконописанія было очень неудовлетворительно. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ выразилъ желаніе, чтобы иконы писались «по божественнымъ правиламъ, по образу и по подобію и по существу», т. е. согласно съ древними образцами и соответствовали самѣмъ своимъ первообразамъ, и чтобы иконописцы жили благочестиво и учили учениковъ своихъ писать иконы «по существу» (Стогл. гл. 5, вопр. 3). Кроме того, въ частности, царь обратилъ вниманіе отцевъ собора на то, во-первыхъ, что на иконахъ, изображающихъ Св. Троицу, иконописцы пишутъ «перекрестіе», одни только у средняго Лица, другіе у всѣхъ трехъ, подписывая надъ среднимъ: *Иисусъ Христосъ, Святая Троица*, чего на древнихъ иконахъ и на греческихъ не видно (гл. 41, вопр. 1), а во-

(19) Собр. Р. Лѣт. III, 161; Ник. Лѣт. VII, 238. 269; *Ровинск. Ист. русск. школ. икон.* 129. 131. 160. 166. 169; *Сахар. О русск. икон.* II, прилож. 14. *Акт. Эксп.* I, стр. 247.

вторых—на то, что на нѣкоторыхъ иконахъ, наприм., на тихвинской иконѣ Богоматери, иконописцы, кромѣ Святыхъ, изображаютъ въ нижнемъ ряду и другихъ людей молящихся, какъ живыхъ еще, царей, святителей, вообще народъ, такъ и умершихъ (гл. 41, вопр. 7). Въ отвѣтъ на эти царскіе вопросы соборъ постановилъ: 1) иконописцамъ писать иконы Господа Бога, Богоматери и всѣхъ Святыхъ по образу, и по подобію, и по существу, съ древнихъ образцовъ, а не отъ своего «самосмышленія» и не по своимъ догадкамъ. 2) Иконописцамъ быть смиренными, кроткими, благоговѣйными, трезвыми, цѣломудренными, вообще благочестивыми, и «съ превеликимъ тщаніемъ» писать св. иконы. 3) Такихъ иконописцевъ царю жаловать, святителямъ беречь и уважать «паче простыхъ человѣкъ», а вельможамъ и простымъ людямъ во всемъ почитать. 4) Такимъ живописцамъ принимать къ себѣ учениковъ, обучать ихъ своему искусству и вмѣстѣ благочестію и не скрывать отъ нихъ своего таланта, а по окончаніи обученія приводить успѣвшихъ учениковъ къ мѣстному святителю, чтобы онъ благословилъ ихъ на дѣло иконописанія; при чемъ мастеръ-иконникъ долженъ дѣлать отзывы о своихъ ученикахъ со всею справеливостію и безпристрастіемъ, и если онъ назоветъ искуснымъ и по всему достойнымъ такого ученика, который начнетъ писать худо и жить безчинно, или изъ зависти похулитъ ученика дѣйствительно искуснаго и достойнаго по жизни, то святитель полагаетъ мастера подъ запрещеніе. 5) Если кто изъ мастеровъ-живописцевъ или ихъ учениковъ начнетъ жить не по правиламъ, въ пьянствѣ, нечистотѣ и всякомъ безчинствѣ, то святители полагаютъ таковыхъ подъ запрещеніемъ и отлучаютъ отъ

иконнаго дѣла. 6) Тѣмъ, которые дотогѣ писали иконы, «неучася и самовольно», и промѣнивали простымъ людямъ, поселянамъ, запретить это, пока не научатся «отъ добрыхъ мастеровъ»; кто научится писать иконы правильно, пусть пишетъ; а кто не научится, пусть навсегда оставить это занятіе; иначе подвергнется царскому гнѣву и суду. 7) Архіереи, каждый въ своемъ предѣлѣ, должны избрать нарочитыхъ мастеровъ-иконописцевъ и черезъ нихъ имѣть постоянное наблюденіе за всѣми иконописцами, чтобы между ними не было худыхъ и безчинныхъ и чтобы они писали съ древнихъ образцовъ (гл. 43). 8) Иконы Пресв. Троицы (на которыхъ нѣкоторые иконописцы писали «перекрестіе» то у одного, то у всѣхъ трехъ Лицъ) писать съ древнихъ образцовъ, какъ писали греческіе живописцы и какъ писалъ Андрей Рублевъ и другіе славные иконописцы, и дѣлать на этихъ иконахъ только одну надпись: *Святая Троица* (гл. 41, вопр. 1). 9) Можно изображать на иконахъ, кромѣ Святыхъ, и другихъ людей, живыхъ и умершихъ, по примѣру древнихъ иконописцевъ, греческихъ и русскихъ, которые, напримѣръ, на иконѣ Воздвиженія честнаго креста и на иконѣ Покрова Пресв. Богородицы, писали и князей и святителей и множество народа, а на иконахъ страшнаго суда изображали даже «различныя лики невѣрныхъ отъ всѣхъ языкъ» (гл. 41, вопр. 7). Вскорѣ послѣ Стоглаваго собора вопросъ объ иконахъ, какъ извѣстно, былъ обсуждаемъ на повомъ соборѣ (1553—1554), по поводу недоумѣній дьяка Висковатова, который, соблазнившись иконами, написанными въ придворномъ благовѣщенскомъ соборѣ послѣ пожара 1547 года новгородскими и псковскими мастерами, въ теченіе трехъ лѣтъ смущалъ народъ тѣмъ, будто ико-

ны эти написаны не по образу и существу, а по мудрованію и умышленію попа Сильвестра. Митрополитъ Макарій разрѣшилъ на соборѣ Висковатову всё его недоумѣнія, а попъ Сильвестръ въ своей челобитной собору объяснилъ, что иконы тѣ писаны всё «отъ древняго преданія, со старыхъ образцовъ», и что онъ не приложилъ ни единой черты отъ своего разума. Тогда же митрополитъ сказалъ царю, что въ Москвѣ уже поставлены четыре старосты-иконника надъ всѣми иконниками, чтобы наблюдать за ними по уложенію Стоглаваго собора (20).

До какой степени дѣло иконописанія считалось важнымъ, можно заключать изъ того, что нѣкоторыя древнія иконы, когда открывалась нужда обновить ихъ, были переносимы изъ дальнихъ мѣстъ въ Москву съ особенною торжественностію, и здѣсь надъ обновленіемъ ихъ иногда трудились сами митрополиты. Въ 1518 г., по повелѣнію вел. князя и митрополита, принесены были въ Москву двѣ обветшавшія иконы изъ Владиміра, икона Спасителя и икона Божіей Матери. Предъ Москвою онѣ встрѣчены были крутицкимъ епископомъ Досіеємъ съ соборомъ духовенства и множествомъ народа, а у срѣтенскаго монастыря—самимъ митрополитомъ Варлаамомъ и безчисленными толпами жителей столицы. Послѣ молебныхъ пѣній и по совершеніи литургіи въ успенскомъ соборѣ, гдѣ иконы первоначально были поставлены, митрополитъ велѣлъ поновлять ихъ въ своихъ палатахъ, и «самъ многожды своимъ руками» касался ихъ и трудился надъ обновленіемъ ихъ; затѣмъ обложилъ ихъ серебромъ и золотомъ.

(20) Подробнѣе—см. нашей Ист. Р. Церквл VI, 262—268; Акт. Эксп. I, № 238. И. Р. Ц. Т. VIII.

Въ слѣдующемъ году, отпуская эти иконы во Владиміръ, митрополитъ съ архіереями и прочимъ духовенствомъ и великій князь съ князьями, боярами и множествомъ народа провожали иконы за городъ и за посады, и на мѣстѣ, до котораго провозжали, поставили церковь во имя срѣтенія Пресв. Богородицы ⁽²¹⁾. Съ такою же торжественностію въ 1531 г., по повелѣнію вел. князя, были принесены въ Москву изъ Ржевы двѣ обветшавшія иконы—препод. Параскевы и св. великомученицы Параскевы, именуемой Пятницею. Князь приказалъ эти иконы обновить, обложить серебромъ и золотомъ и снять съ нихъ вѣрныя копіи; поставилъ во имя ихъ новую прекрасную церковь на Новомъ, близъ Покрова Пресв. Богородицы,—и, по освященіи церкви, оставивъ въ ней копіи, отпустилъ самыя иконы обратно въ Ржеву ⁽²²⁾. Извѣстенъ и третій подобный случай. Въ 1555 г. приходили къ царю священники и лучшіе земскіе люди съ Вятки и били челомъ, чтобы онъ велѣлъ обновить находящійся въ ихъ краѣ чудотворный образъ Николы великорѣцкаго, крайне обветшавшій. Царь приказалъ священникамъ провезти этотъ образъ водянымъ путемъ въ Москву, и здѣсь встрѣтили его—у Николы на Угрѣши братъ царя Юрій Васильевичъ, у Симонова—самъ царь, а у Фроловскихъ воротъ митрополитъ, со множествомъ народа. Надъ обновленіемъ образа потрудились самъ митрополитъ Макарій и протопопъ благовѣщенскій Андрей «со многимъ желаніемъ и вѣрою, постомъ и молитвою». Царь приказалъ соорудить у Покрова Пресв. Богородицы надо рвомъ

⁽²¹⁾ Собр. Р. Лѣт. VI, 261. 262; Ник. Лѣт. VI, 214. 225.

⁽²²⁾ Собр. Р. Лѣт. VIII, 278. 279; Ник. Лѣт. VI, 214.

деревянную церковь во имя св. чудотворца **Никола** вятскаго и въ ней поставить вѣрную копию съ чудотворнаго образа, принесеннаго съ Вятки, самый же образъ, украшенный золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями отпустить обратно ⁽²³⁾.

Особенное уваженіе, какъ и всегда, было оказываемо иконамъ чудотворнымъ и новоявленнымъ. Когда въ 1540 г. принесены были изъ Ржевы въ Москву двѣ чудотворныя иконы: икона Преч. Богородицы-Одигитрии и другая, изображавшая честный крестъ, онѣ встрѣчены были самимъ митрополитомъ **Иоасафомъ** и всѣмъ освященнымъ соборомъ, а также самимъ государемъ съ князьями, боярами и множествомъ народа, и на мѣстѣ срѣтенія вел. князь повелѣлъ поставить церковь во имя Пречистыя. Когда въ 1551 г. воеводы, ставившіе новый городъ **Михайловъ** на рѣкѣ **Прони**, донесли царю, что при расчищеніи мѣста для соборной церкви, они обрѣли образъ архангела **Михаила**, древняго письма; то царь и митрополитъ **Макарій** посылали священниковъ для принесенія этого явленнаго образа въ Москву, совершали предъ нимъ молебныя пѣнія и съ торжествомъ отпустили его на мѣсто, гдѣ онъ явился. Когда псковскій намѣстникъ, князь **Токмановъ** донесъ царю о явленіи двухъ иконъ Божіей Матери — *Умленія* и *Одигитрии* на **Синичьей горѣ** (въ 40 верстахъ отъ **Опочки**) и о совершающихся чудесахъ отъ этихъ иконъ, — царь приказалъ основать (1569 г.) на мѣстѣ явленія ихъ монастырь и каменный храмъ во имя Успенія Богородицы. Съ того времени эта гора начала называться святою, монастырь — святогорскимъ успенскимъ, а новоявленные иконы — чудотворными *святогорскими*. Черезъ де-

(23) Собр. Р. Лѣт. IV, 309; Ник. Лѣт. VII, 237—239. 269.

сять лѣтъ совершилось въ Казани явленіе иконы Божіей Матери, извѣстной подъ именемъ *Казанской*,—и царь Иванъ Васильевичъ приказалъ построить на мѣстѣ явленія ея церковь во имя Пресв. Богородицы и основать женскій монастырь, сдѣлавъ для того значительное пожертвованіе изъ собственной казны и назначивъ отпускать деньги на содержаніе священнослужителей, игуменья и сорока сестеръ ⁽²⁴⁾.

При такомъ уваженіи къ древнимъ и чудотворнымъ иконамъ очень естественно то, что вел. князья московскіе, покоривъ какой-либо городъ своей власти, иногда брали изъ него въ Москву древнія и чудотворныя иконы на время или навсегда. Вел. кн. Василій Ивановичъ, покоривъ Смоленскъ (1514 г.), велѣлъ перенести оттуда въ Москву чудотворную икону Смоленской Божіей Матери; но вскорѣ, по просьбѣ жителей Смоленска, возвратилъ ее имъ, оставивъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ только вѣрный съ нея списокъ. Когда царю Іоанну IV было донесено, что войска его взяли (1558 г.) городъ Нарву, во время случившагося тамъ пожара, и по окончаніи пожара нашли на пожарищѣ четыре, совершенно удѣлвшія, иконы, именно: Божіей Матери, Николая Чудотворца, св. Владислава и св. Космы и Даміана,—царь приказалъ новгородскому архіепископу, чтобы эти иконы съ подобающею честью были перевезены сперва въ Новгородъ и затѣмъ въ Москву ⁽²⁵⁾. Въ 1561 г. тотъ же государь взялъ изъ Новгорода въ

⁽²⁴⁾ Собр. Р. Лѣт. VIII, прим. 295; Ник. Лѣт. VII, 19, 85; *Карамз.* VIII, прим. 246, стр. 41; Истор. княж. Псков. III, 81, 107—109; Сказаніе о явленіи иконы Божіей Матери Казанской, въ рукоп. Сборн. нашей библ. № 7, л. 83—85.

⁽²⁵⁾ *Смесь*. Памятн. Моск. древн., о соб. успен. стр. 14—15; *Сазаров.* О русск. иконоп. II, 34; Собр. Р. Лѣт. III, 159; IV, 310; Ник. Лѣт. VII, 307.

Москву три древнія корсунскія иконы: изъ софійскаго собора—икону Всемиловитаго Спаса, писанную, по преданію, греческимъ императоромъ Мануиломъ, и икону св. апостоловъ Петра и Павла, и изъ Юрьева монастыря—икону Благовѣщенія Пресв. Богородицы; но чрезъ одиннадцать лѣтъ двѣ изъ этихъ иконъ возвратилъ, одну—св. апостоловъ Петра и Павла въ подлинникъ, а другую—Всемиловитаго Спаса только въ копіи, оставивъ подлинникъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ. А въ 1570 г., когда грозный царь совершалъ свои страшныя казни надъ новгородцами за ихъ мнимую измѣну, онъ повелѣлъ забрать въ Москву всѣ вообще древнія и чудотворныя иконы не только изъ софійскаго собора, но и изъ прочихъ церквей и монастырей, городскихъ и пригородныхъ, вмѣстѣ съ другими церковными драгоценностями. Тогда-то, вѣроятно, взяты были изъ софійскаго собора въ московскій успенскій соборъ и двѣ извѣстныя, донинѣ находящіяся въ немъ, запрестольныя иконы—Всемиловитаго Спаса и Божіей Матери, которыя, по преданію, принесены изъ Корсуна еще св. Владиміромъ (26).

Относительно рѣзныхъ иконъ любопытный разсказъ встрѣчаемъ въ одной псковской лѣтописи. Въ 1540 г. какіе-то прохожіе старцы изъ чужой земли привезли въ Псковъ ко двю Успенія Пресв. Богородицы рѣзныя иконы въ небольшихъ хранищахъ, или кіотахъ: двѣ иконы святителя Николая и икону св. Параскевы-Пятницы. Псковичи пришли въ

(26) Собр. Р. Лѣт. III, 160. 172. 257. 259. 262; *Смисир.* Памятн. Моск. древн., пояснит. примѣч. къ опис. успенск. собора—В; *Макар.* Археол. Опис. Новг. церк. древн. II, 98. 100.

недоумѣніе: такъ какъ подобныхъ иконъ на рѣзѣ въ Псковѣ не бывало. Многие стали говорить, что поклоненіе такимъ иконамъ то же, что поклоненіе идоламъ, и въ народѣ произошло великая молва и смятеніе. Обратились къ священникамъ, а священники донесли о народномъ смятеніи царскимъ намѣстникамъ и дьякамъ. Старцы съ иконами были взяты и самыя иконы отправлены въ Новгородъ къ архіепископу Макарію. Макарій приложился къ этимъ св. иконамъ, пѣлъ предъ ними соборнѣ молебень, воздалъ имъ честь и велѣлъ псковичамъ, отпуская иконы обратно, встрѣтить ихъ такъ же соборнѣ и съ честію и вымѣнять у старцевъ. Псковичи, дѣйствительно, встрѣтили иконы честно, всѣмъ городомъ, пѣли предъ ними молебень и, вымѣнявъ, поставили одну икону святителя Николая—у Николы на Гребли, другую у Николы въ Пескахъ, а икону св. Параскевы - Пятницы—у св. Пятницы на Бродѣхъ (27). Разсказъ этотъ свидѣтельствуеетъ, что рѣзныя иконы у насъ не были въ употребленіи, согласно съ уставомъ церкви. А если владыка Макарій дозволилъ чествованіе трехъ рѣзныхъ иконъ, принесенныхъ въ Псковъ изъ чужой земли, то дозволилъ, можетъ быть, только въ видѣ исключенія, желая тѣмъ успокоить волненіе псковичей и вразумить ихъ, что иконы христіанскихъ Святыхъ, даже рѣзныя, не суть въ строгомъ смыслѣ идола и поклоненіе такимъ иконамъ—отнюдь не идолопоклонство. Вѣроятно же Макарій поступилъ такъ потому, что употребленіе рѣзныхъ иконъ, неизвѣстное въ Псковѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, было допу-

(27) Собр. Р. Лѣт. IV, 203—204.

скаемо въ Новгородѣ. Антоній Поссевиъ собственными глазами видѣлъ въ одномъ монастырѣ неподалеку отъ Новгорода скульптурное изображеніе св. Николая Чудотворца, находившееся въ величайшемъ уваженіи, и доселѣ еще па лѣвомъ берегу Волхова, у самаго волховскаго моста въ Новгородѣ, стоитъ такъ-называемый *Чудный крестъ* въ каменной часовнѣ (вышиною 3 арш. и 6 верш.), поставленный, какъ гласить вырѣзанная внизу его надпись, въ 1547 году, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и новгородскомъ архіепископѣ Феодосіи. Крестъ этотъ, особенно чтимый въ народѣ, и самъ рѣзный, и имѣеть рѣзныя изображенія—распятаго Спасителя и по правую сторону Его—Богоматери и Маріи Магдалины, а по лѣвую — Іоанна Богослова и Логгина Сотника. Подобный же деревянный крестъ (вышиною 2 арш. и 8 верш.), вырѣзанный, по свидѣтельству находящейся на немъ надписи, еще въ 1532 г. при вел. кн. Василии Ивановичѣ и митрополитѣ Данилѣ, можно видѣть въ новгородской Спасо-преображенской церкви, на торговой сторонѣ: на крестѣ вырѣзаны распятіе и 16-ть господскихъ и богородичныхъ праздниковъ въ кружкахъ (²⁸).

Въ церквахъ нашихъ, какъ и въ предшествовавшіе періоды, равно употреблялись и читлись кресты всѣхъ видовъ: и четвероконечные, и шестиконечные, и осмьмиконечные (²⁹). Но на Стоглавомъ соборѣ возбужденъ былъ вопросъ, какого вида кресты ставить на церквахъ. Царь Иванъ Васильевичъ, обно-

(²⁸) Anton. Possevin. De rebus Moscovit., apud Starzew. II, 290. 323; *Макар.* Археол. Опис. новг. церк. древн. II, 125—133.

(²⁹) *Макар.* Тамъ же II, 172—191. Снес. нашей Ист. Р. Церкв. I, 81; II, 225; III, 97; IV, 248.

вивъ, послѣ пожара 1547 г., успенскую соборную церковь и позолотивъ верхъ ея, водрузилъ на ней «воздвизальный крестъ, имже благословляютъ», т. е. крестъ, по виду, сходный съ тѣмъ, какимъ въ церквахъ тогда осѣняли народъ и благословляли. Этотъ крестъ, вѣрно былъ отличенъ отъ тѣхъ, какіе прежде ставились на церквахъ и какой прежде былъ на соборной церкви Успенія Пресв. Богородицы. Потому-то царь, указывая на этотъ новопоставленный крестъ, и предложилъ отцамъ собора разсудить и уложить, какого вида кресты впредь должно ставить на церквахъ. Отцы собора опредѣлили, что кресты, искони водруженные на церквахъ и на нихъ пребывающіе, должны оставаться неприкосновенными; но и крестъ воздвизальный, поставленный царемъ на соборной церкви, достойно поставленъ во славу Божию, и «таковыя св. кресты на церквахъ и впредь да поставляются». По достовѣрному свидѣтельству, новый крестъ, поставленный царемъ на соборной церкви, былъ осмиконечный, а прежде кресты на церквахъ были четвероконечные⁽³⁰⁾. Слѣд. Стоглавый соборъ, своимъ рѣшеніемъ вопроса, безразлично и съ одинакимъ уваженіемъ отнесся къ крестамъ того и другаго рода, хотя и заповѣдалъ впредь ставить на церквахъ кресты по образцу поставленнаго царемъ на соборной успенской церкви. Излагая свой отвѣтъ, отцы обратили вниманіе и на то обстоятельство, что на многихъ крестахъ, стоявшихъ дотолѣ на церквахъ, были придѣланы кузнецами, по всѣмъ концамъ,

(30) Такъ утверждалъ предъ раскольниками (ок. 1682 г.) патриархъ Іоакимъ, указывая на старыя московскія церкви. Увѣтъ Духовн. л. 93 об.—94, Москв. 1758.

другіе, меньшіе кресты, по два и по три вмѣстѣ, которые отъ бури и сильнаго вѣтра часто ломались, а потому опредѣлили, чтобы впредь кузнецы устроили кресты на церквахъ по древнимъ образцамъ, а не отъ своего замышленія, и по концамъ этихъ крестовъ придѣлывали, для крѣпости, только по одному небольшому кресту и, какъ можно, тверже (гл. 41, вопр. 8).

О колоколахъ, особенно во второй половинѣ XV в., сохранилось весьма мало извѣстій. Въ 1450 г. привезли въ Москву великій колоколъ изъ Городка съ Низу. Въ 1460 г. псковичи, во время набѣга своего въ Нѣмецкую землю, разорили тамъ какую-то божницу и сняли съ нея четыре колокола, которые и привезли въ Псковъ. Въ 1478 г. вел. князь Изанъ Васильевичъ, уничтожая вольность Новгорода, взялъ оттуда въ Москву вѣчевой колоколъ и велѣлъ повѣсить на колокольнѣ успенскаго собора для церковнаго звона вмѣстѣ съ другими колоколами. Въ 1481 г., когда войска московскія, вмѣстѣ съ новгородцами и псковичами, овладѣли городомъ Веліядомъ (Феллиномъ), псковичи привезли вел. князю «нѣмецкаго полону восемь колоколовъ веліядскихъ». Знаменитый Аристотель, соорудившій московскій успенскій соборъ, былъ также искусенъ и въ литьи колоколовъ; но о вылитыхъ имъ колоколахъ не упоминаютъ лѣтописи ⁽²¹⁾. Въ самомъ почти началѣ XVI столѣтія вылить въ Москвѣ колоколъ въ 350 пудовъ: мастеромъ былъ иностранецъ Петръ Фрязинъ. Въ 1510 г. вел. князь Василій Ивановичъ велѣлъ перевезти

(21) Собр. Р. Лѣт. V, 270; IV, 219; VIII, 181. 199; Ник. Лѣт. VI. 116.

изъ Пскова въ Москву вѣчевой колоколь, а съ нимъ и другой; но, взаменъ ихъ, чрезъ восемь лѣтъ прислалъ изъ Москвы въ Псковъ два другихъ колокола для троицкаго собора. Въ 1532—1533 г. слиты въ Москвѣ два большихъ колокола, одинъ въ 500 п. Николаемъ Фрязинымъ, а другой благовѣстникъ— въ 1000 п. Николаемъ Нѣмчиномъ, хотя оба эти Николая, вѣроятно, одно лицо ⁽³²⁾. Тогда же лились колокола и въ Новгородѣ. Въ 1530 г., въ ту самую ночь и даже въ тотъ самый часъ, когда родился царь Иванъ Васильевичъ IV, отлить для софійскаго собора, повелѣниемъ архіепископа Макарія, колоколь въ 250 п., удивлявшій своимъ звукомъ всѣхъ, такъ какъ подобной величины колокола ни въ Новгородѣ, ни во всей новгородской области дотолѣ не бывало. Затѣмъ, въ 1531—1542 г., благословеніемъ архіепископа Макарія, вылиты еще нѣсколько колоколовъ для монастырей Хутынскаго и другихъ: четыре изъ этихъ колоколовъ сохранились донынѣ, и на одномъ изъ нихъ, въ 120 п., показанъ мастеръ Андреевъ, сынъ Михайловъ псковитинъ, а на двухъ—мастеръ Иванъ. Еще пять колоколовъ новгородскаго литья, уцѣлѣвшихъ доселѣ, относятся уже ко второй половинѣ XVI в., когда вылитъ былъ архіепискомъ Пименомъ для софійскаго собора и самый большой новгородскій колоколь, благовѣстникъ, въ 500 пудовъ. Недолго, однакожъ, пришлось новгородцамъ услаждаться звукомъ этого благовѣстника: въ 1547 г., по приказанію грознаго царя, онъ былъ перевезенъ въ слободу Александровскую, а взаменъ его,

⁽³²⁾ Карамз. VI, примѣч., стр. 104; VII, примѣч., стр. 63. 64; Собр. Р. Лѣт. IV, 286. 288. 291. 292; VIII, 284; Ник. Лѣт. VI. 258.

черезъ два года, вылить въ слободѣ для Новгорода другой колоколь мастеромъ Иваномъ Аванасьевымъ. Въ томъ же 1570 г., по волѣ царя, совершавшаго свои страшныя казни надъ новгородцами, взяты были въ Москву изъ повгородскихъ церквей и монастырей и многіе другіе колокола (³³).

II.

Число праздниковъ въ русской церкви чрезвычайно увеличилось въ продолженіе настоящаго періода: ихъ учреждено теперь, въ полтораста лѣтъ, болѣе пятидесяти, тогда какъ во всѣхъ предшествовавшихъ четыре съ половиною вѣка, отъ самаго основанія русской церкви, мы едва можемъ насчитать десять русскихъ Святыхъ, въ честь которыхъ установлены были празднованія, не мѣстныхъ, а по всей Россіи. И это преимущественно объясняется обстоятельствами. Прежде церковь наша находилась въ зависимости отъ царградскаго патріарха; почти всѣ ея митрополиты были греки; въ Греціи она видѣла главную представительницу православія, и во всемъ старалась ей слѣдовать, а на себя смотрѣла весьма скромно и лишь изрѣдка позволяла себѣ нѣкоторую степень самостоятельной дѣятельности, ка-

(³³) Собр. Р. Лѣт. III, 148. 168. 248. 254. 257. 259; VI, 296; *Макар-Археол.* Опис. новгор. церк. древн. II, 279—283. Въ Памятникахъ Моск. древностей—*Смирнова* на Ивановской колокольнѣ показанъ колоколь—Медвѣдь, въ 450 л., вылитый, какъ значится на немъ, въ Новгородѣ мастеромъ Иваномъ Аванасьевымъ въ 7009 (1501) году (—стр. 114). Но въ означеніи года на этомъ колоколѣ—ошибка, происшедшая, вѣроятно, при переданіи его въ 1775 году: ибо мастеръ Иванъ Аванасьевъ лилъ колокола не въ началѣ, а уже въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія (Собр. Р. Лѣт. III, 168), и въ Новгородѣ до 1530 г. не было колокола даже въ 250 л. (тамъ же 148). Не вылитъ ли Медвѣдь изъ того Пименовскаго колокола, въ 500 л., который въ 1570 г. ваять былъ царемъ изъ Новгорода въ Александровскую слободу?

кая требуется при учрежденіи новыхъ праздниковъ. Теперь, послѣ Флорентійской уніи, когда въ Россіи пронеслась вѣсть объ измѣнѣ православію даже на каедрѣ цареградскихъ патріарховъ и на престолѣ греческихъ императоровъ, и послѣ паденія Константинополя, когда вся Греція подпала владычеству невѣрныхъ, и православная вѣра въ ней подверглась крайнимъ притѣсненіямъ, русскіе, прежде всего, увидѣли необходимость имѣть у себя первосвятителя не изъ Царьграда, и дѣйствительно стали избирать себѣ митрополита изъ среды собственнаго духовенства, который, оставаясь зависимымъ отъ патріарха только номинально, дѣйствовалъ совершенно самостоятельно въ управленіи отечественною церковію. А затѣмъ начали болѣе и болѣе проникаться мыслию, что Россія есть единственное во всемъ мірѣ государство, гдѣ православная вѣра сохраняется во всей чистотѣ и пользуется совершенною свободою исповѣданія и покровительствомъ православнаго государя; начали высоко цѣнить отечественную церковь, какъ главную представительницу православія, и естественно обратились къ прославленію отечественныхъ Святыхъ и установленію, въ честь ихъ, праздниковъ. Прежде Россія раздѣлена была на нѣсколько княжествъ, и это раздѣленіе, несмотря на то, что вся церковь русская находилась подъ властію одного митрополита, немало отражалось и на дѣлахъ церковныхъ: почти каждая страна, Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Ростовъ, кромѣ немногихъ отечественныхъ Святыхъ, чтившихся по всей Россіи, имѣла и чтила еще своихъ особенныхъ, мѣстныхъ Святыхъ, и Святые, чтившіеся, напримѣръ, въ Новгородѣ или Псковѣ, вовсе не чтились и были даже неизвѣстными въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Теперь, съ паденіемъ удѣльныхъ княжествъ и со-

единеніемъ ихъ подѣ властію одного князя московскаго, естественно должны были сглаживаться и эти церковныя особенности, и въ Москвѣ, на примѣръ, начали чтить тѣхъ, кого чтили прежде только въ Новгородѣ, а въ Новгородѣ тѣхъ, кого чтили въ Москвѣ: въ честь многихъ Святыхъ отечественныхъ, которымъ существовали только мѣстныя празднества, установлены теперь праздники общіе для всей русской церкви. Наконецъ, руководясь мыслию, что русская церковь сдѣлалась главною представительницею и блюстительницею православія, и во имя сочувствія къ православнымъ и другихъ странъ и единенія съ ними по вѣрѣ, наши іерархи не отказывались учреждать празднества и въ честь нѣкоторыхъ Святыхъ сербскихъ и литовскихъ.

Въ одномъ изъ житій, написанныхъ во дни митрополита Макарія, сохранилось сказаніе, въ честь какихъ Святыхъ русскихъ церковь праздновала еще до Макарія и въ честь какихъ установила праздновать при Макаріи. О послѣднихъ праздникахъ авторъ сказанія могъ, безъ сомнѣнія, знать съ точностію, какъ современникъ, и слова его отчасти подтверждаются, какъ увидимъ, даже официальнымъ документомъ; а о праздникахъ, существовавшихъ въ церкви отъ прежняго времени, могъ знать изъ современной практики церковной, и слова его также подтверждаются, хотя и отрывочными, свидѣтельствами вѣковъ предшествовавшихъ⁽³⁴⁾. Въ этомъ сказаніи пере-

(34) *Ключевск. Древне-русск. Житія*, 225. 241. Тамъ же, въ видѣ приложенія напечатано цѣликомъ и самое это сказаніе (стр. 460—463). Авторъ сказанія сначала говоритъ о соборахъ 1547—1549 г., которые онъ признаетъ, по ихъ внутренней связи, за одинъ соборъ, и пользуется при этомъ словами Стоглава (гл. 8, стр. 41, изд. Казан.); слѣд. писалъ уже послѣ 1551 года. А въ концѣ сказанія, послѣ перечня Святыхъ, выражается: „и сихъ всѣхъ святія памяти

числяются слѣдующіе русскіе чудотворцы, въ честь которыхъ церковь праздновала еще до митрополита Макарія: равноапостольная княгиня Ольга и князья—Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ черниговскій съ бояриномъ Ѳеодоромъ и Ѳеодоръ ярославскій съ чадами Давидомъ и Константиномъ; святители—Петръ и Алексій московскіе, Леоптій, Исаія и Игнатій ростовскіе; преподобные—Антоній и Ѳеодосій печерскіе, Никита переяславскій, Варлаамъ новгородскій, Сергій радонежскій, Кириллъ бѣлозерскій, Дмитрій прилудскій и Авраамій ростовскій. Всѣ перечисленные угодники Божіи могутъ быть раздѣлены на три класса.

Одни изъ нихъ, несомнѣнно были чествуемы русскою церковію не только до Макарія или до половины XVI вѣка, но еще до начала настоящаго періода, именно—Ольга, Владимиръ, Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ черниговскій съ бояриномъ Ѳеодоромъ, святитель Петръ, преп. Антоній и Ѳеодосій печерскіе и Сергій радонежскій: объ нихъ, слѣдовательно, здѣсь не должно быть и рѣчи (23). Но нельзя не упомянуть, что въ

празднуемъ и ликуемъ по настоящаго мѣсяца, дне и числу, коегождо представленіи и обрѣтеніи честныхъ мощей ихъ . . . »; т. е. говорятъ, какъ непосредственный свидѣтель. Въ перечнѣ Святыхъ могли быть допущены переписчиками пропуски именъ и другія погрѣшности, какъ и оказалось при слѣченіи двухъ, доселѣ извѣстныхъ, списковъ (*Ключев.* тамъ же 460).

(23) Объ установленіи праздниковъ повсемѣстныхъ въ честь св. Ольги, Владимира, Бориса и Глѣба, преп. Ѳеодосія, святителя Петра и преп. Сергія мы скавали въ свое время (I, 85—97; II, 234; IV, 251. 254). О черниговскихъ мученикахъ также скавали, что хотя вначалѣ имъ праздновали, вѣроятно, только мѣстно, но въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV в. они чтились уже со Святими и въ Новгородѣ и въ Москвѣ (IV, 258—260). А о преп. Антоніи печерскомъ, которому также вначалѣ праздновали, вѣроятно, лишь мѣстно, можемъ сказать, что въ первой четверти XV в. его признавалъ въ числѣ Святыхъ, наравнѣ съ преп. Ѳеодосіемъ печерскимъ, самъ первосвятитель русской церкви—Фотій, называя ихъ, въ своемъ посланіи въ Кіево-печерскій монастырь, божествен-

честь трехъ изъ нихъ, святителя Петра и князя Михаила черниговскаго съ его бояриномъ Феодоромъ, въ настоящій періодъ установлены еще новые праздники. Въ 1472 г. совершилось въ Москвѣ перенесеніе мощей святителя Петра въ новую соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы, сооружавшуюся по печеніемъ митрополита Филиппа, и вскорѣ затѣмъ обрушившуюся. Перенесеніе было весьма торжественное, и тогда же повелѣлъ князь великій по всей землѣ праздновати перенесеніе мощемъ чудотворца мѣсяца іюля въ 1-й день⁽³⁶⁾. А въ 1479 г., когда оконченъ былъ и освященъ новый успенскій соборъ, воздвигнутый Іоанномъ III, послѣдовало 24-го августа второе и еще болѣе торжественное перенесеніе тѣхъ же мощей въ этотъ соборъ изъ церкви св. Іоанна Лѣствичника, гдѣ онѣ временно стояли, и въ настоящій разъ установлено праздновать навсегда перенесеніе мощей чудотворца въ 24 день августа, прежній же праздникъ 1-го іюля отмѣнить⁽³⁷⁾. Въ 1578 г., по молитвенному желанію царя, митрополита Антонія и всего освященнаго собора, перенесе-

ными отцами, великими, предстоящими во славу Владыкъ—Христу (Дополн. къ Акт. Истор. I, № 180), и что житіе преп. Антонія Печерскаго встрѣчается еще въ началѣ XV в., именно въ Прологѣ 1406 г. московскаго успенскаго собора (Смирн. Памят. Моск. древн., Успенск. соб., стр. 43). Въ томъ же XV в. преп. Антоній былъ прославленъ и въ церковныхъ поученіяхъ на ряду съ древними греческими Святими (Опис. Рум. Музеум. 611). Въ мнѣиіи служебн., за іюль, Тр.-Сергіев. лавры, XV в., № 577, въ заглавіи, подъ 10-мъ числомъ мѣсяца, замѣчено: „въ той же день преставленіе преп. отца нашего Антонія Печерскаго; служба его вся писана въ мнѣиіи мѣс. Мая въ 7 день“.

(36) Собр. Р. Лѣт. VI, 195. 196. Весьма любопытны высказанныя здѣсь лѣтописцемъ замѣчанія о мощахъ, особенно по тому времени.

(37) Собр. Р. Лѣт. VIII, 201—203. Замѣчательно, что, при перенесеніи, въ это же время, мощей другихъ митрополитовъ—Евдокима, Кипріяна, Фотія, Іоны и Филиппа, по нимъ пѣли еще панихиды, а молебновъ имъ не пѣли.

ны мощи св. мучениковъ черниговскихъ, князя Михаила и боярина его Феодора, изъ Чернигова въ Москву, и въ память этого событія установленъ праздникъ 14-го февраля и сооружена въ Москвѣ, подъ боромъ за рѣкою, церковь срѣтенія мощей вел. князя черниговскаго Михаила (38).

Другіе изъ перечисленныхъ выше русскихъ Святыхъ, хотя чествовались и до настоящаго періода, но чествовались лишь мѣстно, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каждый подвизался и поконился по смерти, а когда началось чествованіе ихъ всею русскою церковію, до настоящаго ли періода или уже въ настоящій, только прежде половины XVI в., объ этомъ возможны однѣ догадки. Такъ, въ честь св. *Леонтія ростовскаго* установленъ былъ, по случаю открытія мощей его, мѣстный праздникъ еще въ 1190 г. ростовскимъ епископомъ Іоанномъ, который написалъ новоявленному чудотворцу и службу (39). Но съ XIV вѣка, когда въ Москву переселился русскій митрополитъ и Ростовъ сдѣлался собственностію великаго князя московскаго, чествованіе Леонтія, вѣроятно, перешло изъ Ростова и въ Москву, а оттуда распространилось мало-по-малу и по другимъ предѣламъ: по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XIV вѣка и затѣмъ въ первой XV-го имя Леонтія встрѣчается уже между именами Святыхъ по церковнымъ книгамъ, изъ которыхъ одна несомнѣнно принадлежала

(38) *Снегурев.* Памяти. Москов. древн. XXXIII и 67. Сохранилось самое поеланіе царя и собора, писанное ими по этому случаю къ черниговскимъ чудотворцамъ: оно напечатано въ означенной книгѣ, въ пояснител. примѣчаніяхъ къ опис. архангел. собора, стр. 4—5. О праздникѣ этомъ въ Москвѣ упоминается въ 1585 г. и въ нач. XVII в. (Доп. А. И. I, № 131, стр. 199; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, 1, 360).

(39) Нашей Ист. Р. Церкви, III, 103.

новгородскому владыкѣ (40). Во второй же половинѣ XV-го вѣка Леонтій упоминается въ числѣ великихъ святителей русскихъ и чудотворцевъ самими митрополитами нашими Іоною и Филиппомъ и цѣлымъ соборомъ русскихъ архипастырей, и въ 1493 г., по свидѣтельству мѣстной лѣтописи, канонъ св. Леонтію пѣли въ Новгородѣ (41). *Св. Исаію ростовскаго*, мощи котораго открыты вмѣстѣ съ мощами св. Леонтія, хотя, по всей вѣроятности, начали мѣстно чтить съ того же времени, но объ учрежденіи Исаіи тогда церковнаго праздника не сохранилось никакихъ извѣстій, и имя Исаіи не встрѣчаемъ между именами Святыхъ въ книгахъ церковныхъ не только XIV-го, но и первой половины XV-го столѣтій. Да и самъ биографъ святителя свидѣтельствуетъ, что хотя «всѣ почитали образъ его и покланялись ему», но гробъ его, стоявшій въ притворѣ соборной церкви, много лѣтъ оставался «въ великомъ небреженіи», что «никогда и свѣчи не горѣло у гроба святаго, и священникъ не приходилъ ко гробу съ кадломъ», пока въ 1474 г. мѣстный архіепископъ не совершилъ перенесенія св. мощей угодника Божія, съ великою торжественностію, изъ прежняго въ новый гробъ, поставленный въ

(40) Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, I, 271. 298. 419. 584. Сказаніе объ обрѣтеніи мощей Св. Леонтія встрѣчается въ Сборникѣ Тр.-Сергіев. лавры, исх. XIV в., № 745, л. 94. Это обрѣтеніе помѣщено, въ мѣсяцесловѣ подъ 23 мая, въ Уставѣ церкви той же лавры, первой полов. XV в., № 239.

(41) Акт. Ист. I, № 43, стр. 87; № 51, стр. 99; № 282, стр. 519; № 90, стр. 138; Собр. Р. Лѣт. III, 146. Св. Леонтій упоминается подъ 23 числ. мая, по мѣсяцесловамъ, въ Рукопис. Тр.-Серг. лавры, XV в., №№ 314. 761. Службы ему подъ 23 мая—въ Рукопис. той же лавры, XV в., №№ 313. 558. 617. 762. Въ первой рукописи, именно въ Слѣдов. Псалтыри за № 313, надъ канономъ св. Леонтію замѣчено «твореніе Іоанна епископа» (л. 407 об.). Житіе Леонтія—въ Рукоп. той же лавры XV в., № 712, л. 458.

той же церкви (42). Съ этого-то времени и могло начаться церковное празднованіе святителю Исаи не только въ Ростовѣ, но и въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, и св. Исаія упоминается между Святými, напримѣръ, въ Сборникѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, 1476—1482 г., гдѣ помѣщены ему тропарь и порядокъ всей службы; въ Сборникѣ, писанномъ въ Ростовѣ въ 1487 г. при архіепископѣ Іоасафѣ, и именно въ мѣсяцесловѣ подъ 15 ч. мая; въ служебникѣ нач. XVI в., употреблявшемся въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ и потомъ въ Новгородѣ, а вся служба св. Исаи помѣщена подъ 15 ч. мая въ Трефологахъ XV и нач. XVI в. того же Троицко-Сергіева монастыря (43). Мѣстное чествованіе св. *Игнатія ростовскаго*, начавшееся еще съ самой его кончины (28 мая 1288 г.), когда мощи его, вслѣдствіе множества совершавшихся отъ нихъ чудесъ, даже не были преданы землѣ, а открыто поставлены въ церкви, вѣроятно, съ XIV в. перешло въ Москву и другія мѣста, одновременно съ чествованіемъ св. Леонтія ростовскаго: св. Игнатій уже числится со Святými въ церковныхъ книгахъ XIV, XV и первой половины

(42) Прежде мы сказали объ установленіи мѣстнаго праздника въ честь св. Исаи только гадательно (III, 103) и, вслѣдъ за издателями житія его въ Православномъ Собесѣдникѣ (1858, I, 432—439), ошибочно отнесли перенесеніе мощей святителя къ 6782 (1274) году, а самое житіе къ концу XIII в. (V, 146—148), между тѣмъ какъ, по всѣмъ спискамъ этого житія, годъ перенесенія мощей значитъ 6982 (1474) (*Ключев. Древне-русс. жит.* 24).

(43) Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, I, 50; Сборн. Кирил.-бѣлов. монастыря, пылѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1083, л. 194 об. (а что этотъ Сборникъ писанъ именно въ 1476—1482 г.,—видно изъ замѣтокъ писца на л. 78 об. и 212); Сборн. Тр.-Сергіев. лавры, пис. въ 1487 г., № 761; Трефолог. той же лавры, XV в., № 617; нач. XVI в., № 618. Въ 1552 г. св. Исаія упоминается въ числѣ великихъ русскихъ чудотворцевъ самимъ митр. Макаріемъ (Собр. Р. Лѣт. VI, 309).

XVI столѣтій; сказаніе о немъ или похвала ему сохранилась въ рукописи исх. XIV в., житіе его—въ рукописи 1497 г., служба ему—въ рукописи нач. XVI в.; а въ лѣтописи конца XV в. онъ называется «великимъ чудотворцемъ» (44). Имя *преп. Авраамія ростовскаго*, котораго мѣстно чтить начали, естественно, еще съ открытія мощей его, совершившагося при вел. кн. Всеволодѣ Георгіевичѣ (1176—1212), не встрѣчается по церковнымъ книгамъ между именами Святыхъ ни въ XIII, ни въ XIV вѣкѣ. А службу преподобному находимъ въ Трефологахъ XV и нач. XVI в., принадлежащихъ Троицко-Сергіевой лаврѣ,—откуда можемъ заключать, что, по крайней мѣрѣ, не позже XV в. чествованіе Авраамія проникло и въ предѣлы московской, т. е. митрополичьей, епархіи, служившей примѣромъ и для другихъ. Не раньше XV столѣтія составлено и житіе Авраамія (45). Равнымъ образомъ ни въ XIII, ни въ XIV в. не встрѣчаемъ по церковнымъ книгамъ между именами Святыхъ имени *преп. Никиты переяславскаго*, прославившагося чудесами еще при жизни и мѣстно чтившагося, вѣроятно, со времени смерти его († 1193). Но съ XV столѣтія уже встрѣчаемъ списки житія этого преподобнаго, слѣды празднованія ему, церковной службы и похвальнаго слова (46).

(44) Нашей Истор. Р. Ц. IV, 258. 260; Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, I, 279. 317. 429; Опис. рукоп. Румянц. Муз. 457; Собр. Р. Лѣт. V, 201. Сказаніе (начин. словами: «прославимъ убо, братъе, всемплоствиаго Бога . . .») — въ Сборн., исх. XIV в., Тр.-Серг. лавр., № 745, л. 208. Житіе—въ Рукоп. той же лавры, 1497 г. № 712 л. 487. Служба—въ Трефол. той же лавр., нач. XVI в., № 618, подъ 28 числ. мая.

(45) Нашей Истор. Р. Ц. III, 101. Служба преподобному подъ 29 ч. окт.—въ Трефолог. Тр.-Серг. лавры, XV в., № 617; нач. XVI в., № 618. О житіи его—*Ключев.* стр. 35.

(46) Нашей Истор. Р. Ц. III, 56—58. Списки житія: XV в.—въ Сборн. Тр.-Серг. лавры, 1487 г., № 761, л. 232; въ Синод. Сбор. № 637, л. 120; нач.

Какимъ образомъ чествованіе каждаго изъ этихъ угодниковъ Божіихъ, сперва мѣстное, дѣлалось потомъ общимъ въ русской церкви,—распространялось ли оно постепенно и незамѣтно изъ одной мѣстности въ другую, безъ всякаго распоряженія высшей церковной власти, или вводимо было разомъ постановленіемъ какого-либо собора или митрополита,—извѣстій не сохранилось.

Къ третьему, наконецъ, классу относятся тѣ изъ перечисленныхъ выше русскихъ Святыхъ, которыхъ церковь начала повсемѣстно чтить, несомнѣнно, только въ настоящій періодъ до митрополита Макарія. Мощи *святителя московскаго Алексія* († 1378), по свидѣтельству современника, открыты въ шестидесятое лѣто послѣ его кончины, слѣд. въ 1438 году; но, по обстоятельствамъ времени (то было время митрополита Исидора, измѣнника православію, и флорентійской униі), въ честь новоявленнаго угодника Божія тогда не было учреждено никакого праздника. И не прежде, какъ въ 1448 году, которымъ начался настоящій періодъ, и на томъ самомъ соборѣ, который возвелъ на митрополию святителя Іону, постановлено было праздновать св. Алексію—въ день его кончины, 12-го февр., и въ день открытія мощей его, 20-го мая⁽⁴⁷⁾. Слѣды чествованія *преп. Варлаама хутынскаго*

XVI в.—въ Синод. Сбор. № 639, л. 21, и Сборн. бывшей библ. Царскаго № 368, л. 317 (Опис. стр. 378). Въ Сборникѣ Кирилло-Бѣлов. библ., нумѣ С. п. б. дух. акад., 1476—1482 г., № 1083, л. 195, написано: «Мѣсяца мая 24 святаго Никиты переяславскаго. Есть ему и стихиры, канонъ гласъ 4, тропарь же общій». И затѣмъ помѣщены сѣдаленъ и кондакъ преподобному. Полныя службы ему—въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. XV в., № 617; нач. XVI в., № 618, подъ 24 ч. мал. Похвал. слово преподобному, вмѣстѣ съ житіемъ его,—въ Рукоп. Тр.-Серг. лавры, 1497 г., № 712, л. 489. 500.

(47) Въ житіи св. Алексія, по одной изъ редакцій, сказано, что службу на

(† 1193) въ Новгородѣ и вообще въ новгородской епархіи находимъ еще къ концу XIII и въ началѣ XIV вѣка, а не позже половины XV-го уваженіе къ памяти преподобнаго проникло и въ Москву. Но церковное празднованіе въ честь его (6-го ноября) началось въ Москвѣ и затѣмъ по всей Россіи только съ 1461 г., послѣ того какъ Новгородъ посѣтилъ вел. князь Василій Васильевичъ и надъ однимъ изъ отроковъ его совершилось великое чудо у мощей преп. Варлаама; тогда же самъ вел. князь соорудилъ въ Москвѣ и первую придѣльную церковь во имя преп. Варлаама. А въ 1471 и 1480 годахъ преп. Варлаамъ числится въ ряду чудотворцевъ русскихъ въ посланіяхъ самого митрополита и собора русскихъ іерарховъ. Канонъ преподобному извѣстенъ по рукописи 1462—1490 г. ⁽⁴⁸⁾. Въ 1463 г. совершилось открытіе мощей князя

обрѣтеніе мощей его составилъ епископъ пермскій Питиримъ, «времени уже не малу мимошедшу» послѣ этого событія, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву и проживалъ въ Чудовомъ монастырѣ, и что потомъ службу эту Питиримъ представилъ митрополиту Іонѣ, который, по разсмотрѣніи ея съ соборомъ епископовъ, установилъ въ честь св. Алексія два означенные праздника (*Ключев.* 134). А Питиримъ пріѣзжалъ въ Москву именно въ 1448 г. для участія въ соборѣ (Собр. Р. Лѣт. VIII, 122). Кромѣ того, въ одной Псалтыри съ возслѣдованіемъ, XVI в., о празникѣ 12-го февр. въ честь святителя Алексія замѣчено: «сѣставижеса по благословенію господина преосвященнаго архіепископа святѣйшаго и всея Руси Іоны и прорасужденіемъ еже о немъ честнаго собора святительска, волею же христолюбиваго и вседержавнаго государя и великаго князя Василія Василіевича всея Руси и при благороднѣмъ и благочестивомъ сыну его великомъ князи Іоаннѣ Василіевичѣ всея Руси» (Опис. рукоп. моск. Синод. Библ. III, 1, 442—443). Поэтому мы должны исправить сказанное нами прежде, будто бы тотчасъ по обрѣтеніи мощей св. Алексія (въ 1438 г.) и празникъ ему установленъ и написана ему служба Питиримомъ (IV, 235). Но, съ другой стороны, не можемъ не замѣтить, что помѣщенное Питиримомъ въ самой службѣ свидѣтельство объ обрѣтеніи мощей св. Алексія именно въ *шестидесятое лѣто* послѣ его смерти получаетъ теперь новую силу, если служба эта была разсмотрѣна митрополитомъ Іоною съ соборомъ епископовъ, которые, какъ современники, не могли не знать съ точностью этого событія.

⁽⁴⁸⁾ Собр. Р. Лѣт. VI, 184; Акт. Истор. I, №№ 90, 282, стр. 133. 519.

ярославскаго и смоленскаго *Геодора Ростиславича Чернаго* († 1298) и сыновъ его *Константина и Давида*. Всѣ они до-толѣ покоились вмѣстѣ поверхъ земли въ склепѣ подъ церк-вю Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ. Игумень и священ-ники ярославскихъ церквей, по взаимномъ совѣщаніи, рѣши-ли-было положить князей, съ честію, въ землю на томъ же мѣстѣ и дали знать о своемъ намѣреніи старѣйшимъ го-рода, князю Александру ярославскому. Князь изъявилъ свое согласіе и хотѣлъ устроить каменную гробницу, покрыть ее дорогимъ покровомъ и поставить у гробницы свѣчи. Но ко-гда собрались священники, иноки, міряне и князь, и подняли мощи, отъ нихъ ту-ъ же совершилось нѣсколько чудесъ, которыя поразили всѣхъ. Велѣли звонить въ колокола, стек-лось множество народа, начали поклоняться мощамъ и лобы-зать ихъ, и уже не опустили ихъ въ землю, а оставили въ прежнемъ гробѣ на поклоненіе и лобызаніе всѣмъ. Возвѣсти-ли о случившемся епархіальному владыкѣ Трифону ростовско-му; но онъ не повѣрилъ. А между тѣмъ чудеса продолжали совершаться болѣе и болѣе, и, слыша объ нихъ, Трифонъ нашелся, наконецъ, вынужденнымъ послать въ 1467 г. ростов-скаго протоіерея Константина для обслѣдованія дѣла. Прото-іерей также былъ одержимъ невѣріемъ и съ дерзостію при-ступилъ къ освидѣтельствуванію мощей; но былъ пораженъ

Отрожь, испѣленный въ 1461 г., имѣлъ у себя еще прежде того и житіе преп. Варлаама и канонъ ему (Собр. Р. Лѣт. VI, 321). Древнѣйшій списокъ житія преп. Варлаама находится въ Прологѣ Синод. библ., XIII—XIV в. № 839, л. 54—55, который писанъ въ Псковѣ и въ 1423 г. былъ проданъ въ Сироткинъ монастырь (тамъ же л. 171). Канонъ преп. Варлааму, соч. Пахоміемъ Сербомъ, — въ Слѣд. Псалтыр. Тр.-Серг. лавры, 1462—1490 г., № 308, л. 234 об.

невидимою силою, поверженъ на землю и онѣмѣлъ. Архіепи-
скопъ Трифонъ, какъ только получилъ вѣсть объ этомъ,
содрогнулся всѣмъ тѣломъ и впалъ въ разслабленіе; оставилъ
свою каюдру и поселился въ келліи Спасскаго монастыря въ
Ярославль, чтобы у мощей св. угодниковъ оплакивать свое
невѣріе въ нихъ до конца своей жизни (49). Такія событія,
особенно касавшіяся непосредственно ростовскаго владыки, не
могли остаться неизвѣстными митрополиту и вел. князю и
не огласиться далеко. И вотъ самъ вел. кн. Иванъ Василье-
вичъ и митрополитъ Филиппъ († 1473) поручили написать
житіе св. князя ярославскаго Θεодора и чадъ его іеромонаху
Спасскаго ярославскаго монастыря Антонію, а въ Сборникѣ
Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, 1476—1482 г., находимъ
уже тропари и кондаки, какъ на успеніе князя Θεодора, такъ
и на перенесеніе мощей его и чадъ—сентября 19,—изъ
чего можемъ заключать, что въ то время, по волѣ вел. князя
и митрополита, установлено и празднованіе въ честь ново-
явленныхъ чудотворцевъ не только въ Ярославль, но и въ
Москву и по всей Россіи. По рукописямъ XV и нач. XVI в.
встрѣчается, подъ 19 ч. сентября, и служба этимъ чудо-
творцамъ (50). *Преп. Кириллъ бѣлозерскій* скончался въ 1427 г.,
а въ 1448 г. митрополитъ Іона уже упоминаетъ Кирилла въ
числѣ чудотворцевъ русскихъ, наравнѣ съ преп. Сергіемъ и

(49) Собр. Р. Лѣт. V, 274; VI, 185—187; VIII, 150; Ник. Лѣт. VI, 1—2;
Степ. кн. I, 392—397.

(50) *Макар.* Велик. Мннен-четія. Сент. 19, столб. 1261; *Удольск. Слав.-*
русск. рукоп. № 383 (Опис. 260); *Сборн. Кирил.-бѣлов. библ.*, нынѣ С. п. б.
дух. акад., XV в., № 1083, л. 190—192. Служба чудотворцамъ этимъ—въ
Рукоп. Тр.-Серг. лавры, XV в., № 617; *исх. XV в.*, № 643; 1505 г. № 466:
нач. XVI в.; № 618.

другими. Через нѣсколько лѣтъ преемникъ Іоны, митрополитъ Θεодосій и вел. князь Василій Васильевичъ († 1462) посылали извѣстнаго серба Пахомія въ бѣлозерскую обитель, чтобы онъ собралъ тамъ свѣдѣнія о преп. Кириллѣ и написалъ житіе его. Въ 1471 г. митрополитъ Филиппъ, въ своемъ посланіи къ вел. князю, призывалъ на него молитвы св. преподобныхъ чудотворцевъ Сергія, Варлаама и Кирилла; а въ 1480 г. митрополитъ Геронтій и дѣлный соборъ русскихъ святителей также призывали на вел. князя св. молитвы, между прочимъ, и преп. Кирилла. Все это заставляетъ предположить, что преп. Кириллъ причтенъ къ лику Святыхъ и въ честь его установленъ праздникъ (9-го іюня) въ началѣ второй половины XV вѣка и, всего вѣроятнѣе, при митрополитѣ Θεодосіи, когда написано и житіе преподобнаго. Служба преподобному извѣстна, подъ 9 ч. іюня, по рукописямъ XV и нач. XVI в. ⁽⁵¹⁾. *Преп. Димитрій прилуцкій* скончался въ 1391 г.; по вскрытію отъ мощей его начали совершаться чудеса, и нѣкоторыя— во дни общественныхъ бѣдствій: одно во время моровой язвы (1409 г.), тогда многіе жители Вологды получали исцѣленіе при

⁽⁵¹⁾ Акт. Ист. I, №№ 43. 90. 282. Въ Слѣдованной Псалтыри Кирилло-бѣлозер. монастыря, принадлежащей нынѣ С. п. б. дух. Академіи, № 259, и написанной въ 1481 г., по благословенію кирилловскаго игумена Нифонта, монахомъ Корпидемъ (л. 173 об. и 232 об.), помѣщенъ полный мѣсяцесловъ (л. 59—109),— и въ этомъ мѣсяцесловѣ подъ 9-мъ числомъ іюня стоитъ уже имя преп. Кирилла бѣлозерскаго (л. 98 об.), хотя во всемъ мѣсяцесловѣ изъ русскихъ Святыхъ записаны, въ самомъ текстѣ, только слѣдующіе: Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Θεодосій печерскій, Леонтій ростовскій, митроп. Петръ и преп. Сергіи радонежскій, а всѣ прочіе, числомъ до 25-ти, приписаны по сторонамъ, многіе—повдѣйшею рукою. Служба преп. Кириллу—въ Трефологѣ Тр.-Серг. лавр., XV в., № 613; въ Сборн. той же лавры, 1511 г., № 597; въ Миней служебн. той же лавры, 1514 г., № 568. Служба и житіе, составл. Пахоміемъ Сербомъ,—въ Сборн. той же лавр., XV—XVI в., № 764, л. 2 и 327; Слес. Опис. рукоп. Царск., стр. 362—363.

гробъ преподобнаго; другое—при нападеніи вятчанъ на Вологду и прилуцкій монастырь (1417 г.), когда одинъ непріятельскій воинъ, дерзнувши обдирать гробъ преподобнаго, внезапно палъ мертвымъ, что и заставило вятскихъ вождей посѣшно удалиться отъ Вологды и отпустить плѣнныхъ; третье—при нападеніи князя Дмитрія Шемяки на Вологду (1450 г.), когда, помогло преп. Дмитрія, — о чемъ было тогда видѣніе, — жители Вологды отразили своего врага, который былъ вмѣстѣ и заклятымъ врагомъ вел. князя московскаго Василія Васильевича (⁵²). Извѣстія о всѣхъ этихъ чудесахъ, особенно о послѣднемъ, не могли не дойти до слуха вел. князя и митрополита и не возбудить въ нихъ вѣры въ сильное ходатайство преп. Дмитрія предъ престоломъ Божиимъ о благѣ Россіи. И очень вѣроятно, что вскорѣ послѣ 1450 г., т. е. послѣ отраженія Шемяки отъ Вологды, установлено было церковное празднованіе Дмитрію (11-го февр.) по всей Россіи: такъ какъ въ это же время написано и житіе Дмитрія однимъ изъ преемниковъ его по управленію обителію, игуменомъ Макаріемъ, который, при описаніи чудесъ его, представляется самовидцемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и рядъ этихъ чудесъ окончилъ именно чудомъ, совершившимся при отраженіи Шемяки отъ Вологды (⁵³). По церковнымъ книгамъ во второй половинѣ XV-го вѣка и въ первой XVI-го преп. Дмитрій прилуцкій встрѣчается уже въ числѣ Святыхъ, и

(⁵²) О чудесахъ этихъ говорится въ житіи преп. Дмитрія, а о времени событій, при которыхъ совершились они, упоминаютъ лѣтописи (Степ. жн. I, 569, 570; Собр. Р. Лѣт. III, 106, 107; V, 260; VI, 141; VIII, 123).

(⁵³) Лѣтоп. занятій Археогр. Комм. III, отд. III, 5; *Ключев.* 270.

служба ему, подъ 11 ч. февраля, извѣстна по рукописямъ того же времени (⁴⁴).

Надобно, однакожь, замѣтить, что внесеніе русскихъ Святыхъ въ церковныя книги и мѣсяцесловы не было подчинено какому-либо правилу; что въ книгахъ, писанныхъ въ одномъ и томъ же вѣкѣ, наприм., XIV, XV, находимъ имена не однихъ и тѣхъ же Святыхъ, но и различныхъ, и въ однихъ книгахъ меньше, въ другихъ больше (⁴⁵); что въ этихъ книгахъ наряду со Святыми, чтившимися во всей русской церкви, помѣщались, безъ всякаго различія, и Святые, чтившіеся только мѣстно, и иногда не помѣщались нѣкоторые Святые перваго рода, между тѣмъ какъ помѣщались Святые мѣстные (⁴⁶), и что число русскихъ Святыхъ въ церковныхъ кни-

(⁴⁴) Нашей Ист. Р. Церкви, IV, 260; Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, I, 50. 317. 428. 466. 468. Служба преп. Дмитрію—въ рукописяхъ Тр.-Серг. лавры: XV в.—№№ 528. 617. 642; нач. XVI в.—№№ 525. 618.

(⁴⁵) Сравн. книга XIV в.—Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, I, 271. 279. 286. 298; книги XV в.—тамъ же, 274. 304. 309. 418. 419.

(⁴⁶) См., напримѣръ, нашей Ист. Р. Церкви IV, 260, примѣч. 370; Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, I, 309. 428. 429. Въ мѣсяцесловѣ, помѣщенномъ въ Сборникѣ Тр.-Серг. лавры, писан. 1487 г. въ Ростовѣ при архіепископѣ Іоасафѣ, читаемъ: 16 сент. *преставленіе Кипріана*, митрополита кievскаго и всея Руси (л. 256), 20 сент. убiеніе кн. Михаила чернигов. и его боярина Θεодора, 25 сент. преп. Сергія, 6 ноябр. преп. Варлаама хутын., 21 дек. Пегра, митрополита моск., 12 февр. Алексія, митр. моск., 26 апр. *Стефана пермскаго* (л. 276), 2 мая Бориса и Глѣба, 3 мая пр. Θεодосія печер., 14 мая *Исидора, юродив. ростов.*, 15 мая Исаи ростов., 20 мая Алексія митр., 25 мая Леонтія ростов. и Никиты переясл., 28 мая Игнатія ростов., 9 июня Кирилла бѣловерск., 15 іюли св. кн. Владиміра, 24 іюля Бориса и Глѣба, 26 авг. Срѣтеніе иконы Владиміра Богоматери. Въ мѣсяцесловѣ, при рукописномъ Тробиикѣ нашей библ., нач. XVI в., № 89, паходятся всѣ русскіе Святые, дотолѣ признанные русскою церковію, кромѣ, однакожь, двухъ Исаи и Авраамія ростовскихъ; по паходятся также и чтившіеся пока мѣстно: митр. моск. Кипріанъ, Максимъ Юродивый, три виленскіе мученика и Стефанъ пермскій (—стр. 1203—1240). Въ Уставѣ нашей библіотеки, первой половины XVI в., № 88, изъ числа Святыхъ русскихъ, прежде прославленныхъ по всей русской церкви, нѣтъ въ мѣсяце-

гахъ и мѣсяцесловахъ, особенно со второй половины XV-го вѣка, постепенно возрастало, а въ нѣкоторыхъ книгахъ первой половины XVI-го возрасло до того, что упоминаются уже почти всѣ даже изъ тѣхъ Святыхъ, которымъ установлены праздники лишь впоследствии, при митрополитѣ Макаріи и позднѣе⁽⁵⁷⁾. Эта-то безпорядочность и произволь, вѣроятно, и послужили для Макаріи однимъ изъ главныхъ побужденій созвать соборы 1547 и 1549 г., чтобы соборнѣ обсудить и опредѣлить, какимъ Святымъ слѣдуетъ праздновать, по всей ли Россіи, или только мѣстно.

Авторъ упомянутого нами выше сказанія о русскихъ Святыхъ, перечисливъ тѣхъ изъ нихъ, которымъ церковь наша праздновала повсемѣстно еще до митрополита Макарія, представляетъ перечень и новопрославленныхъ чудотворцевъ, которымъ она установила праздновать уже при Макаріи на соборахъ 1547—1549 г., составляющихъ, по единству ихъ предмета и по внутренней связи ихъ между собою, какъ бы одинъ соборъ,—при чемъ подраздѣляетъ этихъ чудотворцевъ на пять классовъ. Къ первому классу отнесены святители: митрополитъ Іона, архіепископы новгородскіе Іоаннъ, Никита, Нифонтъ, Евѣимій и Іона, епископы—Стефанъ пермскій, Арсеній тверскій, Іаковъ ростовскій и сербскій архіепископъ Арсеній. Ко второму—праведные: князь Александръ невскій, князь Все-

словъ одного только св. Ісаи ростовскаго, имя котораго приписано вѣнцу послѣ; а изъ мѣстно-чтимыхъ Святыхъ помѣщены въ самомъ текстѣ мѣсяцеслова: три виленискіе мученика, Стефанъ пермскій, Исидоръ, юродивый ростовскій, и Максимъ, юродивый московскій, упоминаемый здѣсь подъ 21-мъ числомъ генваря, а не подъ 13-мъ августа, когда положено ему праздновать соборомъ 1547 года.

⁽⁵⁷⁾ Опис. рукоп. Румянц. Муз. 455. 466—468. 713, а особенно Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, 314. 317.

володь псковскій, князь Петръ и княгиня Февронія муромскіе, князь Константинъ и чада его Михаилъ и Теодоръ муромскіе и Михаилъ клопскій. Къ третьему—мученики: вел. князь Михаилъ тверскій, Іоаннъ сочавскій, пострадавшій въ Бѣль-градѣ, и Антоній, Іоаннъ и Евстафій, пострадавшіе въ Литвѣ. Къ четвертому—преподобные: Пафнутіи боровскій, Никонъ радонежскій, ученикъ Сергіевъ, Савва сторожевскій, Макарій калязинскій, Діонисій глушицкій, Павелъ комельскій, Савватій и Зосима соловецкіе, Александръ свирскій, Евѣимій суздальскій, Авраамій смоленскій, Савва вышерскій, Евфросинъ псковскій, Ефремъ перекомскій и Григорій пельшемскій. Къ пятому—юродивые Христа ради: Максимъ московскій, Іоаннъ и Прокопій устюжскіе. Какимъ изъ этихъ Святыхъ установлено праздновать, въ частности, на соборѣ 1547 г., мы уже знаемъ изъ официальнаго документа—окружной грамоты митрополита Макарія, равно какъ знаемъ и то, что двѣнадцати изъ нихъ установлено праздновать повсюду въ русской церкви, а девяти только мѣстно (*). Теперь, имѣя въ виду представленный перечень Святыхъ, легко можемъ указать въ немъ и тѣхъ чудотворцевъ, въ честь которыхъ установилъ праздники соборъ 1549 года: это святители—Никита, Нифонтъ, Евѣимій и Іона новгородскіе, Стефанъ пермскій, Іаковъ ростовскій и Арсеній сербскій; праведный Всеволодь псковскій; мученики—Михаилъ тверскій, Іоаннъ сочавскій и Антоній, Іоаннъ и Евстафій литовскіе; преподобные—Савва сторожевскій, Евѣимій суздальскій, Авраамій смоленскій, Савва вышерскій, Евфросинъ псковскій, Ефремъ перекомскій и Григорій пельшемскій.

(*) Объ этомъ соборѣ мы сказали прежде (VI, 215—216).

Не станемъ повторять, какъ собирались, по предложенію сего государя, епархіальными владыками предварительныя свидѣнія и документы о всѣхъ новопрославленныхъ теперь чудотворцахъ, и въ чемъ состояло соборное ихъ свидѣтельствова-ніе (⁵⁹); но замѣтимъ, что если нѣкоторымъ Святымъ на соборѣ 1547 г. установлено праздновать только мѣстно (сдѣлано ли то же и на соборѣ 1549 г., не знаемъ), то это не значить, будто они прежде мѣстно не чествовались, а значить только, что соборъ, по разсмотрѣніи представленныхъ ему документовъ, утвердилъ тѣ мѣстные праздники, которые совершались въ честь нѣкоторыхъ чудотворцевъ и прежде, но лишь съ разрѣшенія мѣстныхъ архіереевъ или даже помпо всякаго распоряженія епархіальной власти. Слѣдуетъ также замѣтить, что праздникъ тремъ литовскимъ, или виленскимъ, мученикамъ, установленный еще митрополитомъ Алексіемъ, по сношенію съ самимъ патриархомъ, былъ, вѣрно, только праздникомъ мѣстнымъ (⁶⁰): иначе не нужно, да и не законно, было бы теперь устанавливать его вновь для всей церкви. Многимъ русскимъ чудотворцамъ установили праздники со-

(⁵⁹) И о соборѣ 1549 г. нами сказано прежде (тамъ же 217. 218). Но тогда мы пытались указать Святымъ, прославленныхъ на этомъ соборѣ, только гадательно и не избѣгли ошибокъ. О житіяхъ всѣхъ этихъ Святымъ также сказано нами прежде въ главѣ—о духовной литературѣ.

(⁶⁰) Нашей Ист. Русск. Церкви, IV, 26. Достоинно замѣчанія, что новопрославленные соборомъ 1547—1549 г. Святые не вдругъ внеслись въ наши богослужебныя книги. Наприм., въ Слѣдоващій Исальтѣри Импер. Публичн. библ., in Q., № 91, писанной въ 1567 г., помѣщены въ мѣсяцесловѣ только—а) изъ новопрославленныхъ: Евоимій новгор., три вилеп. мученика, Стефанъ пермскій и Пафнутій боровскій; б) изъ прежде прославленныхъ: кн. Теодоръ, Давидъ и Константинъ ярослав., Сергій радон., Варлаамъ хутын., митр. Петръ и Алексій, Борисъ и Глѣбъ, Антоній и Θεодосій печер., Леонтій ростов., Кириллъ бѣлов. и княгиня Ольга, и в) одинъ еще непрославленный—Николай Качановъ (—л. 333—138).

боры 1547—1549 г., по далеко еще не всѣмъ. Это могло зависѣть или отъ того, что о нѣкоторыхъ Святыхъ епархіальные архіереи не успѣли представить на послѣдній соборъ необходимыхъ свѣдѣній, какъ требовалось, или отъ того, что нѣкоторыя представленныя свѣдѣнія и документы признаны были почему-либо неудовлетворительными. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но установленіе новыхъ праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ продолжалось и въ послѣдующее время, хотя уже не въ такомъ размѣрѣ. Еще вскорѣ послѣ собора 1547 г. игумень Оерапонтова бѣлозерскаго монастыря представилъ митрополиту Макарію житіе *преп. Оерапонта*, основателя этой обители, и *Мартиніана*, его преемника, и по волѣ митрополита, на новомъ соборѣ были прочитаны «книги тыя, житія святыхъ и чудеса», и положено праздновать Оерапонту и Мартиніану. А какъ именъ ихъ нѣтъ въ извѣстномъ перечнѣ Святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 г., то, если не предположить случайнаго пропуска въ перечнѣ, здѣсь придется разумѣть какой-либо изъ послѣдующихъ соборовъ, ближайшихъ по времени. Въ 1554 г. обрѣтены мощи *преп. Саввы крыпецкаго*, и соборъ опредѣлилъ праздновать память его, а по просьбѣ братіи крыпецкаго монастыря, написаны житіе новопрославленнаго чудотворца и канонъ ему. Въ 1560 г., по порученію митрополита Макарія, пермскій епископъ Іоасафъ и махрицкій игумень Варлаамъ собирали свѣдѣнія въ авнежскомъ монастырѣ о чудесахъ авнежскихъ подвижниковъ—*преп. Григорія и Кассіана*, и на основаніи этихъ свѣдѣній соборъ опредѣлилъ праздновать Григорію и Кассіану и поручилъ, чрезъ митрополита Макарія, составить житіе ихъ. Вскорѣ затѣмъ тотъ же махрицкій игумень Варлаамъ явился

къ царю и митрополиту Макарію съ сказаніемъ о чудесахъ оспователя обители—*преп. Стефана махрицкаго*, а царь и митрополить поручили написать житіе преподобнаго, «да на память его прочитается», чѣмъ уже предполагается установленіе и празднованія этой памяти (61). Въ 1578 г. игумень сійскаго монастыря Питиримъ представилъ царю житіе *преп. Антонія сійскаго*: митрополить Антоній, вмѣстѣ съ соборомъ, уложилъ праздновать этому чудотворцу, а царевичъ Иванъ, сынъ Грознаго, съ благословенія митрополита, написалъ въ слѣдующемъ году новое житіе преп. Антонія съ похвальнымъ словомъ и службою ему. Въ 1579 г., по повелѣнію царя и благословенію митрополита Антонія и собора всѣхъ русскихъ іерарховъ, узаконено праздновать и пѣть «въ обители Пречистые Богородицы начальнику св. обители сея», преп. Іосифу волоколамскому, «доколѣ и монастырь Пречистые стоятъ» (62). Были ли учреждены у насъ до конца настоящаго періода и другіе такіе же праздники, прямыхъ свидѣтельствъ не знаемъ; но въ церковныхъ книгахъ нашихъ XVI и даже XV в. встрѣчаемъ имена, службы, житія еще нѣсколькихъ русскихъ Святыхъ, которыхъ память, какъ слѣдуетъ заключать, чтилась тогда, по крайней мѣрѣ, мѣстно, если не съ утвержденія высшей церковной власти, то съ разрѣшенія епархіальныхъ владыкъ, или даже только въ силу укоренившагося обычая. Таковы напримѣръ: архіепископъ Осодоръ ростовскій, царевичъ

(61) Нашей Ист. Р. Церкви, VII, примѣч. 357. 359. 373, и самый текстъ, къ которому они относятся, а также *Ключеск.* 251. 273. 279. 280. О службахъ всѣмъ этимъ преподобнымъ, написаннымъ ок. того же времени, см. далѣе въ примѣч. 86.

(62) *Карамз.* IX, примѣч. 612; *Опис. рукоп. м. Синод. библ.* III, I, 394.

ордынскій Петръ, чудотворецъ ростовскій, княжна Евфросинія суздальская, князья Василій и Константинъ ярославскіе, епископъ Петириимъ пермскій, преподобные—Ефремъ повоторжскій, Евфросинія полоцкая, Александръ ошевенскій и Александръ куштскій, праведные—Іаковъ боровицкій, Меркурій смоленскій, юродивые Христа ради—Василій московскій, Исидоръ ростовскій и др. (⁶³). Въ частности, извѣстно, что мощи св. Іакова боровицкаго были свидѣтельствованы въ 1572 г., по порученію новгородскаго архіепископа Леонида, особою комиссіею, которая и донесла о множествѣ совершавшихся отъ нихъ чудесъ; что преп. Евфросиніи суздальской дѣйствительно установлено было мѣстное празднованіе во второй половинѣ XVI вѣка, а царевича Петра и Исидора ростовскихъ упоминаетъ самъ царь Иванъ Васильевичъ въ числѣ великихъ чудотворцевъ русскихъ, приписывая молитвамъ ихъ совершившееся тогда (1563 г.) покореніе Полоцка (⁶⁴).

Кромѣ множества праздниковъ въ честь новопрославленныхъ чудотворцевъ русскихъ, установлено тогда нѣсколько праздниковъ въ честь св. иконъ и въ память отечественныхъ событій. По случаю перенесенія двухъ иконъ—всемилоствягаго Спаса и Богородицы изъ Владиміра въ Москву и изъ Москвы во Владиміръ, по обновленіи этихъ иконъ (1518—1519), положоно было праздновать въ Москвѣ ежегодно 15-го сентября

(⁶³) Опис. рукоп. *Царск.* 632—635; Опис. рукоп. Румянц. Муз. 592—604; Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, 66. 317. 323. 328. 436. 446. Феодоръ, архіепископъ ростовскій, чтился еще въ XV в. (нашей Ист. Р. Ц. IV, 260); тропарь и кондакъ этому святителю помѣщены въ Сборникъ, 1476—1482 г., Кярилло-Бѣлов. библ., выпъ С. п. б. дух. акад., № 1083 л. 211. Равно и Исидоръ ростов. чтился еще XV в. (см. выше примѣч. 56).

(⁶⁴) Собр. Р. Лѣт. III, 168; *Ключев.* 285; Акт. Ист. I, № 168.

и совершать крестный ходъ въ церковь Срѣтенія Богородицы, тогда же построенную; а по случаю перенесенія двухъ иконъ — пр. Параскевы и великом. Параскевы, именуемой Пятницею, изъ Ржевы въ Москву и обратно (1531) положено было ежегодно праздновать въ Москвѣ 29-го ноября и совершать крестный ходъ въ церковь пятницкую, тогда же построенную. Въ память принесенія въ Москву изъ Ржевы чудотворныхъ иконъ — Богородицы и честнаго креста (1540 г.) установленъ праздникъ 11-го іюля съ крестнымъ ходомъ «ко Пречистой, нарицаемой Ржевской», т. е. въ церковь, поставленную тогда на мѣстѣ срѣтенія этихъ иконъ. Явленіе новыхъ чудотворныхъ иконъ Богоматери — *святогорскихъ* (1569) на Синичьей или Святой горѣ въ псковскомъ краѣ и *казанской* (1579) въ городѣ Казани — послужило поводомъ къ установленію мѣстныхъ праздниковъ: святогорскія иконы, каждый годъ, торжественно приносятся въ Псковъ въ пятницу второй недѣли Петрова поста; а въ память явленія казанской совершается праздникъ 8 іюля ⁽⁶⁵⁾. Праздникъ 27-го ноября въ воспоминаніе знаменія отъ иконы Божіей Матери, совершавшейся въ Новгородѣ еще со второй половины XII вѣка, принятъ въ 1584 г. и въ Москвѣ, по волѣ царя и опредѣленію собора, и началъ совершаться по всей Россіи ⁽⁶⁶⁾. Въ 1480 г., въ благодарность за избавленіе Москвы и другихъ

⁽⁶⁵⁾ Собр. Р. Лѣт. VI, 261. 262; VIII, 277. 278; Ник. Лѣт.: 214. 225. 214; Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, 358. 362. 363; Ист. княж. Псков. III, 81. 107—109; Пролог., іюля 8.

⁽⁶⁶⁾ Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, 367. Снес. нашей Ист. III, 102. 103. Еще въ XVI в. упоминаются, по рукописямъ, праздники въ честь иконъ Божіей Матери, чудотворныхъ: мирожской, чирской, полоцкой (Опис. рукоп. Румянц. Муз. 592 и дал.; Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, 817).

городовъ отъ нашествія царя большой орды Ахмата, и вмѣстѣ за окончательное избавленіе всей Россіи отъ татарскаго ига, установлено было праздновать въ 23-й день іюня Срѣтенію Божіей Матери и совершать большой ходъ съ крестами и чудотворными иконами въ срѣтенскій монастырь; а въ 1521 г., въ благодарность за избавленіе Москвы и Россіи отъ нашествия крымскаго хана Магмедъ-Гирея, установленъ такой же праздникъ Срѣтенію Богоматери въ 21 день мая съ большимъ крестнымъ ходомъ въ тотъ же монастырь ⁽⁶⁷⁾.

Во дни митрополита Макарія, въ промежуткѣ тѣхъ двухъ соборовъ, которые узаконили столько праздниковъ новопроставленнымъ чудотворцамъ русскимъ, узаконенъ своего рода праздникъ и ради всѣхъ вообще русскихъ, скончавшихся въ вѣрѣ, но еще не прославленныхъ и имѣющихъ нужду въ помощи церкви. Въ 1548 г., въ 21 день іюня, царь Иванъ Васильевичъ, по благословенію митрополита, уставишь общую память благовѣрнымъ князьямъ, боярамъ, христіанскому войнству, священническому и иноческому чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ частности всѣмъ, убитымъ на войнѣ и погибшимъ въ огнѣ, водѣ, также отъ голода, жажды, мороза и всякихъ другихъ нуждъ. Въ этотъ день въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ, и посадахъ, по всѣмъ церквямъ должны были отправляться заупокойныя литургіи и панихиды, и «сію общую память по всѣхъ православныхъ христіанѣхъ» велѣлъ царь совершать и въ прочіе годы до скончанія міра ⁽⁶⁸⁾.

Если много явилось у насъ церковныхъ праздниковъ въ настоя-

⁽⁶⁷⁾ Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, 861. 862. Снес. Собр. Р. Лѣт. VI, 292. 268.

⁽⁶⁸⁾ Акт. Эксп. I. № 219.

щій періодъ, то едва ли еще не болѣе составлено церковныхъ службъ или разнаго рода пѣснопѣній. Въ числѣ изъ находятся службы не только новопрославленнымъ теперь въ русской церкви Святымъ, но и прежде прославленнымъ, и даже еще не прославленнымъ, а только мѣстно чтимымъ, равно встрѣчаются двѣ-три службы или пѣснопѣнія и въ честь тѣхъ кого издревле чтила и прославляла вся православная церковь.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи вторая половина XV вѣка. Изъ русскихъ церковныхъ пѣснописцевъ мы можемъ указать тогда только на—а) пермскаго епископа Птирима, составившаго службу на обрѣтеніе мощей святителя московскаго Алексія (20 мая), рассмотрѣнную соборомъ 1448 года и принятую въ употребленіе; б) митрополита Θεодосія, написавшаго кондаки и икосы на Успеніе Пресв. Богородицы; в) инока тверскаго Желтикова монастыря Θεодосія, составившаго въ 1483 г., по благословенію епархіальнаго владыки Вассіана, службу святителю тверскому Арсенію, еще только мѣстно чтившемуся, и—г) на неизвѣстныхъ авторовъ, написавшихъ службы: св. Исаіи ростовскому, преп. Авраамію ростовскому, преп. Никитѣ переяславскому и св. кн. Θεодору ярославскому съ его чадами: по крайней мѣрѣ, всѣ эти службы уже встрѣчаются въ рукописяхъ XV в., а прежде не встрѣчаются (69). Но съ самаго начала настоящаго періода,

(69) Служба на открытіе мощей святит. Алексія (20 мая) находится въ Слѣдов. Псалтири Тр.-Серг. лавр. исх. XV в., № 318, л. 898, съ надписью надъ канопомъ: «твореніе Птирима епископа прьмскаго» (Снес. примѣч. 47). Кондаки и икосы Θεодосія помѣщены въ Соловецк. Сборн. XVI в., № 916, и озаглавлены: «твореніе Θεодосія, митрополита кievскаго и всея Русі». О службѣ Арсенію—въ Опис. рукоп. Рум. Муз. 594. О службахъ прочимъ святымъ см. выше примѣч. 43. 45. 46. 50.

впродолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, если не болѣе, непрерывно трудился у насъ извѣстный уже намъ, по своимъ житіямъ, сербъ Пахомій Логоетъ, и одинъ написалъ не менѣе 18-ти церковныхъ службъ и вообще пѣснопѣній.

Три церковныхъ пѣснопѣнія написаны Пахоміемъ въ честь издревле-чтимыхъ всею православною церковію, именно: а) канонъ Пресв. Дѣвѣ Богородицѣ, доселѣ помѣщаемый въ службѣ на 25 день сентября преп. Сергію Чудотворцу; б) канонъ св. Іоанну Крестителю и в) служба преп. Онуфрію Великому. Два послѣднія пѣснопѣнія составлены (въ 1460—1461 г.) по просьбѣ новгородскаго архіепископа Іоны: онъ желалъ этимъ выразить особенное свое уваженіе къ св. Іоанну Крестителю, какъ своему ангелу, ~~во имени~~ котораго былъ названъ при крещеніи и которому создалъ храмъ въ своей любимой Отенской обители, гдѣ постриженъ и былъ игуменомъ, и къ Великому Онуфрію, которому также посвященъ былъ храмъ въ названной обители (70).

Пять церковныхъ пѣснопѣній написалъ Пахомій въ честь русскихъ Святыхъ, прославленныхъ еще до настоящаго періода: а) канонъ равноапостольной вел. княгинѣ Ольгѣ, которой прежде существовали, вѣроятно, только пѣсколько стихиръ; б) канонъ св. Борису и Глѣбу (71); в) службу преп. Анто-

(70) Житіе архіеп. Іоны, напеч. въ Памяти. стар. русск. литер. IV, 27. Канонъ преп. Онуфрію помѣщенъ въ печатной Миней, по безъ имени автора (12 Іюня). А канонъ Крестителю, подъ названіемъ: «правило молебнo къ святѣйшему во пророцѣхъ, предтечи, крестителю Христову, Іоанну», встрѣчающійся въ рукописяхъ (Соловецк. библ. № 755), присылается Пахомію только по догадкамъ (Историч. вѣстн. о древн. русск. церковн. пѣсноп., въ Руковод. для сельск. пастырей, 1867, I, 343—344).

(71) См. то же житіе архіеп. Іоны. Канонъ св. Ольгѣ, по безъ имени автора, напечатанъ и въ рукопис. XVI в. (Опис. рукоп. Рум. Муз. 597) и въ печ. Миней,

нію печерскому съ двумя канонами (⁷²); г) службу св. мученикамъ черниговскимъ—князю Михаилу и боярину его Феодору съ двумя канонами, и д) службу преп. Сергію радонежскому, въ которой, между прочимъ, помѣщенъ и упомянутый нами выше канонъ Пахоміевъ Пресв. Богородиць (⁷³). Канонъ св. Ольгѣ написанъ въ Новгородѣ (1460 — 1461 г.), по просьбѣ или порученію архіепископа Іоны; а служба преп. Сергію, сохранившаяся въ спискѣ 1459 г., явилась, всего вѣроятнѣе, въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ до того времени постоянно проживалъ авторъ въ числѣ братства.

Четыре, если даже не пять пѣснопѣній составилъ Пахомій въ честь тѣхъ Святыхъ русскихъ, которые ~~представлены~~ въ его время, или на тѣ праздники, которые тогда установлены. Сюда относятся: а) служба на преставленіе святителя москов-

подъ 11 ч. іюля (спес. нашей Истор. I, 103). Канонъ Борису и Глѣбу съ именемъ автора, помѣщенъ въ Сборн. Троице-Серг. лавр., XV в. № 116 и XVI в. № 646.

(⁷²) Въ рукописной службѣ преп. Антонію, XV в. (Трефолог. Тр.-Серг. лавр. XV в., № 617, л. 147)—и XVI в. (Новг. Соф. библ., нынѣ С. п. б. дух. ак., № 1451, л. 155 об.) сдѣлана замѣтка: «святому два канона; аще хочешъ увѣдати творца и повелителя всѣмъ гранесъсловіемъ, смотри у 7 и 9 пѣснн у червленыхъ словъ, кромѣ богор.». А въ этихъ червленыхъ, т. е. начинающихся красными буквами, словъ тропарей 7-й и 9-й пѣснн, за исключеніемъ богородичныхъ, составляетъ слѣдующая рѣчь: «повелѣніемъ святѣйшаго архіепископа великаго Новаго-града, Антонію печерскому, рукою многогрѣшнаго Пахомья, иже отъ сватыя горы». Акростихъ этотъ сохранился и въ печ. Минел, куда служба преп. Антонію внесена безъ перемены (іюля 10).

(⁷³) Каноны черниг. чудотворцамъ помѣщены, съ именемъ автора, въ печати. Минел (сент. 20), а по рукописямъ встрѣчаются, подъ тѣмъ же 20 ч. сент., въ спискахъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. №№ 617. 642. 643) и въ спискѣ 1505 г., гдѣ озаглавлены: «святѣмъ два канона—твореніе таха ермопаха св. горы Пахомія» (Тр.-Серг. лавр. №№ 466, л. 219). Служба преп. Сергію также помѣщена въ печ. Минел (сент. 25) и встрѣчается еще въ рукоп. Сборн. 1459 г. (Синод. библ. № 637, л. 56), а затѣмъ и въ другихъ рукописяхъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. №№ 312. 313. 579. 617. 762. См. также Славяно-руск. рукоп. Уждольск. № 51, л. 329 и № 101, л. 29).

скаго Алексія (12-го февр.), написанная по благословенію митрополита Іоны и собора (1448 г.) и по волѣ вел. кн. Василя Васильевича (⁷⁴); б) канонъ преп. Варлааму хутыцкому, написанный (1460 г.) по порученію повгородскаго владыки Іоны; в) служба преп. Кириллу бѣлозерскому, написанная, вѣроятно, одновременно съ житіемъ преподобнаго (ок. 1462 г.), по порученію вел. кн. Василя Васильевича и митрополита Θεодосія; г) служба съ двумя канонами на перенесеніе мощей святителя московскаго Петра, написанная въ 1472 г. по повелѣнію вел. кн. Іоанна III и по благословенію митрополита Филиппа, тогда же установившихъ и праздникъ въ память этого событія (⁷⁵); д) наконецъ, служба преп. Димитрію прилуцкому. Послѣдняя, впрочемъ, нигдѣ не надписывается именемъ Пахомія и можетъ быть усвояема ему только гадательно: въ ней тотъ же слогъ, тѣ же любимыя выраженія, что и въ прочихъ службахъ Пахоміевыхъ, и встрѣчаются цѣлыя стихиры, буквально взятая изъ службъ Пахомія преп. Сергію и св. митрополиту Іонѣ. Съ достовѣрностію

(⁷⁴) Все это означено въ самомъ заглавіи службы по рукописямъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. №№ 528, 617), 1500 г. (тамъ же № 609), 1511 г. (— № 597). Въ печатной Миней служба эта сокращена и измѣнена (Февр. 12).

(⁷⁵) О канонахъ преп. Варлааму хут. и Кириллу бѣлоз. см. выше примѣч. 48. 51. Первый канонъ находится еще, безъ имени автора, — въ Трефолог. Тр.-Серг. лавр. XV в., № 617, а съ именемъ автора — въ Псалтыр. *Удольск.* XVI в., № 51, л. 316 об.; помещенъ и въ печатной Миней (ноябр. 6). А канонъ препод. Кириллу бѣлоз., безъ имени автора — въ Слѣдов. Псалтыри Кирилл.-бѣлоз. монастыря, писанной въ 1481 г. и принадл. нынѣ С. п. б. дух. акад. (№ 259, л. 196 об.); въ печ. же Миней прямо называется «твореніемъ Пахомія, іеромонаха св. горы» (юня 9). Служба на перенесеніе мощей св. Петра, съ двумя канонами, и въ печатной Миней (авг. 24) и по рукописямъ (Миней Служ. за авг., Тр.-Серг. лавры, 1509 г., № 590) ясно усволяется Пахомію помещеннымъ въ ней акростихомъ. Спес. Собр. Р. Лѣт. VI, 196.

же о ней можно сказать лишь то, что она написана не прежде Пахомія и въ XV вѣкѣ, такъ какъ сохранилась въ спискѣ этого вѣка; но могла быть написана и не самимъ Пахомиемъ, а кѣмъ-либо другимъ, по подражанію Пахомию, наприм., тѣмъ же игуменомъ Макариемъ, который составилъ тогда житіе преп. Димитрія прилудскаго ⁽⁷⁶⁾.

Наконецъ, не менѣе шести церковныхъ пѣснопѣній сложили Пахомій въ честь Святыхъ русскихъ, которые въ его время чтились только мѣстно, или даже еще не чтились, а прославлены уже соборами 1547 — 1548 г., и на одинъ мѣстный праздникъ, сдѣлавшійся общимъ только въ 1584 году. Такъ, вѣроятно, еще въ Сергіевомъ монастырѣ, вслѣдъ за службою преп. Сергію, Пахомій написалъ и службу ученику его, преп. Никону. По порученію новгородскаго владыки, написалъ (1560—1561) каноны митрополиту московскому Іонѣ († 1461), новгородскому архіепископу Евфимію († 1458) и преп. Саввѣ вышерскому († 1461), вскорѣ послѣ ихъ кончины, когда едва ли успѣло установиться и мѣстное имъ празднованіе. Можетъ быть, по порученію того же новгородскаго владыки, или по просьбѣ другихъ новгородцевъ, написалъ Пахомій два канона, помѣщаемые въ службѣ на праздникъ Знаменія новгородской иконы Богородицы. По порученію же пермскаго епископа Филоея (1472—1501), написанъ канонъ просвѣтителю зырянъ, св. Стефану пермскому ⁽⁷⁷⁾.

⁽⁷⁶⁾ О службѣ преподобному см. выше примѣч. 54.

⁽⁷⁷⁾ Всѣ эти службы и каноны—въ Сборн. Румянц. Муз. № 397 (Опис. стр. 592—595) и въ печатныхъ Минеехъ: преп. Никону—ноябр. 17, митр. Іонѣ—ію: я 15, арх. Евфимію—март. 11, преп. Саввѣ—окт. 1, Знаменію Богородицы—ноябр. 27, Стефану перм.— апр. 26. Тѣ же службы встрѣчаются въ рукописяхъ

Пахомія должно назвать плодовитѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ церковныхъ пѣснописцевъ, когда-либо бывшихъ. Онъ слагалъ свои пѣсни по готовымъ образцамъ греческимъ, существовавшимъ въ славянскомъ переводѣ, но слагалъ довольно искусно и безъ рабскаго подражанія. Догматическія и вообще отвлеченныя истины выражалъ точно и сжато и, кромѣ общихъ мыслей, обыкновенно излагаемыхъ въ церковныхъ службахъ, умѣлъ указывать въ каждой и тѣ особенности, какія свойственны прославляемому въ ней Святому. Въ нѣкоторыхъ своихъ службахъ, однородныхъ по предмету, Пахомій какъ бы повторяется, — что могло зависѣть и отъ спѣшности его работъ: напримѣръ, въ службѣ преп. Никону радонежскому не мало пѣсней, почти тождественныхъ, по мыслямъ и оборотамъ рѣчи, съ пѣснями службы преп. Сергію; а въ службѣ святителю пермскому Стефану встрѣчаются пѣсни, почти цѣликомъ взятая изъ службы московскому святителю Іонѣ. Въ доказательство сравнительнаго достоинства церковныхъ пѣснопѣній Пахомія можно указать на то, что его, какъ пѣснописца, высоко цѣнили современники; ему старались, какъ увидимъ, подражать послѣдующіе наши пѣснописцы, и наконецъ, почти всѣ его пѣсни и службы ирпичиты въ наши печатныя Минеи и доселѣ употребляются церковію.

Тр.-Серг. лавры: преп. Никону (XV в., № 762; XVI в., № 623), митроп. Іонѣ (XVI в., №№ 539. 542. 623), архіеп. Евенмію (XVI в. №№ 542. 620. 628), Саввѣ вышерск. съ именемъ автора (XVI в., №№ 623. 624), Стефану пермск. (XV в., № 617; XVI в., №№ 623. 624; въ послѣдней рукописи съ именемъ автора), Знаменію Богородицы (нач. XVI в. № 496). См. также каноны съ именемъ Пахомія: Никону радонеж., Евенмію повгород., Саввѣ вышерск. — въ Слав.-руск. рукоп. *Удольск.* № 110 (Опис. 114—115) и Знаменію Пресв. Богородицы — тамъ же № 51 (Опис. — 70).

однѣ съ нѣкоторыми измѣненіями (служба святителю Алексію), а другія даже безъ измѣненій (службы преп. Антонію печерскому, пр. Сергію, пр. Варлааму и митр. Іонѣ). Немало написалъ Пахомій и житій Святыхъ, но въ составленіи церковныхъ службъ онъ показалъ болѣе таланта.

Съ начала XVI в. до соборовъ 1547—1549 г. мы встрѣчаемъ у себя весьма мало церковныхъ пѣснописцевъ, извѣстныхъ по имени, и притомъ весьма небогатыхъ количествомъ своихъ произведеній. Трое изъ этихъ пѣснописцевъ составили только по одному канону. Ближайшій ученикъ преп. Пафнутія боровскаго, инокъ Иннокентій написалъ канонъ своему учителю, и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ несомнѣнно воспользовался готовыми выраженіями изъ службъ серба Пахомія: канонъ этотъ съ 1531 г., по благословенію митрополита Даниила и всего свящ. собора, пѣлся только въ обители преп. Пафнутія на день его кончины, а потомъ, по прославленіи Пафнутія въ 1547 г., вошелъ въ общее употребленіе и безъ перемѣны занесенъ въ печатныя Миней (78). Какой-то монахъ Пахомій, можетъ быть, тотъ самый, который, по благословенію ростовскаго владыки Кирилла, сложилъ повѣсть о ярославскихъ князьяхъ Василии и Константинѣ (между 1526 и 1533 г.), написалъ канонъ князю Петру и княгинѣ Февроніи муромскимъ (Муромъ

(78) Въ Сборн. Тр.-Серг. лавры № 791, л., 16, надъ этимъ канонномъ слѣдуетъ замѣтка: «Канонъ преп. Пафнутію, твореніе ученика его Иннокентія, изъяснителя обители. Въ державу благовѣрнаго и христіюлюбиваго православнаго дара вел. кн. Василія Ивановича, господиномъ преосвящ. архіепископомъ Данииломъ, митрополитомъ всея Русіи, съ всемъ свящ. его съборомъ при игуменѣ Пафнутіи, благословенъ пяти канонъ и житіе чести въ лѣто 7039, мѣс. мая въ 1 день». Канонъ этотъ находится и въ другихъ рукописяхъ той же лавры (XVI в., №№ 611. 623. 624) Въ печатной Миней (мая 1) помѣщенъ съ именемъ автора

находился въ ростовской же епархіи), занесенный также въ печатную Минею (⁷⁹). Мнихъ и пресвитеръ домової архіерейской церкви въ Новгородѣ Ілія, по благословенію своего архіепископа Макарія (слѣд. до 1542 г.), составилъ канонъ преп. Михайлу клопскому (⁸⁰). Еще пѣснописецъ, пресвитеръ Филоосей, вѣроятно, извѣстный старецъ Елеазарова монастыря, писавшій посланія къ псковскому намѣстнику Мисюру Мунехину (1510—1528), составилъ два канона, впрочемъ не вошедшіе въ печатныя Миней: канонъ на обрѣтеніе мощей князя Всеволода псковскаго, представляющій ясныя слѣды подражанія пріемамъ Пахомія Логовета, и канонъ Пресв. Богородицѣ по случаю знаменія отъ чирской Ея иконы въ псковской области (⁸¹). Наконецъ, еще одинъ пѣснописецъ, котораго литературную дѣятельность, съ наибольшою вѣроятностію, можно относить ко второй четверти XVI в., инокъ суздальскаго Спасо-евеиміева монастыря Григорій написалъ даже четыре службы, по крайне слабыя и неискусныя: службу преп. Евеимію суздальскому, вошедшую въ печатныя Миней (апр. 1), только съ значительными исправленіями и передѣлками, службу преп. Евфросиніи суздальской, службу св. Іоанну, епископу суздальскому, и службу повымъ русскимъ чудотворцамъ, вовсе не вошедшія въ печатныя Миней (⁸²). Последняя служба, вѣроятно, вызвана соборомъ 1547 года.

(⁷⁹) И въ рукописяхъ (Тр.-Серг. лавр. №№ 618. 619; Опис. Рум. Муз. 596) и въ печатной Миней 25 іюня канонъ названъ «твореніемъ господина Пахомія мниха».

(⁸⁰) Это ясно указано въ самомъ канонѣ (Опис. рукоп. Рум. Муз. 593—594). Находятся и въ рукоп. Тр.-Серг. лавры XVI в., №№ 623. 624.

(⁸¹) Оба канона—въ Сборн. Рум. Муз. № 397 (Опис., стр. 593. 597). Последній—и въ Миней служебн. Тр.-Серг. лавр, XVI в., № 570.

(⁸²) Всѣ эти службы Григорія находятся въ Сборн. Тр.-Серг. лавры, нач.

Предъ соборами и особенно послѣ соборовъ 1547—1549 г. естественно было появиться у насъ множеству церковныхъ службъ и каноновъ. Ибо, съ одной стороны, требовалось, чтобы на самые соборы, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о мѣстныхъ Святыхъ, были представлены и житія ихъ, и службы имъ или каноны, для соборнаго разсмотрѣнія и свидѣльствованія; а съ другой, становилось уже необходимостію, когда установленны были соборами праздники тѣмъ или другимъ Святымъ, составить въ честь ихъ, или только исправить, службы и каноны для церковнаго прославленія новыхъ чудотворцевъ въ эти праздники. И мы дѣйствительно видимъ, во второй половинѣ XVI в., службы и каноны всѣмъ, сорока слишкомъ Святымъ, признаннымъ соборами 1547—1549 г. Значительное число этихъ каноновъ и службъ Святымъ написано еще до названныхъ соборовъ извѣстными уже намъ лицами⁽⁸³⁾. Другіе составлены во время или послѣ соборовъ и также извѣстными, по именамъ, пѣснописцами. Таковы—а) три канона инока владимірскаго рождественскаго монастыря Михаила: св. кн. Александру невскому, св. князю Петру и княгинѣ Февроніи муромскимъ, и св. князю Константину и дѣтямъ его Михаилу и Феодору муромскимъ; б) два канона псковскаго пресвитера Василия, въ монашествѣ Варлаама, пресловутаго ревнителя сугубой аллилуйи: преп. Евфросину псков-

XVII в., № 337, л. 483. 538. 557. 593. Служба Григоріева всѣмъ русскимъ чудотворцамъ есть и въ Сборн. нашей библ., № 32, л. 25—45.

(83) Именно: инокомъ *Теодосіемъ*—Архенію тверскому; *Пахоміемъ Логоветомъ*—митр. Іонѣ, архіеп. Евѣмію, еп. Стефану перм., преп. Никону и Саввѣ вышерскому; инокомъ *Инокентіемъ*—Пафнутію боровскому; монахомъ *Пахоміемъ*—Петру и Февроніи муром.; пресвит. *Илію*—Михаилу клопскому; пресвит. *Филогеемъ*—Всеволоду псковскому; инокомъ *Григоріемъ*—Евѣмію суздальскому.

скому и св. великомученику Георгію болгарскому; в) два канона бывшаго игумена хутынскаго монастыря Маркелла Безбородаго—св. Никитѣ, епископу новгородскому, и г) одинъ канонъ—«твореніе Феодора» какого-то св. Максиму, юродивому московскому⁽⁸⁴⁾. Послѣдній классъ службъ и каноновъ Святыхъ, прославленныхъ соборами 1547—1549 г., и составляютъ тѣ, которые написаны, прежде ли, во время или послѣ соборовъ, только неизвѣстными лицами, и сохранились въ рукописяхъ XVI в.⁽⁸⁵⁾. Если перечислимъ еще каноны и службы Святыхъ, прославленныхъ послѣдующими соборами, какъ-то: Мартиніану бѣлозерскому—какого-то Матѳея инока, Саввѣ крыпецкому — пресвитера псковскаго Василя, Григорію и

(84) Четыре изъ этихъ каноновъ—Александру невск., Петру и Февроніи муром., Евфросину псков. и Георгію болгар., съ именами авторовъ, находятся въ Сборн. Рум. Муз. № 397 (Опис. 593. 596). Кромѣ того канонъ св. Александру певск., съ надписью: «сътворено смиреннымъ инокомъ Михаиломъ тояже обители, идежѣ блаженнаго тѣло лежитъ»,—находится въ Трефол. Тр.-Серг. лавр., исх. XVI в., № 624; канонъ св. Петру и Февроніи муром., съ надписью: «твореніе господина Михаила мниха»,—въ Трефолог. той же лавры XVI в. №№ 618. 619. Канонъ Константину муром. и его дѣтямъ, съ надписью: «твореніе и послѣдованіе господина Михаила мниха»,—въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. XVI в., № 619, равно какъ и въ печатной Минее (мая 21). Каноны Никитѣ новгор.—въ Слав.-руск. рукоп. Ундольск. № 103, л. 65, и въ печат. Минее, гдѣ въ началѣ каноновъ замѣчено: «пѣніе молебное, сложено по азбуцѣ, совершенно же (т. е. окончено) именовъ списавшаго», а въ концѣ и именно по начальнымъ буквамъ стиховъ послѣдней (9-й) пѣсни можно прочесть имя Маркелла (генв. 81). Канонъ Максиму Юрод., съ надписью: «твореніе Феодора»,—въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. XVI в., № 619, и въ волокол. Сборн. моск. дух. акад. № 381, л. 44.

(85) Разумѣемъ каноны и службы: Авраамію смоленскому, Ефрему перекомскому, Григорію пельшемскому, Арсенію сербскому, Иоанну сочавскому, Михаилу тверскому, Іакову ростовскому, Иоанну и Іонѣ повгородск., Діонисію глушицк., Зосимѣ и Савватію солов., Александру свирск., Макарію коляз., Павлу обнорск., Саввѣ сторожев., Иоанну и Прокопію устюжскимъ и тремъ мученикамъ лптовскимъ (Рукоп. Тр.-Серг. лавр., XVI в., №№ 603. 611. 619. 623. 624; Сборн. Рум. Муз. № 397, Опис. стр. 592—597; Сборн. библ. Царск. XVI в., № 563, Опис. стр. 632—635; Трефол. Ундольск. XVI в., №№ 101. 103, Опис. 113—117).

Кассіану авнежскимъ—игумена Данилова монастыря; Іоасафа, Стефану махрицкому—того же игумена, Антонію сійскому—царевича Івана и Іосифу волоколамскому—старца Фотія ⁽⁸⁶⁾; если прибавимъ къ этому нѣсколько каноновъ и службъ Святыхъ, мѣстно чтившимся, написанныхъ неизвѣстными лицами и дошедшихъ до насъ въ спискахъ XVI-го вѣка ⁽⁸⁷⁾: то мы въ состояніи будемъ составить себѣ довольно приблизительное понятіе о количествѣ службъ церковныхъ, появившихся у насъ до конца настоящаго періода.

Каковы же эти службы? Всѣ вообще очень невысокаго достоинства, а нѣкоторые крайне убоги и по содержанію и по внѣшней обработкѣ. Видно, что наши церковные пѣснописцы были только люди грамотные, безъ всякаго научнаго образованія, иногда же и недовольно грамотные. Клади они предъ собою существовавшіе каноны и службы и пользовались ими не только какъ образцами, но отчасти и какъ источниками; заимствовали изъ нихъ и мысли, и выраженія, и цѣлыя обороты рѣчи, нерѣдко даже цѣлыя пѣсни и цѣлыя отдѣлы; составляли кое-какъ и собственные пѣсни; все это соединяли, какъ могли,—и выходили новые каноны, новыя службы по-

⁽⁸⁶⁾ Каноны Мартиніану—Трефол. Тр.-Серг. лавр. № 628, л. 33; Саввъ крѣпецк.—Сборн. Рум. Муз. № 397, Опис. стр. 597; Григорію и Кассіану авнеж.—Сборн. Тр.-Серг. лавр. № 624, л. 483; Стефану махр. и Антонію сійск.—Сборн. библ. Царск. № 563, Опис. 634; Іосифу волок.—Синод. Сборн. № 927, л. 160.

⁽⁸⁷⁾ Именно: Исидору ростовскому (Рукоп. Тр.-Серг. лавр., XVI в., №№ 611. 618. 623. 624), Николѣ Кочанову юродив. (тамъ же № 624), Петру, царевичу ордынскому, Іакову боровицкому, Александру ошевенскому, Александру куштскому, князьямъ Василию и Константину ярославскимъ, Меркурію смоленскому и Василию, юродивому московскому (Сборн. Царск. XVI в., № 563, Опис. 632—635; Трефол. Ундольск. XVI—XVII в., № 104, Опис. 118).

вымъ Святымъ. Есть службы, которыя писались, кажется, подъ вліяніемъ одного какого-либо образца: напрімѣръ, служба свят. Іоанну, юродивому устюжскому, представляетъ сборъ пѣснопѣній изъ разныхъ службъ Пахомія Логоета съ нѣкоторыми дополненіями отъ автора; въ службахъ св. Саввѣ сторожевскому и св. Іакову боровицкому повторяются, то съ буквальною точностію, то съ небольшими измѣненіями, тропари и другія пѣсни изъ каноновъ згумена Маркелла св. Никитѣ новгородскому и замѣчается во всемъ такое сходство съ этими канонами, что какъ будто онѣ вышли изъ-подъ пера самого Маркела (⁸⁸). Есть службы, составлявшіяся подъ вліяніемъ двухъ и нѣсколькихъ образцовъ: такъ въ службѣ преп. Діонисію глушицкому встрѣчаются заимствованія изъ Пахоміевой службы преп. Кириллу бѣлозерскому и изъ службы преп. Θεодосію печерскому; а въ службѣ Максиму, юродивому московскому, — многія заимствованія и изъ Пахоміевыхъ службъ преп. Сергію и преп. Кириллу, и изъ службы Іоанну, юродивому устюжскому, и изъ службъ греческимъ юродивымъ (⁸⁹). Есть даже службы и каноны, которые слѣдуетъ назвать просто списками и копіями съ другихъ службъ и каноновъ: служба преп. Ефрему перекомскому—копія съ службы пресвитера Василя преп. Саввѣ вышерскому почти безъ перемѣнъ; канонъ св. Прокопію, юродивому устюжскому, — списокъ съ канона князю Всеволоду псковскому, съ пропусками только тѣхъ тропарей и стиховъ, которые явно неприложимы

(⁸⁸) Слич. по печ. Минеемъ, службы Саввѣ сторож.—дек. 3, Іакову боров.—окт. 23 и Никитѣ новг.—генв. 31.

(⁸⁹) Слич. по печ. Минеемъ, службы Діонисію—іюня 1, Кириллу бѣлов.—іюня 9, Θεодосію печер.—мая 3; также Максиму Юрод.—ноябр. 11, Сергію радон.—сент. 25, Іоанну Юрод.—мая 29, Симеону Юрод. и Іоанну—іюля 21.

къ лицу Прокопія; а канонъ св. Іоанну, юродивому устюжскому, цѣликомъ взятъ изъ службы греческимъ святымъ—Симеону Юродивому и Іоанну спостнику его, составленной греческимъ же пѣснописцемъ Теофаномъ Начертаннымъ, и прямо названъ твореніемъ Теофана ⁽⁹⁰⁾.

Изъ новыхъ обрядовъ церковныхъ замѣчательныхъ, прежде всего, обрядъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ митрополитовъ, которые въ прежнія времена ставились не у насъ, а въ Царьградѣ. Это избраніе происходило въ московскомъ успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Похвалы Богородицы. Епископы, подъ предсѣдательствомъ архіепископа новгородскаго или, въ случаѣ его отсутствія, другаго архіепископа, избирали трехъ кандидатовъ, записывали имена ихъ и, запечатавъ, передавали предсѣдателю; а онъ, «довольно помолившись», отверзалъ запечатанное и произносилъ имя одного изъ трехъ записанныхъ, который и признавался избраннымъ. Нареченіе избраннаго въ митрополита происходило въ томъ же придѣлѣ успенскаго собора по церковному чину, и потомъ всѣ святители вели нареченнаго прямо изъ собора къ государю. Государь иногда самъ, съ своими бсѣраки, съ святителями и съ нареченнымъ, котораго вели предъ нимъ подъ руки два епископа, отправлялся сперва въ успенскій соборъ, чтобы вмѣстѣ со всѣми, знаменоваться у св. иконъ и у гробовъ угодниковъ Божіихъ, а потомъ въ палаты митрополита, гдѣ архіепископъ и епископы посаждали нареченнаго на уготован-

⁽⁹⁰⁾ Слич. по печ. Минеемъ, службы Ефрему переком.—мая 16 и Саввѣ вышер.—окт. 1; также службы Прокопію Юрод.—іюля 8 и Всеволоду псков.—февр. 11; также каноны—Іоанну Юрод.—мая 29 и Симеону Юрод.—іюля 21.

ное мѣсто. А иногда государь, отпустивъ отъ себя нареченнаго съ святителями, которые вели его въ соборъ и затѣмъ въ митрополичьи палаты и сажали на митрополичьемъ мѣстѣ, самъ съ боярами отправлялся въ соборъ, спустя нѣсколько времени, и затѣмъ въ палаты къ нареченному, который и встрѣчалъ его съ подобающею честію. Въ день, назначенный для поставленія митрополита, устраивали въ успенскомъ соборѣ впереди амвона особое возвышеніе и на немъ ставили два сѣдалища, съ правой стороны—для государя, съ лѣвой для архіепископа, и по обѣ стороны нѣсколько пониже ставили длинныя сѣдалища для епископовъ, а предъ возвышеніемъ на полу начертывали большаго орла съ распростертыми крыльями. Предъ литургіею выводили нареченнаго изъ алтаря въ полномъ облаченіи и ставили на орла; здѣсь читалъ онъ свое исповѣданіе вѣры, и свершалось все прочее, что положено. Потомъ, если онъ еще не имѣлъ епископскаго сана, то отводимъ былъ опять въ алтарь; святители начинали литургію и, по окончаніи трисвятой пѣсни, рукополагали его во епископа-митрополита, и онъ уже самъ продолжалъ и оканчивалъ литургію. А если онъ и прежде имѣлъ санъ епископа, то, по прочтеніи имъ исповѣданія вѣры среди церкви предъ соборомъ святителей, архіепископъ вставалъ съ своего сѣдалища и велегласно произносилъ: «благодать Пресв. Духа, нашимъ смиреніемъ, имѣеть ты митрополитомъ всея Русіи». Затѣмъ государь и архіепископъ оставляли возвышеніе и на него возводимъ былъ святителями новый митрополить; вподіаконъ снимали съ первосвященителя епископскія одежды—фелонь и омофоръ—и облачали его въ митрополичьи—саккосъ и омофоръ. И новый митрополить самъ и начиналъ и совер-

шалъ божественную литургію. По окончаніи литургіи, святители брали новаго первосвятителя подъ руки, вели на возвышеніе среди церкви и тамъ три раза сажали его на мѣсто, произнося: «исъ полла эти, деспота», — послѣ чего митрополить разоблачался, и на него возлагали святители панагію, мантию съ источниками и бѣлый клобукъ, и отводили его на его митрополичье мѣсто каменное. Тогда приближался къ митрополиту государь и вручалъ ему архипастырскій посохъ, произнося краткую рѣчь, на которую митрополить отвѣчалъ также рѣчью. По выходѣ изъ храма, митрополить, облеченный въ мантию, принималъ отъ протоіерея воздвизальный крестъ животворящаго древа, садился на приготовленное ося и ѣхалъ во дворъ государя великаго князя, чтобы преподать ему благословеніе; а ося подъ митрополитомъ вели конюшіи великаго князя и боярищи митрополичій; предъ ними шли два хора пѣвчихъ—пѣвчіе государевы и митрополичьи, и пѣли стихи, предъ пѣвчими же шли четыре свѣщеносца съ пальмами. Отъ государя, точно такимъ же образомъ, ѣхалъ митрополить въ собственный дворъ, гдѣ благословлялъ святителей и духовенство, потомъ ѣхалъ вокругъ кремля и благословлялъ народъ и весь городъ, снова заѣзжалъ къ государю и возвращался въ свои палаты, гдѣ и предлагалъ трапезу всѣмъ участникамъ торжества; иногда же трапеза эта предлагалась самимъ государемъ въ его собственныхъ палатахъ ⁽⁹¹⁾.

(91) Акт. Эксп. I, №№ 184, 264; Собр. Р. Лѣт. VI, 39; VIII, 230; Ник. Лѣт. VI, 144. Вручая митрополиту жезлъ, государь произносилъ слѣдующее: «Всемогущая и животворящая Св.Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сій св. великій престоль архіерейства, митрополию всея Руси, руковоженіемъ и освященіемъ св. отецъ архіепископовъ и епископовъ русскаго

По существу, ни избраніе, ни нареченіе, ни даже поставленіе нашего митрополита, если онъ не носилъ еще епископскаго сана, ничѣмъ не отличались отъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ епископовъ (⁹²); но митрополитъ имѣлъ при этомъ три важныя преимущества, видимо возвышавшія его: послѣ нареченія онъ удостоивался особеннаго вниманія со стороны государя; послѣ поставленія принималъ пастырскій жезлъ изъ рукъ самого государя и, наконецъ, совершалъ торжественное шествіе на ослати для преподанія всѣмъ своего архипастырскаго благословенія.

Другой, отчасти подобный, обрядъ, который становится извѣстнымъ только со времени Іоанна IV, хотя, быть можетъ, былъ введенъ у насъ гораздо прежде, совершался въ недѣлю Вайи. Предъ литургіею, изъ успенскаго собора въ Москвѣ, выносили большое дерево (вербу), увѣшанное плодами, утверждали его на саняхъ или на колесницѣхъ и везли медленно. Подъ деревомъ стояли пять малыхъ пѣвчихъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли свящ. пѣсни. За деревомъ слѣдовали—многіе юноши съ зажженными свѣчами, потомъ хоругви и иконы, да-

царства: и жезлъ пастырства, отче, восприми, и насадишице старѣйшинства во имя Господа І. Христа и преч. Его Матери *взиди*, и моли Бога и преч. Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православнѣи, и подасть ти Господь Богъ здравіе и долголѣтство во вѣкъ вѣка». Митрополитъ отвѣчалъ государю такъ: «Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ поставленное твое царство, самодержавный государю и владыко! Мирно да будетъ и многолѣтно твое государство, и побѣдно, со всѣми повиующимися тебѣ христіолубивыми воинствы и съ прочими народы, да пребываетъ во вѣки; во вся дни живота твоего здравъ, здравъ, здравъ буди, добротворя, владыко самодержецъ, на многія лѣта».

(⁹²) См. Чиизъ поставленія епископа—въ Акт. Эксп. I, № 375. Замѣчательно, что и при поставленіи нашихъ епископовъ государь лично присутствовалъ и воссѣдалъ на возвышеніи посреди церкви на своемъ столѣ подлѣ митрополита, по правую его сторону, пока поставляемые читали свое исповѣданіе (тамъ же стр. 469).

лѣе священники, числомъ болѣе ста, еще далѣе бояре и савновники, наконецъ митрополить и государь. Митрополить ѣхаль верхомъ на ослѣ, а государь шель подлѣ и, держа въ одной рукѣ вербу, другою вель, за конецъ повода, осла, котораго держаль подѣ уздцы бояринѣ. Митрополить, сидя на ослѣ, лѣвою рукою поддерживаль на своихъ колѣнахъ евангеліе, а въ правой имѣль св. крестъ, которымъ осѣняль на обѣ стороны. Несмѣтныя толпы народа спѣшили разстлать на пути митрополита свои одежды, сопровождая эту церковную процессію, которая тихо двигалась вокругъ всѣхъ главныхъ церквей кремля и, наконецъ, возвращалась въ успенскій соборъ. Здѣсь митрополить совершалъ литургію, а по окончаніи ея предлагаль въ своихъ палатахъ для государя и другихъ знатныхъ лицъ обильную трапезу и подносилъ государю дорогой денежный поминокъ. Такая же церемонія въ недѣлю Ваѣ происходила въ Новгородѣ и, вѣроятно, въ другихъ городахъ, гдѣ находились архіерейскія каѣдры. Въ Новгородѣ, напримѣръ, въ 1548 г., осла, на которомъ сидѣль архіепископъ съ крестомъ и евангеліемъ, вели новгородскіе намѣстники государя, князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій, да князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ. Шествіе совершалось изъ софійскаго собора до церкви Входа во Іерусалимъ и обратно. Затѣмъ владыка литургисаль въ соборѣ и угощаль въ своихъ палатахъ какъ обѣихъ намѣстниковъ государевыхъ, такъ и прочія власти города и настоятелей монастырей, и одарилъ обѣихъ намѣстниковъ богато-украшенными иконами и серебряными ковшами (93).

(93) Гаклюйтъ у Карамз. IX, 275, изд. Эйнерд; Флетчеръ—О государствѣ

Въ то же время, т. е. около половины XVI в., уже употреблялся у насъ и обрядъ такъ-называвшагося *пещнаго дѣйствія*. Совершалось оно предъ праздникомъ Рождества Христова въ недѣлю праотецъ или въ недѣлю св. отецъ. Для этого въ соборномъ храмѣ снимали нѣкоторыя паникадила и архіерейскій амвонъ, и на мѣстѣ послѣдняго ставили большую деревянную круглую печь; избирали трехъ мальчиковъ и двухъ взрослыхъ людей, чтобы первые представляли собою трехъ св. отроковъ Ананію, Аварію и Мисаила, а взрослые—двухъ халдеевъ; дѣтей облачали въ стихари и украшали вѣнцами, взрослыхъ одѣвали въ халдейское платье, и всѣмъ давали въ руки пальмы. Предъ вечернею, наканунѣ пещнаго дѣйствія, всѣ они являлись къ архіерею и сопровождали его въ церковь. А на утрени въ слѣдующій день, когда начиналось пѣніе стиха 7-й пѣсни: «Тричисленные отроки состави Св. Троица...», архипастырь благословлялъ начинать и самое пещное дѣйствіе. Халдеи выводили изъ алтаря трехъ отроковъ связанныхъ, по шеямъ, полотенцемъ, и, поставивъ среди церкви предъ печью, говорили имъ: «Дѣти царевы! Видите ли сію печь, уготованную вамъ на мученіе?» Дѣти отвѣчали: «видимъ, но не ужасаемся ея, ибо есть на небеси Богъ нашъ, емуже мы служимъ; той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея и отъ рукъ вашихъ избавити насъ, и сія печь бу-

Русск., гл. 25 стр. 94 (гдѣ именно и сказано, что въ этотъ день царю платилъ первосвятитель положенную дань—200 рублей); *Куріанов*. Отрывки изъ расходн. книгъ новгор. соф. дома за 1548 г., въ Изв. Археолог. Общ. III, вып. I, 48. Въ слѣдующемъ столѣтіи на московскомъ соборѣ 1678 г., сколько ни старались ровнскать, когда и отъ когоначался у насъ обрядъ, совершавшійся въ Вербное воскресенье, по ни въ лѣтописяхъ, ни въ церковныхъ книгахъ, ни въ устныхъ преданіяхъ ничего объ этомъ не нашли (Акт. Эксп. IV, № 223).

дѣть не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе». Съ дѣтей снималось связывавшее ихъ полотенце, архіерей давалъ имъ благословеніе и вручалъ витыя свѣчи, а халдеи вводили отроковъ, одного за другимъ, въ печь, запирали въ ней и подъ печью ставили горнъ съ горящими угольями. Тогда протоіаконь велегласно запѣвалъ: «благословенъ еси Боже отецъ»..., и отроки въ печи продолжали эту пѣсню до конца, между тѣмъ какъ халдеи старались усиливать пламень въ горнѣ, подбрасывая туда удобостгораемая вещества. Въ эти минуты въ церкви раздавался громъ, и ангелъ Господень сверху спускался въ печь къ отрокамъ. Халдеи падали ницъ, опаляясь собственнымъ огнемъ, и чрезъ нѣсколько времени вставъ, снимали свои халдейскія шапки, клали ихъ на свои пальмы и съ поникшими головами стояли въ молчаніи. А отроки, при видѣ ангела, трижды поклонились ему, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ, и вмѣстѣ съ ангеломъ, придерживаясь его, три раза обходили печь. По выходѣ отроковъ изъ печи, печное дѣйствіе оканчивалось; затѣмъ возглашалось многолѣтіе государю и его семейству, и прерванная на время утренняя продолжалась своимъ порядкомъ. Отроки и халдеи въ своихъ одеждахъ сопровождали потомъ святителя, въ наступившій день, къ литургіи и къ вечерни въ соборъ и обратно (94).

(94) Въ расходн. книгахъ нов. соф. дома за 1548 г. сказано, что 12-го декабря «дано *халдеемъ* Новіку да Киршѣ на сапоги да на рукавицы восемь атлантъ», что потомъ въ навечеріе Рождества Христова приходили къ архіепископу славить Христа софійскій протопопъ съ соборянами и, въ числѣ ихъ, два *халдея* и что, при раздачѣ поздравителямъ наградъ, «халдеемъ двѣма дано гривна московская». Далѣе записано о покупкѣ «халдейскихъ шапокъ» и шести аршинъ червчататаго сукна, которое и отдано «халдею Новіку наюцу». Откуда взялись эти халдеи въ новгородѣ при соф. причтѣ? Безъ сомнѣнія, это тѣ самые два *халдея*, которые предъ праздникомъ Рождества Христова участвовали въ печномъ дѣйствіи,

Упомянемъ еще о новыхъ крестныхъ ходахъ въ Москвѣ, которые установилъ Стоглавый соборъ. Эти ходы были троякаго рода: одни совершались изъ мѣстныхъ семи московскихъ соборовъ въ главный-каедральный успенскій соборъ; другіе изъ мѣстныхъ соборовъ въ приходскія церкви, къ нимъ причисленныя; третьи изъ приходскихъ церквей въ другія, причисленныя къ одному съ ними собору. Ходы перваго рода совершались только три раза въ годъ: въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, въ понедѣльникъ Свѣтлыя седмицы и въ недѣлю предъ Воздвиженіемъ. Во всѣ эти три дня священники приходскихъ церквей, причисленныхъ къ тому или другому изъ мѣстныхъ московскихъ соборовъ, отпѣвъ, каждый, вечерню въ своей церкви, шли, вмѣстѣ съ прихожанами, въ свой соборъ, гдѣ также отправляема была вечерня мѣстнымъ священникомъ. По окончаніи ея поднимали кресты и хоругви, и поповскій староста, взявъ въ руки крестъ, начиналъ молебенъ и, вмѣстѣ со всѣми собравшимися священниками и ихъ прихожанами, совершалъ крестный ходъ въ успенскій-каедральный соборъ; во время хода продолжали пѣть молебенъ, и всѣ православные имѣли въ рукахъ свѣчи. Дождавъ окончанія вечерни въ каедральной церкви, поповскій староста съ своимъ соборомъ начиналъ пѣть среди церкви стихъ: «Радуйся, дворе Божія»; диаконъ говорилъ эктению: «поми-

совершавшемся въ соф. соборѣ: другаго объясненія придумать нельзя (Изв. Археолог. Общ. III, вып. I, 34. 86). Пещное дѣйствіе, въ XVI столѣтіи, совершалось у насъ и при каедрахъ всѣхъ другихъ епархіальныхъ архіереевъ (*Флетч. О государ. русск.*, гл. 25, стр. 94). Самый чинъ этого дѣйствія, какъ оно совершалось въ Новгородѣ около половины XVII в., напечатанъ въ Древн. Росс. Вивліюе. VI, 363, и изложенъ въ статьѣ: Древніе церков. обряды въ Новгородѣ (Чтен. М. Истор. Общ. 1861, I, отд. III, 8—10).

луй насъ Боже», кадилъ иконы, священнослужителей и весь народъ; староста проносилъ отпустъ и подносилъ митрополиту, или другому присутствовавшему владыкъ, крестъ. Митрополить, приложившись ко кресту, благословлялъ старосту и всѣхъ пришедшихъ съ нимъ священниковъ и народъ и отпускалъ ихъ. И они, тѣмъ же крестнымъ ходомъ, съ пѣнѣмъ молебна, возвращались въ свою соборную церковь, изъ которой, послѣ отпуста, расходились въ свои дома. Такимъ же точно образомъ поступали, одинъ за другимъ, и всѣ прочіе поповскіе старосты семи московскихъ соборовъ, приходившіе съ подвѣдомыми имъ священниками и народомъ въ кафедральную церковь. Изъ мѣстныхъ соборовъ въ приходскія церкви, къ нимъ причисленныя, крестные ходы совершались: а) отъ недѣли всѣхъ Святыхъ до праздника Воздвиженія каждый воскресный день, послѣ вечерни, и б) во всю Свѣтлую седмицу, каждый день, послѣ заутрени: въ эти дни приходскіе священники съ своими прихожанами собирались въ свой соборъ и оттуда ходили съ крестами по всѣмъ церквамъ, къ нему причисленнымъ. Наконецъ, когда наступалъ храмовой праздникъ въ какой-либо приходской церкви, то священники всѣхъ другихъ церквей одного съ нею собора совершали въ нее крестные ходы, съ своими прихожанами, послѣ заутрени, которую отправляли въ собственныхъ церквахъ. Всѣ эти крестные ходы втораго и третьяго рода совершались по тому же самому чину, какъ и ходы изъ мѣстныхъ московскихъ соборовъ въ кафедральный успенскій, и всѣ сопровождалсь церковнымъ звономъ (Стол. гл. 35).

Въ церковномъ пѣніи нашемъ произошла значительная пере-
мѣна. Въ первые четыре вѣка нашей церкви, у насъ пѣли

«на рѣчь», т. е. произносили при пѣніи слова свящ. пѣсней точно такъ же, какъ они произносились въ рѣчи, въ разговорѣ и какъ писались: то былъ періодъ *праворѣчія* или *истиннорѣчія* въ нашемъ церковномъ пѣніи. Съ пятнадцатаго вѣка и особенно съ половины его у насъ насталь періодъ *раздѣльнорѣчія* или *растяжнорѣчія* въ церковномъ пѣніи, начали пѣть слова не такъ, какъ они произносились въ рѣчи и писались, а съ измѣненіемъ въ нихъ полугласныхъ буквъ на гласныя, иногда съ прибавкою гласныхъ, иногда даже съ отнятіемъ согласныхъ; на примѣръ, слова пѣсни: «сѣгрѣшихомъ, беззаконовахомъ... предъ тобою...», но не предажь насъ до конца...», — начали пѣть: «согрѣшихомо и беззаконновахомо передо тобою, но не преда иже насо до конца...» Такое растяжнорѣченіе въ церковномъ пѣніи входило постепенно, и въ нотныхъ книгахъ первой половины XV в., оно встрѣчается еще весьма рѣдко, лишь въ немногихъ словахъ. Но со второй половины этого вѣка оно стало усиливаться и распространяться болѣе и болѣе, и подъ конецъ 1476 г., новгородскій лѣтописецъ съ изумленіемъ замѣтилъ: «той же зимы нѣкоторые философовѣ начаша пѣти: Огосподи помилуй, а друзѣи: Осподи помилуй» (Собр. Лѣт. IV, 130). Впродолженіе же XVI в. достигло высшей степени, такъ что нѣкоторыя слова при пѣніи трудно было и понять; на примѣръ, пѣли вмѣсто: Спасъ—Сопасо; вмѣсто: изми—иземи, вмѣсто: во мнѣ—во монѣ. Нотные знаки и теперь оставались прежніе—безлинейные, писались непосредственно надъ словами и слогами текста и назывались знаменами и крюками; но въ начертаніи ихъ совершилась перемѣна: ихъ стали писать скорописью. Потомъ, для удобнѣйшаго пониманія этихъ крюковыхъ нотъ, къ кон-

ду XV в., начали прибавлять иногда пояснительные знаки на полях нотных рукописей, а во второй половинѣ XVI в., при каждой крюковой нотѣ, отдѣльно отъ нея, начали писать киноварныя *подмѣтныя слова* или *помѣты*, обозначавшія какую-либо перемѣну въ степени или исполненіи звука. Мало-по-малу во всеобщее употребленіе вошли помѣты, изобрѣтенныя новгородцемъ Иваномъ Акимовичемъ Шайдуровымъ. Въ-стѣ съ тѣмъ начали появляться въ нотныхъ книгахъ, особою статьею, краткія руководства къ изученію крюковыхъ знаковъ и помѣтъ къ нимъ, и одно изъ такихъ руководствъ, подъ именемъ грамматики, составлено тѣмъ же Шайдуровымъ. Церковному пѣнію обучались у насъ въ первоначальныхъ школахъ, вмѣстѣ съ чтеніемъ и письмомъ, и у тѣхъ же мастеровъ. А какъ школы эти къ концу XV и въ началѣ XVI в. пришли въ крайній упадокъ, то упало съ ними и церковное пѣніе. «Мужики озорные на крылосѣ поють..., мужики-невѣжи учать робять, да рѣчь имъ портятъ», писалъ владыка новгородскій Геннадій къ митрополиту Симону и просилъ его ходатайства предъ государемъ объ открытіи училищъ (А. И. I, 147. 148). Стоглавый соборъ также созналъ этотъ упадокъ и недостатокъ училищъ и съ сожалѣніемъ воспоминалъ, что прежде въ Москвѣ и Новгородѣ и другихъ городахъ многія училища бывали, и пѣвцы и чтецы славные были по всей землѣ; а потому опредѣлялъ, чтобы въ каждомъ городѣ, заботливостію мѣстнаго духовенства, открыты были училища въ домахъ тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дяковъ, которые горазды читать и пѣть и писать (Стогл. гл. 25. 26). Изъ числа вновь заведенныхъ училищъ прежде всѣхъ принесли добрые плоды для церковнаго пѣнія новгородскія. Изъ нихъ вы-

шли сдѣлавшіеся вскорѣ знаменитыми мастерами: Иванъ Шайдуровъ, Маркелль Безбородый и два брата—Василій и Савва Роговы, родомъ корелы. О трудахъ Шайдурова мы уже упоминали. Маркелль, сперва инокъ, потомъ игумень хутыньскій, извѣстный авторъ житія св. Никиты новгородскаго и канона ему, «роспѣлъ (т. е. положилъ на ноты) Псалтырь». Василій Роговъ, въ монашествѣ Варлаамъ и съ 1586 г. архіепископъ ростовскій, «зѣло былъ гораздъ знаменному и трое-срочному и демественному пѣнію, былъ роспѣвщикъ и *творецъ* (т. е. самъ сочинялъ ноты)». А братъ его Савва славился, преимущественно, какъ искусный учитель церковному пѣнію, и приготовилъ многихъ не менѣе прославившихся учениковъ. Таковы были: Иванъ Нось, Феодоръ Христіанинъ, московскій священникъ, и Стефанъ Голышъ. Первые два дѣйствовали въ Москвѣ и иногда, по волѣ царя Ивана Васильевича, въ его Александровской слободѣ, и Иванъ Нось «роспѣлъ и изъяснилъ тріоди, святымъ стихиры и славники, также крестобогородичны и богородичны минейныя»; а попъ Феодоръ особенно былъ «гораздъ знаменному пѣнію, и мнози отъ него научишася». Стефанъ же Голышъ, новгородецъ, «ходилъ по градамъ и училъ Усольскую страну», и кромѣ того «много знаменнаго пѣнія роспѣлъ». Изъ учениковъ его наиболѣе извѣстенъ Иванъ Лукошковъ, вполнѣдствіи Исаія, архимандритъ владимірской рождественской обители: онъ «вельми знаменнаго пѣнія распространилъ и наполнилъ». Первая заслуга всѣхъ этихъ мастеровъ состояла въ томъ, что они обучали другихъ искусному пѣнію, и изъ ихъ-то учениковъ, конечно, наполнялись существовавшіе у насъ хоры пѣв-

чихъ:—государевъ, митрополичій и прочихъ архіереевъ (⁹⁵). Но еще важнѣе была та заслуга, что этими мастерами положены на ноты—«и въ нашей рустѣй земли просіавшимъ безчисленными чудесы, мужемъ же и женамъ, иже именуются *новыѣ чудотворицы*, овымъ стихеры, инымъ же славники, а инымъ съ литіями и съ хвалитными стихеры и съ величаніи полные празднества, отъ мѣсяца сентября до конца мѣсяца августа». Учреждено у насъ въ настоящій періодъ много праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ; составлено имъ много новыхъ службъ. И вотъ нашлись мастера, которые положили на ноты, гдѣ слѣдуетъ, всѣ эти службы, и тѣмъ дали своимъ соотечественникамъ возможность прославлять ново-явленныхъ угодниковъ Божіихъ приличными пѣснопѣніями и свѣтлѣе праздновать новые церковные праздники (⁹⁶).

III.

Обратимся теперь вообще къ церковнымъ книгамъ, по которымъ совершалось у насъ тогда богослуженіе. О существованіи въ нашей церкви полного круга богослужебныхъ книгъ.

(⁹⁵) Акт. Эксп. I, стр. 159. 160. 299; Доп. А. И. I, № 131, стр. 201; Собр. Р. Лѣт. III, 172. Здѣсь упоминаются *пѣчіе дьяки* великаго князя, митрополичьи и новгородскаго владыки, и *станицы* этихъ пѣвчихъ. У новгородскаго владыки, въ 1548 г., было три станицы пѣвчихъ дьяковъ: дьяки *большой* станицы, дьяки *другой* станицы и дьяки *московской* станицы, всего 14 человекъ, и кромѣ того 7 подъяковъ *большихъ* и 6 подъяковъ *меньшихъ* (Журіанов. Открывки изъ расходн. книгъ повг. соф. дома за 1548 г., въ извѣст. Археолог. Общ. т. III, вып. I, 33. 45).

(⁹⁶) «Предисловіе, откуда начаса быти въ нашей Рустѣй земли осмогласное пѣніе», папеч. въ Чтен. М. Истор. Общ. 1846—1847, III, отд. I, 22; Сагаров. Исслѣдов. о русск. церковн. пѣніи, стр. 7—20. 28—31 (Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, № 7); Разумовск. Церк. пѣніе въ Россіи. отд. II. гл. I и V.

въ настоящій періодъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ отъ второй половины XV-го и особенно отъ XVI-го вѣка сохранились многіе списки всѣхъ этихъ книгъ и нѣкоторые изъ нихъ довольно подробно описаны. Что же представляютъ намъ эти списки? При сличеніи списковъ каждой книги, прежде всего поражаемся ихъ разнообразіемъ. Списки, напримѣръ, Служебника, — важнѣйшей изъ богослужебныхъ книгъ, можно, повидимому, раздѣлить на два класса. Большая часть изъ нихъ списывалась съ Служебника Кипріянова, представляющаго чинъ литургіи въ томъ видѣ, какой далъ ей въ XIV в. извѣстный патріархъ цареградскій Филоеѣй. При всемъ томъ, списки эти разнятся и отъ Служебника Кипріянова и между собою, то сокращеніями, то дополненіями, то измѣненіями; даже тѣ списки, на которыхъ прямо замѣчено, что они писаны «съ митрополича съ кипріянова переводу слово въ слово», оказываются довольно съ нимъ несходными (*7). Списки втораго класса списывались частію съ Кипріянова, частію же съ разныхъ другихъ служебниковъ, употреблявшихся у насъ до Кипріяна, и еще болѣе разнятся, какъ между собою, такъ и отъ списковъ кипріяновской редакціи (*8). Считаая излишнимъ перечислять всѣ разности, встрѣчающіяся въ тѣхъ и другихъ спискахъ, укажемъ только на двѣ изъ нихъ, какъ относящіяся къ рѣшенію вопросовъ, получившихъ у насъ особую важность въ XVII вѣкѣ, вопроса о числѣ просфоръ на проскомидіи и вопроса о молитвенномъ призываніи предъ освященіемъ даровъ: *Господи, иже пресвятаго твоего Духа...* и проч. Число просфоръ въ нѣкоторыхъ

(*7) Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, №№ 350. 352. 354. 358. 359. 375. 376. 377.

(*8) Опис. той же библ. III, I, №№ 349. 357. 360. 361. 362.

спискахъ не опредѣлено и ясно говорится только или о двухъ первыхъ просфорахъ или о трехъ; въ другихъ спискахъ, какъ и въ Киприановомъ, можно различать пять просфоръ; еще въ нѣкоторыхъ—шесть, а въ одномъ, конца XVI в., даже семь ⁽⁹⁹⁾. Молитвенное призываніе предъ освященіемъ даровъ въ большей части списковъ киприановской редакціи находится; но въ нѣкоторыхъ, какъ и въ самомъ киприановомъ и многихъ, употреблявшихся у насъ до Киприана, не находится ⁽¹⁰⁰⁾. Списки другой богослужебной книги—Требника разнятся между собою и по составу,—такъ нѣкоторые какъ заключаютъ въ себѣ и служебникъ,—и по числу чиновъ или статей, составляющихъ собственно Требникъ (въ однихъ спискахъ только 80 статей, въ другихъ 152 или 154 или 159), и по порядку ихъ, и иногда даже по содержанію: наприм., въ чинѣ крещенія, по двумъ спискамъ, ясно разрѣшается крестить младенцевъ чрезъ обливаніе ⁽¹⁰¹⁾. Что касается до церковнаго Устава, то не говоря уже о различіи между списками Устава студійскаго, который все еще употреблялся у насъ, по крайней мѣрѣ, въ XV в., и списками Устава іерусалимскаго, болѣе и болѣе распространявшагося въ нашей церкви, мы должны сказать, что даже списки одного послѣдняго Устава представляютъ немало разностей. Въ однихъ спискахъ менѣе главъ, особенно въ первой части (44), въ другихъ гораздо болѣе (67); въ однихъ нѣкоторыя главы, особенно заимствованныя изъ Такти-

⁽⁹⁹⁾ Число просфоръ не опредѣлено—см. тамъ же №№ 352. 355. 357. 360. Пять просфоръ—№№ 344. 376. 377. Шесть—№№ 350. 354. 356. 358. Семь—№ 362.

⁽¹⁰⁰⁾ Находится—№№ 350. 352. 358. 368. 376. Не находится—№№ 344. 349. 354. Снес. Предисл. къ этому III отд. Описанія, стр. VII.

⁽¹⁰¹⁾ Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, №№ 375. 376. 377. 378 и особенно стр. 73. 209. 210. 233.

кона Никона Черногорца, изложены короче, въ другихъ несравненно обширнѣе; въ однихъ, при изложеніи службъ по мѣсяцеслову, показано меньше русскихъ Святыхъ, въ другихъ гораздо больше, и въ каждомъ спискѣ есть свои дополнительные статьи, которыхъ нѣтъ въ другихъ ⁽¹⁰²⁾. Кромѣ этого общаго Устава, употреблявшагося въ церквахъ и монастыряхъ, нѣкоторые наши монастыря, Троицко-сергіевъ, Кирилловъ, Іосифоволоколамскій, имѣли еще свои частныя церковныя уставы, съ новыми дополненіями и особенностями ⁽¹⁰³⁾.

Но мало того, что списки нашихъ богослужебныхъ книгъ были столько несходны между собою, и что богослуженіе по нимъ совершалось въ нашихъ церквахъ не одинаково и разнообразно, списки эти еще наполнены были погрѣшностями и ошибками, которыя, при постоянномъ списываніи новыхъ и новыхъ экземпляровъ съ прежнихъ, уже поврежденныхъ, болѣе и болѣе умножались частію отъ небрежности, а частію отъ невѣжества и произвола писцовъ. До какой степени доходили эти погрѣшности, ясно засвидѣтельствовалъ Максимъ Грекъ въ извѣстныхъ своихъ апологіяхъ, обращенныхъ къ духовенству и боярамъ: «Я учу всякаго человѣка право мудрствовать о воплощемся Богѣ Словѣ, т. е. не глаголати Его

⁽¹⁰²⁾ Списокъ студійскаго Устава XV в.— тамъ же № 382. Списки Устава іерусалимскаго— №№ 386—390. Для того, чтобы удобнѣе было пользоваться іерусалимскимъ Уставомъ владыка новгородскій Геннадій сократилъ его или составилъ руководство, подъ названіемъ: «Уставъ озорительный», въ которомъ всѣ праздники и правднуемые Святые подведены подъ извѣстные разряды, отмѣчены своими условными буквами и другими знаками, и каждому разряду опредѣленъ общій порядокъ службы; а въ мѣсяцесловѣхъ, противъ имени cadaго праздника и святаго, выставлены только эти условные знаки (тамъ же стр. 339. 348). См. также Славяно-русск. рукоп. Ундольск. №№ 114. 115. 116. 118.

⁽¹⁰³⁾ Опис. рукоп. м. Синод. библ. №№ 401. 403.

единого точію челоуѣка, по вашимъ Часословцамъ, но Бога совершенна и челоуѣка совершенна во единой вѣстости, единого Богочелоуѣка. Такъ же исповѣдую всею душею того же Богочелоуѣка воскресшимъ изъ мертвыхъ въ третій день, а не *безконечною смертію умерша*, какъ проповѣдуютъ Его *вездѣ* ваши толковыя Евангелія. Я учу вѣровать и проповѣдывать, что Онъ по божеству не созданъ, а не то, что *созданъ и сотворенъ*, какъ богохульствовалъ Аріій и какъ проповѣдуютъ Его *вездѣ* ваши Тріоди. Я мудрствую и исповѣдую, что Онъ одинъ рожденъ отъ Отца безъ матери прежде всѣхъ вѣкъ; Отецъ же безматернимъ нигдѣ въ Писаніи не называется, Онъ безначаленъ и нерожденъ...; а ваши Часословцы проповѣдуютъ Его *собезматерня Сыну*..... Взявъ въ руки свящ. книгу Тріодъ, я нашелъ въ 9-й пѣсни канона великаго четвертка, — что несозданнаго естествомъ Сына и Слово пребезначальнаго Отца воспѣваютъ *не суща естествомъ несозданна*, и не стерпѣль такой хулы, и исправиль.....» Такъ же въ 3-й пѣсни канона на недѣлю Фомины: «въ гробъ затворенъ бывъ описуемою плотію своею неописанный божествомъ» и проч., — нѣкоторые изъ нынѣшнихъ суемудровъ, вмѣсто — *описуемою* плотію своею, пишутъ дерзостно — *неописуемою*...» (Макс. Сочин. 1, 28 — 30; III, 62. 63. 67). Если можно усомниться, чтобы наши Тріоди и толковыя Евангелія *вездѣ* проповѣдывали о Христѣ, будто Онъ, по божеству, созданъ и сотворенъ или умеръ безконечною смертію; если можно предположить, что Максимъ, желая болѣе защитить себя, преувеличивалъ число замѣченныхъ имъ ошибокъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ: все же нельзя отрицать ни дѣйствительности, ни важности этихъ ошибокъ. Царь Иванъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ такъ

же свидѣтельствовалъ: «божественныя книги писцы пишутъ съ перправленныхъ переводовъ (списковъ), а написавъ, не правятъ же; опись къ описи прибываетъ и недописки...; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтуть и поють, и по нимъ ученики учатся, и пишутъ съ нихъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 5). И когда вскорѣ послѣ того царь повелѣлъ для многихъ новыхъ церквей покупать на торжищахъ св. книги, то между купленными «малы обрѣтошася потребни; прочіи же вси растлѣни отъ преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и неисправленіемъ пишущихъ» (104). Какія же мѣры принимаемы были у насъ противъ этого растлѣнія или поврежденія богослужебныхъ книгъ?

Первая мѣра, во дни в. кн. Василя Ивановича и митрополита Варлаама, состояла въ томъ, что поручили пересмотрѣть и исправить церковныя книги Максиму Греку. Къ сожалѣнію, Максимъ, знатокъ греческаго и латинскаго языковъ, мало еще зналъ тогда по-русски и нуждался въ пособіи русскихъ переводчиковъ, знавшихъ только по-латыни. Неизбѣжны были взаимныя недоразумѣнія, неточности въ переводѣ, даже ошибки, такъ что исправленія Максима показались нѣкоторымъ не исправленіями, а новою порчею церковныхъ книгъ. И Максимъ, вслѣдствіе также другихъ, неблагоприятныхъ для него, обстоятельствъ, вскорѣ подвергся церковной опалѣ; работа его по исправленію книгъ прекратилась и для потомства не сохранилось даже слѣдовъ ея (105).

Стоглавый соборъ, въ отвѣтъ на заявленіе государя о не

(104) См. Послѣсловіе къ первопеч. Московск. Апостола—въ Опис. старо-печ. книгъ Толстова, стр. 26.

(105) Подробнѣе о Максимѣ нами сказано въ т. VI, 175—192.

исправности церковныхъ книгъ, указаль другую мѣру къ исправленію ихъ. Онъ постановиль: а) протоіереямъ и старшимъ священникамъ, вмѣстѣ со всѣми священниками въ каждомъ городѣ, осматривать по всѣмъ церквамъ священныя и церковныя книги, и если гдѣ найдутъ книги неисправныя и съ описками, то исправлять такія книги *соборныя съ добрыхъ переводовъ*, т. е. съ хорошихъ списковъ; б) приказывать писцамъ, которые по городамъ книги пишуть, чтобы они писали съ добрыхъ переводовъ и, по написаніи, непременно исправляли вновь написанные экземпляры, и тогда-то уже продавали; а неисправленныхъ списковъ отнюдь не продавать и никому не покупать; в) если же, не смотря на запрещеніе, неисправленные книги будутъ кѣмъ-либо проданы и куплены, то книги эти отбирать даромъ и, по исправленіи, отдавать въ церкви, которыя скудны книгами. (Столг. гл. 27 и 28). Но и эта мѣра не могла привести къ добрымъ послѣдствіямъ. Соборъ приказаль исправлять церковныя книги съ добрыхъ переводовъ, т. е. по хорошимъ спискамъ; но этихъ хорошихъ списковъ не указаль и не разслалъ, хотя бы по одному экземпляру, въ каждый городъ для руководства. Слѣд-самимъ протоіереямъ и священникамъ въ каждомъ городѣ оставалось избирать для себя образцовый списокъ и по немъ повѣрять прочіе списки, и, неизбежно, сколько было городовъ, столько же должно было явиться и образцовыхъ списковъ для повѣрки нашихъ богослужебныхъ книгъ. Да и чѣмъ могли руководиться при выборѣ этихъ образцовыхъ списковъ? Всего скорѣе и надежнѣе ихъ относительно древностію. Но извѣстно, что и древніе списки нашихъ церковныхъ книгъ не сходны между собою и не чужды ошибокъ. А съ другой

стороны, всѣ-ли тогдашніе протоіереи и священники, при общей малограмотности въ нашемъ духовенствѣ, въ состояніи были избрать для себя такой списокъ и по немъ соборнѣ исправлять другіе списки. Не говоримъ уже о жалкихъ писцахъ, которымъ также вмѣняемо было въ обязанность имѣть у себя хорошіе списки и съ нихъ писать и повѣрять новые списки.

Надобно присовокупить, что Стоглавый соборъ, преподавъ общее правило, какъ исправлять богослужебныя книги, попытался и самъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя исправленія какъ бы для примѣра другимъ, но самъ же первый и нарушилъ данное имъ правило и вообще показалъ свою неспособность къ этому дѣлу. Такъ въ своемъ «указѣ божественныя службы», т. е. литургіи, онъ прежде всего помѣстилъ входные тропари или молитвы; но въ числѣ ихъ находятся и такіе, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ прежнихъ «добрыхъ переводахъ», да и вообще въ прежнихъ спискахъ литургіи, слѣд. помѣстилъ и прибавилъ самовольно (Стогл. гл. 9). Излагая чинъ проскомидіи, повелѣлъ вынимать изъ третьей просфоры часть Предтечи «такову же, якоже Пречистыя» (гл. 9); а въ другомъ мѣстѣ постановилъ, что эта предтечева часть должна быть «мало поменьши» Богородичной (гл. 41, вопр. 11). Пересматривая чинъ самой литургіи, остановился на нѣкоторыхъ ектеніяхъ и замѣтилъ, что «негораздо» говорятъ: «о архіепископѣ нашемъ (имя) и о честномъ его пресвитерствѣ», а надобно говорить: «о архіепископѣ нашемъ честнаго его пресвитерства и, еже о Христѣ, діаконства и всего причта»; также надобно говорить: «день весь совершенъ, святъ, мирень, безгрѣшенъ испросивше *себѣ* и другъ *другу* и весь животъ нашъ Христу Богу пре-

дадимъ», и еще: «единеніе вѣры и причастіе Св. Духа испросивше *себя* и другъ *другу* и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ» (гл. 9.) Между тѣмъ какъ по переводу съ подлиннаго текста слѣдуетъ именно произносить: «о архі-епископѣ нашемъ, честномъ пресвитерствѣ, о Христѣ діаконствѣ» и проч., равно какъ.... «сами *себя* и другъ *друга* и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». Отцы собора, очевидно, не знали греческаго текста или не обращались къ нему. Въ символѣ вѣры соборъ обратилъ вниманіе на осьмой членъ и постановилъ: «глаголется: и въ Духа Святаго, *истиннаго* и животворящаго,—ино то гораздо; нѣщія же глаголютъ: и въ Духа Святаго, *Господа истиннаго*,—ино то негораздо; едино глаголати: или Господа, или истиннаго» (гл. 9). Справедливо соборъ осудилъ чтеніе: *Господа истиннаго*, доселѣ содержимое нашими раскольниками: потому что чрезъ это чтеніе прибавляется лишнее слово къ символу вѣры, и этого чтенія не встрѣчаемъ въ нашихъ рукописяхъ до XVI вѣка⁽¹⁰⁶⁾. Но не совсѣмъ справедливо призналъ безразличнымъ, читать ли: *Господа*, или читать: *истиннаго*. Если бы соборъ обратился къ древнимъ добрымъ переводамъ, то увидѣлъ бы, что въ спискахъ символа XI—XIV в. читалось: «и въ Духа Святаго, *Господа животворящаго*», или: «и въ святыи Духъ *господень* и въ животворящій», и что это чтеніе сохра-

(106) Въ подлинномъ, т. е. греческомъ текстѣ членъ символа о Св. Духѣ читается καὶ εἰς τὸ πνεῦμα, τὸ ἅγιον, τὸ κύριον, τὸ ζωοποιόν. Слѣд. въ славянскомъ переводѣ надобно говорить только: или—*Господа* или—*истиннаго*, и въ чтеніи: *Господа истиннаго*—допускается въ символѣ лишнее слово. Такое чтеніе не встрѣчается прежде XVI в.—Опис. рук. м. Синод. библ. III, I, предисл. XVIII. XIX, 440. 445.

нялось и въ нѣкоторыхъ спискахъ XV и даже XVI в. ⁽¹⁰⁷⁾, а чтеніе: «и въ Духа Святаго, истиннаго», сколько досель извѣстно, началось лишь съ конца XIV или начала XV в. и, постепенно распространяясь, сдѣлалось господствующимъ только въ XVI столѣтіи ⁽¹⁰⁸⁾. А потому, конечно, отдалъ бы предпочтеніе первому чтенію предъ послѣднимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что недостаточность мѣры, указанной Стоглавымъ соборомъ, для исправленія богослужебныхъ книгъ, сознавали уже и въ то время. Вслѣдствіе этого, лишь только

⁽¹⁰⁷⁾ Въ Спискѣ сѣмвала XI в., времени вел. кн. Ярослава, по свидѣтельству Зиповія, читавшаго этотъ списокъ, было сказано: «и въ Духа Святаго Господа», а не было написано: «и въ Духа Святаго истиннаго» (Истин. Показ. 955). Въ спискѣ Кормчей Румянц. Муз. XIII в. № 230, по древнѣйшему переводу болгарскому: «и въ Святыи Духъ Господень и въ животворящій» (напечатанъ сполна *Розенкампфомъ* въ концѣ его соч. о Кормчей книгѣ, изд. 2). Въ спискѣ церк. Обихода Новг. Соф. библ. XIII—XIV вѣка: «и въ Духа святаго, Господа, животворящаго» (напеч. въ Хр. Чтен. 1853, II, 219). Точно такъ же въ спискахъ XV в.—М. Синод. библ. №№ 374, 407 (Опис. III, I, 172, 424), Новг. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1173, л. 311, и въ спискахъ XVI в. м. Синод. библ. №№ 185, 318 (Опис. II, II, 506; II, III, 599), и Кириллов. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1078, гл. 58; № 1079, л. 294. Особеннаго замѣчанія достойно, что въ обѣихъ извѣстныхъ Кормчихъ XIII в., Кирилловской или Рязанской (Рукоп. Толстова, отд. I, № 311) и Софійской (М. Синод. библ. № 132), послужившихъ прототипами для всѣхъ, употреблявшихся у насъ, Кормчихъ XIV, XV, XVI в., равно какъ и во всѣхъ этихъ Кормчихъ, въ главѣ со Фривѣхъ и о прочихъ латинахъ—первое обличеніе противъ латинянъ вложено такъ: «свѣтому образу вѣры, отъ евангельскихъ рѣчи сложены сущи и явѣ тако глаголющо о Святомъ Дусѣ: и въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, исходящаго отъ Отца,—ти же приложиша: и отъ Сына—влѣ и блаженѣ». Такъ и въ Кормчей Кирилло-бѣлов. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. академіи, писанной при патриархѣ Іовѣ въ 1590 г. (№ 1078, гл. 85); такъ же и въ печатной Кормчей 1653 г.

⁽¹⁰⁸⁾ Конц. XIV или нач. XV в.—Моск. Синод. библ. № 371 (Опис. III, I, 143); а равно и въ Слѣдован. Псалтыри, писанной рукою митрополита Кипріяна († 1406), читасмъ въ сѣмволѣ вѣры: «и въ Духа Святаго истиннаго, животворящаго, отъ Отца исходящаго...» (Рукоп. моск. дух. акад. № 142, л. 170 об.). Конца XV в.—№ 406 моск. Синод. библ.; XV—XVI в.—№ 408; XVI в.—№ 409 (Опис. тамъ же 416, 427, 434) и др.

царю Ивану Васильевичу было донесено, что почти всѣ, купленные на торжищахъ, по его приказанію, книги для церквей оказались «растлѣнными» отъ переписчиковъ, царь началъ помышлять, какъ бы завести на Руси, вмѣсто рукописныхъ, печатныя книги, по примѣру грековъ и другихъ народовъ. Онъ открылъ свою мысль митрополиту Макарію. Святитель весьма обрадовался и, воздавъ благодареніе Богу, сказалъ царю, что самъ Богъ внушилъ ему эту мысль, и она есть даръ, ниспосланный свыше. Вслѣдъ за тѣмъ, по повелѣнію царя и благословенію митрополита, и открылась въ Москвѣ первая типографія ⁽¹⁰⁹⁾. Новая мѣра, безспорно, была несравненно лучше прежнихъ. Черезъ печатаніе можно было достигнуть разомъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, уничтожить разнообразіе богослужебныхъ книгъ и ввести во всѣ церкви книги одинаковыя, а во-вторыхъ—предотвратить дальнѣйшую порчу книгъ, дальнѣйшія ошибки со стороны писцовъ. Но уничтожить прежнія ошибки, уже существовавшія въ книгахъ, печатаніе не могло само собою. Для этого требовались люди, которые сьумѣли бы, еще до печатанія, сличить славянскія книги съ греческими и исправить, со всею точностію, испорченный переводъ по тексту подлинному. А такихъ-то людей у насъ тогда и не было. И вотъ всѣ три книги, какія только успѣли у насъ выдти изъ типографіи въ настоящій періодъ, Апостоль, Часословъ и Псалтырь, были напечатаны, безъ всякаго сличенія съ грече-

⁽¹⁰⁹⁾ См. Посаѣск. къ моск. Апостолу 1564 г.—въ Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова 27. Объ учрежденіи этой типографіи нами сказано прежде, т. VII, стр. 121—123.

скимъ текстомъ, прямо со списковъ славянскихъ, которые, быть можетъ, показались печатавшимъ сравнительно лучшими, но не были свободными отъ погрѣшностей и ошибокъ, — въ чемъ, при чтеніи этихъ книгъ и сличеніи съ подлинникомъ, легко убѣдиться. Въ такомъ же видѣ перешло дѣло печатанія богослужебныхъ книгъ и въ послѣдующій періодъ.

Много было погрѣшностей и разностей въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ; но допускались еще у насъ погрѣшности при самомъ совершеніи богослуженія и въ томъ, что относится къ богослуженію, существовали разности въ самыхъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ, зависѣвшія не отъ книгъ, а отъ людей. Невеселую картину этого рода погрѣшностей и неисправностей представилъ царь отцамъ Стоглаваго собора. «Нынѣ видимъ и слышимъ, говорилъ царь, что многіе *церковныя чины* совершаются не сполна, не по свящ. правиламъ и не по уставу, и вы бы о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ разсудивъ, указъ учинили» (гл. 5, вопр. 1). И, какъ бы для примѣра, указалъ, въ частности, на то, а) что надъ просфорами о здравіи или за упокой, за которыя боголюбцы давали деньги просфорницамъ, сами просфорницы «приговаривали» имена поминаемыхъ, а священники уже не проскомисали тѣхъ просфоръ на жертвенникѣ о здравіи или за упокой православныхъ, и жертва къ Богу отъ нихъ не приносилась, но только брали тѣ просфоры отъ просфорницъ и относили къ себѣ (гл. 5, вопр. 11); б) что въ московскихъ церквахъ совсѣмъ не пѣли литій и псалмовъ: *Хвалите имя Господне...; исповѣдайтесь Господу...; на рѣкахъ вавилонскихъ....*, когда то положено по уставу (гл. 41, вопр. 9. 10); в) что освященіе воды

совершали нѣкоторые, по невѣдѣнію или неразумію, не однимъ крестомъ, чрезъ троекратное его погруженіе, а совокупляли для того многіе кресты и иконы съ мощами и погружали (гл. 41 вопр. 6). Обращая вниманіе на самихъ *священнослужителей и причетниковъ*, царь свидѣтельствовалъ: «попы по своимъ церквамъ и церковные причетники поютъ безчинно, вдвое и втрое (гл. 5, вопр. 22); совершаютъ утреню и вечерню въ церкви у престола безъ ризъ, въ одной епитрахили такъ въ царскія врата входятъ; безъ ризъ, въ одной епитрахили, крестятъ дѣтей, отпѣвають младенцевъ, вѣнчаютъ свадьбы; поютъ молебны и панихиды» (гл. 5, 23), и проч.

Въ отвѣтъ на замѣчанія царя относительно *чиновъ церковныхъ*, соборъ—1) постановилъ общее правило: «отнынѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ городамъ, и по всей землѣ русской, во всѣхъ церквахъ совершать литургію и всѣ прочія церковныя службы сполна, по уставу и по свящ. правиламъ, ничего не претворяя» (гл. 6); 2) въ частности, запретилъ всѣ уклоненія отъ устава, указанныя царемъ, и подтвердилъ, чтобы впредь надъ просфорами ничего не приговаривали просфорницы, но только отсылали просфоры въ алтарь, а священники вынимали изъ тѣхъ просфоръ частицы о здравіи и за упокой (гл. 8); чтобы въ московскихъ церквахъ «неотложно» пѣли тѣ пѣсни, литіи и псалмы, которые дотошѣ не пѣлись, вопреки уставу (гл. 41, отв. 9. 10), и чтобы освященіе воды совершаемо было однимъ крестомъ чрезъ троекратное его погруженіе, а прочіе кресты и иконы съ мощами тутъ же держались на рукахъ священнослужителей (гл. 41, отв. 6); 3) изложилъ или только подтвердилъ нѣкоторыя правила, касавшіяся и другихъ чиновъ и священно-

дѣйствій церковныхъ, которыя также, вѣрно, нарушались,—напримѣръ, правила—а) о звонѣ къ литургіи: въ субботу звонить въ началѣ четвертаго часа (разумѣется, отъ восхода солнечнаго), въ день воскресный и въ великіе праздники въ началѣ третьяго, въ средніе и малые праздники и во всѣ прочіе дни въ началѣ пятаго (гл. 7); б) о чтеніяхъ для поученія народа на заутрени: читать евангеліе толковое, Златоуста, житія святыхъ, Прологъ и прочія святая и душеполезныя книги (гл. 6); в) о крещеніи: крестить дѣтей чрезъ троекратное погруженіе, а не чрезъ обливаніе, при чемъ долженъ быть только одинъ кумъ, либо мужскаго, либо женскаго пола (гл. 17); г) о бракѣ: совершать бракосочетаніе послѣ литургіи, а не ночью; жениху должно быть не менѣе 15 лѣтъ, невѣстѣ—не менѣе 12-ти (гл. 18); д) о царскихъ дверяхъ и завѣсѣхъ: когда отверзать или открывать ихъ и проч. (гл. 10. 11).

Противъ безчинія, неисправностей и нерадѣнія, какія допускали, по свидѣтельству царя, относительно священнослуженій сами *священно-и-церковно-служители*, соборъ опредѣлилъ: а) чтобы чтеніе и пѣніе въ церквахъ совершалось неспѣшно и со всякимъ вниманіемъ, чтобы вдругъ двое не читали псалмовъ, не канонархали, и чтобы церковныя пѣсни въ пѣніи не смѣшивались (гл. 16); б) протоіереямъ и старшимъ священникамъ строго наблюдать за поведеніемъ приходскаго духовенства и самимъ приходскимъ священникамъ и діаконамъ строго заповѣдать, чтобы они всякій день ходили въ церковь, стояли въ ней со страхомъ Божиимъ и благоговѣніемъ, совершали всѣ службы чинно и по уставу; виновныхъ же и неисправныхъ подвергать запре-

щенію, а потомъ и пизверженію изъ сана (гл. 29); в) крестить дѣтей, вѣнчать свадьбы, святить воду въ навечеріи Богоявленія, въ день самаго Богоявленія на іордани и въ 1-й день августа, священники должны въ полномъ облаченіи; а вечерни, панихиды, повечерія и полунощницы, утрени и молебны должны пѣть въ епитрахили и фелони (гл. 14).

Немало также извѣстно и разностей, которыя допускаемы были у насъ при отправленіи богослуженій и зависѣли отъ произвола людей или отъ мѣстныхъ обычаевъ. Въ Новгородѣ, напримѣръ, какъ свидѣтельствовалъ царь на Стоглавомъ соборѣ, по всѣмъ церквамъ городскимъ, посадскимъ и монастырскимъ, по окончаніи проскомидіи и часовъ, священникъ велегласно говорилъ въ царскихъ дверяхъ отпустъ; а въ московскихъ церквахъ нигдѣ этого не говорили,—и соборъ опредѣлилъ: говорить вездѣ по всѣмъ церквамъ (Стогл. гл. 41, вопр. 12). Въ Москвѣ и во всѣхъ московскихъ предѣлахъ по всѣмъ церквамъ, кромѣ монастырей, даже въ воскресные и праздничные дни не пѣли, а только «рѣчью говорили», т. е. читали, на вечерни: «Свѣте тихій.....» и на заутрени великое славословіе,—между тѣмъ въ Новгородѣ, и Псковѣ, и въ Троицко-сергіевой лаврѣ обѣ эти свящ. пѣсни пѣлись во всѣ воскресные и праздничные дни и только въ будни читались (Стогл. гл. 5, вопр. 33. 34). Равнымъ образомъ и на литургіи пѣсьнъ: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную»—въ Москвѣ и московскихъ предѣлахъ всегда «рѣчью говорили», а въ Новгородѣ, Псковѣ и Сергіевой лаврѣ всегда пѣли (см. тамъ же). Въ Псковѣ на литургіи—«Отче нашъ» и «Вѣрую во единого Бога»—пѣли, а въ Новгородѣ чи-

тали; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—«Отче нашъ»—возглашалъ диаконъ⁽¹¹⁰⁾. Въ символѣ вѣры одни пѣли и говорили: «.... воплощася отъ Духа Свята и Марія Дѣвы...», а далѣе: «чаю воскресенія мертвыхъ», а другіе: «отъ Духа Свята и изъ Марія Дѣвы...» и «жду воскресенія мертвыхъ». По всей Россіи на литургіи пѣли: «поемъ *ты*, благословимъ *тебя*, благодаримъ *тебя*, Господи, и молимъ *тебя*, Боже нашъ», а въ Москвѣ съ нѣкотораго времени вздумали пѣть: «поемъ *тебѣ*, благословимъ *тебя*.....» и проч. Точно такъ же издревле всѣ пѣли у насъ на литургіи: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы *твоея*»; а какой-то Варлаамъ Лопотухинъ, съ своими клеветами, въ Троицко-сергіевомъ монастырѣ началъ первый пѣть: «исполнь небо и земля славы *Его*», и вслѣдъ за Лопотухиномъ едва не повсюду стали пѣть: «славы *Его*»⁽¹¹¹⁾. Всѣ эти и другія подобныя, касавшіяся богослуженія, разности⁽¹¹²⁾, естественно, обращали на себя вниманіе, особенно людей книжныхъ, считались, болѣе или менѣе, важными, а нѣкоторыя даже весьма важными, и служили предметами состязаній и споровъ, въ которыхъ приходилось принимать участіе и такимъ лицамъ, каковы были Максимъ Грекъ и отенскій инокъ

⁽¹¹⁰⁾ *Зинков. Истинны Показ.* 968—972; Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, 67. Впрочемъ, въ концѣ XV и въ нач. XVI в. символъ вѣры пѣли за литургіей и въ Новгородѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ владыки Геннадія: «сіе исповѣданіе всегда въ церкви да глаголится, и на поставленіе святителейъ, и на крещеніе дѣтемъ, паче же на божественнѣй литургіи *всегда иже поемъ естъ*» (Нашей Ист. VI, прилож. III, стр. 378).

⁽¹¹¹⁾ *Зинков. Истинны Показ.* 938. 944. 952. 961.

⁽¹¹²⁾ Какова, наприм., разность въ хожденіи вокругъ церкви при освященіи ея, по солнцу ли или противъ солнца, — о чемъ нами сказано прежде (VI, 65).

Зиновій (¹¹³). Но самыми важными въ ряду этихъ разностей, пріобрѣтшими наибольшую историческую извѣстность, должно признать двѣ: разность въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и разность въ пѣвнѣ *аллилуйи*.

IV.

Царь Иванъ Васильевичъ, между прочимъ, заявилъ на Стоглавомъ соборѣ: «Христіане крестятся не по существу и крестное знаменіе не по существу кладутъ на себѣ, а отцы духовные о томъ не радятъ и не поучаютъ» (Стогл. гл. 5, вопр. ²⁶ 6). Въ отвѣтъ на это заявленіе царя, соборъ постановилъ: «протіереи, священники и діаконы воображали бы на себѣ крестное знаменіе крестообразно и по чину, а протіереи и священники и благословляли бы православныхъ крестообразно же; такъ же и учили бы своихъ духовныхъ дѣтей и всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы они ограждали себя крестнымъ знаменіемъ по чину и знаменовались крестообразно, чтобы *устанавливали правую руку для крестнаго знаменія, совокупивъ большой палецъ да два нижнихъ перста во едино, а верхній персть съ среднимъ совокупивъ, простерши*

(¹¹³) Максимъ училъ, что надобно въ символѣ вѣры говорить: «воплощася отъ Духа Свята и Марія Дѣвы», а не изъ Марія Дѣвы, и далѣе: «жду воскресенія мертвымъ», а не—чаю (Макс. Сочин. III, 54—60). Зиновій, соглашаясь съ Максимомъ въ первомъ, не соглашался въ послѣднемъ и доказывалъ, что слѣдуетъ говорить: «чаю воскресенія...», а не—жду (Зинов. Ист. Покая. 952. 964). Тотъ же Зиновій считалъ дѣломъ слишкомъ важнымъ, читать ли или пѣть за литургіей молитву Господню и символъ вѣры, и выразился: «согрѣшаютъ много *поущи* «Отче нашъ» и «Вѣрую во единого Бога», поколебающе святыхъ уставъ, и недалеко отъ еретикъ, и суть подѣ клятвою» (тамъ же 968—972).

и мало называютъ. Такъ святителямъ и іереямъ благословлять и возлагать на себѣ рукою крестное знаменіе двумя перстами: сначала возлагать на чело, потомъ на перси, т. е. сердце, затѣмъ на правое плечо, наконецъ на лѣвое плечо.... Такъ же подобаеъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ уставлять руку и воображать на лицѣ своемъ крестное знаменіе двумя перстами. *Если же кто двумя перстами не благословляетъ, какъ и Христосъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ,*—изрекли св. отцы... Три персты совокупити низу, а два верхніи купно: тѣми благословити и креститися въ божество и въ человѣчество». Затѣмъ соборъ привелъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, сказаніе о св. Мелетіи антiохійскомъ, будто бы благословившемъ людей на соборѣ такимъ именно сочетаніемъ перстовъ, и ученіе Θεодорита о сложеніи для благословенія и крестнаго знаменія трехъ перстовъ во образъ Пресв. Троицы и двухъ перстовъ во образъ двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ (гл. 31), и осудилъ неразумныхъ, которые, «махаяще рукою по лицу своему», творять крестное знаменіе, а не полагаютъ руки сперва на челѣ своемъ, потомъ на персяхъ, далѣе на правомъ плечѣ, наконецъ на лѣвомъ (гл. 32). Это правило Стоглаваго собора, излагающее ученіе о благословеніи и крестномъ знаменіи то самое, какого доннынѣ держится русскій расколъ, а не то, какое содержитъ православная церковь, издавна служило премеомъ самыхъ жаркихъ пререканій между обличителями раскола и его защитниками. И мы, не входя въ подробности всѣхъ этихъ пререканій, считаемъ, однакожъ, себя обязанными рассмотретьъ здѣсь спорное правило собственно съ исторической точки зрѣнія.

Дѣйствительно ли 31-я глава Стоглава, содержащая въ себѣ ученіе о благословеніи и крестномъ знаменіи, принадлежить Стоглавому собору? Было время, когда сомнѣвались въ подлинности самой книги—Стоглавъ и думали видѣть въ пей не соборное уложеніе, а только черновыя записки Стоглаваго собора, кѣмъ-то измѣненныя впоследствии и дополненныя ⁽¹¹⁴⁾. Но нынѣ, когда сдѣлались извѣстными двѣ наказныя грамоты митрополита Макарія, писанныя имъ отъ лица Стоглаваго собора, одна къ бѣлому, а другая къ монашествующему духовенству Россіи, и заключающія въ себѣ цѣликомъ или только въ сокращеніи многія главы изъ Стоглава, какъ соборнаго уложенія, сомнѣваться въ подлинности этой книги было бы уже неразумно ⁽¹¹⁵⁾. А если такъ: то надобно признать подлинною и 31-ю главу Стоглава не только потому, что она находится во всѣхъ спискахъ его, даже самыхъ древнихъ, но и потому, что она пзложена также въ обѣихъ наказныхъ грамотахъ Макарія, писанныхъ отъ лица собора ⁽¹¹⁶⁾. Напрасно говорили, будто отцы Стоглаваго собора, отвѣчая прямо на предложеніе царя о крестномъ знаменіи, могли постановить или подтвердить христіанамъ только правило о благочинномъ огражденіи себя крестнымъ знаменіемъ, и будто статья о двуперстїи и вообще о сложеніи перстовъ вовсе не соотвѣтствуетъ запросу царя,

⁽¹¹⁴⁾ *Филарет. Ист. русск. Ц. III, 193, изд. 2.* Этого мнѣнія держались и мы и старались его доказывать подробно въ нашей *Истор. русск. раскола*, 49—60, изд. 2.

⁽¹¹⁵⁾ См. нашей *Истор. VI, 220—227* и дал.

⁽¹¹⁶⁾ Она была помѣщена въ грамотѣ въ монастыри (см. *Стоглав. стр. 280. изд. Казан.*) и кратко изложена въ грамотѣ къ бѣлому духовенству (*Пряв. Собесѣдн. 1863, I, 205*).

и слѣд. внесена въ 31-ю главу Стоглава не отцами собора, а кѣмъ-либо другимъ ⁽¹¹⁷⁾. Напротивъ, статья эта вполне соответствуетъ вопросу царя. «Христіане, сказалъ царь, рукою крестятся не по существу, и крестное знаменіе не по существу кладутъ на себѣ». Тутъ, очевидно, два частныхъ указанія, и собору слѣдовало дать на нихъ два отвѣта: первый, какъ рукою креститься по существу, т. е. какъ устанавливать руку для крестнаго знаменія, какъ слагать ея персты, и второй—какъ крестное знаменіе по существу класть на себѣ. Къ существу крестнаго знаменія соборъ, по всей справедливости, могъ относить не только правильное начертаніе крестнаго знаменія, но и правильное сложеніе перстовъ руки для крестнаго знаменія. Напрасно также старались доказывать, будто митр. Макарій не могъ подписать Стоглава и въ немъ главы о двуперстіи, будто самъ этотъ митрополитъ держался троеперстія, потому что помѣстилъ въ своихъ Чети-минеяхъ извѣстное слово Θεодоритово въ томъ видѣ, въ какомъ оно, повидимому, благопріятствуетъ троеперстію, и преніе Панагіота съ азимитомъ, укоряющее латинянъ за употребленіе ими при крестномъ знаменіи двухъ перстовъ, а не трехъ ⁽¹¹⁸⁾. Къ сожалѣнію, необходимо согласиться, что Макарій подписалъ Стоглавъ съ статьею о двуперстіи, если только Стоглавъ былъ подписанъ присутствовавшими на соборѣ отцами, и самъ держался двуперстія: потому что,—повторяемъ,—разослалъ послѣ собора двѣ наказныя грамоты, составленныя по Стоглаву и заключающія въ себѣ и ученіе о

⁽¹¹⁷⁾ Пр. Филар. Ист. Р. Церкв. III, 189. 191.

⁽¹¹⁸⁾ О. Виноград. О Θεодоритовомъ словѣ, 97—102, Москв. 1866.

двуперстія. Если же Макарій помѣстилъ въ своихъ Чети-минейхъ Θεодоритово слово въ такомъ изложеніи, которое, по-видимому, благоприятствуетъ троеперстію: то—а) въ такомъ же почти самомъ изложеніи Слово это помѣщено и въ 31-й главѣ Стоглава отцами собора, а извѣстно, какъ оно ими тамъ истолковано; б) и при такомъ изложеніи Слово это предписываетъ одно и то же перстосложеніе какъ для крестнаго знаменія, такъ и для благословенія, — что протвпно православному обычаю. Если Макарій помѣстилъ также въ двухъ книгахъ своихъ Чети-миней, декабрьской и іюньской, писанныхъ до Стоглаваго собора, статью о преніи Панагіота съ азимитомъ, въ которой первый укоряетъ послѣдняго: «почто не слагаеши *три* персты..., но твориши крестъ съ *обоими* персты...»; то въ августовской книжкѣ тѣхъ же Чети-миней Макарія, писанной послѣ Стоглаваго собора, это мѣсто статьи читается уже такъ: «и чему, не якоже мы крестимся, проображающе истиннаго креста *двѣма* персты..., — вы же, окаянніи еретицы, не якоже повелѣша св. отцы..., крестъ воображаете внѣ себѣ...» (119). Самый

(119) Это преніе Панагіота съ азимитомъ недавно издано вполне въ трехъ редакціяхъ: 1) по двумъ сербскимъ спискамъ XIV в., гдѣ занимающее насъ мѣсто читается: «почто три свои прсты десные руки твоєи не полагаєши, ни гнєлєши чєло своє, ни на прсы, ни на десныи си босакъ, то ни на дѣвы..., но твориши крестъ твои, та зрїть внѣ»; 2) по русскимъ спискамъ XVI в., въ томъ числѣ, по списку іюньской книжки Макарьевской Чети-миней, гдѣ находимъ: «почто не слагаєши три персты и не крєстишися десною рукою и полагаєши на чєлѣ твоємъ..., но твориши крестъ со обонни персты, и воображеніє крєста твоєго зрїть вонѣ»; 3) по списку Макарьевской Чети-миней за августъ, гдѣ читаемъ: «чему, не якоже мы крєстимся, проображающе истиннаго крєста двєма персты на глави и на сєрдци..., вы же, окаянніи еретицы, не якоже повелѣша святїи отцы..., крєстъ воображаете внѣ себѣ...» А. Попов. Историко-литер. обзоръ древне-русск. полемич. сочиненій, XI—XV в. М. 1875, стр. 238—286).

вѣрный взглядъ на Стоглавый соборъ имѣли отцы большого московскаго собора, бывшаго въ 1667 году. Они не отвергали и не заподозривали ни подлинности Стоглава, ни участія въ немъ митрополита Макарія, а прямо выразили мысль, что соборъ и Макарій въ ученіи о двуперстіи и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, изложенныхъ въ книгѣ Стоглавъ, погрѣшили, и погрѣшили «простою и невѣжествомъ» (120). Не надобно забывать, что Стоглавый соборъ былъ только соборъ частный или помѣстный; а частные соборы, какъ и частныя церкви, не изъяты отъ возможности погрѣшать; тѣмъ болѣе не изъяты отъ нея частныя лица и іерархи, даже самыя просвѣщенные. И какъ погрѣшности, допущенныя Стоглавымъ соборомъ и его предсѣдателемъ по простотѣ и невѣдѣнію, касаются вовсе не догматовъ вѣры, а лишь обрядовой ея стороны, то онѣ и не могутъ служить для насъ препятствіемъ признавать какъ соборъ, такъ и знаменитаго святителя Макарія, православными.

Но если ученіе о перстосложеніи, содержащееся въ 31-й главѣ Стоглава, несомнѣнно принадлежитъ Стоглавому собору, то какъ же объяснить происхожденіе этого ученія, откуда и когда оно появилось у насъ? Чтобы поставить этотъ вопросъ раздѣльнѣе и отвѣчать на него съ возможною отчетливостію, считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать два слѣдующія замѣчанія.

Первое замѣчаніе: главная, коренная особенность ученія, изложеннаго въ 31-й главѣ Стоглава, состоитъ въ томъ, что оно заповѣдуетъ только одно перстосложеніе и для крестнаго

(120) Дополн. къ А. И. V, стр. 487.

знаменія и для благословенія, между тѣмъ какъ православная церковь строго различаетъ, и по внутреннему смыслу, и по внѣшнему виду, два перстосложенія: перстосложеніе, которое употребляютъ всѣ вѣрующіе для крестнаго знаменія, и перстосложеніе, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрующихъ. Всѣ православно-вѣрующіе осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ во имя Пресв. Троицы и для этого слагаютъ вмѣстѣ и равно три первые перста правой руки, пригнувъ два послѣдніе: перстосложеніе это называется *троеперстнымъ*. Пастыри же православной церкви преподаютъ вѣрующимъ благословеніе во имя Господа Иисуса Христа, и для этого слагаютъ персты правой руки такъ, чтобы они изображали собою первыя и послѣднія буквы благословеннаго имени: ІС. ХС., т. е. Иисус Христос, въ частности—совокупляютъ персты второй и третій, иначе — указательный и средній, такъ, чтобы второй, простертый, представлялъ собою букву—*I*, а третій, простертый и нѣсколько наклоненный, букву—*C*, первый же, или большой палець, совокупляютъ съ двумя послѣдними такъ, чтобы онъ, пересѣкая четвертый палець, представлялъ вмѣстѣ съ нимъ букву—*X*, а пятый персть или мизинець, простертый и нѣсколько наклоненный, представлялъ при нихъ букву *C*: это перстосложеніе называется *именословнымъ*. Если сравнимъ съ двумя этими православными перстосложеніями такъ—называемое *двуперстное* перстосложеніе, которое утверждено Стоглавымъ соборомъ и доселѣ содержится нашими раскольниками: то увидимъ, во-первыхъ, что по внѣшнему виду оно, различаясь вполне отъ троеперстнаго, имѣетъ большое сходство съ именословнымъ: ибо учить слагать два перста, указательный и средній.

совершенно такъ, какъ они слагаются въ именованномъ, а три остальные перста—совокуплять довольно близко къ тому, какъ они совокупляются въ именованномъ,—и это сходство, очевидно, простирается до того, что именованное перстосложеніе не безъ основанія можно назвать двуперстнымъ, двуперстное же признавать за именованное, только не совсѣмъ точное или испорченное. А во-вторыхъ, увидимъ, что, по внутреннему смыслу, двуперстное перстосложеніе старается совмѣстить въ себѣ оба православныя перстосложенія: ибо учить слагать и три перста во имя Пресв. Троицы, согласно съ троеперстнымъ, и два перста во имя Иисуса Христа, или двухъ естествъ въ Немъ согласно съ именованномъ. Но не это собственно важно въ настоящемъ случаѣ; важно то, что, какъ мы уже сказали, Стоглавыи соборъ и для крестнаго знаменія и для благословенія заповѣдуетъ одно перстосложеніе, а церковь православная—два различныхъ, и слѣд. вопросъ о времени происхожденія этого перстосложенія, заповѣдуемаго Стоглавомъ, можетъ быть, прежде всего, выраженъ такъ: одно ли или два различныхъ перстосложенія употреблялись въ православной церкви для крестнаго знаменія и благословенія во времена предшествовавшиа Стоглавому собору?

Второе замѣчаніе. Перстосложеніе, заповѣдуемое 31-ю главою Стоглава, несправедливо или, по крайней мѣрѣ, не точно называется двуперстнымъ: оно есть вмѣстѣ и троеперстное. Стоглавъ учить слагать для крестнаго знаменія и благословенія не только два перста, но и три, и даже о сложеніи трехъ перстовъ во имя Пресв. Троицы говорить прежде, а уже потомъ о сложеніи двухъ перстовъ для озна-

ченія двухъ естествъ во Христъ. Правда, самое крестное знаменіе должно быть начертывасмо, по Стоглаву, двумя перстами правой руки, но при этомъ непременно должны быть совокуплены воедино и три остальные перста правой руки, такъ что, если бы кто сталъ креститься или благословлять только двумя перстами своей десницы, а трехъ остальныхъ перстовъ ея не совокуплялъ воедино или слагалъ какъ-нибудь иначе, или совсѣмъ не слагалъ, такое благословеніе и такое крестное знаменіе были бы, по Стоглаву, неправославными, педозволительными. Слѣдовательно вопросъ нашъ не въ томъ, съ какого времени начали въ церкви креститься или благословлять двумя перстами, а въ томъ, съ какого времени начали для крестнаго знаменія употреблять двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе проповѣдуемое Стоглавомъ, съ какого времени это двуперстно-троеперстное перстосложеніе начали употреблять не для одного только крестнаго знаменія или не для одного благословенія, а равно и для того и для другаго.

Сохранилось непререкаемое свидѣтельство, что въ первой половинѣ XV вѣка у насъ, какъ и въ Греціи, употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, а другое для крестнаго знаменія, — свидѣтельство, которое должно имѣть полную силу и для послѣдователей Стоглава. Въ Степенной книгѣ, пересмотрѣнной и дополненной подъ непосредственнымъ руководствомъ самого митрополита Макарія, и даже по списку ея, писанному еще при его жизни, два раза изложенъ слѣдующій рассказъ: однажды митрополитъ Фотій (1410—1431) посѣтилъ Симоновскую обитель и, обходя монастырскія службы, зашелъ въ пекарню и здѣсь

увидѣлъ. инокъ Іону, который незадолго предъ тѣмъ отъ многого труда, воздержанія и непрестанной молитвы уснулъ, и «десную свою руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословяше ею. Святитель со удивленіемъ зряше на нѣ и не повелѣ никомуже разбудити его, и, пророчествуя о немъ, глаголаше: разумѣйте, о чада, яко инокъ сей Іона будетъ великъ святитель во странахъ русскія земли» и проч.,— что впослѣдствіи и исполнилось (121). Почему это митрополитъ Фотій удивился при видѣ спавшаго Іоны? Почему изрекъ пророчество, что онъ будетъ великимъ святителемъ? Потому единственно, что Іона, простой инокъ, не имѣвшій права благословлять, держалъ десную руку свою «согбену, яко благословляше ею». Да какъ же Фотій могъ бы узнать по согбенію руки Іоны, что онъ «яко благословляше ею», если бы перстосложеніе святительское и іерейское для благословенія не отличалось тогда отъ перстосложенія всѣхъ вѣрующихъ для крестнаго знаменія, а было одно и то же? Въ такомъ случаѣ Фотію, при видѣ спавшаго Іоны, всего естественнѣе могло бы придти на мысль, что, вѣрно, инокъ, какъ молился предъ сномъ, такъ и заснулъ, усталый, съ тѣмъ же молитвеннымъ перстосложеніемъ, и не было бы повода ни удивляться, ни предсказывать о будущемъ святительствѣ Іоны. Необходимо согласиться, что во дни митрополита Фотія († 1431), который, какъ извѣстно, пришелъ къ намъ изъ Греціи и хорошо зналъ обычаи православной церкви, въ ней дѣйствительно употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, другое для крестнаго зна-

(121) Степ. кн. II, 37. 70.

меня. А вслѣдъ за тѣмъ необходимо допустить, что одно и то же перстосложеніе для крестнаго знаменія и благословенія, проповѣдуемое Стоглавомъ, могло получить свое начало отнюдь не прежде, какъ во второй половинѣ XV в., слѣд. уже въ обозрѣваемый нами періодъ нашей церковной жизни. Впрочемъ, это только общее и далеко недостаточное рѣшеніе вопроса. Обратимся къ подробностямъ.

Какое перстосложеніе употреблялось въ церкви православной собственно для крестнаго знаменія до времени Стоглаваго собора?

Въ первые вѣка христіанства не видимъ между христіанами одного опредѣленнаго перстосложенія для крестнаго знаменія. Св. Іоаннъ Златоустъ (IV в.) училъ креститься *перстомъ* ⁽¹²²⁾, и объ этомъ обычаѣ креститься однимъ перстомъ упоминаютъ св. Епифаній, современникъ Златоуста, и потомъ — блаж. Іеронимъ, блаж. Феодоритъ кирскій, Созоменъ (V в.), св. Григорій Двоесловъ и Іоаннъ Москъ (VII в.), повѣствуя о разныхъ православныхъ христіанахъ, подвижникахъ и святыхъ, творившихъ крестъ такимъ образомъ ⁽¹²³⁾. А св. Кирилль іерусалимскій, также отецъ

⁽¹²²⁾ «Когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстомъ* (δακτύλῳ) должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра». *Златоуст.* Бесѣд. на Ев. Матѳея, LIV, ч. II, стр. 426—427, Москв. 1839.

⁽¹²³⁾ *Св. Епифаній* объ одномъ православномъ комитѣ, по имени Іосифѣ, котораго зналъ лично: «этотъ мужъ велегласно, собственнымъ своимъ перстомъ положивъ на сосудъ печать креста и призвавъ имя Іисусово, сказалъ такъ: именемъ Іисуса Назорянина да будетъ въ водѣ сей сила къ уничтоженію всякаго чародѣйства!» (Haeres. 30, § 12, Твор. св. Епифанія, ч. I. 234, въ Твор. св. отц. т. 42, Москв. 1863). *Блаж. Іеронимъ* о прел. матери Пандѣ: «держитъ персть надъ устами, она изобразила на нихъ крестное знаменіе» (Eritaph. Paulae matris, in Opp. t. I, p. 110, Francof. et Lipsiae). *Блаж. Феодоритъ* кирскій о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ того же города Кира: «святый перстомъ вообразилъ крестное знаменіе, а устами дунулъ на него (змѣя), и какъ

четвертаго вѣка, учили совершать крестное знаменіе *перстами*, всего вѣроятнѣе, тремя: такъ какъ оно совершалось тогда, по ясному современному свидѣтельству св. Ефрема Сирина, во имя Пресв. Троицы (¹²⁴). Другихъ свѣдѣній относительно перстовъ для крестнаго знаменія не встрѣчается у писателей первыхъ осми вѣковъ хр. церкви, потому, безъ сомнѣнія, что тогда этимъ вопросомъ намѣренно не занимались. Изъ тѣхъ же немногихъ свидѣтельствъ, высказанныхъ мимоходомъ и какъ бы случайно, на которыя мы указали, можемъ вывести слѣдующія заключенія: а) хотя обычай знаменаться образомъ креста, по словамъ св. Василия Великаго, отца IV вѣка, христіане пріяли несомнѣнно отъ преданія апостольскаго, но апостолы, вѣрно, не заповѣдали христіа-

трость отъ огня, змій тотчасъ изчезъ» (*Теодорит. Филоеи или истор. Боголюбцевъ, стат. о Маркіанѣ, а также въ Пролог. подъ 2-мъ числ. ноября*); равно о преп. Юліанѣ: «призвавъ Господа и перстомъ показуя побѣдный знакъ, онъ прогналъ весь страхъ» (*Истор. Боголюбц., стат. о Юліанѣ*). *Созоменъ* о св. епископѣ Донатѣ: «когда великій драконъ хотѣлъ напасть на св. Доната, то онъ перстомъ изобразилъ предъ нимъ въ воздухѣ знаменіе креста и плюнулъ; слюна попала вѣрю въ ротъ, и онъ издохъ» (*Созомен. Церк. Истор. кн. VII, гл. 26*). *Григорій Двоесловъ* о монахѣ Мартиринѣ: «онъ сдѣлалъ знакъ креста перстомъ...», и о пресвитерѣ Аманціи: «человѣкъ Божій изобразилъ крестъ перстомъ своимъ» (*Dialog. lib. I, с. 11; lib. III, с. 35, in Opp. t. II, ed. Paris.*). *Іоаннъ Москъ* о св. Іудіанѣ, епископѣ ботрскомъ: «онъ трижды перстомъ своимъ перекрестилъ чашу (съ ядомъ) и, сказавъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа пью чашу сію, — выпилъ ее предъ всѣми всю и остался невредимъ» (*Дугъ духовн. гл. 94*).

(¹²⁴) *Св. Кириллъ іерусалимскій*: «да не стыдимся исповѣдывать Распятаго; съ дерзновеніемъ да изображаемъ перстами (*δαχτύλοις*) знаменіе креста на челѣ и на всемъ» (*Огласит. Поуч. 13, § 18 или 36*). *Св. Ефремъ Сиринъ*: «не рукою только полагай на себѣ крестное знаменіе, но и въ мысляхъ запечатлѣвай онымъ всякое свое занятіе: и входъ свой, и исходженіе свое во всякое время, и сѣдніе свое, и востаніе, и одръ свой, и какое ни проходишь служеніе, прежде всего запечатлѣй во имя Отца и Сына и Св. Духа» (*О вооруженіи мнѣ, въ Твор. Св. Отц. т. XV, а Твор. св. Ефрема ч. IV, стр. 371—372. Москв. 1850*).

намъ одного опредѣленнаго перстосложенія для крестнаго знаменія: иначе это перстосложеніе сохранялось бы неизмѣнно въ первенствующей церкви и въ IV вѣкѣ не могли бы креститься безразлично, и однимъ перстомъ, и перстами (¹²⁵); б) если бы ученіе о перстосложеніи, проповѣдуемое Стоглавомъ, существовало въ первые вѣка христіанства съ грозными словами: «аще кто не знаменуется двѣма персты, да будетъ проклятъ»,—то этому проклятію подлежалъ бы и св. Іоаннъ Златоустъ, подлежали бы и другіе православные христіане, подвижники и святые, крестившіеся однимъ перстомъ; в) если во дни блаж. Θεодорита, святительствовавшаго въ городѣ Кирѣ, существовалъ обычай креститься однимъ перстомъ и если самъ Θεодоритъ говорить о святыхъ, крестившихся только перстомъ, и, между ними, о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ того же города Кира,—то уже по одному этому блаж. Θεодориту кирскому не можетъ принадлежать извѣстное слово о сложеніи трехъ и двухъ перстовъ, приводимое Стоглавомъ и оканчивающееся словами: «такъ достойтъ креститься и благословити, тако святыми отцы указано и узаконено».

Не прежде, какъ къ концу IX или въ началѣ X столѣтія встрѣчаемъ еще свидѣтельство о перстахъ для крестнаго знаменія, относящееся, впрочемъ, не ко всей хр. церкви, а только къ одной странѣ—Сиріи. Илія Гевери, несторіанскій митрополитъ Дамаска (съ 893 г.) и предъ тѣмъ бывшій несторіанскимъ же епископомъ въ Іерусалимѣ, доказывая въ своемъ сочиненіи, что всѣ три существующіе въ Сиріи

(¹²⁵) *Св. Василія Вел.* Прав. 91 изъ 27-й гл. книги о Св. Духѣ (въ Книгѣ Правиль...).

отдѣла или общины христіанъ—яковиты, несторіане и мелхиты, въ сущности вѣры будто бы согласны между собою и разнятся только въ образѣ выраженія своей вѣры, между прочимъ говорятъ: «а что въ изображеніи знаменія креста они между собою весьма мало согласуются...., это нимало не вредитъ согласію и единомыслію. Такъ яковиты (монофизиты) *единымъ перстомъ* знаменуютъ себя крестомъ, переходя отъ лѣвой руки къ правой, чѣмъ исповѣдуютъ свою вѣру во единого Христа, который, умерши на крестѣ, испищенныхъ отъ шуія части, т. е. отъ грѣха, перенесъ къ десной, т. е. къ благодати. Равнымъ образомъ несторіане и мелхиты, когда *двумя перстами* начертываютъ образъ креста отъ правой руки къ лѣвой, то исповѣдуютъ свою вѣру, что на крестѣ Божество и человечество были соединены вмѣстѣ, что крестъ былъ виною нашего спасенія, и отъ него вѣра отъ десныя части произошла и невѣріе или заблужденіе отъ шуія отгнано» (126). Но станемъ сомнѣваться, что подъ мелхитами Илія разумѣетъ православныхъ христіанъ—сирійцевъ, усвоивъ имъ совершенно православныя вѣрованія и о лицѣ Спасителя и о Богоматери,—хотя есть основаніе сомнѣваться: такъ какъ современный Иліи православный митрополитъ кизическій Димтрій, писавшій къ императору Константину Порфирородному (911—919) о тѣхъ же яковитахъ и мелхитахъ, называетъ послѣднихъ прямо еретиками (127). Согла-

(126) Сочиненіе Иліи дамасскаго: De concordia fidei—помѣщено у Asselman. Biblioth. Oriental. t. III, part. 2, гдѣ Ассеманъ сообщаетъ свѣдѣнія и о самомъ сочинителѣ (см. стр. 325. 385. 513—516).

(127) Это посланіе Димтрія о яковитахъ и мелхитахъ—во второй части Славян. Кормчей, гл. 39.

симся даже, что двуперстіе для крестнаго знаменія не вымирало между православными въ Сиріи еще и въ XII столѣтіи, какъ можно заключать изъ извѣстныхъ словъ монаха Петра Дамаскина (т. е. изъ Дамаска), писавшаго около 1157 года, столько излюбленныхъ нашими раскольниками: «начертаніемъ честнаго и животворящаго креста отгоними суть бѣси и различіи недужи...., яко два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего І. Христа, во двою естеству и единомъ составѣ познаваема» (128). Но утверждаемъ рѣшительно, что это двуперстіе сирійскихъ христіанъ совсѣмъ не то перстосложеніе, какое заповѣдуетъ Стоглавъ, и раскольники наши напрасно ссылаются на Петра Дамаскина: а) сирійцы крестились двумя перстами, но не слагали при этомъ и трехъ перстовъ, и Петръ Дамаскинъ говоритъ только о двухъ перстахъ и единой рукѣ въ знаменіе двухъ естествъ во единомъ лицѣ нашего Спасителя, вовсе не упоминая о сложеніи трехъ перстовъ во имя Пресв. Троицы, а Стоглавъ учитъ слагать для крестнаго знаменія и три перста во имя Пресв. Троицы и вмѣстѣ два перста въ знаменіе двухъ естествъ во Христѣ; б) сирійцы слагали два перста только для крестнаго знаменія, а Стоглавъ заповѣдуетъ свое тросперстное и вмѣстѣ двуперстное перстосложеніе не только для крестнаго знаменія, но и для благословенія; в) сложеніе только двухъ перстовъ для крестнаго знаменія, безъ сложенія въ то же время и трехъ перстовъ, предъ судомъ

(128) Что монахъ Петръ Дамаскинъ писалъ около 1157 г. и жилъ въ XII, а не въ VIII вѣкѣ, какъ ошибочно полагали издатели «Добротолюбія» (Москв. 1793 г.), это ясно показалъ еще Пресв. Никифоръ Востоки въ своихъ Отвѣт. старообрядц. л. 105, примѣч. 120, изд. 1813 г.

Стоглава, какъ мы уже замѣтили, должно считаться неправославнымъ, недозволительнымъ; г) если допустить, что двуперстіе заимствовалъ Стоглавъ отъ сирійскихъ христіанъ, то отъ кого же заимствовалъ онъ свое троеперстіе?

Остальныя достовѣрныя свидѣтельства о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, употреблявшемся въ православной церкви, въ Греціи и Россіи, съ X до половины XVI столѣтія, всѣ говорятъ о православномъ троеперстіи. Разумѣемъ—а) св. мощи подвижниковъ XI—XII в., нетлѣнно почивающихъ въ кіевскихъ пещерахъ, и именно—преп. Ильи Муромца и Іосифа Многоболѣзненнаго, у которыхъ три первые перста правой руки соединены, хотя не равно, но вмѣстѣ, а два послѣдніе, безымянный и мизіпецъ, пригнуты къ ладони, и преп. Спиридопа, у котораго три первые перста соединены даже совершенно равно, а два послѣдніе пригнуты (¹²⁹); б) извѣстныя уже намъ слова греческаго философа Панагіота, который, во дни греческаго императора Михаила Палеолога, имѣлъ въ Константинополѣ торжественное преніе съ двѣнадцатью латинскими философами, присланными папою Григоріемъ X (1271—1276) и, между прочимъ, укорялъ ихъ за то, что они не кладутъ на себѣ истиннаго креста тремя перстами, какъ кладутъ православныя, а двумя (¹³⁰); в) наконецъ, свидѣтельство Солунскаго иподіакона

(¹²⁹) Нашей Истор. Р. Церкви II, 227.

(¹³⁰) Подробнѣе объ этомъ преніи Панагіота см.—*А. Попов. Историко-литер. Обзоръ древне-русс. полем. сочиненій, XI—XV в., стр. 238 и слѣд.* Достоинно замѣчанія, что въ одномъ сборникѣ конца XV в., когда именно и начали у насъ проповѣдывать двуперстіе, слова Панагіота къ латинянамъ изложены въ слѣдующемъ видѣ: «и чему, не якоже мы крестимся, прообразующе истиннаго

Дамаскина Студита, бывшаго впоследствии митрополитомъ Навпакты и Арты, который въ одномъ изъ поученій своихъ, изданныхъ имъ самимъ еще въ 1528 г., въ Венеци, говорить слѣдующее: «каждый благочестивый христіанинъ для крестнаго знаменія сперва да совокупляетъ три перста въ означеніе Св. Троицы, великій палець и два другіе, которые близъ него, потомъ да полагаетъ ихъ, первое, на челѣ своемъ, второе, на чревѣ своемъ, третье, на правомъ плечѣ и, четвертое, на лѣвомъ». Не излишнимъ считаемъ присовокупить, что эти поученія, послѣ перваго изданія, были издаваемы много разъ (въ послѣдній — въ 1844 г.), и всегда пользовались между православными греками великимъ уваженіемъ ⁽¹³¹⁾.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ (о недостовѣрныхъ не говоримъ, каковы свидѣтельства отъ иконъ, писанныхъ красками, будто бы весьма древнихъ, но неразъ поновлявшихся или представляющихъ перстосложенія изображенныхъ на нихъ лицъ крайне неотчетливо и неясно, возбуждающія только нескончаемые споры) ⁽¹³²⁾ оказывается,

креста *тремя перстами* на главѣ и на сердцѣ и на правомъ плечѣ и на лѣвомъ. въ силу его облачимся... вы же творите крестъ *двумя перстами* на землѣ? Но только слово: *тремя*, очевидное по смыслу рѣчи, выскоблено (такъ оно кому-то не понравилось!) и ничѣмъ не замѣнено (Сборн. Рум. Муз. № 358, л. 277). Подобное же чтеніе словъ Панагіота приведено въ Бесѣд. къ глагол. старообр., стр. 202, изд. 3.

⁽¹³¹⁾ К. Σαβα, Νεοελληνική Φιλολογία, σελ. 152—153. 'Εν 'Αθήναις, 1868. Вышеприведенное наставленіе Дамаскина въ подлинномъ текстѣ можно читать у *Льва Аллалія*—De cons. occid. et orient. eccl. III, с. 18 п. 15, р. 1358, а въ славянскомъ переводѣ—въ Опис. рукописей Хлудова, стр. 145.

⁽¹³²⁾ Для примѣра можно указать на разборъ этихъ свидѣтельствъ отъ св. иконъ и другихъ свящ. изображеній, напеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1869, II, 95—184.

что въ церкви православной, до времени Стоглаваго собора, никогда не употреблялось, собственно для крестнаго знаменія, то двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе, какое подъ клятвою заповѣдалъ этотъ соборъ ⁽¹²³⁾.

Какое перстосложеніе употреблялось въ церкви православной собственно для благословенія до времени Стоглаваго собора? Ограничимся и здѣсь указаніемъ на свидѣтельства только достовѣрныя, неподлежащія сомнѣнію.

⁽¹²³⁾ Что касается до римской церкви, о которой мы не упоминали, то, по изслѣдованіямъ одного ученаго иезуита, написавшаго въ 1598 г. особое сочиненіе о св. крестѣ, латиняне совершали, въ продолженіе вѣковъ, крестное знаменіе и благословеніе—и однимъ, и двумя, и тремя, и всѣми пятью перстами безразлично (Jacobi Gretseri Opp. T. I, lib. IV, p. 338—340, Ratisbon. 1734). Въ частности, объ употребленіи въ римской церкви двуперстнаго перстосложенія свидѣлствуютъ: а) нѣкоторые памятники VIII—X в. (указанные въ соч. о. *Виноградова*—о Феодорит. словѣ, 50—53); б) такъ—пазынаемыя корсунскія врата въ новгород. соф. соборѣ, на которыхъ латинскій епископъ Александръ де Блудихъ представленъ съ двуперстнымъ благословеніемъ (*Филар.* Вестн. къ глагол. старообр. 211—213, над. 3); в) павѣстныя уже намъ слова изъ пренія Панагіота съ азмитами. Объ употребленіи въ римской церкви троеперстнаго для крестнаго знаменія и благословенія говорятъ сами папы и ученые IX—XIII в., и именно: а) папа Левъ IV (847—855): *calicem et oblatam recta cruce signate, id est, non in circulo et variatione digitorum, ut plurimi faciunt, sed districtis duobus digitis et pollice intus recluso, per quos trinitas annuitur, istud signum † recta facere studete; non enim aliter quidquam potestis benedicere* (Mign. Patrolog. curs. compl. T. CXV, p. 667); б) папа Иннокентій III (1199): *signum crucis tribus digitis exprimendum est ita, ut a superiori descendat ad inferius et a dextera transeat ad sinistram* (*De myster. missae lib. II, c. 45*); в) Лука, епископъ тудентскій въ Испаніи († 1288): *tribus digitis extensis, id est, pollice, indice et medio, duobus aliis digitis plicatis, sub invocatione Deificae Trinitatis nos et alios signamus* (*Adversus Albigens. lib. II, c. 18, in Maxim. Biblioth. Patr. T. XXV, p. 233*). О сложеніи трехъ перстовъ для крестнаго знаменія говорятъ также Гонорій, августодунскій пресвитеръ, жившій въ первой половинѣ XII в. (*Honorii Augustod. Gemma animae de antiquo ritu missarum. lib. I, c. 17, in Max. Bibl. Patr. T. XX, p. 1053*), Гибертъ Торнаценскій, парижскій докторъ,—XIII в. (*Guibert. Tornacens. De officio episcopi, c. 2, in Max. Bibl. Patr. T. XXV, p. 402*) и Антоній Посевинъ—XVI в. (*De rebus Moscovit., у Старчев. II, 322*).

На мозаическихъ иконахъ знаменитаго собора цареградскаго, которыя недавно сдѣлались извѣстными по самому вѣрному и безпристрастному описанію одного ученаго иностранца, и по самымъ точнымъ копіямъ, имъ же снятымъ, мы находимъ до одиннадцати благословляющихъ рукъ—самого Спасителя и нѣкоторыхъ пророковъ, апостоловъ и святителей, и всѣ эти руки имѣютъ перстосложеніе именованное, однѣ—строго и явственно именованное, другія—менѣе строго и явственно; но нѣтъ ни одной руки, у которой было бы перстосложеніе двуперстное—старообрядческое, т. е. у которой бы «три персты, большій, безъимянный и мизинецъ, были равны вкупѣ». Вотъ предъ нами свидѣтельство о перстосложеніи для благословія въ греческой церкви отъ VI до половины XV вѣка: потому что, хотя большая часть мозаическихъ иконъ софійскаго цареградскаго собора принадлежитъ несомнѣнно времени самого храмоздателя, императора Юстиніана, но нѣкоторыя слѣдуетъ относить уже ко времени императора Василя Македонянина (XV в.), наложившаго на нихъ новую мозаику, а немногія — даже ко времени послѣдняго греческаго императора Іоанна Палеолога (XV в.), старавшагося также о возобновленіи мозаикъ въ храмѣ ⁽¹³⁴⁾. Словесныхъ свидѣтельствъ о перстосложеніи для благословія, употреблявшихся въ Греціи, извѣстно два: одно принадлежитъ патріарху константинопольскому Герману — VIII в., другое — неизвѣстному греку XII вѣка. Св. Германъ въ своемъ

(134) Salzenberg, Alt-Christliche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII Jahrhundert, Berlin, 1854. См., въ частности, въ текстѣ: Agia Sofia, Einleitung und Geschichte, S. 14—16, а также описанія и объясненія автора снятыхъ имъ изображеній Св. Софій.

истолкованіи церковныхъ службъ, имѣя въ виду господствовавшее тогда мнѣніе, что второе пришествіе Спасителя послѣдуетъ по истеченіи 1000 лѣтъ отъ рождества Его, или 6500 лѣтъ отъ сотворенія міра, говорить, что это мнѣніе выражаетъ архіерей самымъ сложеніемъ перстовъ своей руки, когда благословляетъ народъ во время литургіи по прочтеніи евангелія: потому что сложеніе перстовъ благословляющей архіерейской руки, если персты переложить на числа, означаетъ 6500. Но для того, чтобы сложеніе перстовъ руки могло означать 6500, оно должно быть непременно именованное (135). Неизвѣстный грекъ XII в., въ своей статьѣ противъ латинянъ, содержащей перечень ихъ заблужденій, между прочимъ, написалъ въ обличеніе ихъ архипастырей слѣдующее: «нѣкоторые изъ нихъ пятью перстами какъ-то благословляютъ и пальцемъ лице знаменуютъ, подобно монохелитамъ, между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы чрезъ нихъ означались два естества и три Лица, какъ показалъ Христосъ, когда, возносясь на небеса, воздвигъ руки свои и благословилъ учениковъ» (136). Тутъ уже ясно указывается для благословенія

(135) Подробнѣе объ этомъ—Правосл. Собесѣд. 1858, II, въ статьѣ: Свидѣтельство VIII в. о сложеніи перстовъ въ священническомъ благословеніи (стр. 462—471).

(136) Въ латинскомъ переводѣ читается такъ: *Quinque digitis quomodo aliqui benedicunt et cum pollice faciem signant, tanquam monothelitae, cum igitur debeant disponi digiti in consignationibus, quod per eos duae naturae significentur et tres personae, prout Christus monstravit, quando in caelum ascensurus discipulis manibus elevatis benedixit?* Статья неизвѣстнаго грека противъ римскаго первосвященника, въ которой находятся эти приведенныя нами слова, помѣщена, въ видѣ приложенія, въ латинскомъ сочиненіи: *tractatus contra errores Graecorum, editus Constantinopoli in aedibus fratrum praedicatorum anno Domini 1252*, и найдена этими латинскими монахами въ бумагахъ

сложеніе и двухъ и вмѣстѣ трехъ перстовъ, которое, если не по внѣшнему виду, вовсе здѣсь не обозначенному, то по внутреннему смыслу, совершенно похоже на утвержденное Стоглавымъ соборомъ. Правда, послѣдняя половина приведеннаго нами свидѣтельства изъ статьи неизвѣстнаго грека находится только въ латинскомъ ея переводѣ, хотя и очень древнемъ, но не находится въ славянскомъ переводѣ этой самой статьи, которая еще съ XIII вѣка и до XIX постоянно помѣщалась въ нашихъ Кормчихъ, рукописныхъ и печатныхъ, подъ заглавіемъ: «*о фразехъ и о прочихъ латинахъ*». Здѣсь разсматриваемое свидѣтельство грека противъ латинянъ читается такъ: «(тіи же святители ихъ...) пятью персть страну нѣкако благословляють и послѣди палцемъ лице прекрещаютъ», — и только, а всѣхъ послѣдующихъ словъ о сложеніи перстовъ для означенія ими двухъ естествъ и трехъ Лиць, вовсе нѣтъ. Дѣло не быточное, чтобы славянскій переводчикъ позволилъ себѣ намѣренно исключить эти слова, если бы они находились въ греческомъ подлинникѣ и, особенно, если бы они выражали собою общее вѣрованіе и общій обычай православной церкви касательно сложенія перстовъ для святительскаго благословенія; да и въ спискахъ греческаго текста, какіе нынѣ сдѣланы извѣстными, этихъ словъ дѣйствительно нѣтъ ⁽¹³⁷⁾. Гораздо быточнѣе, что они при-

латинскаго же писателя Гугона Естеріанскаго, жившаго во второй половинѣ XII вѣка (De la Vigne, Max. Biblioth. veterum Patr. T. XXVII, p. 590. 607. 608). Она также помѣщена въ сочиненіи: *Observationes et notae in libros Calecae* (Max. Biblioth. Patr. T. XXVI, p. 467—468). Переводъ статьи очень плохъ и обличаетъ въ переводчикѣ не природнаго латинянина, а скорѣе грека, слабо знавшаго латинскій языкъ.

⁽¹³⁷⁾ Статья о *Фразехъ*... находится въ обложкѣ нашихъ извѣстныхъ спи-

бавлены къ статьѣ, въ томъ или другомъ спискѣ ея, какимъ-либо грекомъ, державшимся выраженнаго въ нихъ мнѣнія, какъ мнѣнія частнаго, и что съ такого-то списка, съ прибавленіемъ, статья и переведена на латинскій языкъ къ концу XII в., можетъ быть, даже тѣмъ же грекомъ, судя по крайнему пейскуству перевода. Но во всякомъ случаѣ надобно допустить, что, по крайней мѣрѣ, въ видѣ частнаго или мѣстнаго обычая, такое двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе для благословенія гдѣ-либо существовало въ Греціи въ XII вѣкѣ.

Въ Россіи есть свой знаменитый софійскій соборъ, кievскій, въ которомъ сохранились и мозаическія иконы и фрески XI вѣка. На этихъ иконахъ и фрескахъ, по самымъ безпристрастнымъ свидѣтельствамъ, можно различать тройкое перстосложеніе благословляющихъ рукъ: а) строго-именословное,

скакъ Кормчей XIII вѣка: рязанскомъ 1284 г., который есть копія со списка, присланнаго въ 1262 г. нашему митр. Кириллу изъ Болгаріи (Имп. Публ. библ., собр. *Толстов.*, отд. I, № 311, гл. 51), и Софійскомъ-новгородскомъ, пис. между 1280—1294 г. (*Индольск.* Опис. этого списка, въ Чтен. М. Истор. общ. 1867, II, отд. III, стр. 51), и потомъ встрѣчается во всѣхъ послѣдующихъ спискахъ, какъ рязанской, такъ и софійской фамиліи (см. наприм. Опис. рук. Румянц. Муз. стр. 283. 293. 301). Приведенныя нами слова этой статьи взяты изъ выше-означеннаго рязанскаго списка XIII в. (л. 271); но въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ (наприм. Румянц. Муз. № 233, л. 248) и въ печатной Кормчей (по изд. первому гл. 48, а послѣднему гл. 47) они немного измѣнены и читаются такъ: «пятію персты странно нѣкако благословляютъ и *посреди* лице прекрещеваютъ». Греческій текстъ этой статьи, по двумъ спискамъ, съ двумя латинскими переводами, новымъ и древнимъ, изъ котораго выше мы привели слова (въ примѣч. 136), издавъ *Гергенрётеромъ* (*Monumenta graeca, ad Photium ejusque historiam pertinentia*, p. 62—71, Ratisbonae 1869), а потомъ перепечатавъ, съ славянскимъ переводомъ, по двумъ нашимъ Кормчимъ XIII в., А. *Поповымъ* (Историко-литер. Обзоръ древне-русс. полемиц. соч. XI—XV в., стр. 58—69). Здѣсь именно сказано: μετὰ τῶν πέντε δακτύλων πλάγιως πῶς κατασφραγίζονται καὶ ὑστερον μετὰ τῆς ἀντίχειρος τὴν ὄψιν ἐπισφραγίζουσιν.

б) весьма и даже совершенно близкое къ двуперстному-старо-обрядческому (которое, впрочемъ, какъ мы замѣтили выше, можно вообще считать и за неточное—именословное и могло зависѣть просто отъ неискусства иконописцевъ), и в) какое-то неизвѣстное, въ которомъ указательный палецъ и мизинецъ простерты, средній и безымянный вогнуты внутрь ладони, а большой палецъ или не виденъ за ладонью, или простертъ ⁽¹³⁸⁾. На нѣкоторыхъ саккосахъ нашихъ святителей Петра, Алексія, Кипріана, Фотія, на нѣкоторыхъ древнихъ священныхъ сосудахъ, евангеліяхъ и греческихъ гривнахъ встрѣчаются, кромѣ именословнаго, болѣе или менѣе строгаго, и другія очень различныя перстосложенія для благословенія совсѣмъ не похожія ни на именословное, ни на двуперстное - раскольническое, которыя также, вѣроятно, иногда употреблялись или допускались въ церкви, если не предположить, что все это разнообразіе въ изображеніяхъ благословляющихъ рукъ зависѣло отъ неискусства мастеровъ и художниковъ ⁽¹³⁹⁾. Въ ризницѣ Троицко-Сергіевской лавры доселѣ хранится пелена, пожертвованная современнымъ мтр. Фотію в. к. московскимъ Василиемъ Дмитриевичемъ (1389—1425) на гробъ преп. Сергія, съ изображеніемъ на ней самого преподобнаго: здѣсь благословляющая рука чудотворца Сергія изображена съ явственнымъ и точнымъ перстосложеніемъ именословнымъ, и это изображеніе, шитое, остается

⁽¹³⁸⁾ Подробнѣе объ этомъ—въ статьѣ арх. Никанора: «Цареград. церковь Св. Софіи—свидѣтельница древле-прав. перстосложенія», въ Правосл. Собесѣдн. 1870, III, 286—306.

⁽¹³⁹⁾ Изображенія этихъ различныхъ перстосложеній представлены въ книгѣ м. Григорія: Истинно-древн. и истинно-правосл. Хр. Церковь, II, 121—126, изд. 4.

доселѣ неизмѣннымъ ⁽¹⁴⁰⁾. Вотъ какое, значить, перстосложеніе употреблялось у насъ для благословенія при м. Фотіи.

Общій выводъ представляется самъ собою: въ числѣ перстосложеній, употреблявшихся въ православной церкви, втеченіе первыхъ XV вѣковъ собственно для благословенія, находилось и то или весьма близкое къ тому, которое утверждено Стоглавымъ соборомъ. Но повторяемъ: *собственно для благословенія....* А какъ же могло случиться, что это самое перстосложеніе стали употреблять вмѣстѣ и для крестнаго знаменія и когда это случилось? Какимъ образомъ, вмѣсто двухъ различныхъ перстосложеній, употреблявшихся у насъ еще въ первой половинѣ XV в., при митрополитѣ Фотіи, для благословенія и для крестнаго знаменія, могло возникнуть и потомъ распространиться и пріобрѣсть силу только одно перстосложеніе для той и другой цѣли, такъ называемое двуперстное, утвержденное Стоглавымъ соборомъ? Припомнимъ сказанное нами прежде, что это двуперстное перстосложеніе, по внѣшнему виду, имѣетъ сходство съ именованнымъ и въ сложеніи собственно двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, даже совершенное сходство, а по внутреннему смыслу старается совмѣстить въ себѣ оба перстосложенія, и именованное и троеперстное: итакъ, не изъ нихъ ли непосредственно и возникло оно самымъ естественнымъ и непримѣтнымъ образомъ? Какому-нибудь грамотею, любившему поумствовать, легко могло придти на мысль, зачѣмъ это въ церкви употребляются два разныхъ перстосложенія для благословенія и крестнаго знаменія, когда совершенно удобно

(140) Филар. Бесѣд. къ глагол. старообр., стр. 240.

совмѣстить ихъ въ одно, безъ всякаго нарушенія ихъ внутренняго смысла? Для благословенія слагаются всѣ пять пальцевъ правой руки, во имя Іисуса Христа, и выражаютъ собою—ІС. ХС.; а совершенно достаточно слагать только двѣ перста, указательный и средний, выражающіе собою ІС., во имя Іисуса, въ двухъ Его естествахъ. Для крестнаго знаменія слагаются три первые перста правой руки во имя Пресв. Троицы, а можно слагать во имя Пресв. Троицы и тѣ самые три перста правой руки, которые при благословеніи слагаются для означенія имени Христа—ХС., т. е. большой палецъ съ безымяннымъ и мизинцемъ. И выйдетъ изъ двухъ перстосложеній одно, съ сохраненіемъ ихъ знаменованій. Родившись въ головѣ какого-либо грамотея, такая мысль, какъ согласная съ духомъ православія, могла найти сочувствіе и между другими, подобными же грамотеями, и чрезъ нихъ мало-по-малу распространяться. Или дѣло совершилось еще проще: какой-либо благочестивый христіанинъ, разсуждая о различіи между тѣмъ перстосложеніемъ, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрующихъ, и тѣмъ, которое употребляютъ всѣ вѣрующіе для крестнаго знаменія, могъ остановиться на соображеніи, что первое перстосложеніе, какъ употребляемое пастырями церкви, должно быть болѣе священнымъ и болѣе сильнымъ предъ Богомъ, а вслѣдъ за тѣмъ перейти къ выводу, что гораздо лучше и цѣлесообразнѣе это же самое пастырское перстосложеніе употреблять и всѣмъ вѣрующимъ для крестнаго знаменія. И эта мысль, подобно изложенной нами выше, какъ непротивная вѣрѣ и благочестію, могла также найти себѣ послѣдователей между вѣрующими и послужить началомъ для посте-

пеннаго распространенія двуперстно-троеперстнаго персто-
сложенія и для крестнаго знаменія, по крайней мѣрѣ, въ видѣ
частнаго обычая.

Какъ бы то ни было впрочемъ, вѣрны или не вѣрны выска-
занныя нами предположенія,—но необходимо допустить, что
если не раньше, то и не позже второй половины XV вѣка,
у насъ появились уже ревнители ученія, что для благословенія
и крестнаго знаменія должно употреблять одно и то же сло-
женіе перстовъ, двухъ и трехъ: появились именно у насъ,
а не въ Греціи, гдѣ, какъ мы видѣли, даже въ началѣ XVI в.,
еще продолжали учить вѣрующихъ креститься только тремя
перстами. Эти ревнители, для распространенія своего излюблен-
наго ученія, старались приискивать разныя книжныя дока-
зательства, и одинъ изъ нихъ не смутился даже составить
самъ подложное слово (дѣло тогда у насъ довольно обыкно-
венное!) подъ именемъ св. *Теодорита*, како *благословити и*
креститися, въ которомъ, изложивъ ученіе о сложеніи трехъ
перстовъ въ образъ Пресв. Троицы, и о сложеніи двухъ
перстовъ для означенія двухъ естествъ во Христѣ, безъ
объясненія впрочемъ, какихъ именно перстовъ, въ заключеніе
прибавилъ: «такъ святыми отцы указано и узаконено». Слово
несомнѣнно подложное и вовсе не принадлежитъ блж.
Теодориту, епископу кирскому; но тогда у насъ не знали
по-гречески, не умѣли отличить подлинныхъ сочиненій отече-
скихъ отъ подложныхъ, а съ благоговѣніемъ принимали все,
что выдавалось отъ имени св. отцевъ ⁽¹⁴¹⁾, — и вотъ

⁽¹⁴¹⁾ Знакомому съ нашею древнею письменностію очень хорошо извѣстно,
какъ часто подъ именами то Златоуста, то Григорія Богослова, то другихъ св.

къ концу XV в. мнимое слово Θεодорита, како благословити и креститися, переписывалось уже и въ Кормчія книги и въ другіе Сборники ⁽¹⁴²⁾. Не довольствуясь однимъ словомъ Θεодоритовымъ, въ то же время стали ссылаться, въ подтвержденіе своего ученія, еще на искаженную повѣсть о св. Мелетіи антиохійскомъ. По греческимъ историкамъ въ ней рассказы-

отцевъ выдавались у насъ сочиненія, несомнѣнно русскія. «Противлюся джесловесникомъ,—писалъ въ XVI в. князь Курбскій къ одному старцу въ Печерскій монастырь,—преобразующимся въ истовые учителя, и пишуть повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесемъ, и имена своя скрывше, да не обличены будутъ, и подписуютъ ихъ на святыхъ имена, да удобно ихъ писаніе пріемлется простыми и ненаучеными...» И далѣе: «стада вѣрныхъ нещадно расточаютъ и апостольская словеса превращаютъ, развращеннѣ толкують и на святыхъ худу воздагаютъ, пачеже на Златоуста клеветами ополчуются, и отъ книгъ русскихъ емлючи словеса развращены отъ Еремея попа болгарскаго и нѣихъ таковыхъ, на Златоустово имя подписано и на иныхъ святыхъ, яко щиты себѣ посятъ... И вѣрныхъ, тяжущихся съ ними по невѣдѣнію, они, за словеса святыхъ, удобно одолѣваютъ, яко безответныхъ, и отъ истиннаго пути на прелесть свою возводятъ» (Рукоп. Сборн. бывшей библ. Погодина, № 208, стат. 19. 20). О подложности означеннаго Θεодоритова слова см. отзывъ греческихъ патріарховъ и вообще отцевъ московскаго собора 1667 г. (Дополн. Дкт. Ист. V, 502—503) и замѣчанія ученаго грека Никифора Θεотоки (Отвѣт. старообр., 183).

⁽¹⁴²⁾ Сколько доселѣ извѣстно, оно въ первый разъ встрѣчается въ двухъ книгахъ Соловецкой библіотеки, писанныхъ въ концѣ XV в. въ Новгородѣ для священноинокъ Доснея: въ Кормчей № 858, л. 472 об., и въ Сборникѣ № 802, л. 201 об.,—и въ тоглашнемъ видѣ читалось такъ: «Слово святаго Θεодорита, како благословити и креститися. Сиде благословити и креститися рукою: *три персты равны имѣти екупе* по образу троицку. Богъ Отець, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святыи, не трие суть бовѣ, но единъ Богъ въ Троици, имени раздѣляется. а божество едино; Отець не рождень, а Сынъ рождень, а Духъ Святыи ни рождень, ни созданъ, но исходя; трие во едпномъ божествѣ, едина сила, едина честь, едино поклоняніе отъ всеа твари, отъ Ангелъ, отъ человекъ. Тако тѣмъ трехъ перстамъ указъ! *А два перста имѣти наклонена, а не разпростерта*, и тѣмъ указъ тако: то образуетъ двѣ естество божество и человекъство, Богъ по божеству, а человекъ по во человекъченію, а въ обоємъ съвершенъ. Вышній же прѣсть образуетъ божество, а нижній человекъство: понеже съшедь отъ вышнихъ и спасѣ нижня. То съзбеніе прѣсто утолкуеть: преклони бо небеса и сииде нашего ради спасенія. Тако святыми отци указано, и узаконено. Ему же слава Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и в: в: аминъ» (Спес. *Лимат.* Истина Солов. обит., 87—8; Правосл. Собесѣдн. 1860, II, стр. 322). Кромѣ того это

валось, что Мелетій, когда православные просили его на антиохійскомъ соборѣ выразить кратко ученіе о единосущной Троицѣ, показаль сначала три перста, а потомъ, два изъ нихъ пригнувъ, простеръ одинъ и изрекъ: трехъ разумѣемъ, а говоримъ какъ объ одномъ ⁽¹⁴³⁾. Въ нашихъ древнихъ Прологахъ, подь 12 числомъ февраля, повѣсть эта излагалась не одинаково, напимѣръ, въ Прологѣ XIV вѣка—такъ: «(Мелетій) *три* показа имъ персты и не бысть имъ знаменія, потомъ совокупль я и, *единъ* пригнувъ, благослови люди, и изыде отъ него огонь, яко молнья, и достохвальный онъ испусти гласъ: трие убо разумѣемъ, о единомъ же бесѣдуемъ» (Импрск. Публ. библ., Древлекхран. *Погодин.*, № 59, пергам.); въ Прологѣ начала XVI вѣка—такъ: «три показа имъ персты и...., потомъ два совокупль, а *единъ протянувъ*, благослови....» и проч. (той же библ. и Древлекхран., № 618). Въ обоихъ этихъ Прологахъ сказаніе передается еще довольно близко къ греческимъ подлинникамъ. Но въ Прологѣ, писанномъ въ 1432 г. въ Новгородѣ, читаемъ: «три показа... *потомъ два совокупль, а единъ пригнувъ, благослови....*» (той же библ., въ лист., отд. I, № 48, пергамен.); то же самое—и въ Прологѣ 1481 года (той же библ., въ лист., отд. I, № 311). Наконецъ, въ одномъ Сборникѣ къ концу XV в. на эту повѣсть ссылаются уже въ подтвержденіе ученія о двуперстїи и въ ней излагается, будто св. Мелетій

же Теодоритово слово два раза помѣщено въ Сборникѣ XV вѣка Моск. Синод. библ. № 816 (Опис. этой библ. II, III, стр. 570. 585).

⁽¹⁴³⁾ *Созомен.* Церк. Истор. кн. IV, гл. 28, стр. 299, С. п. 6. 1851; *Теодорит.* Церк. Истор. кн. II, гл. 31, стр. 192, С. п. 6. 1852; *Nicéphor. Callist. Eccles. Hist. lib. IX, с. 48.*

сначала «показа персты три...., и не бысть знаменія; по-семъ же два совокупль, а трети пригну и благослови люди, и изыде отъ него яко огонь молніи, — достохвальный онъ испусти гласъ: *тріе* убо разумѣмъ, о *единомъ* же бесѣдуюмъ» (144). Искаженіе очевидное! Но и этимъ не ограничи-

(144) Сборникъ библ. Кирилло-бѣлов. монаст., нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1088, л. 263—265. Считаю нужнымъ представить здѣсь изъ этого Сборника всю статью, въ которой искажена повѣсть о св. Мелетіи и на которую намъ неравъ придется сослаться. Вотъ она: «*Какъ подобаетъ крестити рукою.* Крестити и благословити: два долниѣ, а третій верхній с долнима перста; тоже согбеніе персту толкуеть: прѣклон. бо небеса и сице нашего ради спасенія а два верхнѣйша, симже двѣма благословити во божество и челоувѣчество. Креститися подобаетъ и благословити: персты 3 совокупити низу: а два верхніе купно, тѣми благословити и креститися въ божество и челоувѣчество. Также и Мелентій севастійски и Феодоритъ научаютъ насъ, и пише. Мелентій савастійски епископъ, житіемъ и словомъ славенъ зѣло, безчиннїи же ради сущихъ подъ рукою его, отрекся епископїи и бысть в безмолвіи. Тогда еретици мнѣше, яко мудрствуетъ с нимъ Мелентій, просяша его у царя, да будетъ патріархъ, еже и бысть. И посемъ, бывшу собору о вѣрѣ еднносущества и аріаномъ, инако глаголющимъ, Мелентій же божественнаго правила показа явленіе; людемъ же просящимъ скорое ученіе отъ Бога показати, онъ же показа персты 3 во Отець и Сынь и Святыи Духъ, и не бысть знаменія; посемъ же Мелентій два съвокупль, а трети пригну, и благослови люди, и изыде отъ него, яко огонь молніи, — достохвальнїи онъ испусти гласъ: *тріе* убо разумѣмъ, о *единомъ* же бесѣдуюмъ, — и тако посрама еретики. И посемъ в Константинь градъ прииде, отъ великаго царя Феодосїа зѣло почтенъ бысть сей святыи. Нїарастѣйшая обители фянымы. И пакы множайшаго ради увѣренїа, написаха и устропша и проповѣдаша, сице глаголиши: иже кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось, да ость проклятъ. Да никтоже, прѣступивъ сіе, в развращенїаа спидеть: понеже совокупленно таково свидѣтельство отъ богопросвѣщенныхъ и св. отецъ. Аще и нѣдїи покуснїаха, глагола сице: яко *подобаетъ креститися трети персты, а благословити двѣма*, — мнїаще, яко в тѣхъ писанїихъ глаголетъ 3 персты благословити; и возми глаголють, яко 3 персты, но высочайшїи к долнимъ двѣма, и тѣ трїе персты; и вонстину и азъ неотлагаю трїехъ персть, а благословенїа верху два перста, божество и челоувѣчество. И нехотѣша святїи писати первое дву и потомъ трїехъ, по, сошествіа ради к долнимъ Христа Бога нашего с небесе, прилагають горнїи ко двѣма нижнимъ, и тако Троица зовется, а оставшее отъ нихъ божество и челоувѣчество. И пакы в тѣхъ во всѣхъ една сила, и една честь, и едино равенство пераздѣлно Отца и Сына и Святаго Духа. божество неосязанно и непостижно трисолнечное овареніе. Приидѣте, любимици мои, во увѣреніе послѣдующе святымъ реченіемъ, и не своя мудрствуюмъ.

лись, а тогда же изобрѣли еще третье основаніе для ученія о двуперстіи, сдѣлавъ новую порчу. Въ нашихъ рукописныхъ Кормчихъ и другихъ рукописяхъ, не раньше впрочемъ XV в., встрѣчается чинъ принятія хвалисянъ (армянъ) и другихъ еретиковъ, обращающихся къ православію; въ этомъ чинѣ, между прочимъ, находится такая статья: «*иже не креститъ* (т. е. не благословляетъ) двѣма перстома, якоже и Христось, да будетъ проклятъ». Рѣчь тутъ, безъ сомнѣнія, только о благословеніи, а вовсе не о крестномъ знаменіи,— ибо Христось только благословлялъ, но самъ не крестился,— и статья имѣла цѣлю оградить противъ еретиковъ православное, т. е. именованное перстосложеніе, которое, по двумъ, наиболѣе выдающимся въ немъ перстамъ, можетъ называться и двуперстнымъ. Но къ концу XV вѣка въ нѣкоторыхъ нашихъ Сборникахъ, статья эта излагалась уже въ слѣдующемъ видѣ: «*иже не крестится или не знаменуется* двумя персты, якоже и Христось (Христось крестился!), да есть проклятъ» (146). Такимъ образомъ къ концу XV вѣка уже при-

да не утрянемъ въ невѣрїи смертнѣмъ; понеже Василей кесарійскій завѣщаетъ, глаголя: о божественномъ и ненареченномъ свѣтѣ непытати множае, но познавати, якоже написаша намъ святи, да не когда снидемъ въ глубину воли; того ради запрещаетъ невысокомудрствовать. Поклоняюся и древу честнаго креста, обѣшеннаго на немъ ради плотию Господа, и всему образу животворящаго креста. Ины два слова писаны во книгѣ, идѣже сначала лѣтописецъ». Надобно прибавить, что эта статья, какъ и весь Сборникъ, писаны въ Кирилло-бѣлов. монастырѣ рукою инока Евфросина около 1490 г., какъ видно изъ его собственной замѣтки (л. 217), и что въ томъ же монастырѣ и тѣмъ же инокомъ Евфросиномъ и почеркомъ написанъ въ 1476—1482 г. и другой Сборникъ означеннаго монастыря, нынѣ С. п. б. дух. акад. № 1083, какъ свидѣлствуютъ замѣтки самого же писца (л. 78 об. и 218), а равно и Сборникъ 1473—1477 г. бывшей библіотеки Царскаго № 365 (Опис. ея стр. 355. 363).

(146) См. статью въ предыдущемъ примѣчаніи, а также Сборн. XV в. Москв. Синод. библ. № 316 л. 12 об. (Опис. стр. 571). О прочемъ—въ нашей Ист.

думаны были всё три доказательства, на которых потом Стоглавый соборъ утвердилъ свое постановленіе о сложеніи трехъ и двухъ перстовъ для благословенія и крестнаго знаменія, хотя нельзя не замѣтить, что какъ второе доказательство (сказаніе о Мелетіи), такъ и третье, даже въ своемъ искаженномъ видѣ, вполне не соотвѣтствуютъ цѣли: они вовсе не говорятъ о сложеніи трехъ перстовъ,—чего требуетъ Стоглавъ, а говорятъ только о двухъ перстахъ: второе же вовсе не говоритъ и о крестномъ знаменіи, упоминая лишь о благословеніи.

Достойно замѣчанія, что ни въ одной изъ этихъ трехъ статей не опредѣлено еще, какіе три перста совокуплять во образъ Пресв. Троицы и какіе два—во образъ двухъ естествъ во Христѣ; но къ концу того же XV вѣка сдѣлана была и попытка опредѣлить эти персты, которая гласила, что надобно слагать персты — *верхній съ двумя дольними* во образъ Троицы, а *два верхнѣйшихъ*—въ божество и чело-вѣчество. Такая неумѣлость и неискusstво въ наименованіи самыхъ перстовъ, двухъ и трехъ, для крестнаго знаменія, и вообще въ изложеніи ученія объ этомъ предметѣ, какія мы

русск. раскола, 60—64. Этотъ чинъ принятія еретиковъ находится также въ рукоп. Требникѣ нашей библ., № 89, нач. XVI в., и здѣсь означенная статья читается такъ: «иже не креститъ двѣма прѣстома, якоже и Христось, да будетъ проклятъ» (—стр. 331). Но въ Требн. Москов. Синод. библ. XVI в. № 378, л. 470, статья эта говоритъ уже о двуперстномъ знаменованіи себя крестомъ (Опис. III, I, стр. 233). Прибавимъ еще, что въ Коричей Новгород. Соф. библіотеки, нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в. № 1173, л. 296 об., означенная статья читается: «иже не креститъ двѣма перстома, якоже и Христось, да будутъ прокляти»; равно и въ двухъ Коричей Кирилловской библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., XVI в., № 1079, гл. 100, и 1590 г. № 1078, гл. 100, читается: «иже не креститъ двема прѣстома яко Христось, да будетъ проклятъ».

видимъ здѣсь у неизвѣстнаго автора и сейчасъ увидимъ у другихъ писателей, изъ которыхъ каждый называлъ персты по-своему и неудачно, всего яснѣе свидѣльствуютъ, что тогда это ученіе было еще очень ново, и что для точнаго выраженія его еще не уяснились понятія, не выработался языкъ, не установилась терминологія ⁽¹⁴⁶⁾. Да и на что потребовались всѣ эти доказательства въ пользу двуперстія и вмѣстѣ троеперстія, если бы такое перстосложеніе не было въ то время у насъ «новшествомъ» и всѣми употреблялось? Очень естественно, что находились тогда и между грамотеями люди, которые старались отстаивать два прежнихъ, издревле существовавшихъ въ нашей церкви перстосложенія, одно для крестнаго знаменія, а другое для благословенія, и говорили: «яко подобаетъ креститься тремя персты, а благословити двѣма», — для чего указывали даже на то, что въ самомъ словѣ Θεодоритовомъ сперва говорится о трехъ перстахъ, а потомъ о двухъ; по ревнители двуперстія оставались непреклонными въ своемъ мнѣніи и отвѣчали имъ уклончивыми и невразумительными толкованіями ⁽¹⁴⁷⁾.

Въ такомъ видѣ ученіе о двуперстіи перешло въ XVI столѣтіе, и въ самомъ началѣ этого столѣтія Θεодоритово слово находимъ въ одномъ хронографѣ, а всѣ три статьи, — и Θεодоритово слово, и сказаніе о Мелетіи, и проклятіе на некрестящихся двумя перстами, — въ одной Слѣдованной Псал-

⁽¹⁴⁶⁾ См. статью, помѣщенную въ примѣч. 144, и сравн. съ слѣдующими за снѣмъ свидѣльствами о сложеніи перстовъ автора «Домостроя», митроп. Данила и Максима Грека, да и самаго Стоглаваго собора.

⁽¹⁴⁷⁾ См. ту же статью въ примѣч. 144.

тыри (¹⁴⁸). Въ первой четверти столѣтія, если не прежде, авторъ «Домостроя» внесъ Феодоритово слово въ свое сочиненіе безъ всякихъ перемѣнъ, но отъ себя пояснилъ, что три перста во образъ Троицы суть *крайній да два нижнихъ*, а два перста во образъ двухъ естествъ во Христвъ—*средній и другой при немъ* (¹⁴⁹). Затѣмъ слово Феодоритово помѣстилъ въ «Сборникѣ» своихъ сочиненій и самъ митрополитъ Даніиль (1522—1539), и уже въ такомъ видѣ: «сиде благословити рукою и креститися: три персты равно имѣти вкупѣ, *большой да два послѣднихъ*, по образу Троическому..., а два перста имѣти наклонена, а не простерта..., *вышній* персть образуеть божество, а *нижній* персть образуеть челоувѣчество...» и проч., т. е. помѣстилъ со внесеніемъ поясненія о перстахъ въ самый текстъ слова (¹⁵⁰). Вопросъ о крестномъ знаменіи считался тогда дѣломъ величайшей важности, и извѣстный старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоеѣй, въ своемъ посланіи къ вел. князю Василию Ивановичу (1505—1533), указывалъ ему, какъ на первую задачу его

(¹⁴⁸) См. Хроногр. Румянц. Муз. № 454 (Опис. стр. 735. 736), а объ означенной слѣдованной Псалтыри въ Правосл. Собесѣдн. 1870, III, 38—41. 83—85.

(¹⁴⁹) *Некрасов*. О происх. Домостроя, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1872, III. отд. I, 61. Здѣсь приведены подлиннымъ слова изъ Домостроя, по списку первой четверти XVI вѣка.

(¹⁵⁰) Справедливость требуетъ замѣтить, съ одной стороны, что м. Даніиль могъ не самъ слѣдять это поясненіе или прибавленіе, а найти его въ какомъ-либо прежнемъ спискѣ Феодоритова слова и только переписать въ свой Сборникъ, а съ другой—что это пояснительное прибавленіе могло быть внесено въ Сборникъ Даніила и послѣ его смерти какимъ-либо переписчикомъ: ибо хотя Сборникъ Даніиловъ сохранился и въ спискѣ XVI в. (моск. дух. акад. № 197), но это не подлинникъ руки Даніиловой,—въ немъ недостаетъ цѣлой послѣдней части послѣдняго слова, которая, однакожь, находится въ другихъ, хотя болѣе позднихъ, спискахъ и, безъ сомнѣнія, была въ подлинникѣ.

царствованія, чтобы онъ научилъ своихъ подданныхъ правильно полагать на себѣ крестное знаменіе, чего многіе изъ нихъ не дѣлали,—хотя о перстосложеніи здѣсь прямо не говорится и не видно, какого перстосложенія держался самъ Филоеей ⁽¹⁵¹⁾. Обращались съ этимъ вопросомъ и къ Максиму Греку, и онъ, будто бы, подобно митр. Данилу, стоялъ за двуперстіе и отвѣчалъ согласно съ словомъ Θεοδοριτο-вымъ, наименовавъ, по-своему, самые персты («совокупленіемъ тріехъ перстовъ, сирѣчь *пальца и еже отъ средняго и малаго*, тайну исповѣдуемъ богоначальныхъ тріехъ Упостасей..., протяженіемъ же *долгаго и средняго* сошедшаяся два естества во Христѣ...»),—если только не предположить, что сказаніе Максима о крестномъ знаменіи испорчено еще первымъ собирателемъ его сочиненій, вскорѣ послѣ его смерти ⁽¹⁵²⁾.

Такимъ-то образомъ, еще до Стоглаваго собора, впродолженіе, можетъ быть, цѣлаго столѣтія, мало-по-малу подготовлялось и распространяемо было у насъ ученіе о двуперстіи нашими книжниками и грамотеями: не удивительно, если и

⁽¹⁵¹⁾ Посланіе это въ Прав. Собесѣдн. 1863, I, 343—348.

⁽¹⁵²⁾ Оно помѣщено между сочиненіями Максима: въ спискѣ XVI в. м. Синод. библ. № 191, л. 64 об. (Опис. II, II, 525); въ спискѣ конца XVI в. бывшей библ. Царскаго № 241, л. 228 (Опис. 204), въ спискѣ 1587 г. бывшей библіот. Ундольскаго № 487, л. 128 (Опис. 352), и даже въ древнѣйшемъ спискѣ библ. Хлудова, писанномъ въ 1563 г., т. е. спустя шесть-семь лѣтъ по смерти Максима, № 78, гл. 40. (См. *Лопов.* Опис. рукоп. Хлудова, стр. 150—152, М. 1872). То было еще первое время послѣ Стоглаваго собора, и ревнитель двуперстіи, собирая сочиненія Максима, легко могъ или только исказить по-своему сочиненіе его о крестномъ знаменіи или даже приписать Максиму собственное издѣліе. А можетъ быть, Максимъ писалъ свои статьи о крестномъ знаменіи и сугубой аллилуйи уже послѣ Стоглаваго собора, и въ этихъ статьяхъ, какъ думаютъ (Бесѣд. къ глагол. старообр. стр. 194, изд. 3), только оказалъ снисхожденіе къ господствовавшему предубѣжденію, дабы еще болѣе не раздражить противъ себя своихъ враговъ.

успѣло оно приобрести себѣ жаркихъ послѣдователей и приверженцевъ преимущественно между книжными же людьми. Но въ массы народа оно не проникало или проникало весьма мало: тамъ продолжали креститься по-старому, тремя перстами, какъ научились отъ предковъ. Это засвидѣтельствовалъ самъ царь на Стоглавомъ соборѣ, когда сказалъ: «христіане рукою крестятся не по существу», что означало: «христіане рукою крестятся не двумя перстами», какъ и поняли царя отцы собора, и потому постановили извѣстное правило о двуперстіи, для пастырей и мірянъ. II, замѣчательно, царь не сказалъ: «нѣкоторые христіане...», а сказалъ вообще: «христіане рукою крестятся не по существу». Это показываетъ, какъ велико еще было тогда число державшихся троеперстія. Происходили ли на Стоглавомъ соборѣ разногласія и споры по вопросу о перстосложеніи для благословенія и крестнаго знаменія? Свѣдѣній объ этомъ не сохранилось никакихъ; но сомнительно, чтобы происходили: такъ какъ на соборѣ присутствовали все лица, болѣе или менѣе, книжныя, которыя знали, что написано объ этомъ предметѣ въ употреблявшихся тогда свидѣтельствахъ, и при томъ написано отъ имени св. отцевъ, и привыкли вѣрить всему написанному. Гораздо вѣроятнѣе, что члены собора, безъ долгихъ колебаній, постановили свое знаменитое правило о двуперстіи и, въ основаніе своего опредѣленія, «по простотѣ и невѣжеству», привели и слово Θεодоритово, нимало не подозрѣвая его подложности, и повѣсть о св. Мелетіи, не замѣчая въ ней очевиднаго искаженія, и столько же искаженную статью съ проклятіемъ на некрестящихся двумя перстами, которую изложили въ своемъ опредѣленіи даже два

раза, сперва такъ: «аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христось, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ», а чрезъ нѣсколько строкъ такъ: «ниже кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклятъ». Вотъ какъ, наконецъ, ученіе о двуперстіи, столько времени проводившееся у насъ только путемъ книжнымъ, достигло своей высшей силы:—утверждено цѣлымъ соборомъ и даже возведено на степень догмата, ограждено проклятіемъ! Это проклятіе въ дѣлѣ совершенно обрядовомъ, узаконившее для всѣхъ и навсегда одно только двуперстіе для благословенія и крестнаго знаменія и поразившее анаеомую всѣхъ православныхъ — грековъ, русскихъ и прочихъ, которые употребляли другое перстосложеніе, было величайшею ошибкою Стоглаваго собора. Рано или поздно, оно неизбежно должно было вызвать и дѣйствительно вызвало, чрезъ столѣтіе съ небольшимъ, новое проклятіе, но только навшее уже на крестящихся двумя перстами по Стоглаву, и послужило, хотя отдаленною, но самую коренною и главнѣйшею причиною русскаго раскола.

Теперь, казалось, уже не нужно было для распространенія ученія, утвержденнаго соборомъ, употреблять порчи прежнихъ сочиненій, хотя и отъ этого не отказывались ⁽¹⁵³⁾; теперь за распространеніе двуперстія принялись сами духовныя власти. Митрополитъ Макарій разсылалъ свои наказныя

⁽¹⁵³⁾ Въ доказательство указываемъ на извѣстную уже намъ статью Панагюта: въ двухъ книжкахъ Макарьевскихъ Чети-минеи, декабрьской и іюньской, писанныхъ до Стоглаваго собора, она укоряла латинянъ, зачѣмъ они не крестятся тремя перстами; а въ книжкѣ августовской, писанной послѣ Стоглаваго собора, укоряетъ уже, зачѣмъ не крестятся двумя перстами.

граматы по всей Россіи, къ духовенству бѣлому и монашескому, съ наставленіями о двуперстіи; всѣ епархіальные архіереи обязаны были имѣть у себя книгу Стоглавъ и ею руководствоваться; къ тому же обязывались и всѣ поповскіе старосты (благочинные) и мѣстные соборы ⁽¹⁵⁴⁾. Есть, однакожь, свидѣтельства, что и теперь, несмотря на все вліяніе духовенства, ученіе о двуперстіи, особенно вначалѣ, имѣло мало успѣха ⁽¹⁵⁵⁾; что троеперстія продолжали держаться по мѣстамъ въ нѣкоторыхъ нашихъ обителяхъ ⁽¹⁵⁶⁾; что и подъ конецъ XVI столѣтія троеперстіе для крестнаго знаменія употреблялось еще, хотя уже вмѣстѣ съ двуперстіемъ ⁽¹⁵⁷⁾. Есть прямыя и неоспоримыя свидѣтельства, что даже въ началѣ XVII в. троеперстіе для крестнаго знаменія не только не было вытѣснено у насъ, но оставалось еще господствующимъ въ Россіи, какъ и въ Греціи.

⁽¹⁵⁴⁾ Акт. Эксп. I, № 232, стр. 227. 228.

⁽¹⁵⁵⁾ Въ такомъ смыслѣ можно понимать извѣстныя слова бывшего тропцкаго игумена Артемія, сказанныя въ 1554 г., что «на соборѣ де о крестномъ знаменіи слово было, да недослѣли ничего» (Акт. Эксп. I, стр. 252).

⁽¹⁵⁶⁾ Въ 1567 г. іеромонахъ Ошевенской обители Θεодосій составилъ житіе преп. Александра Ошевенскаго и въ концѣ житія, описывая случившееся надъ нимъ самимъ чудо, между прочимъ сказалъ: «я увѣдѣхъ бывшаа надъ собою, яко десная моя рука ослабѣ, длань же о запястьи согнуся, три же персты верхнихъ едва возмогохъ вмѣсто содвигнути, иже на лицы своемъ крестное знаменіе вообразати, два же перста нижнихъ ко длани прикорчпшася». Этотъ іеромонахъ крестился, очевидно, тремя перстами (Славяно-русск. рукоп. Ундольскаго, № 276, житіе Александра Ошевен. XVI в., Опис. стр. 214—215).

⁽¹⁵⁷⁾ Сохранилась Слѣдовавшая лицевая Псалтырь, писанная въ 1594 г. въ Москвѣ, по повелѣнію боярина Дим. Иван. Годупова, со множествомъ иконописныхъ изображеній на поляхъ рукописи. Тутъ можно насчитать болѣе 100 рукъ, сложенныхъ для благословенія и для крестнаго знаменія, и между ними встрѣчаются и съ троеперстнымъ сложеніемъ, и съ двуперстнымъ, и съ именованнымъ (Прав. Собесѣдн. 1869, III, 105—124. 185—211). О другомъ экземплярѣ этой самой Псалтыри, писанной тѣмъ же писцомъ, см. Прав. Соб. 1870, III, 92—110.

Иностранецъ Петрей, родомъ шведъ, который, по его собственнымъ словамъ, нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, еще при Борисѣ Годуновѣ (1598—1604) и послѣдующихъ царяхъ до Михаила Феодоровича, посломъ отъ своего государя, нѣсколько лѣтъ жилъ между русскими, тщательно наблюдалъ ихъ вѣру и обряды и вносилъ въ свою лѣтопись лишь то, что видѣлъ своими глазами, вотъ какъ описываетъ крестное знаменіе у русскихъ: «въ домахъ у москвитянъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, есть живописные образа....; при всякомъ входѣ и выходѣ они кланяются и крестятся предъ образами....; особливо когда идутъ спать, встаютъ съ постели, выходятъ изъ-за стола или изъ дому, и опять входятъ въ него, они наклоняютъ голову и крестятся *три раза тремя согнутыми перстами, большимъ, указательнымъ и самымъ длиннымъ....*» (158). А о грекахъ вотъ что говоритъ ученый грекъ Христофоръ Ангелъ, уроженецъ пелопонесскій, который, вслѣдствіе гоненій за вѣру, принужденъ былъ въ 1608 г. удалиться въ Англію и тамъ издалъ впоследствии небольшое сочиненіе о своихъ соотечественникахъ: «когда входятъ они въ церковь, каждый идетъ на свое мѣсто и, ставши, снимаетъ шапку или головной уборъ, и соединяетъ *три перста правой руки, т. е. первый перстъ и вторый и третій вмѣстѣ*, знаменуя, что Богъ есть святая Троица, и

(158) *Петрей* Исторія о вел. княжествѣ москов., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. IV, стр. 401—402. Подобное же свидѣтельство находимъ и у секретаря голштинскаго посольства, бывшаго у насъ въ 1633, 1636 и 1638 г., *Адама Оларія*, который говоритъ: «русскіе для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ употребляютъ сложенными *три главныхъ перста* правой руки» (*Олар.* Опис. путешествія Голшт. посольства въ Московію, кн. III, гл. 26, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1868—1870).

полагаетъ три соединенные перста сперва на челъ въ знакъ того, что св. Троица находится на небѣ; а потомъ полагаетъ на *чресть* въ означеніе того, что Сынъ Божій и Слово сошелъ на землю и воплотился, и распятъ былъ, и умеръ за наши грѣхи; далѣе полагаетъ на *правомъ плечѣ*, показывая, что Онъ восшелъ изъ ада и возсѣлъ одесную Отца; наконецъ полагаетъ на лѣвомъ плечѣ, выражая (мольбу), чтобы Онъ не оставилъ насъ опуюю (на страшномъ судѣ), но избавилъ насъ отъ лѣвой страны» (159). Спросимъ теперь послѣдователей Стоглава: какимъ же это образомъ могло случиться, что въ началѣ XVII столѣтія троеперстіе для крестнаго знаменія было господствующимъ и въ Греціи и даже въ Россіи, если справедливо, какъ вы утверждаете, что не только со времени Стоглаваго собора, но и прежде его и вообще изначала въ церкви православной употреблялось только одно истинное перстосложение—двуперстное?

Перейдемъ къ вопросу объ аллилуйи. Нынѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ нѣкоторыхъ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, еще XIV вѣка, правда, немногихъ, двухъ-трехъ, изъ которыхъ одна принадлежала митрополиту Кипріану, а другая, кажется, московскому Чудову монастырю, встрѣчаются

(159) Свидѣтельство это разсмотрѣно въ Прав. Собесѣди. 1864, II, 76—81. Можно прибавить здѣсь еще свидѣтельство Льва Алляція (род. 1586 г., ум. 1669), который хорошо зналъ латинянь и грековъ и говоритъ о перстосложеніи послѣднихъ для крестнаго знаменія слѣдующее: Graeci tribus primis manus dexterae digitis extensis et inter se connexis, reliquis duobus intra palmam paululum plicatis, frontem tangunt, et manum eodem modo digestam versus pectus extendunt, postea a dextera pectoris parte in sinistram progrediuntur; tandem inclinato capite cum humeris in faciem procumbunt (De cons. eccl. orient. et occid. III, cap. 18, p. 1357—1358).

выраженія: «аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже» ⁽¹⁶⁰⁾. Есть основаніе думать, что эта сугубая аллилуіа занесена къ намъ въ книгахъ изъ Сербіи ⁽¹⁶¹⁾, и къ концу XIV или въ началѣ XV столѣтія имѣла у насъ уже немало послѣдователей; но тогда же встрѣтила и жаркихъ обличителей. Въ «Уставѣ о пѣтѣ меоимона», по рукописи того времени, между прочимъ, говорилось: «иже мнози поють подвоицю— алѣлугіа, а не втрегубна, на грѣхъ себѣ поють. Пѣти: алѣлугіа, алѣлугіа, алѣлугіа, слава Тобѣ, Боже. Алѣлугіа речется: пойте Богу,—то Отцу; второе: пойте Богу,—а то Сыну; а се третье: пойте Богу,—а то Св. Духу. Также: слава Тобѣ, Боже. Первое, пой алѣлугіа трижды Пресвятѣй Троици — Отцю и Сыну и Святому Духу; а се единому Богу, въ Троицѣ сущю: слава Тобѣ. Пой же вся со крестьяны, но по-трижда, а не подважда; аще ли подвоижды, то разлу-

⁽¹⁶⁰⁾ Уставъ церк. XIV в. м. Синод. библ. № 383, л. 3 об.; Уставъ церк. XIV в.—той же библ. № 384, л. 14 (Опис. III, I, стр. 277. 283). Въ Слѣдован. своей Псалтыри (Рук. Моск. дух. акад. № 142), и именно въ «Часословцѣ», начинающемся съ л. 145, излагая чинъ полунощницы, м. Кипріянь пишетъ: «псаломъ 50—помилуй мя Боже..., также блажени непорочнѣи, также слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды и поклоны 3; слава и нынѣ, рудѣ твои сотвориствѣ мя, слава и нынѣ, аллилуіа 3-жды съ трими поклоны» (л. 146 об.). Затѣмъ, излагая чинъ утрени, пишетъ: «прильпѣ душа моя по тебѣ, мене же пріятѣ десница твоя: слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды бес поклоновъ» (л. 155 об.). И далѣе: «духъ твой благый наставитъ мя на землю праву: слава и нынѣ, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды бес поклоновъ» (л. 155). Далѣе, въ чинѣ 3-го часа: «помилуй мя Боже: слава и нынѣ, аллилуіа 3-жды и поклона 3» (л. 165). Послѣднее повторяется и на л. 173 об. и 179.

⁽¹⁶¹⁾ Кромѣ того, что м. Кипріянь, родомъ сербъ, принесъ къ намъ свою псалтырь, вѣроятно, изъ Сербіи, уцѣлѣла еще другая псалтырь, писанная на пергаменѣ не позже XIV в., съ явными признаками сербскаго происхожденія, въ которой послѣ 134-го псалма сдѣлана вѣтвка киповарью: «аллилуіа сугуби». Псалтырь эта принадлежитъ нынѣ г. Барсову (Прав. Обзор. 1872, II, 718).

чаешь Отца и Сына и Св. Духа» (162). Въ какихъ мѣстахъ появились-было у насъ эти первые послѣдователи сугубой аллилуи, и кто написалъ противъ нихъ приведенное обличеніе и наставленіе, неизвѣстно. Но въ 1419 г. недоумѣніе относительно аллилуи обнаружилось именно въ Псковѣ, и по поводу этого недоумѣнія вызванъ былъ псковичами подать свой голосъ самъ митрополитъ Фотій, который тогда же отвѣчалъ имъ: «что ми пишете о аллилуи...., сиче глаголи: аллилуа, аллилуа, аллилуа, слава Тобѣ, Боже; аллилуа, аллилуа, аллилуа, слава Тобѣ, Боже; аллилуа, аллилуа, аллилуа, слава Тобѣ, Боже» (163).

Несмотря, однакожъ, на такое ясное и рѣшительное наставленіе первосвятителя русской церкви, данное псковичамъ, Пскову суждено было вскорѣ сдѣлаться мѣстомъ самыхъ горячихъ споровъ о сугубой аллилуи. Въ первой четверти XV вѣка въ псковскомъ Снѣтогорскомъ монастырѣ принялъ постриженіе, вмѣстѣ съ именемъ Евфросина, одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ, нѣкто Елеазаръ, который потомъ въ 1425 г. удалился изъ монастыря въ пустыню, въ 25-ти стадіяхъ отъ Пскова, гдѣ и основалъ впоследствии на рѣкѣ Толвѣ свой монастырь, извѣстный подъ именемъ Елеазарова. Этотъ-то инокъ Евфросинъ, какъ свидѣтельствуесть писатель его

(162) Этотъ коротенькой «Уставъ о пѣтнъ мѣнмона» помѣщенъ въ рукописи XIV—XV в. новгород. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад. № 1264, л. 15 об. и начинается такъ: «Мѣнмонъ же нарѣчается печать и замокъ Святыя Троица Отца и Сына и Св. Духа; а ключъ есть честный крестъ, сиче рещи, отмычюще: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ...» и проч. Впослѣдствіи уставъ этотъ о мѣнмонѣ встрѣчается въ рукописяхъ XVI в. (Опис. рук. м. Синод. библ. II, III, стр. 741).

(163) Это посланіе Фотія напечатано нами сполна въ прилож. къ IV т. нашей Исторіи, подъ № XXVIII.

житія, еще до принятія монашества и по принятіи скорбѣлъ и «сѣтовалъ безмѣрною печалію предъ Богомъ о пресвятыя аллилуіа», потому что видѣлъ будто бы «великъ расколъ посреди Христовой церкви и разногласіе, овѣмъ бо двоящимъ, овѣмъ троящимъ пресв. аллилуіа». Многихъ онъ спрашивалъ изъ «старѣйшихъ отъ церковныя чади о великой той вещи», и никто не могъ ему «протолковати тайны о божественнѣй аллилуіа». Тогда онъ отправился въ Царьградъ, бесѣдовалъ тамъ съ самимъ патріархомъ Іосифомъ и получилъ отъ него повелѣніе двоять аллилуію; посѣтилъ софійскій соборъ и слышалъ въ немъ сугубую аллилуію; обошелъ всѣ окрестныя монастыри и св. мѣста, вездѣ спрашивалъ о тайнѣ аллилуіи и отъ всѣхъ слышалъ наказъ — сугубить ее. Возвратившись на родину и передавъ братіи, вмѣстѣ съ иконою отъ патріарха, писаніе его объ аллилуіи, Евфросинъ оставилъ въ своей обители «чинъ дважды глаголати св. аллилуіа». Но лишь только узнали объ этомъ въ Псковѣ, какъ на Евфросина возстало все псковское духовенство, и во главѣ всѣхъ—священникъ Іовъ, пользовавшійся за свою ученость величайшимъ уваженіемъ и прозванный «столпомъ церковнымъ», — возстало потому, что «утвердися обычай единъ всѣмъ псковичемъ по мірскимъ церквамъ и монастырскимъ пресвятая троити аллилуіа». Немедленно отправлены были изъ Пскова къ Евфросину діаконь Филиппъ и какой-то священникъ, «оба мудра зѣло философа», съ посланіемъ отъ лица Троицкаго собора, которое написано было Іовомъ. Они убѣждали преподобнаго отказаться отъ сугубой аллилуіи и, между прочимъ, говорили: «вся церковь Божія по всей странѣ нашей троитъ аллилуію...; всѣ мы пздревле навыкли, смотря другъ на друга, троитъ аллилуію...

мы Троицу славимъ троеніемъ аллилуіи: ибо аллилуія Отцу, аллилуія Сыну, аллилуія Св. Духу, и потомъ единого Бога изображаемъ, когда послѣ каждой тройной аллилуіи поемъ: слава Тебѣ, Боже». Евфросинъ отвѣчалъ, что онъ не отъ своего самочинія ввелъ у себя обычай двоить аллилуію, а принялъ его отъ вселенской церкви, отъ самого патріарха цареградскаго Іосифа, давшего ему на то и свое писаніе; прочелъ затѣмъ посланіе Іова и сказалъ своимъ собесѣдникамъ, что трудъ этотъ послужитъ только въ погибель учителю ихъ Іову-Столпу, что отнынѣ Іовъ не столпъ благочестія, а столпъ, исполненный смрада, что онъ отторгнулся отъ церкви Христовой и возлюбилъ тьму, такъ какъ взялъ уже за себя третью жену, и, что не имъ, невѣгласамъ съ ихъ жалкимъ учителемъ, разсуждать о тайнѣ и сокровенной силѣ божественной аллилуіи, и, отпустивъ ихъ, написалъ троицкому псковскому собору посланіе, въ которомъ повторилъ тѣ же мысли въ свою защиту и тѣ же укоры своему главному противнику Іову. Послѣ этого, руководимые Іовомъ, псковичи уже всѣ вооружились противъ Евфросина, открыто называли его еретикомъ, а его монаховъ вѣроотступниками, такъ что преподобный принужденъ былъ обратиться съ жалобою на Іова къ новгородскому владыкѣ Евѣимію и просилъ его разрѣшить ихъ прю. Но владыка, вмѣсто того, чтобы разрѣшить эту прю и наложить епитимію на Іова, будто бы только ссылаясь на свою немощь разсуждать о такой высокой тайнѣ, сокровенной въ Богѣ, отвѣчалъ Евфросину: «если ты самъ своими очами и ушами видѣлъ и слышалъ отъ самого цареградскаго патріарха Іосифа, а также отъ всего клироса вселенской церкви и отъ всѣхъ живущихъ тамъ, что должно

двоятъ святую аллилуію, то и твори такъ, какъ пріялъ отъ вселенской церкви, по благословенію вселенскаго патріарха, и незаирай моеѣ грубости». Тогда Евфросинъ понялъ, что никто изъ высшихъ властей не хочетъ ополчиться за него противъ его гонителей, и, возложивъ всю надежду на Бога, только въ молитвѣ искалъ и находилъ для себя утѣшеніе до самой своей кончины († 1481). Нѣтъ ни основанія, ни нужды отвергать достовѣрность житія Евфросинова въ тѣхъ главныхъ чертахъ, которыя мы изложили, хотя въ подробностяхъ оно дѣйствительно представляетъ немало странностей, даже нелѣпостей (164). Не станемъ, въ частности, отвергать, что Евфросинъ ходилъ въ Царьградъ и научился тамъ отъ всѣхъ сугубить аллилуію: по крайней мѣрѣ, онъ самъ утверждалъ это, и ему вѣрили его современники. Но въ насъ невольно рождается сомнѣніе: правду ли онъ говорилъ; не было ли тутъ какого-либо недоразумѣнія и самообольщенія, особенно если Евфросинъ былъ точно такимъ страннымъ фанатикомъ сугубой аллилуіи еще отъ юности своей, какимъ изображается въ житіи? Извѣстно, что только въ 1410 году прибылъ къ намъ изъ Царяграда митрополитъ Фотій, родомъ грекъ и знатокъ церковныхъ правилъ и установленій, и что въ 1419 г. онъ, въ своемъ посланіи, подлинность котораго не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, прямо и рѣшительно училъ псковичей троеить аллилуію; а преп. Евфросинъ могъ быть въ Царьградѣ и у патріарха Іосифа отнюдь не позже 1437 г., когда Іосифъ отправился на флорентійскій соборъ,

(164) Мы довольно подробно указали ихъ въ нашей Ист. Русск. раскола, стр. 33—41, язд. 2.

гдѣ и скончался. Какъ же могло случиться въ такой короткій промежутокъ времени, что въ Царьградѣ и его окрестностяхъ, въ 1437 г., уже всѣ двоили, а не троили аллилуію? Все ли понималъ и уразумѣлъ Евфросинъ, что слышалъ въ Царьградѣ относительно аллилуіи, а не то ли одно ему слышалось и грезилось, что хотѣлось слышать, какъ иногда бываетъ съ фанатиками?

Впрочемъ, повторяемъ, современники вѣрили Евфросину что греки въ Константинополѣ дwoятъ аллилуію. Сохранилось посланіе какого-то сторонника Іова-Стопна «господину Аеоначію, честиѣйшему во иноцѣхъ общеобительныя великыя лавры св. Николы ктитору», который былъ жаркимъ сторонникомъ Евфросина. Въ этомъ обширномъ посланіи неизвѣстный авторъ, сначала напомнивъ Аеоначію объ его писаніи, которое онъ прислалъ предъ тѣмъ въ псковскіе соборы священникамъ объ аллилуіи съ порицаніями на Іова, говоритъ, между прочимъ, что напрасно онъ-Аеоначій, въ защиту сугубой аллилуіи, ссылается на грековъ, потому что греки «на сикъ млтѣхъ, къ своей погибели, отъ истины свернулися», и «рас-вращеннымъ грековомъ» вѣрить не слѣдуетъ; напрасно ссылается на самаго патріарха Іосифа и константинопольскую церковь, потому что патріархъ Іосифъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Исидоромъ, на флорентійскомъ соборѣ, не устоялъ въ правдѣ, за чтѣ и подвергся праведному суду Божию и не возвратился на свой престолъ, а «на мѣстѣ святѣхъ, сирѣчь въ соборнѣй и апостольстѣй церкви Константина града, теперь уже мерзость и запустеніе». Съ другой стороны, авторъ старается отстанвать трегубую аллилуію и для этого, кромѣ разныхъ соображеній и богословствованій, большею частію, мало толковыхъ,—а) указываетъ на службу великомученику

Георгію (23 апрѣля), въ которой три первыя стихиры на-
стиховнѣ, написанныя Теофаномъ исповѣдникомъ, оканчивают-
ся, каждая, троекратнымъ возглашеніемъ: аллилуія, алли-
луія, аллилуія (¹⁶⁵); б) напоминаетъ Аѳанасію, только-что
сказавъ объ измѣнѣ патріарха Іосифа на флорентійскомъ со-
борѣ: «подобаше ти, отче, паче патріарха и Аѳона, послу-
шати, аки самого Христа, киръ митрополита кѣвскаго и мо-
сковскаго и всея Русіи Фотія», который прислалъ къ намъ
въ Псковъ, за своею печатью, «грамоту, яже и до нынѣ
лежитъ во Святѣй Троици, въ нейже написано сице: алли-
луія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже...» и проч.;
в) наконецъ приводитъ извѣстный уже намъ уставъ о пѣтѣи
меѳимона, оглавляя его: «слово лаодикійскаго собора», на-
учающій не двойть, а тройть аллилуію (¹⁶⁶). Посланіе это на-
писано, очевидно, вскорѣ послѣ флорентійскаго собора, можетъ
быть, еще при жизни преп. Евфросина, какимъ-то ближайшимъ
единомышленникомъ Іова-Столпа (не діакономъ ли Филиппомъ?):
потому что авторъ, напомнивъ въ началѣ Аѳанасію, что онъ
писалъ въ Псковъ объ Іовѣ, присовокупляетъ: «вѣмъ, отче,
вѣмъ, и ко мнѣ, сирѣчь и на насъ, писалъ еси». А кто былъ
этотъ Аѳанасій, такой жаркій послѣдователь Евфросина и
ревнитель сугубой аллилуіи, съ точностью сказать нельзя.
Видно только, что его лавра св. Николая принадлежала къ

(¹⁶⁵) Это дѣйствительно и видимъ въ Шестодневѣ XV в., писанномъ и упо-
треблявшемся въ Псковѣ (Опис. рукоп. м. Синод. библ. III, I, стр. 581).

(¹⁶⁶) Посланіе къ Аѳанасію, напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1866, II, 140—166.
Но тамъ несправедливо усвоится оно повгородскому архіепископу Макарію
(стр. 137—189), какъ усвоилось прежде и другими (Григор. Истинно-древн.
перкв. II. 146, пзд. 4):

числу монастырей псковской области, а самъ онъ былъ лице достопочтенное: къ нему съ уваженіемъ и съ глубокимъ смиреніемъ относится авторъ и неразъ просить у него извиненія за свое писаніе и просить его молитвъ о себѣ грѣшномъ (Снес. нашей Истор. IV, 202). Достоинно замѣчанія, что ни Аѳанасій, ни самъ Евфросинъ, во все продолженіе спора объ аллилуіи, ни разу не сослались ни на Москву, ни на другіе русскіе города, а указывали только на Царьградъ: не свидѣтельствуетъ ли это, что тогда еще ни въ Москвѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Россіи, не двойли аллилуіи (167)?

Къ концу XV вѣка вопросъ объ аллилуіи обратилъ на себя вниманіе, какъ и слѣдовало, новгородскаго, а вмѣстѣ и псковскаго, владыки Геннадія, и извѣстно небольшое посланіе къ нему (отъ 1491 г.) Димитрія Толмача, находившагося тогда, по его порученію, въ Римѣ: «ты велѣлъ мнѣ, господине, отписать тебѣ о трегубномъ аллилуіѣ. Высмотрѣлъ я въ книгахъ; ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не показано, какъ говорить, трегубно или сугубно.... Но помнится мнѣ, что и у насъ о томъ бывалъ споръ между великими людьми, и они судили, что то и другое одинаково: ибо трегубное аллилуія, а четвертое: *слави Тебѣ, Боже*, являютъ три-чпостасное, единосущное Божество, а сугубая аллилуія являетъ въ двухъ естествахъ единое божеское лице Христа. Потому

(167) Въ Слѣдованной Псалтыри (библіотеки Кирилло-бѣлов. монастыря, кннѣ спб. дух. акад., № 259), писанной въ предѣлахъ тогдашней ростовскѣ епархіи, именно въ Кирилло-бѣловскомъ монастырѣ, въ лѣто 6989 (1481), какъ засвидѣтельствовало самъ писецъ двукратно (л. 173 об. и 232 об.), по окончаніи стиховъ, поемыхъ всякую недѣлю «по непорочнахъ» («Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ»), въ заключеніе послѣдняго стиха («Жиз

какъ ни молвить человѣкъ тою мыслию, такъ и добро» (168). Изъ этихъ словъ Дмитрія къ Геннадію открывается, что и прежде у насъ, т. е. вѣроятно, въ Москвѣ или въ Новгородѣ,—такъ какъ оба они—и Дмитрій и Геннадій жили и въ Москвѣ и потомъ въ Новгородѣ, — бывалъ споръ объ аллилуи, и что тогда какіе-то великіе люди порѣшили-было его весьма разумно (рѣчь, очевидно, не о псковскихъ спорахъ). Къ сожалѣнію это разумное рѣшеніе не нашло себѣ послѣдователей, особенно въ Псковѣ. Въ самомъ началѣ XVI вѣка какой-то инокъ обители преп. Евфросина псковскаго, приступая къ начертанію повѣсти о немъ, съ скорбію говорилъ, что въ церкви Божіей произошелъ расколъ, что одни двоятъ, а другіе троятъ пресвятую аллилуію, и какъ двоящіе укоряютъ троящихъ, такъ и троящіе двоящихъ. Вслѣдствіе этого-то онъ, безвѣстный инокъ, воодушевляемый фанатическою приверженностію къ сугубой аллилуіи, считая ее дѣломъ чрезвычайно-важнымъ для угожденія Богу, предполагая въ ней какую-то высшую, сокровенную премудрость и желая «открыть свѣтъ вѣдѣнія церкви Божіей, великую тайну пресвятой аллилуіи», и написалъ извѣстную уже намъ, въ главныхъ чертахъ, повѣсть о преп. Евфросинѣ, и кромѣ того изложилъ въ ней рассказъ о томъ, будто ему, автору повѣсти, двѣ ночи, во время тонкаго сна, являлся преп. Евфросинъ съ своимъ сподвижникомъ Серапіономъ и говорилъ: «опиши тайну святыхъ аллилуи», а на третью ночь явилась

нодавца родши...») написано: «аллилугіа, аллилугіа, аллилугіа, слава тебѣ Боже» (л. 57 об.).

(168) Напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1861, I, 111—112.

даже сама пресв. Богородица съ архангеломъ и тѣми же двумя преподобными, и сама весьма подробно объяснила ему тайну сугубой аллилуи и сказала: «воспиши тайну сію, еяже азъ, Богородица, тебѣ повелѣваю». Не можемъ не остановитъ, въ частности, вниманія на послѣдующихъ словахъ рассказчика: когда Богородица, говорить онъ, удалилась, приступилъ ко мнѣ ангелъ и строго повелѣлъ мнѣ написать все, что я отъ Нея слышалъ. Я убоялся и затрепеталъ, и со слезами сказалъ ему во умилениі: «господи, ты вѣси, яко многи, въ чудесѣхъ просіавше и въ великихъ знаменіяхъ, *трояци* божественная аллилуія. Онъ же, отвѣщавъ, рече ми: певѣдый тайны сея не судится ему; *нынѣ же* вѣдый уже осужденъ будетъ отъ Бога». Не ясно ли свидѣтельствуеть здѣсь самъ составитель перваго житія Евфросинова, что прежде въ православной церкви троили аллилуію? (169).

Надобно допустить, что въ первой половинѣ XVI вѣка сугубая аллилуія проникла и въ Москву. Самъ Максимъ Грекъ былъ защитникомъ ея и называлъ ее древнимъ преданіемъ со временъ Игнатія Богоносца, будто бы наученнаго ей ангелами, если только не подложно приписываемое Максиму «слово къ смѣющимъ трижды глаголати аллилуія чрезъ преданія церковнаго, а четвертое — слава Тебѣ, Боже» (170).

(169) Списокъ этого перваго житія Евфросинова—въ рукоп. *Удольск.* XVI в., № 306, л. 1—112 (Опис. стр. 229).

(170) Оно также находится во всѣхъ указанныхъ нами (примѣч. 152), Сборникахъ сочиненій Максима Грека XVI в. и даже Хлудовскомъ, писанномъ въ 1563 г. Кромѣ того, находится, подъ именемъ же Максима Грека, въ Сборникѣ, писанномъ въ 1562—1563 г. Евѣмиемъ Турковымъ, бывшимъ потомъ игуменомъ Іосифоводоколамскаго монастыря (Волок. Сборн. въ библ. моск. дух. акад. № 514, л. 499).

Самъ вел. князь Василій Ивановичъ неразъ повторялъ предъ кончиною своею: *аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ, Боже*, по свидѣтельству описателя этой кончины, повидному, очевидца, если только послѣдній говоритъ правду⁽¹⁷¹⁾. Въ 1547 г. псковскій пресвитеръ Василій вновь написалъ житіе преп. Евфросина, повторивъ дословно, хотя и въ другомъ порядкѣ, всѣ сказанія прежняго жизнеописателя Евфросинова, вмѣстѣ съ рассказомъ о явленіи ему Богородицы и Ея подробными объясненіями сугубой аллилуи. И, на основаніи этого житія, Соборъ 1549 г., подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, причислилъ Евфросина къ лику святыхъ. А вслѣдъ затѣмъ преп. Евфросину составлена особая служба съ восхваленіемъ въ ней сугубой аллилуи, и самое житіе его, написанное Василіемъ, внесено митрополитомъ въ его знаменитыя Четв-мишеп⁽¹⁷²⁾. Наконецъ, Стоглавый соборъ (1551 г.) далъ объ аллилуи слѣдующій отвѣтъ, хотя царь о ней вовсе не спрашивалъ: «въ Псковѣ и въ псковской землѣ по многимъ монастырямъ и церквамъ, да и въ новгородской землѣ по многимъ мѣстамъ, доннынѣ говорили трегубую аллилую, вопреки апостольскимъ и отеческимъ

(171) Собр. Р. Лѣт. VI, 271. 274. Въ Требникѣ нашей библ., нач. XVI в., № 89, принадлежавшемъ впоследствии старцу Антонію, постриженнику Чудова монастыря, какъ значится въ подписи, въ двухъ мѣстахъ читается: «аллилуѳа, аллилуѳа, слава тебѣ Боже трижды» (—стр. 1002 и 1094). А въ слѣдовавшей Псалтыри нашей библ., № 91, писанной около 1540 г., какъ можно заключать изъ одной замѣтки писца (л. 504), по окончаніи пѣсни: «Жизнодавецъ родиши....», сказано: аллилуѳа, аллилуѳа, аллилуѳа, слава тебѣ Боже,—сіе же трици глаголи» (—л. 492 об.). Наконецъ, въ Уставѣ нашей библ., первой половины XVI в., № 88, по окончаніи той же самой пѣсни, написано: «аллилуѳа, аллилуѳа, аллилуѳа» (л. 425).

(172) Службы Евфросину—въ Трефола. Тр.-Серг. лавр. исх. XVI в. № 624, подъ 15 числ. мая; въ Сборн. Румянц. Муз. № 397, л. 219 (Опис. стр. 596).

преданіямъ. Но мы узнали достовѣрно отъ писателя житія преп. отца нашего Евфросина псковскаго, новаго чудотворца, какъ, ради его св. молитвъ, пречистая Богородица извѣстила и запретила о трегубой аллилуи и повелѣла православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье—слава Тебѣ, Боже. И потому отнынѣ всѣмъ православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье — слава Тебѣ, Боже, какъ и предала св. соборная и апостольская церковь, а не трегубить аллилуи, какъ прежде сего говорили во Псковѣ: и по многимъ мѣстамъ, а четвертое приговаривали — слава Тебѣ, Боже. Это не есть преданіе православныхъ, но ересь латинянъ: они не славятъ Троицу, но четверять, и признаютъ Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына, и тѣмъ творятъ Св. Духа раболѣпнымъ. И потому не подобаетъ трегубить аллилуію, но дважды говорить—аллилуія, а въ третій разъ—слава Тебѣ, Боже: ибо по-еврейски—*аллилуія*, а по нашему, по-русски—*слава Тебѣ. Боже*» (Стогл. гл. 42). При чтеніи этого рѣшенія соборнаго не знаешь, чему болѣе удивляться, «простотѣ» ли, или «невѣжеству». На чемъ основали отцы собора свое рѣшеніе? Преимущественно на частномъ рассказѣ безвѣстнаго инока, будто ему являлась во снѣ пресв. Богородица, подробно объяснила ему тайну аллилуи и повелѣла двоить, а не троить ее въ церкви! И притомъ тогда, когда самыя эти объясненія, приписываемыя рассказомъ Богородицѣ, заключаютъ въ себѣ смѣсь самыхъ странныхъ, нелѣпныхъ, даже еретическихъ мыслей, какія могли придти въ голову лишь грубому невѣждѣ, и когда самъ рассказчикъ открыто сознался, что онъ «отъ великихъ глаголь» Богородицы только «мало нѣчто въ растлѣнной своей памяти удержалъ и гру-

бымъ разумомъ написалъ» (173). Поистинѣ, простота изумительная! Затѣмъ отцы собора говорятъ, будто сугубую аллилуію предала св. соборная и апостольская церковь: это неправда историческая; будто трегубая аллилуія есть ересь латинянь, когда они употребляютъ аллилуію въ своемъ богослуженіи и однажды, и дважды, и трижды, и пять разъ, и гораздо болѣе, и никакая аллилуія, ни трегубая, ни сугубая, ни другая, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа ересью; будто латиняне четверяють Троицу и дѣлають работнымъ Св. Духа, тогда какъ они вовсе не четверяють Троицы и не дѣлають работнымъ Св. Духа, хотя и невѣрно учать объ Его исхожденіи и отъ Сына; будто аллилуія значитъ — слава тебѣ, Боже, между тѣмъ какъ она значитъ — хвалите Бога (174). Тутъ цѣлый рядъ примѣровъ невѣжества. Напрасно думаютъ, будто самъ предсѣдатель Стоглаваго собора Макарій держался не сугубой, а трегубой аллилуіи, и въ доказательство указываютъ на то, что онъ помѣстилъ въ своей Чети-минеи и посланіе митрополита Фотія въ Псковъ о трегубой аллилуіи и такого же рода посланіе неизвѣстнаго къ ктитору лавры св. Николая, Аеанасію: въ той же своей Чети-минеи Макарій помѣстилъ и житіе преп. Евфросина псковскаго съ прославленіемъ сугубой аллилуіи и, на основаніи этого житія, призналъ даже, вмѣстѣ съ соборомъ, преп. Евфросина въ ликѣ святыхъ.

(173) Житіе Евфросина напечатано, и всякъ можетъ видѣть, какія недостойныя разглагольствія и толкованія вложилъ авторъ въ уста Пресв. Богородицы (Памятн. стар. Русск. Литер. IV, 67—116).

(174) Объ аллилуіи у латинянь—см. Gregor. Magn. Liber responsalis sive antiphonarius, in Patrolog. cursu compl. LXXVII, p. 726—850, ed. Migne.

ГЛАВА VII.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

I.

Кормчая книга, судя по сохранившимся спискамъ ея XV и XVI в., употреблялась тогда у насъ въ разныхъ видахъ. Списывалась еще, а слѣд. и употреблялась, она и въ томъ видѣ, въ какомъ извѣстна была въ Россіи до митрополита Кирилла II, когда содержала въ себѣ одни каноны безъ толкованій. Два списка ея XV—XVI в. представляютъ номоканонъ схоластиковъ (VI в.), въ которомъ помѣщены только правила св. апостоловъ, четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ и св. Василія Великаго, и притомъ правила изложены не отдѣльно, сперва апостольскія, потомъ cadaго собора порознь и Василія Великаго, а всѣ сведены въ одинъ составъ, распределены по предметамъ и расположены въ нѣкоторой системѣ, въ 50-ти титлахъ или граняхъ-отдѣленіяхъ. Впрочемъ, наши Кормчія, по номоканону Іоанна Схоластика, содержали въ себѣ, кромѣ этого номоканона въ его древнѣйшемъ, болгарскомъ переводѣ, и нѣкоторыя правила двухъ остальныхъ вселенскихъ соборовъ, шестаго и седьмаго, вмѣстѣ съ свѣдѣніями объ нихъ, равно какъ немало и другихъ дополнительныхъ статей позднѣйшаго происхожденія,

греческаго и болгарскаго ⁽¹⁷⁵⁾. Другіе два списка Кормчей XV — XVI в. представляютъ сборникъ церковныхъ правилъ, извѣстный подъ именемъ патріарха Фотія, только еще неполный: тутъ прежде всего, находится, послѣ пролога или предисловія, номоканонъ, въ которомъ такъ же, какъ и въ номоканонѣ Схоластика, всѣ каноны расположены, по предметамъ, въ нѣкоторой системѣ, но не въ 50-ти, а въ 14-ти титулахъ-граняхъ, и самыя правила не приведены въ текстѣ, а только сдѣланы указанія на нихъ; затѣмъ слѣдуетъ изложеніе (σύνταγμα) самаго текста правилъ: св. апостоловъ, св. соборовъ — сперва вселенскихъ, всѣхъ семи, потомъ помѣстныхъ, кромѣ двухъ, послѣднихъ по времени (бывшихъ въ Константинополѣ по дѣлу Фотія и находящихся уже собственно въ фотіевомъ Сборникѣ каноновъ), и св. отцевъ; наконецъ помѣщены разныя дополнительныя статьи, не только греческаго происхожденія, — между ними и извѣстныя 87 главъ, извлеченныхъ Іоанномъ Схоластикомъ изъ новеллъ Юстиніана, — но, по крайней мѣрѣ, въ одномъ спискѣ, и русскаго, каковы — правило церковное митрополита Іоанна II и отвѣты новгородскаго владыки Нифонта на вопросы Кирика. Правила въ этой Кормчѣ всѣ не сокращенныя, а полныя, какъ и въ упомянутыхъ выше Кормчихъ по номоканону Схоластикову, но переводъ правилъ здѣсь совершенно другой, хотя такъ же весьма

(175) Списокъ славянскаго Кормчей, по номоканону Іоанна Схоластика, XIII в., находящійся въ Румянц. Муз. № 230, описанъ Востоковымъ (Опис. Р. Муз. стр. 275—279). Другой списокъ этой самой Кормчей XV—XVI в., въ которой недостаетъ только трехъ послѣднихъ листовъ Румянцевскаго списка (отъ л. 136 до л. 189), находится въ библ. москов. дух. академіи, № 54. О третьемъ такомъ же спискѣ, писанномъ на бумагѣ, свидѣтельствуетъ Розенкампфъ (Обозр. Кормч. стр. 4, изд. 2).

древній (176). Очень естественно, если Кормчія съ одними канонами безъ толкованій списывались у насъ въ XV и XVI столѣтіяхъ весьма рѣдко и сохранились въ небольшомъ числѣ экземпляровъ: потому что хотя и такими Кормчими, по канону ли схоластикову или фотіеву, неполному, еще можно было пользоваться, но онѣ не представляли уже тѣхъ удобствъ, какія можно было находить въ Кормчихъ не съ одними канонами, а и съ толкованіями на каноны, появившихся у насъ со времени митрополита Кирилла II.

Съ этого времени, какъ извѣстно, Кормчія съ толкованіями начали распространяться у насъ въ двоякомъ видѣ, въ двухъ редакціяхъ. Прототипомъ для Кормчихъ одной редакціи и фамиліи былъ списокъ рязанскій (1284 г.), вѣриѣ, кирилловскій, — тотъ самый, который митр. Кириллъ получилъ изъ Болгаріи и съ котораго рязанскій списокъ былъ только точною копіею. Здѣсь уже полный фотіевъ помоканонъ и полное изложеніе правилъ, т. е. со включеніемъ и правилъ двухъ соборовъ константинопольскихъ — фотіевыхъ; правила большею частію въ сокращенномъ текстѣ, но немало и полныхъ; толкованія Аристина, который, впрочемъ, болѣе ясныя правила оставилъ безъ толкованій, и лишь изрѣдка Зонаровы; въ числѣ дополнительныхъ статей одиѣ греческія и нѣтъ русскихъ; переводъ

(176) Древнѣйшій списокъ такой Кормчей, ефремовскій, XI—XII в., хранится въ моск. синод. библ., № 227. Другой списокъ ед. соловецкій, XV—XVI в., содержащій въ концѣ и нѣкоторыя русскія статьи, принадлежитъ нынѣ казанской дух. академіи, № 1056 (*Срезневск.* Свѣд. и замѣтки о малопзвѣстн. и неизвѣстн. памятникахъ, ст. XLIV, въ Сборн. II-го отд. Ак. наукъ, XII, стр. 65—66; *Павлов.* Первонач. Славяно-русс. Номокан., стр. 25—54, Казань 1869). Третій списокъ этой же самой Кормчей, но безъ русскихъ статей, нач. XVI в., находится въ библиотекѣ Троице-Сергіев. лавры, № 207.

всей этой Кормчей сербской, совершенный «потщаніемъ и любовію многою и желаніемъ» перваго архіепископа сербскаго Саввы (1219—1234) ⁽¹⁷⁷⁾. Прототипомъ для Кормчихъ другой редакціи и фамиліи служилъ списокъ новгородскій-софійскій (пис. ок. 1282 г.), съ полнымъ также фотіевымъ номо-канонемъ и изложеніемъ правилъ: здѣсь правила, большею частію, полныя и въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ они употреблялись у насъ еще до митр. Кирилла по фотіеву же Сборнику, не совсѣмъ полному; но есть правила хотя въ этомъ самомъ переводѣ, однакожь не дѣльныя, а усѣченныя, то въ началѣ, то въ концѣ, то съ пропусками въ срединѣ; есть правила, хотя полныя, однакожь въ другомъ переводѣ и именно въ томъ, въ какомъ они изложены въ рязанско-кирилловской Кормчѣй, изъ которой, слѣдовательно, и заимствованы; много правилъ сокращенныхъ, заимствованныхъ

⁽¹⁷⁷⁾ Нашей истор. V, 5—10; *Срезневск.* Свѣд. и замѣт. о малозв. и певзв. памяти., ст. XLVII, въ Сборн. II-го отд. Ак. наукъ, XII, 167; *Лавлов.* Первонач. Слав.-русск. Номок., 62—75. А въ доказательство того, что въ этой Кормчѣй не мало и полныхъ правилъ, достаточно указать на два слѣдующіе примѣра: а) изъ числа 85-ти правилъ апостольскихъ болѣе четверти здѣсь полныя, именно: 1. 2. 23. 24. 43. 48. 49. 50. 52. 53. 55. 56. 57. 58. 60. 66. 69. 70. 71. 72. 73. 75. 77. 78; б) всѣ 19-ть правилъ собора гангрскаго—также полныя. Для сличенія съ полными правилами (по изд. С. п. б. 1839) правилъ рязанской Кормчѣй мы пользовались спискомъ ея, писаннымъ въ 7060, т. е. 1552 г., по благословенію новгородскаго владыки Серапіона (Новгород. Соф. библ., нынѣ С. п. б. дух. академіи, № 1175), а равно и печатною Кормчѣю 1653 года. Означенный списокъ 1552 г. совершенно сходенъ съ Кормчѣю Румянц. Муз. № 232, съ л. 16-го по л. 198, которая, въ свою очередь, сходна, судя по оглавленію, съ рязанскимъ спискомъ 1284 г. даже и въ томъ, что помѣщено въ пей съ самаго начала до 16 листа. Разность же между этими списками—та, что въ рязанскомъ спискѣ дѣйствительно помѣщены всѣ 64 главы, показанныя въ оглавленіи его; въ румянцевскомъ помѣщены только 44 главы, хотя въ оглавленіи показаны всѣ тѣ же самыя 64 гл.; а въ новгородскомъ-серапіоновскомъ помѣщено 55 главъ, хотя въ оглавленіи также перечислены всѣ 64 гл. и обозначено ихъ содержаніе.

прямо изъ рязанской Кормчей въ томъ же переводѣ; всѣ толкованія—буквально тѣ же, что и въ кирилловской Кормчей и изъ нея заимствованы; между дополнительными статьями находятся и русскія, но нѣкоторыя изъ греческихъ также заимствованы изъ кирилловской Кормчей въ томъ же переводѣ (178). Кормчия обѣихъ этихъ фамилій, рязанской и софійской, дошли до насъ отъ XV и XVI в. въ большомъ числѣ; а это свидѣтельствуешь, что какъ тѣми, такъ и другими Кормчиями тогда у насъ пользовались (179). Но, кажется, со-

(178) *Ундольск.* Опис. Славян. рукоп. моск. Синод. библ., въ Чтен. М. Ист. Общ. 1867, II, отд. III, 46—56; *Павлов.* Первонач. Слав.-русск. Номокан., 75—79. 90—94. Есть въ этой Кормчей правила не цѣльныя, усѣченныя, и такихъ весьма много: наприм., изъ числа апостольскихъ до 26-ти, п ихъ нено: 8. 25. 31—38. 40. 41. 46. 47. 50. 51 (съ пропускомъ въ срединѣ) 52. 53. 55. 68. 74. 76. 81. 82. Есть правила полныя, но заимствованныя изъ рязанской или кирилловской Кормчей: таковы—а) всѣ 17 правилъ св. ап. Павла и б) всѣ 19 правилъ собора гангрскаго. Много правилъ сокращенныхъ, заимствованныхъ изъ той же Кормчей: таковы, напримѣръ,—а) правила апостольскія: 3. 26. 27. 29. 30. 80; б) всѣ правила третьяго вселенскаго собора, кромѣ правила седьмаго; в) всѣ правила двухъ соборовъ константинопольскихъ, бывшихъ при Фотіи, г) всѣ 26 правилъ св. Василія Великаго о времени согрѣшающихъ, равно какъ и многія другія правила св. Отцевъ. Дополнительные статьи, заимствованныя въ софійскую Кормчую изъ кирилловской: а) Дмитрія, епископа князическаго, о яковитахъ; б) изложеніе рѣше воспоминаніе церковнаго соединенія св. отецъ, собравшихся въ Константиинѣ градѣ при Константиинѣ и Романѣ; в) Никиты—мпиха Стифата объ опрѣсновахъ; г) о Фрявѣхъ и прочихъ латинахъ; д) отъ различныхъ тителъ Густиніана царя, повыхъ заповѣдей главы избранны. Замѣтимъ однакожь, что о рязанской Кормчей, съ которой намъ удалось повнакомиться лишь бѣгло, мы судили, главнымъ образомъ, на основаніи новгородскаго списка ея, указаннаго въ предыдущемъ примѣчаніи, а о Кормчей софійской—частію на основаніи описанія ея Ундольскимъ (Чтен. М. Ист. Общ. 1867, II, отд. III), преимущественно же на основаніи трехъ ея списковъ, которыми мы пользовались: списка XV в. бывшей Новгор. Соф. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., № 1173; списка XVI в. бывшей Кириллов. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад. № 1079, и списка 1590 г.—той же библ., № 1078. Первый списокъ сходенъ, по порядку статей, съ Кормчею Румянц. муз. № 231; а два послѣдніе списка, совершенно сходные между собою во всемъ отъ начала до конца, сходны съ Кормчею того же Муз. 238, ч. I (Опис. Р. Муз. стр. 319—328).

(179) Кромѣ списковъ той и другой фамиліи, указанныхъ Розенкампфомъ

фійской редакціи оказываемо было предпочтеніе: по крайней мѣрѣ, у тогдашнихъ нашихъ писателей и соборовъ мы встрѣчаемъ, большею частію, правила полныя (¹⁸⁰). Что же касается толкованій, которыя въ Кормчихъ обѣихъ фамиліи одни и тѣ же, то наши писатели и соборы не только приводили ихъ вслѣдъ за правилами почти всегда, но нерѣдко приводили эти толкованія вмѣсто самыхъ правилъ и подъ именемъ правилъ, показывая такимъ образомъ какъ бы одинаковое уваженіе и толкованіямъ и правиламъ (¹⁸¹). Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что сохранявшіяся Кормчія той и другой фамиліи оказываются вѣрными своимъ прототипамъ и сход-

(Обозр. Кормчей стр. 7—10, изд. II), можно еще указать на слѣдующіе списки Кормчей XV—XVI в., преимущественно софійской фамиліи: бывшей библ. Царскаго № 213; библ. Моск. Истор. Общ. №№ 108. 109; бывшей Солов. библ., нынѣ казанск. дух. акад., четыре списка (*Лавл. Первонач. Слав.-русск. Номок.*, стр. 78); бывшей кириллов. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., №№ 1078. 1079; библ. Тр.-Сергіевой лавры №№ 205. 206.

(¹⁸⁰) Напримѣръ: у преп. Іосифа Волок. (*Просвѣтит.*, стр. 568), архіеп. новгор. Геннадія (*Акт. Эксп. I*, стр. 479), митроп. Данила (*Сборник.*, *Слов. XIV—XVI*), въ Соборномъ Уложеніи Стоглаваго собора (*Стогл.*, стр. 212. 265. 386, изд. Казан.). Но на соборѣ 1531 г. противъ князя-старца Вассіана приведено 115 (128) правило кароат. собора, сокращенное по рязанской редакціи (*Преніе м. Данила съ Вассіаномъ въ Чтен. М. Истор. Общ. 1817, IX, отд. IV, стр. 7. Спес. это правило по старопеч. Кормчей 1653*).

(¹⁸¹) Подъ именемъ или вмѣсто правилъ приводятся толкованія, наприм., въ *Просвѣтителѣ* преп. Іосифа Волок. (стр. 516—517) и въ *Стоглавѣ* (стр. 262. 266. 393). До какой степени простиралось у насъ уваженіе къ толкованіямъ, нагляднымъ свѣдѣтельствомъ можетъ служить рукописная Кормчая бывшей Кирилловской библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., XVII в., № 1080. Здѣсь подъ именемъ правилъ св. апостоловъ, соборовъ и отцевъ изложены вовсе не правила, а одни толкованія на нихъ и притомъ въ сокращенномъ видѣ; самыя же правила оставлены лишь тѣ, немногія, на которыя у Аристіна нѣтъ толкованій. И потому, наприм., *первое правило* св. апостоловъ читается такъ: «трне убо епископи, безъ всякаго извета, должни суть поставляти епископа, аще нѣсть мощно всѣмъ сущимъ въ области епископомъ совокуплятися едино» (это сокращенное толкованіе аристиново); а *второе правило* св. апостоловъ, на которое у Аристіна толкованія нѣтъ, помѣщено само: «единъ епископъ поставляеть пресвитера и діакона и прочая причетники». И такъ—всѣ вообще правила.

ными между собою только по изложенію и переводу правилъ и толкованій, а по дополнительнымъ статьямъ, ихъ числу и размѣщенію, немало разнятся и отъ своихъ образцовъ и между собою, и что русскія статьи встрѣчаются въ Кормчихъ не одной софійской, но и рязанской фамиліи, хотя не во всѣхъ (182).

Съ начала XVI в., если не раньше, у насъ появляется особый разрядъ Кормчихъ, въ которыхъ номоканонъ фотіевъ, доселѣ содержавшій одни указанія на правила церкви, излагавшіяся отдѣльно отъ него, соединяется съ ними, по образцу номоканона схоластикова, и всѣ апостольскія, соборныя и отеческія правила, вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ, излагаются по гранямъ и главамъ номоканона. Кормчія этого рода, при всемъ сходствѣ между собою, имѣютъ и свои отличія. Въ одной изъ нихъ (XVI в.), которая, судя по признакамъ правописанія, принесена къ намъ изъ юго-славянскихъ странъ или снята со списка, прежде принесеннаго оттуда, изложены по гранямъ номоканона тѣ самыя правила и толкованія, которыя содержатся въ Кормчихъ рязанской фамиліи, т. е. правила сокращенныя и толкованія аристинovy (183). Въ другой, появившейся несомнѣнно въ Россіи, кромѣ того, что по гранямъ номоканона расположены эти

(182) *Розенкамф*. Обзор. Кормчей, стр. 8—9. Яснѣе это можно видѣть изъ Опис. Кормчихъ Румянц. Муз. (стр. 279—331). Въ Кормчей Румянц. Муз. № 232, рязанской фамиліи, есть русскія статьи; но въ такой же Кормчей бывшей новг. соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1175, писанной въ 1552 г., нѣтъ этихъ статей.

(183) Описана въ Опис. Румянц. Муз. подъ № 236, стр. 313—315. Тамъ же упоминается о спискѣ подобной Кормчей конца XV вѣка. Снес. *Розенк.* Обзор. Кормч. стр. 9.

самыя правила и толкованія, къ каждой грани прибавлены еще соотвѣтствующія статьи изъ разныхъ греческихъ дух. писателей: надъ этимъ потрудился игумень Иосифо-волоколам-скаго монастыря Нифонтъ (1523 — 1544), по благословенію митрополитовъ Данила и Макарія (184). Наконецъ, третья Кормчая, также русскаго происхожденія, отличается отъ двухъ упомянутыхъ, прежде всего, тѣмъ, что въ ней по гранямъ номоканона расположены правила, съ толкованіями, полныя, какъ они содержатся въ Кормчихъ софійской редакціи. Но, кромѣ того, Кормчая эта имѣетъ и другія отличія.

Она изложена княземъ-инокомъ Вассіаномъ Косымъ, извѣстнымъ врагомъ монастырскихъ вотчинъ. Списывалъ онъ ее, какъ самъ говоритъ, съ симоновскихъ правилъ, т. е. съ Кормчей Симонова монастыря, которая, судя по этой, снятой съ нея, копіи, принадлежала къ софійской фамиліи, а слыхалъ съ другимъ спискомъ Кормчей, вывезеннымъ изъ св. горы афонской (185). Но, будучи проникнутъ подозрѣніемъ, что «рус-

(184) Свѣдѣнія объ этой Кормчей оставляемъ на отвѣтственности Розенкампа (Обозр. Корм. стр. 9—10).

(185) Въ самомъ концѣ своей Кормчей (которая извѣстна намъ по списку Импер. Публ. библіотеки изъ собр. графа Толстова, отд. I, № 169) Вассіанъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: «сія книга списана, по благословенію господина нашего Варлаама митрополита всеа Русіи, в дѣто 7025-го, мѣсяца маіа 27 днѣ, писана в Симановскихъ правил да съ другого списка—с правилъ архіепископа Васіана ростовскаго, что вывез из святой горы Сава савиньскаго монастыря, что въ Твери». Въ составѣ Кормчей князи старца Вассіана можно различать три главныхъ части. Въ первой, *предварительной*, послѣ общаго заглавія: «Книга глаголемая Кормчая...» и проч., содержатся: а) оглавленіе статей этой Кормчей, впрочемъ не доведенное до конца (л. 3—4); б) сказаніе о вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, гдѣ и когда были (л. 5—20); в) предисловіе сведшаго правила въ 14 титулхъ и—г) другое предисловіе сведшаго правила (л. 20—25; д) «сказаніе св. помѣстнаго собора, иже въ Карѣагепѣ: сіе из Зонары выпято», т. е. сказаніе объ этомъ соборѣ (л. 25); е) наконецъ, оглавленіе всѣхъ 14 граней и всѣхъ ихъ главъ, безъ указанія однакожь на правила и безъ изложенія

скія наши правила», т. е. употреблявшіяся въ Россіи Кормчія, повреждены, особенно въ тѣхъ статьяхъ, на которыя ссылались защитники монастырскихъ вотчинъ, и суть «не правила, а кривила», а вообще не раздѣляя того высокаго понятія о Кормчей, какое имѣли его современники, считавшіе Кормчую за книгу богодухновенную и приравнивавшіе даже градскіе законы, въ ней помѣщенные, правиламъ св. аластоловъ и св. отцевъ, Вассіанъ отнесся къ этой книгѣ въ своемъ изложеніи ея, довольно смѣло и небрежно: иное въ ней

правиль (л. 26—40). Изъ этихъ статей вторая, третья и четвертая—тѣ же самыя, какія и въ старо-печатной Кормчей, и въ томъ же самомъ переводѣ (Кормч. 1653 г., л. 5—25). Во второй, *существенной*, части, съ новымъ счетомъ листовъ и озаглавленной: «Изложеніе правиломъ апостольскимъ и отеческимъ, имѣя толкованіе Алексія діакона и законухранителя Арпстина, по градемъ...» и проч., дѣйствительно излагаются по границамъ и главамъ градей правила апостольскія, соборныя и отеческія, вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ (л. 1—303 об.). Это правила и толкованія тѣ самыя и въ томъ же переводѣ, какія содержатся въ Кормчихъ софійской фамиліи. Въ третьей, *дополнительной* или *прикладной*, части изложены очень многія, большею частію, мелкія статьи безъ всякой между ними связи и послѣдовательности... Нѣкоторыя изъ нихъ—тѣ самыя, которыя находятся и въ печатной Кормчей, и въ томъ же переводѣ, каковы: а) три небольшія статьи св. Василія Великаго—о времени согрѣшающихъ; наказаніе пресвитеру о бож. литургіи; о перадающихъ о епитиміяхъ (л. 303 об.—307); б) св. Меодія, патріарха цареградскаго, завѣщаніе о отвергшихся.. (л. 310—317); в) св. Кирилла алек. о правой вѣрѣ противъ Несторія (л. 317—318); г) о Ааронихъ ривахъ..... п—д) разумъ о сложеніи обою закону Христова іерейства.. (л. 326 об.—329). Другія встрѣчаются, по крайней мѣрѣ, въ рукописныхъ Кормчихъ,—напримѣръ: а) статья о поставленіи Сербскаго патріарха (л. 318—322), встрѣчающаяся въ нашихъ Кормчихъ соф. фамиліи еще XV-го (Новг. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1173) и XV—XVI-го в. (Рум. Муз. № 231); б) св. Василія Вел. толкованіе священническаго чина, что есть іерей... (л. 370—371 об.); в) толкованіе о св. церкви (л. 373—376); г) поученіе епископле къ іереямъ (л. 376—377). Есть довольно статей и отрывковъ изъ другихъ книгъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, напримѣръ: а) краткія сказанія о нѣкоторыхъ соборахъ помѣстныхъ и вселенскихъ, при чемъ приводятся и правила ихъ, впрочемъ немногія, съ толкованіями, которыя не распределены прежде по границамъ номоканона (л. 351—361); б) отрывокъ изъ 63-го слова Никола Черногольца о сокращеніи епитимій (л. 329 об.—331); в) замѣтка о видахъ грѣха (л. 332 об.); г) свѣдѣнія о нѣкоторыхъ праздникахъ, о постахъ въ среду и

перемѣшаль⁽¹³⁶⁾, другое изложилъ короче⁽¹³⁷⁾ или двукратно⁽¹³⁸⁾, вмѣсто правилъ и наравнѣ съ правилами помѣстилъ кое-гдѣ статьи совсѣмъ другаго достоинства⁽¹³⁹⁾, а, главное,

пятюхъ, о поклонахъ, о спѣдяхъ въ разные дни—изъ устава Студійскаго, изъ типиконъ іерусалимскаго и св. горы, о церковныхъ службахъ—изъ церковнаго устава (л. 380—406). Изъ русскихъ статей здѣсь помѣщены только три: а) «Кирила епископа Туровскаго сказаніе о черпоризъчестемъ чину... изъ Софійскихъ правилъ харатейныхъ великаго Новагорода» (л. 322 об.—326 об.); б) правило архіепископа новгород. Или съ бѣлгород. епископомъ (л. 366 об.), и—в) «Іоанна митрополита рускаго правила» (л. 377 об.—378). Сюда же слѣдуетъ отнести и собственныя статьи или прибавки Вассіана, о которыхъ скажемъ далѣе.

⁽¹³⁶⁾ Напримѣръ, въ грани 4-й, гл. 1-й, подъ именемъ 1-го правила св. ап. Павла помѣщено 45-е правило собора анкирскаго, а вслѣдъ за тѣмъ подъ именемъ 45-го правила собора анкирскаго приведено 1-е правило ап. Павла (л. 109 об.). Въ грани 1-й, гл. 26-й, послѣ другихъ правилъ, приведено и 14-е правило св. апостолъ съ двумя толкованіями на него; но какъ приведено? Сперва помѣщено толкованіе на него Феодора Вальсамона, потомъ уже—самое правило въ переводѣ соф. редакціи и, наконецъ, толкованіе на него арстиново (л. 60—61).

⁽¹³⁷⁾ Наприм., въ грани 1-й, гл. 24-й (о поставляющихся въды ради), вмѣсто пѣлыхъ посланій о томъ, помѣщавшихся въ Кормчихъ,—Тарасія и Геннадія, архіеп. константинопольскихъ, помѣщено по одному небольшому отрывку (л. 52—53). Въ статьѣ: «Іоанна митрополита рускаго правила»—изложено собственно только три правила этого митрополита изъ 35-ти, именно 16, 17 и 21, и притомъ сокращенно (см. нашей Истор. II, 372, изд. 2); за ними помѣщены тричетыре правила Нифонта новгород. безъ упоминанія о немъ, и, послѣ замѣтки: «а се во иномъ правилѣ обрѣтохъ», слѣдуютъ еще нѣсколько правилъ изъ отвѣтовъ Нифонта Клярку и изъ неизвѣстныхъ авторовъ (л. 378—380).

⁽¹³⁸⁾ Наприм., въ грани 3-й, гл. 2-й, приведши 75-е правило трудскаго собора въ переводѣ соф. редакціи съ толкованіемъ Арстина, приводятъ еще—«тогоже събора о томъ же ис правилъ изъ новгородскихъ изъ Софійскихъ правило 75». Это правило (о поющихъ въ церквахъ) съ общирнымъ толкованіемъ неизвѣстнаго, дѣйствительно, встрѣчается, въ видѣ особой статьи, въ Кормчихъ соф. редакціи и въ самой харатейной (См. Опис. ея въ статьѣ *Удольск. Чтен. М. Истор. Общ.* 1867, II, отд. III, стр. 55; Опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 286). Равнымъ образомъ два раза помѣщенъ извѣстный отвѣтъ константиноп. патріарха Николая Грамматика на вопросъ о постниковомъ помоканонѣ: сперва—на л. 344-мъ въ томъ самомъ видѣ и переводѣ, какъ и въ печ. Кормчей (л. 582 об.); при чемъ въ концѣ замѣчено киноварью: «сіе неъ нашихъ правилъ»; а въ другой разъ—на л. 352-мъ об., подъ заглавіемъ: «отъ греческихъ правилъ...», въ видѣ разсказа, въ которомъ упоминается и о толкованіи Вальсамона на этотъ отвѣтъ.

⁽¹³⁹⁾ Наприм., въ грани 9-й, гл. 28-й, приведено изъ толковаго Апостола

многія статьи исключилъ изъ Кормчей, которыя прежде въ ней помѣщались, а нѣсколько другихъ статей внесъ въ Кормчую, отъ себя прибавилъ. Исключилъ, на примѣръ, дорогія для защитниковъ церковныхъ имѣній статьи: а) слово (подложное) 165 св. отецъ пятого вселенскаго собора на обидящихъ св. Божія церкви; б) всѣ вообще такъ-называемыя градскіе законы греческихъ царей на пользу церкви; в) церковные уставы русскихъ князей—св. Владиміра и Ярославъ, издавна помѣщавшіеся въ Кормчихъ софійской редакціи, хотя нѣкоторыхъ другихъ русскихъ статей тѣхъ же Кормчихъ не исключилъ. Прибавилъ, во-первыхъ, новыя, впрочемъ весьма немногія, толкованія на правила, именно толкованія вальсамоповы, прежде у насъ неизвѣстныя, которыя перевелъ для него съ греческаго Максимъ Грекъ ⁽¹⁹⁰⁾; а во-вторыхъ, прибавилъ нѣкоторыя новыя статьи, видимо направленныя противъ русскихъ монастырей и ихъ вотчинъ. Таковы:—а) «Сказаніе старца Максима св. горы къ старцу Васіану о св. горѣ жительства» ⁽¹⁹¹⁾; б) замѣтка самого Васіана относительно

зачало 137-е (л. 208); въ грани 11, гл. 3, приведены—отрывокъ изъ слова на Римляны и начало 40-е изъ толков. Апостола (л. 137—138); въ гр. 11, гл. 6—отрывки изъ завѣта Θεодора Студита, изъ 63-го слова Никонской книги и изъ постникова номоканона (л. 145—146); въ гр. 14, гл. 7—отрывокъ изъ житія Климента, папы римскаго (л. 303).

⁽¹⁹⁰⁾ Приведши толкованіе Вальсамопа на 14-е правило св. апостоловъ, Васіанъ сдѣлалъ замѣчаніе: «сіе правило переведено съ богородицкихъ правилъ съ соборныхъ съ греческихъ на Москвѣ Максимомъ старцомъ св. горы, чѣмъ переводилъ Псалтырь толковую» (л. 61). Кромѣ этого толкованія Вальсамопова, Васіанъ приводитъ въ своей Кормчей еще только три толкованія, несомнѣнно принадлежащія Вальсамопу (л. 337—340). Другія толкованія его, можетъ быть, приведены въ разныхъ мѣстахъ этой Кормчей безъ указанія на имя автора.

⁽¹⁹¹⁾ Здѣсь, между прочимъ, говорится, что на св. горѣ монахи содержатся милостынею и собственными трудами, и что сами «пугмени на всякой службѣ монастырской тружуются съ братією, мірскихъ же служителей во всей св. горѣ

монастырскихъ сель, которую онъ помѣстилъ по окончаніи оглавленія всѣхъ 14-ти граней ⁽¹⁹²⁾, и—в) особенно статья самого же Вассіана, довольно обширная, подъ заглавіемъ: «Събраніе пѣкоего старца, на въспоминаніе своего обѣщанія, отъ св. писанія о отверженіи міра». Здѣсь сначала Вассіанъ выражаетъ мысль, что иноки не должны имѣть сель и владѣть ими, но должны жить въ безмолвіи и питаться своими руками и милостынею отъ христіанцевъ; а если не хранятъ своего обѣщанія, то св. писаніе именуется ихъ отступниками, предастъ проклятію, осуждаетъ на вѣчныя мѹки. Потомъ утверждаетъ (не совсѣмъ справедливо), что какъ древніе начальники монастырей—Пахомій Великій, Иларіонъ, Еввоимій, Савва Освященный и другіе, такъ (будто бы) и русскіе—Антоній и Θεодосій печерскіе, Сергіій радонежскій, Кириллъ бѣлозерскій, Варлаамъ новгородскій, Діонисій глушицкій, Дмитрій прилуцкій и Павелъ комельскій—сель при своихъ монастыряхъ не имѣли и учили своихъ учениковъ жить по евангелію и своему обѣщанію. Наконецъ, останавливается на трехъ соборныхъ правилахъ и толкованіяхъ на нихъ (IV всел. собора прав. 24 и VII всел. соб. прав. 12 и 18), въ которыхъ, по прежнему, употреблявшемуся у насъ, переводу упоминалось о монастырскихъ селахъ, и высказавъ недовѣ-

нѣтъ» (—л. 351 об.—352). Статья эта напечатана въ собр. сочиненій Максима Грека, III, 243—245.

⁽¹⁹²⁾ Окончивъ оглавленіе всѣхъ граней, Вассіанъ написалъ на той же страницѣ киноварью: «по сей грани 11-й еще именуется села монастырскіе въ правилѣхъ, но не инокомъ повелѣваетъ ими владѣти, по данныя имъ села отъ съборныя церкви епископомъ ихъ хранятся отъ съборныя церкви икономомъ, и окормляются отъ него всякими потребами повелѣніемъ отъ епископа ихъ, или милостынею отъ христіанцевъ, аще недовлѣется своимъ рукодѣіемъ» (ч. I, л. 40).

ріе къ этому переводу, представляетъ новый переводъ означенныхъ правилъ, вмѣстѣ съ новыми толкованіями Феодора Вальсамона, сдѣланный Максимомъ Грекомъ съ греческаго номоканона, что былъ вывезенъ еще митрополитомъ Фотіемъ изъ Царяграда и хранился въ московскомъ успенскомъ соборѣ (193). При этомъ, однакожъ, Вассіанъ позволилъ себѣ кое-что, не совсѣмъ похвальное. Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на 24 прав. IV всел. собора, для болѣе подробнаго ознакомленія съ дѣломъ, указалъ на узаконенія Іустиніана царя, въ которыхъ ясно упоминается и о монастырскихъ селахъ: Вассіанъ не захотѣлъ привести этихъ узаконеній, несогласныхъ съ его любимой мыслию, но ограничился также лишь указаніемъ на нихъ (194). А въ толкованіи того же Вальсамона на 12-е правило VII всел. собора, запрещающее отдавать и продавать кому-либо епископскія и монастырскія угодія или имѣнія, къ числу которыхъ Вальсамонъ относитъ и *загородныя* угодья (— *продѣста*), хотя и не опустилъ слѣдующихъ словъ: «*приградіе селное* (такъ перевелъ Максимъ

(193) Это «Събраніе нѣкоего старца...» помѣщенное въ Кормчей Вассіана на л. 334. 340, мы встрѣтили также въ Сборникѣ первой половины XVI в., новгор. Соф. библ., нумѣ с. п. б. дух. акад., № 1451, л. 99—102. Но здѣсь нѣтъ всей послѣдней части, въ которой Вассіанъ представляетъ новый переводъ трехъ правилъ и Вальсамоновы на нихъ толкованія, а вмѣстѣ того излагаются убѣжденія инокамъ хранить правила св. отцевъ, въ мірскія дѣла не вступаться, селъ при монастыряхъ не имѣть и жить по монашескому общинію.

(194) Вотъ потому-то это же самое толкованіе Вальсамона, которое Вассіанъ привелъ здѣсь въ доказательство своей любимой мысли, что монастыри не должны имѣть селъ, митрополитъ Даниилъ привелъ впоследствии противъ Вассіана въ доказательство, что монастыри могутъ имѣть села: у Даниїла, кромѣ указаній на означенныя узаконенія, приведены и самыя узаконенія (Пренія м. Даниїла съ старцемъ Васьяномъ, въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, IX, отд. IV, 4—5), которыя, чтобы лучше понять, можно прочитать въ печатной Кормчей (л. 352, изд. 1653).

Грекъ—*προαίτιον*), *аще насельники обитаемо вновь*, доброприходно будетъ, сіе убо ради доброприходіа да непродастся», но внизу страницы прибавилъ къ этому мѣсту отъ себя такое толкованіе: «*льтопровоженіе*—сіе тлѣкуется *проаітіонъ*, сирѣчь пашни и винограды, а не села съ житейскими христіанаы» (л. 339), между тѣмъ какъ у Вальсамона говорится здѣсь о *приградіи селномъ* или проаітіонѣ, именно *обитаемомъ насельники*. Нельзя оставить безъ вниманія еще одной прибавки, которую сдѣлалъ Вассіанъ въ своей Кормчей на самой послѣдней ея страницѣ, и въ которой онъ ясно выразилъ свое, очень невысокое, понятіе объ этой книгѣ, говоря: «*есть въ св. правилѣхъ супротивно св. евангелію и апостолу и всѣхъ св. отецъ жителству. Но не смѣхъ на своей души сего положить, и о семъ возвѣстихъ господину отцу моему митрополиту Варлааму и всему священному собору. И они ми не оелли ничего выставлявати*, глаголя: кто цѣломудръ разумъ имѣеть, тѣй лучшаго дѣржится, еже есть по Бозѣ; такожде и и мы хотимъ и благословляемъ» (л. 406).

Пусть будетъ справедливо, что митрополитъ Варлаамъ, вмѣстѣ съ священнымъ соборомъ, благословилъ Вассіана, какъ онъ свидѣтельствуеть, заняться Кормчею, списать ее съ симоновскихъ правилъ и сличить съ другимъ спискомъ, приписаннымъ съ Аэона, хотя и въ этомъ есть основаніе сомнѣваться⁽¹⁹⁵⁾; но чтобы Варлаамъ и весь свящ. соборъ поручили Вассіану изложить Кормчую въ томъ направленіи, въ какомъ онъ ее изложилъ, и иное исключить изъ нея, а другое къ ней прибавить, чтобы Варлаамъ сочувствовалъ

(195) Нашей Истор. Р. Церкви VI, стр. 195.

идеямъ Вассіана и даже одобрилъ его Кормчюю для назидательнаго чтенія,—на это нѣтъ никакихъ указаній ⁽¹⁹⁶⁾. Напротивъ, изъ послѣдняго замѣчанія самого же Вассіана очевидно, что м. Варлаамъ и свящ. соборъ не велѣли ему ничего «выставляти», т. е. выкидывать изъ Кормчей, ничего опускать въ ней; а онъ, между тѣмъ, несмотря на такое запрещеніе, немало выставилъ изъ Кормчей, что прежде въ ней помѣщалось,—слѣд. дѣйствовалъ самовольно. Съ другой стороны, самъ же Вассіанъ говоритъ, въ послѣсловіи къ своей Кормчей, что, по благословенію м. Варлаама, списалъ и сличилъ ее въ 1517 г.; а въ то время она еще не могла имѣть своихъ главнѣйшихъ особенностей и дополненій, т. е. ни новаго перевода нѣкоторыхъ правилъ и толкованій на нихъ Вальсамона, ни самой дополнительной статьи, направленной противъ монастырскихъ вотчинъ и содержащей въ себѣ тотъ же новый переводъ правилъ и толкованій. Эти прибавленія къ своей Кормчей Вассіанъ могъ сдѣлать только при пособіи Максима Грека, который прибылъ къ намъ уже въ 1518 г. и, дѣйствительно сочувствуя идеямъ Вассіана о нестяжательности монастырей, могъ сообщить ему понятія о греческомъ текстѣ нѣкоторыхъ правилъ, будто бы несходномъ съ существовавшимъ въ Россіи переводомъ, о греческихъ толкователяхъ правилъ, также прежде у насъ неизвѣстныхъ, и самъ перевелъ вновь для Вассіана нѣсколько правилъ и толкованій Вальсамона ⁽¹⁹⁷⁾.

⁽¹⁹⁶⁾ *Павлов.* О Кормчей инока князя Вассіана Патрикѣева, въ Учен. Записк. Казан. Универс. 1864, вып. II, 495; Историч. Очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи, I, 72. 76, Одесс. 1871.

⁽¹⁹⁷⁾ Приведши въ первой части своей Кормчей сказаніе о кареагенскомъ со-

Потому-то современники называли Максима «пособникомъ» Вассіану въ дѣлѣ составленія имъ своей Кормчей, и эту Кормчую усвоили не одному Вассіану, по вмѣстѣ и Максиму, и замѣченныя въ ней погрѣшности вмѣняли какъ тому, такъ и другому (198). Преданіе о переводѣ Максимомъ нѣкоторыхъ правилъ и толкованій перешло и въ потомство, и къ концу XVII в. Максиму приписывали уже переводъ всей Кормчей и говорили, что онъ перевелъ ее пменно въ 1521 г. и что книга правилъ его перевода еще сохранялась тогда въ патриаршей библиотекѣ, хотя ни прежде, ни въ послѣдующее время слѣдовъ этой книги, будто бы переведенной самимъ Максимомъ въ 1521 г., и даже упоминанія о ней нигдѣ не встрѣчается (199). Извѣстно, что вассіановская Кормчая под-

борѣ назъ Зонары (см. выше примѣч. 185), Вассіанъ тутъ же присовокупилъ слѣдующее: «Максимъ Грекъ сказывалъ, что псалтырь толковую переводилъ съ греческаго языка на рускій: правила переводилъ по гранемъ и по главамъ Фотій митрополитъ (?) Костянтина града; а толковники кажетъ— а) Иоанисъ Зонарасъ мнихъ, патриархъ антиохійскій, б) Теодоръ съ Валсамопъ, г) Матфеосъ іеромонахосъ, д) Арменопулосъ, е) Хоматиюсъ, архіепископъ ахридійскій (л. 25—26).

(198) Спес. Пренія митр. Даніила съ инокомъ Максимомъ Грек. и съ старц. Васьяномъ, Чтеп. М. Ист. Общ. 1847, VII, отд. II, стр. 11—12; IX, отд. IV, стр. 2. 8.

(199) Разумѣемъ патриарха Иоакима (свидѣтельство его приведено пр. *Евген.* въ Истор. Словарѣ дух. писат., II, 37, изд. 2) и монаха Евфимія, назъ словъ котораго можно догадываться, что Кормчая, приписываемая Максиму, не походила на вассіанову: потому что содержала изложеніе правилъ не по гранямъ, а по порядку соборовъ (см. Опис. рукоп. Хлудова, стр. 201—203. М. 1872). Особенно замѣчательно то обстоятельство, что ни самъ Максимъ Грекъ, неоднократно указывавшій, въ защиту себя, на свои литературные труды на пользу церкви, каковы переводъ толковой псалтыри, сочиненія противъ латинянъ, магометанъ и проч., ни разу не упомянулъ о такомъ важномъ своемъ трудѣ, какъ новый переводъ цѣлой Кормчей, если бы онъ дѣйствительно существовалъ, ни митр. Даніилъ и другіе владыки, судившіе Максима на двухъ соборахъ (въ 1526 и 1531 г.) и вмѣнявшіе ему нѣкоторыя неточности или описки даже въ Вассіановой Кормчей, также ни разу не упомянулъ о его собственной Кормчей, т. е. имъ самимъ переведенной.

верглась осужденію на соборѣ 1531 г.; но еще до осужденія она могла распространиться въ нѣсколькихъ спискахъ, да и послѣ осужденія могла оставаться въ употребленіи у всѣхъ, раздѣлявшихъ убѣжденія Вассіана и Максима относительно монастырскихъ вотчинъ ⁽²⁰⁰⁾. А какъ въ этой Кормчей, кромѣ извѣстныхъ измѣненій, которыя собственно и осуждены на соборѣ, изложены тѣ же самыя св. правила съ толкованіями на нихъ, какія употреблялись у насъ и прежде, и притомъ изложены по гранямъ помоканона, что на практикѣ представляло большія удобства, да еще прибавлены по мѣстамъ, хотя немногія, толкованія вальсамоновы, прежде у насъ неизвѣстныя, то не удивительно, если Кормчею Вассіана пользовались и люди, не раздѣлявшіе его убѣжденій: самъ митр. Даниилъ во время своихъ преній на соборѣ съ княземъ—старцемъ Вассіаномъ привелъ противъ него толкованіе патріарха Вальсамона въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ оно изложено въ вассіановской Кормчей, и одинъ изъ членовъ Стоглаваго собора, какъ можно догадываться, Кассіанъ рязанскій, имѣлъ при себѣ на соборѣ Сборникъ, въ которомъ, между прочимъ, помѣщено было «Събраніе нѣкоего старца», заимствованное изъ вассіановой Кормчей ⁽²⁰¹⁾.

Наконецъ, въ первой же половинѣ XVI в. появилась у насъ и такъ-называемая сводная Кормчая ⁽²⁰²⁾. Въ этой Кормчей,

⁽²⁰⁰⁾ Кромѣ списка Публичной библ., выше нами описаннаго, извѣстны еще два списка этой Кормчей: московскаго государств. Древнехранилища—№ 145 и Румянц. Музеума, изъ рукописей Пискарева, № 474 (*Павлов. Истор. Очеркъ секуд. церк. земель въ Россіи I, 72*).

⁽²⁰¹⁾ *Тихонрав.* Замѣтка для исторіи Стоглава, въ Лѣтоп. Русск. Литер., т. V, отд. III, 137—144.

⁽²⁰²⁾ Описана подробно Востоковымъ, хотя и по списку позднему (у *Розен-*

послѣ Фотіева номоканона, съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками, помѣщены правила св. апостоловъ, потомъ вселенскихъ соборовъ, по ихъ порядку, и за ними только двухъ помѣстныхъ, бывшихъ при Фотіи. Правила изложены—весьма многія въ одномъ лишь переводѣ, многія—въ двухъ переводахъ, нѣкоторыя—въ трехъ, а весьма немногія—даже въ четырехъ. Два перевода этихъ правилъ, тогда у насъ общепотребительные, заимствованы изъ Кормчихъ рязанской и софійской фамиліи; въ третьемъ переводѣ правила выбраны изъ сочиненій Никона Черногорца; немногія же правила въ четвертомъ переводѣ могли быть заимствованы также изъ какихъ-либо книгъ, если не изъ Кормчихъ по номоканону Іоанна Схоластика: такъ какъ даже два правила изъ трехъ, которыя вновь перевелъ Максимъ Грекъ для князя - старца Вассіана, взяты изъ извѣстной статьи послѣдняго, направленной противъ монастырскихъ вотчинъ, и внесены въ сводную Кормчую (203). Къ правиламъ присоединены толкованія на нихъ,

камиф. Обзор. Кормч., Прилож. № VII, стр. 535—596, изд. 2). Но сохранился и списокъ XVI в., первоначальный, о которомъ бывший владѣлецъ его—Ундольскій высказалъ слѣдующее: «пѣзъ многихъ пробѣловъ, разныхъ почерковъ, а главное—пѣзъ современной подписи: *Книга Правилъ Митрополити, казенныя*, съ достовѣрностію можно заключить, что сей экземпляръ есть подлинникъ составителя» (Славяно-русск. рукописи Ундольскаго, № 27, стр. 31—32). Мы имѣли случай познакомиться еще со спискомъ этой самой Кормчей, XIX в. находящимся въ библиотекѣ рукописей кіево-софійскаго собора за № 54, а прежде принадлежавшимъ кіевскому митрополиту Евгенію.

(203) И именно, изъ помѣщенныхъ въ этой Кормчей четырехъ переводовъ 24-го правила халкидонскаго собора—переводъ послѣдній и трехъ переводовъ 18-го правила VII вселен. собора—переводъ первый суть переводы Максима Грека и заимствованы изъ означенной статьи Вассіана (*Розенк. Обзор. Кормч.* стр. 569, 590). Вполнѣ вѣримъ барону Розенкамифу, что онъ встрѣтилъ въ Сводной Кормчей полныя правила въ такомъ славянскомъ переводѣ, который различествовалъ отъ всѣхъ прочихъ, дотогѣ извѣстныхъ; но думаемъ, что отсюда не слѣдуетъ еще.

за исключеніемъ впрочемъ немногихъ правилъ, которыя оставлены безъ всякихъ толкованій и придаточныхъ статей. При большей части правилъ толкованія только аристиновы; при нѣкоторыхъ—еще какого-то неизвѣстнаго автора; при восьми правилахъ встрѣчаются и толкованія зонаровы, при четырехъ—вальсамоновы, при двухъ—Матеея Властаря. Первыя толкованія, т. е. аристиновы, цѣликомъ взяты изъ прежнихъ нашихъ Кормчихъ; всѣ прочія могли быть выбраны изъ разныхъ книгъ, гдѣ они въ славянскомъ переводѣ были приведены (204). Кромѣ толкованій, присоединены еще, то къ тѣмъ, то къ другимъ правиламъ: а) правила другихъ соборовъ съ толкованіями и правила нѣкоторыхъ св. отцевъ, помѣщавшіяся въ прежнихъ нашихъ Кормчихъ; б) узаконенія греческихъ царей, особенно Іустиніана, равно какъ и немногія другія статьи, помѣщавшіяся, въ качествѣ дополнительныхъ, въ тѣхъ же Кормчихъ; в) отрывки изъ толковаго Евангелія и толковаго Апостола, изъ толкованій на Евангелія св. Златоуста и Теофилакта болгарскаго; г) статьи изъ разныхъ писаній св. отцевъ: Діонисія Ареопагита, Василія и Афанасія Великихъ, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Іоанна Дамаскина и другихъ; д) статьи изъ писаній болѣе позднихъ греческихъ писателей—Θеодора Студита, Анастасія синайскаго, Діодоха, Никифора, цареградскаго патріарха, Варсонофія, Петра Дамаскина, Григорія Синапта

будто въ этомъ переводѣ существовала тогда у насъ вся книга правилъ или Кормчая, а тѣмъ болѣе—будто этотъ переводъ всей Кормчей сдѣланъ именно митрополитомъ Клипріаномъ (Обозр. Кормч. 10. 64. 201).

(204) Въ описаніи сводной Кормчей у Ровенкампфа показаны: а) толкованія Зонары—на стр. 539. 540. 552. 557. 566. 577. 581, и кромѣ того два сказанія

и болѣе всѣхъ изъ Тактикаона и Пандекты Никона Черногорца; е) отрывки изъ Лимонаря, Лавсанка, Синаксарей, Патериковъ, Пролога и вообще изъ житій Святыхъ; ж) наконецъ, русскія статьи: отрывки, по одному, изъ отвѣтовъ Нифонта новгородскаго Кирику, изъ правила митрополита Кирилла II, изъ похвальнаго слова Григорія Самвлака препод. отцамъ, изъ житій—Феодосія печерскаго, Алексія митрополита и Ионы митрополита; изъ повѣстей—о Ефремѣ митрополитѣ и о поставленіи русскихъ митрополитовъ; посланіе митрополита Фотія о проторехъ, краткія повѣсти или сказанія о Пафнугіи боровскомъ и Іосифѣ волоколамскомъ и до пяти отрывковъ изъ разныхъ писаній этого самаго Іосифа.

Сводная Кормчая составлялась исподоволь, и добавочныя статьи въ ней, подходящія то къ однимъ, то къ другимъ правиламъ, приписывались разновременно: на это указываютъ многіе пробѣлы, оставленные въ ея первоначальномъ спискѣ, и то, что многія статьи написаны въ немъ разными почерками. А какъ первоначальный списокъ этотъ принадлежалъ митрополиту и считался его «казеннымъ», то сводная Кормчая, вѣроятно, и составлена по порученію какого-либо нашего митрополита, если даже не подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Какого же именно? Сводная Кормчая не могла явиться прежде 1518 года: потому что содержитъ въ себѣ, между прочимъ, нѣсколько статей изъ сочиненій

о соборахъ—на стр. 570. 571; б) толкованія Вальсамона—на стр. 542. 549. 589. 592; в) толкованія Матеея Властаря—на стр. 548. 566. Толкованія неавѣстнаго Розенкампфъ гадательно приписывалъ Димитрію Хоматену, болгарскому-ахридскому архіепископу или митрополиту XII—XIII в. (Обозр. Кормч. 10. 64. 201. 535).

преп. Иосифа волоцкаго († 9 сент. 1515 г.) и даже повѣсть о немъ и о его кончинѣ, а главное—содержить взятыя изъ вассіановой Кормчей правила и толкованія въ переводѣ Максима Грека, который прибылъ къ намъ только въ 1518 г.⁽²⁰⁵⁾. Съ другой стороны, несомнѣнно что въ 1531 г. сводная Кормчая существовала и употреблялась: потому что когда на бывшемъ въ томъ году соборѣ противъ князя-старца Вассіана митрополитъ Даніилъ велѣлъ прочитать, въ обличеніе старца, свидѣтельства отъ божественныхъ писаній относительно монастырскихъ сель, то прочитаны были тѣ именно свидѣтельства, хотя не всѣ, какія собраны въ сводной Кормчей при 24-мъ правилѣ четвертаго вселенскаго собора и, между ними, толкованіе вальсамоново на это правило, заимствованное въ нее изъ Кормчей вассіановой⁽²⁰⁶⁾. Предположить, не составлена ли сводная Кормчая по порученію митрополита Варлаама, еще святительствовавшаго около трехъ лѣтъ по прибытіи къ намъ Максима Грека, нѣтъ основаній,

⁽²⁰⁵⁾ Надобно прибавить, что, напримѣръ, 18 правило VII всел. собора въ переводѣ Максима Грека помѣщено въ сводной Кормчей на первомъ мѣстѣ, а затѣмъ уже слѣдуютъ другой и третій переводъ того же правила и добавочныя къ нему статьи (—стр. 590). Явный знакъ, что правило это въ максимовомъ переводѣ помѣщено въ сводной Кормчей при самомъ первоначальномъ составленіи ея, а не приписано въ ней впоследствии.

⁽²⁰⁶⁾ Прочитано было именно восемь статей: св. Симеона Новаго Богослова; изъ книги Отечника или отъ Старческаго о преп. Геласіи; толкованіе Вальсамона на 24 правило халкидонскаго собора; отъ завѣта св. Θεодора Студита; того же отъ устава о числѣ мнѣхъ; того же о приношеніи, отъ житія св. исповѣдника Николы, игумена студійскаго монастыря; отъ житія св. Саввы, архіепископа сербскаго. Въ сборномъ актѣ статьи эти напечатаны сполна (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. IV, 3—6), а въ описаніи сводной Кормчей напечатаны первыя ихъ строки, по которымъ и можно убѣдиться, что и въ сборномъ актѣ и въ Кормчей статьи однѣ и тѣ же (*Розенк. Обзор. Кормчей* 569. 570). Прибавимъ, что въ толкованіи вальсамоновомъ на 24 правило халкидонскаго собора, помѣщенномъ въ сводной Кормчей, мы дѣйствительно нашли ту самую ссылку

тѣмъ болѣе что, какъ извѣстно, по порученію этого митрополита составлялась тогда княземъ-старцемъ Вассіаномъ со-всѣмъ другая Кормчая. Остается допустить, что сводная Кормчая появилась при пріемникѣ Варлаама (съ 1522 г.), митрополитѣ Даниилѣ. И едва ли ошибочно будетъ сказать, что она составлялась при его ближайшемъ, непосредствен-номъ участіи: на это указываютъ—а) самый методъ въ со-ставленіи ея—тотъ самый, въ какомъ составлены всѣ 16 словъ въ извѣстномъ Сборникѣ м. Даниила, изъ которыхъ каждое, во второй своей части, представляетъ точно такой же сводъ или подборъ чужихъ свидѣтельствъ, относящихся къ какому-либо предмету и изложенныхъ безъ всякой между собою свя-зи; и—б) то особенное вниманіе или уваженіе, какое оказа-но въ сводной Кормчей сочиненіямъ преп. Іосифа въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ сочиненій, несмотря на его еще недавнюю кончину,—уваженіе, которое такъ естественно бы-ло въ инокѣ іосифовой обители и бывшемъ преемникѣ преп. Іосифа по игуменству. Но относя появленіе сводной Кормчей ко времени митрополита Даниила, мы должны согласиться, что она дополнялась и при митрополитѣ Макаріи нѣкоторыми статья-ми: такова, по крайней мѣрѣ, повѣсть о поставленіи русскихъ митрополитовъ, которая доводитъ рядъ ихъ до Макарія и точ-но опредѣляетъ время его поставленія (207). Надобно также

князя старца Вассіана на свою собственную Кормчую, о которой упомянули выше, въ примѣч. 201.

(207) *Росенк.* Обовар. Кормчей, 542. На этомъ-то основаніи Росенкампфъ и думалъ, что сводная Кормчая составлена при митр. Макаріи (стр. 10), хотя въ другомъ мѣстѣ высказалъ мнѣніе, что она составлена въ Россіи еще до XVI вѣка (стр. 201). Митр. Даниилъ любилъ заниматься Кормчею книгою, когда былъ еще игуменомъ, какъ свидѣтельствуеъ его «Собраніе» Кормчей, доселѣ сохра-

признать и то, что Кормчая эта употреблялась во дни м. Макарія: на Стоглавомъ соборѣ приводились толкованія на нѣкоторыя правила св. апостоловъ и соборовъ не аристиновы, а неизвѣстнаго толковника, которыя находятся въ сводной Кормчей; въ главахъ же Стоглава (87—89) о проторехъ читаемъ тѣ самыя статьи, хотя не всѣ, которыя собраны въ этой Кормчей, и даже повторена ошибка ея въ имени патріарха Нила, котораго посланіе усвоено ею Филоею ⁽²⁰⁸⁾.

Кромѣ Кормчей книги, въ ея различныхъ видахъ, у насъ употреблялись и другіе каноническіе сборники болѣе частнаго содержанія, пришедшіе къ намъ изъ Греціи. Таковы: 1) покаянный номоканонъ Іоанна Постника, константинопольскаго патріарха VI в., содержащій въ себѣ правила для духовниковъ, какъ исповѣдывать кающихся и, — главное, — какія налагать на нихъ епитиміи за тѣ или другіе грѣхи, извѣстный у насъ еще въ XII и XIII в., разумѣется, въ славянскомъ переводѣ, и 2) подобный же номоканонъ безыменнаго автора, появившійся въ Греціи не прежде XI—XII в. и излагающій, кромѣ покаянныхъ или епитимійныхъ правилъ, еще нѣкоторыя другія правила — о правахъ и обязанностяхъ лицъ духовнаго сана, о созиданіи церквей, о семейныхъ отношеніяхъ мірянъ,

нившееся въ бібліотекѣ воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря подъ № 28 (*Амфилох*. Описание этой библ., стр. 105, М. 1876).

⁽²⁰⁸⁾ Толкованія неизвѣстнаго изъ сводной Кормчей, которыя приведены были на соборѣ, смотр. въ гл. 54 и 90 Стоглава (стр. 262 и 386, по изд. Казан.), и снес. въ описаніи сводной Кормчей у Розенкампа стр. 538 и 577, гдѣ приведены первыя строки этихъ толкованій. А статьи, помѣщенные въ гл. 87—89 Стоглава (стр. 375—385), именно: изъ посланія цареград. патріарха *Филоея* (вмѣсто: *Нила*), отъ свитка новыхъ заповѣдей царя Іустиніана и изъ посланія Фотія, митроп. кіевскаго, снес. въ Опис. сводной Кормчей со стр. 575—576, гдѣ точно обозначены всѣ эти статьи.

о степеняхъ родства, о незаконныхъ бракахъ и под. Оба эти номоканона встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ XV—XVI в., первый иногда отдѣльно отъ послѣдняго, впрочемъ съ прибавленіемъ разныхъ другихъ статей, а послѣдній всегда въ соединеніи съ первымъ, и изъ перваго находимъ заимствованія въ нашихъ Кормчихъ того времени, а изъ послѣдняго заимствована Стоглавымъ соборомъ цѣлая 53 глава его соборнаго Уложенія ⁽²⁰⁹⁾. Не говоримъ уже о двухъ, неразъ упомянутыхъ нами, обширныхъ сборникахъ Никона Черногорца—Пандектахъ и Тактиконѣ, въ которыхъ сведено безчисленное множество свидѣтельствъ изъ правилъ апостольскихъ и соборныхъ, изъ писаній св. отцевъ, изъ древнихъ уставовъ, изъ житій святыхъ и другихъ книгъ о самыхъ разнообразныхъ и

⁽²⁰⁹⁾ Номоканонъ Іоанна Постника, вслѣдствіе долговременнаго употребленія и переписыванія, подвергся еще въ Греціи не малымъ измѣненіямъ не только въ своемъ содержаніи, но даже въ самомъ заглавіи: въ однихъ экземплярахъ онъ надписывался именемъ Іоанна Постника, константинопольскаго патріарха, въ другихъ именемъ Іоанна монаха, ученика св. Василія, по прованію *чадо послушанія*, какъ замѣтилъ еще преп. Никонъ Черногорецъ (Тактиконъ, Слов. IV, рукоп. нашей библ. № 74, л. 52 об.). У насъ этотъ номоканонъ въ XII в. неоднократно приводится въ извѣстныхъ «вопрошаніяхъ» Кирика (Памятн. Росс. Слов. XII в., 187. 190. 194), а затѣмъ встрѣчается въ Кормчей XIII в. подъ именемъ Іоанна мнха, чада, по послушанію, св. Василія (Опис. рукоп. Румянц. Муз. № 230, стр. 277), и въ спискахъ XVI в. подъ именемъ Іоанна Постника (Славяно-русск. рукоп. *Удольскаго*, №№ 35. 36). Другой, названный нами, номоканонъ—неизвѣстнаго, изданный въ подлинникѣ Котелеріемъ (Monum. Ecclesiae Graecae, I, p. 68—159), у насъ встрѣчается въ XV в. безъ имени автора (въ Соловецк. Кормчей 1493 г., л. 389—455; Правосл. Собесѣдн. 1860, II, 316 и дал.), въ XVI в.—подъ именемъ Василія Великаго (Слав.-русск. рукоп. *Удольскаго*, № 28), а въ послѣдующее время—подъ именемъ Зинара или Зонара (тамъ же № 42; Опис. Румянц. Муз. стр. 329), и по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ заключаетъ въ себѣ и номоканонъ Іоанна Постника. Глава 53-я Стоглава заимствована именно изъ 2-й главы этого псевдо-зонарина Сборника. Подробнѣе о номоканонѣ Іоанна Постника и другомъ—*Павловъ*. Номоканонъ при болыш. Требникѣ, 19—28, Одесс. 1872, и *свящ. М. Горчаковъ*. Къ исторіи епитим. Номоканон. правосл. церкви, 16—22, Спб. 1874.

часто самыхъ мелкихъ предметахъ церковнаго права и церковной жизни: изъ этого богатаго источника, какъ мы замѣчали въ своемъ мѣстѣ, много черпали наши писатели—Юсифъ волоколамскій, князь-инокъ Васланъ, митрополить Данииль и составители нашихъ Кормчихъ, особенно сводной ⁽²¹⁰⁾.

Составлялись также и у насъ разные каноническіе сборники, иногда даже подъ именемъ Кормчихъ, въ которыхъ однакожь недоставало самаго существеннаго содержанія настоящихъ Кормчихъ—полнаго изложенія правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, а помѣщались только, тамъ и сямъ, нѣкоторыя изъ этихъ правилъ и свѣдѣнія о соборахъ; преимущественно же излагались, безъ всякаго порядка, такъ-называемыя дополнительные статьи Кормчихъ, принадлежащія болѣе позднимъ соборамъ и духовнымъ писателямъ, греческимъ и русскимъ, выписки изъ градскихъ законовъ греческихъ императоровъ, церковныя уставы русскихъ князей, отрывки изъ церковнаго и монастырскихъ уставовъ и вообще самая разнородная и беспорядочная смѣсь ⁽²¹¹⁾.

Уже то одно, что въ нашихъ Кормчихъ XV—XVI в. по-

⁽²¹⁰⁾ Подробное описаніе Сборниковъ Никона Черногорца, съ указаніемъ самыхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, см. у *Розенкампфа*, Обзор. Кормчій, Прилож. VI, стр. 516—534.

⁽²¹¹⁾ Для примѣра можемъ указать—1) на Соловецкую Кормчую 1493 г., подробно описанную въ Правосл. Собесѣдн., (1860, II, 202. 306), въ которой три части и собственно вторая надписана именемъ Кормчей (стр. 209); 2) на Кормчую повгород. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., XVI в., № 1176, которая, по содержанію, имѣетъ большое сходство, но не тождество, съ этою именно второю частію Соловецкой Кормчей, только гораздо короче ея; 3) на Сборникъ, подъ заглавіемъ: «Правила», той же повгор. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., XVI в., № 1454, подробно описанный въ Лѣтоп. занятій Археогр. Комисіи (вып. III, отд. III. 29—43), который, по составу своему, отличается отъ обѣихъ, прежде названныхъ нами, Кормчихъ.

мѣщались и нѣкоторыя русскія статьи каноническаго содержания, каковы: правило церковное митрополита Іоанна къ Іакову Черноризцу, правило митрополита Кирилла или владимірскаго собора 1274 г., правило митр. Максима о постѣ, церковные уставы Владиміра и Ярослава и проч., даетъ поводъ заключить, что эти статьи имѣли у насъ тогда практическое употребленіе. И дѣйствительно, изъ исторіи самыхъ соборовъ нашихъ начала и половины XVI столѣтія мы видимъ, что они руководствовались, кромѣ древнихъ церковныхъ правилъ и вообще узаконеній, перешедшихъ къ намъ, въ Кормчей книгѣ, изъ Греціи, постановленіями и русскихъ соборовъ, русскихъ іерарховъ и князей, какъ тѣми, которыя помѣщались иногда въ Кормчей, такъ и другими ⁽²¹²⁾. Въ свою очередь постановленія новыхъ нашихъ соборовъ служили дальнѣйшимъ раскрытіемъ нашего церковнаго законодательства и давали новыя руководства для пастырей и всѣхъ вѣрующихъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важно обширное «Уложеніе» собора 1551 года, изложенное въ книгѣ «Стоглавъ», которое, съ самаго появленія своего, сдѣлалось какъ бы второю Кормчею собственно русской церкви и долго оставалось ея главнѣйшимъ руководствомъ, наравнѣ съ древнею Кормчею. Наши князья настоящаго періода, особенно великіе, подтверждали прежнія жалованныя грамоты нашимъ святителямъ, монастырямъ и вообще духовенству, и издали множество новыхъ подобныхъ грамотъ,

(212) Такъ соборъ 1503 г. указывалъ въ своемъ рѣшеніи о вдовыхъ священникахъ на правила митрополитовъ Петра и Фотія, а въ своемъ отзывѣ о церковныхъ имуществвахъ на уставъ св. Владиміра. Стоглавый же соборъ ссылается въ своемъ Уложеніи—на соборъ 1503 г., на посланія митр. Кипріяна и Фотія, на разсужденіе преп. Іосифа волоколамскаго, на уставъ владиміровъ и друг.

въ которыхъ касались преимущественно церковныхъ владѣній, а отчасти и другихъ правъ церкви и ея іерархіи. Судебникъ в. кн. Іоанна III и особенно Судебникъ царя Іоанна IV, кромѣ того что ограждали неприкосновенность церковнаго суда, служили для него постояннымъ руководствомъ при обсужденіи дѣлъ болѣе гражданскаго характера и при наложеніи взыскасканій за преступленія (Стол. гл. 68).

II.

Управленіе и судъ русской церкви, совершавшіеся втеченіе настоящаго періода на основаніи исчисленныхъ нами узаконеній, духовныхъ и гражданскихъ, оставались въ своемъ устройствѣ и главныхъ чертахъ тѣми же самыми, какими были и прежде; но въ нѣкоторыхъ частностяхъ опредѣлились теперь и уяснились съ большею точностію и подробностію.

Вѣдомству церковнаго управленія и суда подлежали: 1) всѣ вообще члены церкви, т. е. какъ духовныя лица, такъ и міряне, — а) по дѣламъ, относящимся къ вѣрѣ и церкви; б) брачнымъ, семейнымъ и касающимся чистоты нравовъ ⁽²¹³⁾; 2) въ частности, всѣ лица собственно духовныя, бѣлаго и монашескаго духовенства, не только по духовнымъ своимъ должностямъ и обязанностямъ, но и по дѣламъ гражданскимъ, за исключеніемъ немногихъ; къ этимъ лицамъ причислялись еще

⁽²¹³⁾ Въ уставѣ владиміровомъ, который считался еще дѣйствующимъ (Стол. гл. 63), дѣла эти перечислены подробно (см. нашей Истор. Р. Церкви I, 185. 281, изд. 2).

люди *богадѣльные*, жившіе въ содержимыхъ церковію богадѣльняхъ, больницахъ, страннопріимницахъ, и *домовные*: дворовые люди у архіереевъ и другихъ духовныхъ лицъ и всѣ свѣтскіе служебные чины, состоявшіе при архіереяхъ и у нѣкоторыхъ монастырей ⁽²¹⁴⁾; наконецъ, всѣ вообще церковныя имущества и въ особенности земельныя владѣнія, равно какъ и всѣ міряне, жившіе на церковныхъ земляхъ. Самостоятельность этого своего вѣдомства во всѣхъ его частяхъ, независимость своего управленія и суда отъ князей, бояръ и вообще отъ властей свѣтскихъ, неотъемлемость церковныхъ имуществъ и владѣній предстоятели церкви отстаивали всякій разъ, когда вызываемы были обстоятельствами, и съ этою цѣлю, напри- мѣръ, на Стоглавомъ соборѣ, указывали на правила, или на толкованія правилъ, св. апостоловъ (2), св. соборовъ—халкидонскаго (8 и 9), кареагенскаго (15) и даже на правило пятаго вселенскаго собора, несомнѣнно, подложное, не со- знавая, впрочемъ, его подложности ⁽²¹⁵⁾; на постановленія гре-

⁽²¹⁴⁾ *Богадѣльные* перечисляются въ церковномъ уставѣ Владиміра, а *домовные* упоминаются, хотя не перечисляются въ уставѣ вел. кн. Ярослава (Снес. А. Э. I, стр. 184). Въ Судебникахъ же Іоанна III и Іоанна IV говорится только: «а попа и діакона, и черница и черницу, и старую вдовицу, которые питаются отъ церкви Божіи, ино ихъ судити святителю или его судіямъ» (А. И. I, стр. 155. 248).

⁽²¹⁵⁾ Это правило, подъ именемъ то *правила*, то *слова*, то *завѣщанія св. отецъ 165 о обидящихъ церкви божіи*, встрѣчается не только въ Кормчичъ XVI в., (Румянц. Муз. № 232, Опис. стр. 296; Кириллов. библи., нумѣр с. п. б. дух. акад., № 1079, л. 530 и др.) и, между прочимъ, въ сводной Кормчей (*Ру- сенкамиф.* О Кормч. 371, изд. 2), которою пользовался Стоглавый соборъ, но и въ Сборникѣ 1493 г. (Соловецк. библи. № 858, л. 543—544) и приводится, какъ правило пятаго вселенскаго собора, еще въ посланіи митрополита Филиппа въ Новгородъ, писанномъ въ 1467 г. (А. И. I. № 82, стр. 133). Въ Кормчихъ оно изложено довольно пространно (какъ и напечатано въ Псковской Лѣтописи, въ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 288—239, и въ Правосл. Собесѣдн. 1861, III, 457—459); въ Стоглавѣ (стр. 268) и посланіи митрополита Филиппа приведено въ краткомъ

ческих императоровъ: Константина Великаго, Юстиніана и Мануила Комнина; на церковный уставъ св. вел. князя Владимира и на двѣ грамоты митрополита кievскаго Киприана въ Новгородъ и Псковъ (Стогл. гл. 53—66). Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ и постановленій, за нарушеніе правъ церкви, угрожали разными наказаніями, анаеомою и вѣчнымъ проклятіемъ. Защищая, однакожь, съ ревностію неприкосновенность своего вѣдомства отъ всякихъ посягательствъ на него со стороны князей, бояръ и другихъ мірскихъ людей, церковь русская, тѣмъ не менѣе, всегда признавала надъ собою власть главы государства—вел. князя московскаго, какъ своего покровителя и защитника,—и государь великій князь имѣлъ самое обширное вліяніе на дѣла церкви по всѣмъ отраслямъ ея жизни.

Высшая, правительственная и судебная, власть въ русской церкви, съ тѣхъ поръ какъ она фактически перестала зависѣть отъ цареградскаго патріарха, сосредоточивалась исключительно въ ея собственныхъ соборахъ. Соборы въ настоящій періодъ бывали у насъ весьма часто: принято было за правило, чтобы епархіальные архіереи для соборныхъ совѣщаній собирались въ Москву къ митрополиту каждый годъ, по крайней мѣрѣ, однажды; но иногда, по требованію обстоятельствъ, они собирались и чаще, или, собравшись разъ, проживали въ Москвѣ очень долго и составляли, съ небольшими промежутками, цѣлый рядъ соборовъ; съ этою цѣлію нѣкоторые, если не всѣ, архіереи имѣли для себя въ Москвѣ по-

видѣ, хотя и не одинаково. Еще иначе читается оно въ другихъ рукописяхъ (наприм. въ Уставѣ XVI в. моей библ. № 88, л. 553).

стоянныя подворья⁽²¹⁶⁾. Созывалъ соборы обыкновенно митрополитъ, съ дозволенія или даже по приказанію вел. князя, но нерѣдко созывалъ и самъ непосредственно вел. князь своими грамотами къ епископамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось митрополита, его избранія или суда надъ нимъ. Засѣданія соборовъ происходили иногда въ церкви: въ архангельскомъ соборѣ, въ успенскомъ или его придѣлѣ; но большею частію въ палатахъ государевыхъ или митрополичьихъ⁽²¹⁷⁾. Соборы составлялись иногда изъ однихъ только архіереевъ, которые, если не могли явиться на соборъ, присылали свои повольныя грамоты, наприм., при избраніи митрополита или епископа. Но, большею частію, на соборахъ присутствовали, кромѣ архіереевъ, и настоятели монастырей — архимандриты, игумены, стронтели, также протоіереи, священники, монахи и вообще низшее духовенство; часто присутствовалъ и самъ государь, иногда съ своими дѣтьми, братьями и со всѣми боярами⁽²¹⁸⁾. Предсѣдательствовалъ на соборѣ всегда митрополитъ, и только, если его не было или дѣло касалось его лично, старѣйшій изъ присутствовавшихъ архіепископовъ. Право голоса на соборахъ принадлежало, разу-

⁽²¹⁶⁾ А. И. I, № 101, стр. 145; нашей Ист. Р. Церкв. VI, 118—135. 253—268; II. Собр. Р. Лѣт. III, 157. 170; *Карамз.* VI, примѣч. 629, подъ 1479 г. Кобенцель, бывшій у насъ въ 1575 г. послѣмъ императора Максимилиана II, также говоритъ: *Mitropolitae ille Moscovitiens singulis annis synodum celebrat, in qua archiepiscopi et episcopi omnes comparere debent* (Apud *Starczew.* II, p. 15). Новгородскому владыкѣ подворье въ Москвѣ подарено было царемъ Ив. Васильевичемъ IV (*Макар.* Опис. Новгор. архіер. дома, стр. 64, С. п. б. 1857).

⁽²¹⁷⁾ Нашей истор. VI, 14. 89. 49. 51. 55. 63. 80. 101. 126. 142. 215. 217. 222. 252. 290. 310; А. Юрид. № 360.

⁽²¹⁸⁾ Тамъ же VI. 14. 49. 56. 63. 98. 118. 135. 145. 254. 305.

мѣется, прежде всего митрополиту и прочимъ архіереямъ, и случалось, что, наприм., при разсмотрѣніи недоумѣній дьяка Висковатаго, всѣ объясненія, впродолженіе двухъ засѣданій, давалъ подсудимому исключительно самъ митрополитъ, а при судѣ надъ Максимомъ Грекомъ и княземъ-старцемъ Васіаномъ дѣлалъ вопросы и обличенія то самъ митрополитъ, то, по его порученію, одинъ изъ архіереевъ. Но предоставлялось и другимъ духовнымъ лицамъ, присутствовавшимъ на соборахъ, выражать свои мнѣнія, и иногда, если эти лица отличались высокимъ умомъ и образованіемъ, ихъ голосъ имѣлъ даже преобладающее значеніе на соборѣ, какъ, наприм., голосъ преп. Іосифа волоколамскаго на соборахъ 1503—1504 годовъ. Государь, присутствуя на соборахъ, иногда, какъ на соборѣ Стоглавомъ, обращался къ отцамъ собора съ рѣчью, устною и письменною, и предлагалъ имъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые они должны были дать отвѣты; иногда принималъ участіе въ допрашиваніи еретиковъ, какъ Башкина и его товарищей; иногда, указывая на нужды отечества, прямо требовалъ отъ духовенства жертвъ, какъ по вопросу о церковныхъ владѣніяхъ, и вообще высказывалъ, не стѣсняясь, свои мысли предъ отцами собора, пока происходили ихъ разсужденія о томъ или другомъ предметѣ; но затѣмъ постановлялъ самыя опредѣленія и рѣшенія предоставлялъ уже отцамъ собора. А бояре, находившіеся на соборахъ, не вмѣшивались даже и въ разсужденія соборовъ, и когда однажды дьякъ Висковатый, слушая на соборѣ разговоръ государя съ митрополитомъ объ иконахъ, позволилъ себѣ высказать свое мнѣніе, то митр. Макарій, назвавъ это мнѣніе «негораздымъ», замѣтилъ дьяку: «зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ

положены. ⁽²¹⁹⁾ Рѣшенія или вообще дѣянія нашихъ соборовъ въ настоящій періодъ касались всѣхъ отраслей и предметовъ церковнаго управленія и суда. Къ дѣяніямъ перваго рода, касавшимся управленія, относятся: разсмотрѣніе и одобреніе толковой Псалтыри, переведенной Максимомъ Грекомъ; установленіе новыхъ праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ; разсмотрѣніе житій ихъ и церковныхъ службъ имъ; распоряженіе о продолженіи пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ; избранія и поставленія митрополитовъ и епископовъ; постановленія о невзманіи пошлинъ съ поставляемыхъ на священныя степени и о лѣтахъ этихъ лицъ, о вдовыхъ священникахъ, о мужеско-женскихъ монастыряхъ и перечисленія Іосифо-волоколамскаго монастыря въ вѣдѣніе вел. князя московскаго; постановленія о бѣломъ клубкѣ и красной печати для митрополитѣ, о четвертомъ бракѣ для царя Ивана Васильевича; разсужденія и приговоры о церковныхъ вотчинахъ и почти все многосложное «соборное уложеніе о многообразныхъ чинѣхъ церковныхъ» Стоглаваго собора. Къ рѣшеніямъ и вообще дѣяніямъ нашихъ соборовъ, касавшимся церковнаго суда, относятся: всѣ статьи Стоглава «о святительскомъ судѣ», въ которыхъ кратко обозначены не только предметы и лица, подсудныя церковной власти, но и устройство церковныхъ судовъ и порядокъ судопроизводства въ нихъ; рѣшенія о ереси жидовствующихъ и самихъ еретикахъ, о ересяхъ Башкина и Феодосія Косаго, о недоразумѣніяхъ дьяка Виксоватаго и ви-

⁽²¹⁹⁾ Тамъ же VI, 99. 126—128. 135. 181. 195. 221. 254. 263—264. Мѣра участія государя на соборахъ довольно точно обозначена, наприм., въ двухъ грамотахъ о соборѣ 1503—1504 г. (А. Э. I, № 383), но не совсѣмъ точно въ третьей грамотѣ о томъ же соборѣ (А. Э. I, № 382).

новности его; судебные приговоры о митрополитѣ Филиппѣ II, архіепископахъ—ростовскомъ Феодосіи и новгородскомъ Серапіонѣ, о старцѣ Максимѣ Грекѣ и князь-старцѣ Васіанѣ ⁽²²⁰⁾. Соборныя рѣшенія и постановленія одни подписывались только архіереями, другія и низшими духовными лицами—архимандритами, игуменами, и утверждались согласіемъ государя, который привѣшивалъ къ нимъ свою печать; а обнародывались то отъ лица собора, то отъ лица митрополита, то отъ лица самого государя ⁽²²¹⁾. Не излишне присовокупить, что, принимая такое участіе въ дѣянiяхъ соборовъ, государь охотно допускалъ и участіе соборовъ въ дѣлахъ его государственныхъ. Такъ, когда Іоаннъ III, отправившись съ войскомъ противъ татарскаго хана Ахмата, колебался вступить съ нимъ въ борьбу, соборъ русскихъ іерарховъ послалъ своему вел. князю посланіе и убѣждалъ его постоять мужественно за вѣру и отечество. Іоаннъ IV самъ предложилъ свой Судебникъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Стоглаваго собора. Тотъ же государь пригласилъ всѣхъ святителей со множествомъ духовенства участвовать въ земской думѣ, собиравшейся въ Москвѣ, чтобы рѣшить вопросъ, продолжать ли или прекратить борьбу съ Польшею. Не говоримъ уже о томъ, что въ случаяхъ важнѣйшихъ, наприм., предпринимая войну противъ враговъ, государь обыкновенно испрашивалъ благословенія митрополита, епископовъ и всего освященнаго собора ⁽²²²⁾.

⁽²²⁰⁾ Тамъ же VI, 91. 99. 101. 119—126. 142. 163. 180—193. 216. 228. 253—268. 290. 309. 312. 314.

⁽²²¹⁾ А. Э. I, №№ 231. 232. 284. 382. 383; Соб. Госуд. грам. I, №№ 200. 202; А. И. I, № 285.

⁽²²²⁾ А. И. I, № 90; Стоглав. гл. 4, стр. 47—48; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 317; VIII, 184.

Митрополиту, какъ главѣ русской митрополіи и первоиерарху русской церкви, принадлежала также власть, простиравшаяся на всю отечественную церковь, но гораздо меньшая сравнительно съ властію соборовъ. Избираемый и поставляемый соборомъ русскихъ святителей, впрочемъ, не иначе, какъ по волѣ вел. князя, который притомъ самъ вручалъ ему, торжественно въ церкви, архипастырскій жезлъ, митрополить имѣлъ особенно-высокое значеніе въ глазахъ вѣрующихъ: всѣ они, безъ всякаго различія званій и состояній, видѣли въ немъ своего общаго отца духовнаго, верховнаго учителя и руководителя къ вѣчной жизни. Самъ вел. князь всегда называлъ митрополита своимъ *отцемъ*, даже въ официальныхъ бумагахъ, и просилъ себѣ его благословенія, а митрополить всегда называлъ вел. князя своимъ духовнымъ *сыномъ* и преподавалъ ему благословеніе ⁽²²³⁾. Всѣ архіепископы и епископы именовали митрополита также своимъ *отцемъ*, а иногда и своимъ *господиномъ*, даже *государемъ*, какъ именовали его и князья, и бояре, и другіе вѣрующіе; а опъ и всѣхъ архіереевъ, какъ и всѣхъ вѣрующихъ, называлъ своими *сынами*, своими *дѣтьми*, и всѣмъ архіереямъ, какъ и мірянамъ, преподавалъ и посылалъ свое благословеніе ⁽²²⁴⁾. Изрѣдка только удостоивалъ, въ своихъ посланіяхъ, называть какого-либо архіепископа или епископа своимъ сыномъ и вмѣстѣ братомъ, но отнюдь не допускалъ, чтобы и его самого осмѣлился подчиненный архіерей назвать также своимъ братомъ ⁽²²⁵⁾. И хотя обыкновенно

⁽²²³⁾ А. Э. I, №№ 80. 213. 383; А. И. I. №№ 159. 160. 282. 283 и другіе.

⁽²²⁴⁾ А. И. I, №№ 53. 56. 60. 61. 62. 64. 65. 66. 104. 114. 129. 274. 277; А. Э. I, №№ 75. 99. 229. 238; Дополн. къ А. И. I, № 35; А. Юрид. № 860.

⁽²²⁵⁾ А. И. I, №№ 44. 268. 269.

титоловали митрополита *преосвященнымъ*, какъ и другихъ епархальныхъ архипастырей, но для отличія отъ нихъ, ему усвоили также титулъ *святѣйшаго* (²²⁶). Призванный имѣть архипастырское попеченіе о всей отечественной церкви, митрополитъ иногда разсылалъ свои окружныя посланія по всей Россіи, въ которыхъ то извѣщалъ о своемъ вступленіи на кафедру и преподавалъ всѣмъ свое первое святительское благословеніе, то училъ своихъ духовныхъ чадъ вѣрѣ и благочестію, то призывалъ ихъ къ дѣламъ милосердія и благотворительности къ бѣдствующимъ христіанамъ Востока (²²⁷); а иногда обращался съ своимъ словомъ только въ нѣкоторыя страны, въ нѣкоторые города по указанію обстоятельствъ: нѣсколько разъ писалъ въ Западный край Россіи и къ епископамъ, и къ князьямъ, и ко всѣмъ вѣрующимъ, и всѣхъ убѣждалъ и умолялъ пребывать твердыми въ православіи, не отдѣляться отъ русской митрополіи, не принимать себѣ особаго митрополита, поставленнаго въ Римѣ, ученика измѣнника—Исидора; писалъ неразъ въ Вятку и Пермь и обличалъ тамошнихъ христіанъ за ихъ приверженность къ языческимъ суевѣріямъ, за ихъ незаконные браки и несоблюденіе церковныхъ уставовъ, строго укорялъ самое духовенство за его крайнее нерадѣніе о своемъ долгѣ и нечестіе и угрожалъ нераскаяннымъ отлученіемъ отъ церкви; писалъ неразъ къ жителямъ Новгорода и Пскова, порицалъ ихъ своеволіе и самоуправство въ дѣлахъ церковныхъ, училъ ихъ повиноваться своему владыкѣ, не отнимать церковныхъ имуществъ, не вмѣшиваться въ церковныя

(²²⁶) А. Э. I, № 229, стр. 222; № 232; А. И. I, № 274.

(²²⁷) А. И. I, №№ 43. 103. 264. 300; нашей Истор. Р. Церкв. VII, 382—366.

суды, жить въ мирѣ и любви и благочестіи (²²⁸). Тою же самою своею духовною властію митрополитъ старался дѣйствовать и ко благу отечества: обращался съ рѣчью, писалъ посланія къ самому государю и наставлялъ его не только въ христіанскихъ, но и въ его царскихъ обязанностяхъ; слалъ посланія и князьямъ удѣльнымъ и убѣждалъ ихъ покоряться вел. князю, не нарушать данной клятвы и заключенныхъ съ нимъ договоровъ, не проливать напрасно христіанской крови, угрожалъ за вѣроломство судомъ Божиимъ и отлученіемъ отъ общества вѣрующихъ; писалъ въ Новгородъ, Псковъ, Вятку, и также убѣждалъ не измѣнять великому князю, не предаваться на сторону его враговъ, просить у него помилованія и прощенія за допущенную измѣну; обращался съ рѣчами и посланіями къ государевымъ воинамъ и одушевлялъ ихъ именемъ вѣры стоять мужественно противъ враговъ за царя и отечество (²²⁹). Какъ общій отецъ всѣхъ вѣрующихъ, митрополитъ часто являлся предъ вел. княземъ, своимъ духовнымъ сыномъ, въ качествѣ печальника и ходатая за провинившихся предъ нимъ и опальныхъ, и испрашивалъ имъ помилованіе; своими кроткими увѣщаніями часто примирялъ вельможъ, бояръ и другихъ гражданъ, примирялъ супруговъ, родителей и дѣтей, и такимъ образомъ вносилъ согласіе и любовь въ бытъ общественный и семейный (²³⁰). Но всѣ такіа дѣйствія и непосредственныя отно-

(²²⁸) А. И. I, №№ 45. 47. 63. 66. 77. 97. 98. 112. 261. 267. 277. Въ 1572 г. митрополитъ прислалъ въ Новгородъ разомъ три грамоты, которыя и прочитаны были, одна за другою, въ софійскомъ соборѣ, въ слухъ всего народа и духовенства (П. Собр. Р. Лѣт. III, 171).

(²²⁹) Нашей Истор. VI, 30—33; VII, 405—423; А. И. I, №№ 60. 98. 139. 261. 280. 281; А. Э. I, № 372.

(²³⁰) Нашей Истор. VI, 168. 204. 209—211. 214. А. И. I, №№ 46. 282; Дополн. А. И. I, № 11.

шенія митрополита ко всѣмъ сынамъ русской церкви совершались только по временамъ, когда открывался случай или требовала нужда; а главныя, постоянныя, непрерывавшіяся отношенія первосвятитель нашъ имѣлъ къ подвѣдомымъ ему епархіальнымъ архіереямъ, и чрезъ нихъ-то дѣйствовали и на все духовенство и на всѣхъ вѣрующихъ. Еще предъ рукоположеніемъ своимъ всѣ архіереи давали, въ своемъ исповѣданіи, обѣтъ повиноваться во всемъ своему господину и отцу митрополиту; а митрополитъ, отпуская каждаго изъ нихъ, по рукоположеніи, на епархію, давалъ ему настольную грамоту, которою уполномочивалъ его творить все святительское во вѣренной ему епархіи и призывалъ всѣхъ вѣрующихъ епархіи покоряться своему новому архипастырю (²³¹). Послѣ того митрополитъ, большею частію, слалъ архіереямъ грамоты съ своими распоряженіями относительно тѣхъ или другихъ предметовъ церковной жизни, а нерѣдко вызывалъ архіереевъ къ себѣ, то одного, то нѣсколькихъ, то всѣхъ, и давалъ имъ наставленія лично, или имѣлъ съ ними соборныя разсужденія и совѣщанія (²³²). Случалось, что инымъ архіереямъ поручалъ какое-либо особое дѣло на пользу церкви, а другимъ вмѣнялъ въ обязанность вліять пастырски на удѣльныхъ князей или на народъ въ пользу великаго князя, ко благу общаго отечества—Россіи (²³³). И имѣя постоянный надзоръ за служеніемъ и самою жизнію епархіальныхъ владыкъ, однихъ одобрялъ и благодарилъ за ревность по вѣрѣ

(²³¹) А. И. I, №№ 61. 68; А. Э. I, № 375, стр. 470.

(²³²) А. Э. I, № 267; А. И. I, № 271; Дополн. А. И. I, № 221; А. Юрид. № 360.

(²³³) Нашей Ист. VI, 101. 372. 380; А. И. I, №№ 51. 56.

и заботливость о паствѣ, другимъ угрожалъ за неповиновеніе и небрежность къ своему долгу, третьихъ обличалъ за какіе-либо пороки и убѣждалъ исправиться и жить, какъ подобаетъ архипаству (234). Епархіальные архіереи обращались къ митрополиту съ своими недоумѣніями, на которыя и получали отъ него разрѣшенія; доносили ему о появившихся ересяхъ и расколахъ; высылали ему ежегодно, каждый отъ своей епархіи, опредѣленные пошлины; просили иногда его ходатайства за себя предъ вел. княземъ и под. (235). Для правильного пониманія дѣятельности митрополита, какъ главы русской митрополіи, необходимо сдѣлать два замѣчанія. Дѣятельность эта, во-первыхъ, не была вполнѣ самостоятельною: почти всѣ свои распоряженія, болѣе важныя, митрополитъ предпринималъ не иначе, какъ съ вѣдома или соизволенія или даже по приказанію вел. князя. Потому-то и епархіальные владыки, донося, на примѣръ, о появленіи ересей митрополиту, доносили вмѣстѣ о томъ же и вел. князю, и, получая отъ митрополита какія-либо рѣшенія, тѣ же самыя рѣшенія получали и отъ вел. князя (236). А во-вторыхъ, — дѣятельность эта была только духовно-административная: судебной

(234) Нашей Истор. VII, 365—367; А. И. I, №№ 268. 271; Дополн. А. И. I, № 13.

(235) А. И. I, № 104; А. Э. I, №№ 253. 360. Высылать митрополиту пошлины отъ своей епархіи каждый архіерей давалъ обѣщаніе еще предъ рукоположеніемъ своимъ (А. Э. I, стр. 463. 470), и новгородцы въ своей договорной грамотѣ съ вел. князьями московскими (1471 г.), между прочимъ, сказали: «а пошлины вамъ, великимъ княземъ, и вашему отцу митрополиту отъ владыки имати по старинѣ, а лишнего не прибавляти» (А. Э. I, № 91). Ополученіи такихъ пошлинъ или поминковъ отъ новгород. владыки упоминаетъ, съ благодарностію, митрополитъ Θεодосій (А. И. I, № 275; стр. 507).

(236) А. И. I, № 285; А. Э. I, №№ 382. 383.

власти митрополитъ лично не имѣлъ ни надъ архіереями, ни надъ другими членами церкви внѣ своей епархіи, и хотя къ нему восходили донесенія и жалобы на архіепископовъ и епископовъ, хотя иногда онъ поручалъ, съ соизволенія вел. князя, производить предварительныя разслѣдованія о проступкахъ какого-либо архіерея, но потомъ ограничивался одними административными распоряженіями,—дѣлалъ виновному внушеніе, замѣчаніе и под., или даже предлагалъ отказаться отъ каеэдры; а дѣйствительно судить архіепископа или епископа могъ только съ соборомъ епископовъ ⁽²³⁷⁾.

Епархіальнымъ архіереямъ, въ томъ числѣ и митрополиту, который имѣлъ свою особую епархію, принадлежала не одна административная, но равно и судебная власть, каждому лишь въ предѣлахъ его собственной епархіи. Самыя вѣрныя и довольно подробныя свѣдѣнія объ епархіальномъ управленіи настоящаго періода и объ епархіальномъ судѣ находимъ въ книгѣ Стоглавъ: такъ какъ Стоглавый соборъ изложилъ о томъ и другомъ предметѣ, большею частію, не новыя постановленія и правила, а тѣ самыя, какія существовали въ его время и до него, но только часто были нарушаемы или вовсе оставались въ пренебреженіи, и если сдѣлалъ какія-либо поясненія и измѣненія, то немногія. Этими свѣдѣніями мы и воспользуемся, дополняя ихъ, по возможности, свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ.

Духовное управленіе cadaго архипастыря, безъ сомнѣнія, простирается на всю его духовную паству; но онъ не столько самъ непосредственно можетъ дѣйствовать на всѣхъ вѣрую-

(237) Нашей Истор. VI, 51. 120—121. 145.

щихъ своей епархіи, особенно при обширности ея; сколько дѣйствуетъ чрезъ подвѣдомое ему низшее духовенство. Поэтому-то главная забота нашихъ архиепископовъ въ дѣлѣ епархіальнаго управленія сосредоточивалась, какъ и всегда, на епархіальномъ духовенствѣ, и заключалась въ томъ, во-первыхъ, чтобы давать всѣмъ приходамъ и церквамъ епархіи достойныхъ пастырей, которые были бы способны и учить своихъ прихожанъ вѣрѣ, и совершать для нихъ церковное богослуженіе, и вообще руководить ихъ на пути къ вѣчной жизни; во-вторыхъ,—чтобы употреблять надлежащія мѣры противъ уклоненій этихъ пастырей отъ своего призванія и долга, и въ-третьихъ,—чтобы внимательно и постоянно наблюдать за ихъ пастырскимъ служеніемъ и жизнью и руководить ими.

Поставленіе священниковъ и другихъ членовъ причта для церкви епархіи соединено было у насъ съ крайними затрудненіями (233). При архіерейскихъ кафедрахъ не существовало

(233) При сельскихъ нашихъ церквахъ, большею частію, состояли только священникъ и одинъ причетникъ—дьячекъ или пономарь, да кромѣ того просвирня и сторожъ (*Неволин. О пятин. новгород., Писцов. книг. въ Прилож. стр. 23—25. 32—43. 87 и мног. друг.*); при нѣкоторыхъ—священникъ и оба причетника (тамъ же 76. 78. 83. 199. 230. 237) и лишь при весьма немногихъ—священникъ, диаконъ, дьячекъ и пономарь (тамъ же 291). При городскихъ церквахъ, при однихъ былъ полный причтъ, при другихъ не полный—безъ діакона (А. Э. I, № 205). При соборныхъ городскихъ церквахъ и въ монастыряхъ бывало по нѣскольку священниковъ и діаконъ, наприм., при Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ—четыре священника (А. Э. I, № 159); при женскомъ успенскомъ монастырѣ во Владимірѣ—четыре священника и два діакона (А. Э. I, № 155); при одномъ изъ мужскихъ монастырей въ Переяславѣ—четыре священника и два діакона, а при другомъ два священника (А. Э. I, № 191). Причты кафедральныхъ соборовъ были многочисленны: напримѣръ, при повгородскомъ софійскомъ соборѣ въ 1552—1554 г. состояли протопопъ, восемнадцать поповъ, протодіаконъ, четыре діакона, да архидіаконъ, два псаломщика и 17 дьячковъ (Собр. Р. Лѣт. III, 251; А.

училищъ; и архіереи не имѣли возможности сами назначать достойныхъ людей на всѣ открывавшіяся въ приходахъ священно—и церковнослужительскія мѣста. Забота объ этомъ предоставлена была мѣстнымъ прихожанамъ; а прихожане, по той же самой причинѣ, т. е. по неизмѣннѣю училищъ и образованныхъ людей, часто выбирали себѣ въ попы малограмотныхъ или почти безграмотныхъ и приводили ихъ къ своему архипастырю для поставленія. Архіереи сознавали, что ставить такихъ людей священниками и діаконами противно свящ. правиламъ, а не ставить—церкви будутъ безъ цѣльнѣя, и православные стануть умирать безъ покаянія. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія. Въ Новгородѣ, напри-мѣръ, прихожане открыто торговали церковными мѣстами и со всякаго, кто желалъ поступить на мѣсто священника, діакона, дьячка, пономаря, даже просвирни, требовали денегъ; за священническія мѣста брали по пятнадцати, двадцати и тридцати рублей, и избирали тѣхъ, кто давалъ больше, а не тѣхъ, кто былъ грамотнѣе и достойнѣе по жизни. Присылалъ ли самъ владыка къ какой-либо церкви священника, гораздога грамотѣ и благочестиваго, прихожане не принимали его, если онъ не давалъ имъ большихъ денегъ. Равно и къ церквамъ ружнымъ, существовавшимъ въ разныхъ городахъ, княжескіе дворецкіе и дьяки, а въ Псковѣ намѣстникъ владыки, избирали въ члены причта только тѣхъ, кто давалъ больше денегъ, не обращая вниманія, насколько

Э. III, № 306, стр. 453). При владимірскомъ успенскомъ соборѣ въ 1534 г. состояли протопопъ, семь священниковъ, протодіаконъ, четыре діакона и проч. (Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 319).

они грамотны и достойны священнаго сана. Для устраненія этихъ недостатковъ, о которыхъ засвидѣтельствовали на Стоглавомъ соборѣ самъ государь, соборъ постановилъ—а) чтобы въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ открыты были училища, въ которыхъ дѣти обучались бы «граматѣ, книжному письму, церковному пѣнію и налоинному чтенію», и такимъ образомъ приготавлились на служеніе церкви, и—б) чтобы по всѣмъ епархіямъ прихожане къ своимъ приходскимъ церквямъ, а дворецкіе, дьяки или владычныя намѣстники къ церквямъ ружнымъ избирали священниковъ, діаконовъ и прочихъ членовъ причта «искусныхъ и граматѣ гораздыхъ, и житіемъ непорочныхъ», а денегъ отъ нихъ и мзды себѣ не требовали и не принимали (Стогл. гл. 25, 26 и 41, вопр. 14, 15) ⁽²³⁹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ соборомъ изложены и въ руководство епископамъ по этому предмету слѣдующія правила: 1) епископы должны съ великимъ испытаніемъ избирать въ свящ. санъ (разумѣется, изъ числа представляемыхъ прихожанами) достойныхъ, священное писаніе въ конецъ вѣдующихъ и могущихъ строить все пастырское, исполнять церковный чинъ по божественному уставу, а особенно упастиврученное имъ стадо словесныхъ овецъ; 2) должны испытывать отъ отца духовнаго и отъ семи свидѣтелей (какъ было положено еще на Владимірскомъ соборѣ 1274 года) о чистотѣ жизни избраннаго и о лѣтахъ его возраста: если будетъ достоинъ и тридцати лѣтъ, такого ставить въ попы,

⁽²³⁹⁾ Въ приговорѣ того же собора по жалобницамъ новгородскихъ священниковъ такъ же сказано: «а избирати по всѣмъ церквамъ поповъ и діаконовъ прихожаномъ искусныхъ и граматѣ гораздыхъ и житіемъ непорочныхъ» (Стогл. стр. 422; снес. А. Э. I, № 229).

а 25-ти лѣтъ — ставить въ діаконы, согласно съ древними канонами церкви; если же будутъ и весьма достойны, но по лѣтамъ несовершенны, такихъ не ставить до урочныхъ лѣтъ.

3) Когда діаконскаго или священническаго сана будутъ искать причетники, хотя и совершенные по лѣтамъ, но еще несовершенно умѣющіе грамотѣ, то такихъ предварительно посылать по соборнымъ церквамъ, чтобы тамъ они, подъ руководствомъ протоіерея и священниковъ, обучались и навыкли всему церковному чину, и тогда-то уже, если окажутся достойными, да будутъ поставлены.

4) А если эти причетники, ищущіе свящ. сана, грамотѣ мало умѣютъ и по лѣтамъ несовершенны или даже и совершенны, то святителямъ отсылать такихъ къ мастерамъ въ училище, пока не научатся совершенно грамотѣ и всему церковному чину, и загѣмъ достойныхъ поставлять въ свящ. санъ.

5) Поставленнымъ святители повелѣваютъ служить седмицу у соборныхъ церквей, и когда новопосвященный отслужитъ свою урочную седмицу, — епископъ, отпуская его къ порученной ему церкви, дастъ ему отъ правилъ св. апостоловъ хиротонію (ставленную грамоту) и прочтетъ ему свитокъ, содержащій въ себѣ подробнѣйшее поученіе святителя къ священнослужителямъ, какъ имъ проходить свое пастырское служеніе, положить этотъ свитокъ на престолѣ и велитъ новопоставленному взять свитокъ съ престола себѣ на память и въ руководство (Снес. А. И. I, № 109).

6) Въ особенности же поучаютъ въ это время святители поворукоположенныхъ священниковъ, чтобы они сами жили въ чистотѣ, страхѣ Божіемъ и въ прочихъ добродѣтеляхъ, блюли себя отъ невоздержанія, пьянства и прочихъ злыхъ дѣлъ и служили примѣромъ для своихъ дѣтей

духовныхъ; равно поучаютъ и диаконовъ, чтобы хранили свое діаконство чисто и непорочно, жили безъ всякаго зазору, были прилежны къ церкви Божіей, въ покорности священнику, а ко всѣмъ христіанамъ въ любви и смиреніи, и всѣмъ показывали образъ добрыхъ дѣлъ во славу Божию (Стол. гл. 89).

Несмотря, однакожъ, на все попеченіе церковнаго привѣтства поставлять на приходы достойныхъ пастырей, многіе изъ нихъ дѣлались виною разныхъ безпорядковъ и нестроеній въ церкви, и первое мѣсто между такими священнослужителями занимали такъ-называемые *безмѣстные* или безприходные. Прихожане, избирая себѣ духовныхъ пастырей по своему усмотрѣнію, принимая ихъ къ себѣ по договору, какъ бы по найму, считали себя вправѣ и удалять ихъ отъ своей церкви по своему усмотрѣнію, и часто, не стѣсняясь договоромъ, дѣйствительно удаляли, безъ вѣдома епархіальнаго владыки, а себѣ нанимали другихъ священниковъ или священноиноковъ, иногда же и сами священники, недовольные почему-либо прихожанами, также нарушали договоръ и оставляли свои мѣста. Оттого классъ безмѣстныхъ священниковъ былъ у насъ весьма многолюденъ, и всѣ они, не имѣя, чѣмъ содержаться, начинали бродить и отыскивать себѣ приходовъ и средствъ для жизни. Съ этою цѣлію многіе выпрашивали себѣ у своего епархіальнаго начальства *отпускныя грамоты*, въ которыхъ сами архіереи разрѣшали имъ отправляться во всѣ епархіи, въ какія пожелаютъ, и священнодѣйствовать повсюду, гдѣ имъ позволять мѣстныя церковныя власти; а другіе пускались странствовать по епархіямъ и безъ отпускныхъ и даже безъ ставленныхъ грамотъ, и нерѣдко находили прихожанъ, нанимавшихъ ихъ для служенія въ своей приходской церкви, или

нанимались совершать службы въ монастыряхъ, нуждавшихся въ священнослужителяхъ. Въ Псковъ, напримѣръ, приходили такіе священнослужители, принадлежавшіе какъ къ бѣлому, такъ и черному духовенству, не только изъ предѣловъ новгородскихъ, московскихъ, тверскихъ, но и изъ Литвы, т. е. совсѣмъ изъ другой митрополи, западно-русской и, не предъявляя никакихъ грамотъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ, обращались прямо къ прихожанамъ разныхъ церквей, старались такъ или иначе приобрести ихъ расположенность, предлагали имъ свои услуги,—и прихожане часто принимали этихъ пришлецовъ и удаляли своихъ прежнихъ пастырей—игуменовъ, священноиноковъ, священниковъ и діаконъ, заставляя ихъ, въ свою очередь, поневолѣ «волочиться безъ мѣста». Для устраненія такого рода безпорядковъ, наши архипастыри настойчиво подтверждали своимъ намѣстникамъ и другимъ подчиненнымъ властямъ, чтобы они убѣждали прихожанъ не прогонять отъ себя самовольно своихъ пастырей и не принимать новыхъ безъ воли и распоряженія владыки, а съ другой стороны, чтобы внимательно слѣдили за приходящими въ епархію безмѣстными священниками и діаконъ, имѣютъ ли они ставленныя и отпускныя грамоты, и если не имѣютъ, то отнюдь не дозволяли бы имъ священнодѣйствовать и занимать мѣста въ приходяхъ. Настоятелямъ же монастырей Стоглавый соборъ угрожалъ даже отлученіемъ, если они будутъ дозволять въ своихъ монастыряхъ священнослуженіе такимъ священникамъ и діаконъ, у которыхъ не окажется ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ ⁽²⁴⁰⁾.

⁽²⁴⁰⁾ Грамат. новгор. архіеп. Макарія, въ Истор. Княж. Псков. II, 82—85;

Кромѣ безмѣстныхъ священниковъ, въ городахъ, гдѣ находились каеодры архіереевъ, немало нестроений производили и другіе пришлые священнослужители. Въ каждый изъ этихъ городовъ стекалось духовенство изъ всѣхъ мѣстъ епархіи, а въ Москву и со всѣхъ концовъ Россіи. Тутъ бывали архимандриты, игумены и священноиноки, протоіереи, священники, діаконы, имѣвшіе право священнослуженія и запрещенные. Одни изъ нихъ приходили въ столицу или въ свой епархіальный городъ по своей волѣ, по дѣламъ своихъ монастырей или церквей или по дѣламъ домашнимъ, а другіе по требованіямъ суда—«за поруками, за приставами, по кабаламъ, по срочнымъ, въ бояхъ, грабежахъ и въ прочихъ различныхъ дѣлахъ». Многіе, проживая въ этихъ городахъ иногда довольно долго, старались отыскивать случаи наниматься иногда въ помощь приходскимъ священнослужителямъ, а иногда для отправления службъ въ домовыхъ церквахъ, которыхъ особенно въ Москвѣ было очень много и которыя, большею частію, не имѣли у себя причтовъ. Для того, чтобы имѣть право наниматься, всѣ пришлые священнослужители бѣлаго и монашескаго духовенства, но изстари-заведенному обычаю, должны были являться къ тіуну мѣстнаго первосвященника и получать отъ тіуна, за опредѣленную плату, *знамя* или свидѣтельство на мѣсяць, на два и болѣе, и потомъ сходились на извѣстныя городскія перекрестки или крестцы (въ Москвѣ—на Ильинской улицѣ въ Торгу) и предлагали свои услуги

А. Э. I, №№ 168. 293; Стоглав. гл. 51; А. Юрид. № 389; А. до юрид. быта Россіи, II, № 219; Доп. А. И. I, № 209.

желающимъ. Но нѣкоторые священнослужители не обращались къ тіуну за знаменемъ и совершали службы, по найму, безъ знамени. Да и сами тіуны часто злоупотребляли: они охотно выдавали знамя за плату, а не разыскивали, имѣютъ ли право получавшіе знамя священнодѣйствовать, если у нихъ ставленныя, благословенныя и отпускныя грамоты, а также, по доброй ли волѣ пришли они въ городъ или по дѣламъ судебнымъ. Стоглавый соборъ не оставилъ безъ вниманія и этихъ злоупотребленій, и имѣя въ виду преимущественно Москву, гдѣ они случались чаще, постановилъ: а) впредь всѣ пріѣзжіе архимандриты, игумены, священноиноки, протоіереи, священники и діаконы, которые пожелаютъ наниматься въ Москвѣ для отправленія церковныхъ службъ, должны являться къ митрополичьему тіуну; б) тіунъ прежде всего долженъ разсматривать, имѣютъ ли они грамоты ставленныя, благословенныя и отпускныя, и по какимъ дѣламъ пріѣхали въ столицу, по своимъ ли, чтобы бить челомъ царю или митрополиту и проч., или пріѣхали за поруками, за приставомъ и въ какой-либо пенѣ; в) тѣмъ, которые пріѣхали по своимъ дѣламъ и имѣютъ всѣ надлежащія грамоты, тіуну выдавать знамена; а тѣмъ, у кого грамотъ не будетъ, хотя бы и по своимъ дѣламъ они пріѣхали, знаменъ не выдавать; г) всѣмъ же, пріѣхавшимъ за поруками въ какихъ-либо дѣлахъ, духовныхъ или иныхъ, хотя бы у нихъ и были надлежащія грамоты, знаменъ не выдавать; д) а если эти пріѣхавшіе за поруками начнутъ служить безъ знаменъ и потомъ будутъ обличены, то приводить ихъ къ митрополиту и быть имъ подѣ запрещеніемъ, по правиламъ; е) наконецъ, если тіунъ станетъ выдавать знамена тѣмъ, которые пріѣхали за поруками и за приставомъ, или у кото-

рыхъ не будетъ ставленныхъ, благословенныхъ и отпускныхъ грамотъ, тогда тѣмъ быть отъ митрополита въ великой опалѣ и изъ тѣхъ быть извержену (Стогл. гл. 69, стр. 325—328). Само собою разумѣется, что этими же правилами, по примѣру Москвы, должны были руководиться и въ другихъ епархіальныхъ городахъ.

Еще болѣе заботъ причиняли у насъ церковному правительству своимъ поведеніемъ вдовыя священники и діаконны. Мы уже знаемъ, какъ въ Москвѣ боролся съ ними самъ митрополитъ Феодосій и не могъ искоренить зла; какъ въ Псковѣ сами священнослужители всѣхъ пяти соборовъ торжественно предъ лицемъ вѣча положили отлучить отъ службы всѣхъ вдовыхъ поповъ и діаконныхъ псковской области за ихъ позорную жизнь, и какъ, наконецъ, московскій соборъ 1503 г. постановилъ: всѣхъ вдовыхъ священниковъ и діаконныхъ, имѣющихъ наложницъ, разлучить съ ними, лишитъ сана и исключитъ изъ клира; а прочимъ, которые, по смерти своихъ женъ, хотя живутъ честно и незасорно, но не хотятъ постричься въ монашество, запретитъ священнослуженіе, съ тѣмъ чтобы они стояли въ церкви на клиросѣ вмѣстѣ съ чтецами и пѣвцами, пользуясь за это отъ своихъ преемниковъ четвертою частью доходовъ, и только могли причащаться въ алтарѣ, священники, надѣвъ епитрахиль, а діаконны — стихарь съ ораремъ (нашей Истор. VI, 55. 57. 122). Но это соборное постановленіе съ теченіемъ времени почти потеряло силу, и вотъ уже на Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ говорилъ: «нынѣ вдовыхъ поповъ два жеребья: одни обѣдни не служатъ, но церковью и приходомъ владѣютъ и

и дѣтми духовными, даютъ молитвы родильницамъ и имена дѣтямъ, крестятъ, вѣнчаютъ, исповѣдуютъ, провожаютъ умершихъ и совершаютъ всѣ священнодѣйствія, кромѣ божественной литургіи; а другіе сами всегда во всякомъ безчиніи и пьянствѣ, и ихъ нестроеніе міру на соблазнѣ». (Стогл. гл. 5, вопр. 18). Отцы Стоглаваго собора, ссылаясь на всѣ прежде бывшія въ Россіи по этому предмету распоряженія митрополитовъ Петра, Фотія, собора 1503 года и соображенія преп. Іосифа волоколамскаго, вновь подтвердили тѣ же самыя распоряженія и только изложили ихъ нѣсколько подробнѣе въ слѣдующихъ статьяxъ: а) вдовымъ попамъ и діаконамъ не служить, т. е. не священнодѣйствовать; б) которые изъ нихъ обѣщаются пребывать въ чистотѣ, тѣмъ стоять на клиросѣ и отъ служащихъ священниковъ и діаконѡвъ, поступившихъ на ихъ мѣста, получать во всѣхъ церковныхъ доходахъ четвертую часть⁽²⁴¹⁾; в) этимъ же вдовымъ попамъ разрѣшается держать у себя въ домѣ епитрахили и причащаться въ алтарѣ, въ епитрахили, только не служить, а діаконамъ причащаться въ алтарѣ—въ стихарѣ съ ораремъ, только не служить; г) а если тѣ вдовыя попы и діаконы не захотятъ

⁽²⁴¹⁾ Въ такомъ случаѣ мѣста вдовыхъ священниковъ и діаконѡвъ предоставлялись, по возможности, ихъ близкимъ родственникамъ: «а который попь или діаконъ овдовѣтъ, сказано въ приговорѣ Стоглаваго собора,—а будетъ у него сынъ, или братъ, или зять, или племянникъ, и на его мѣсто пригожь и грамотъ гораздъ и искусенъ, ино его въ попы на мѣсто поставити» (А. Э. I, 229). Да и гораздо прежде Стоглаваго собора у насъ уже существовалъ обычай передавать мѣста священниковъ ихъ дѣтямъ или близкимъ родственникамъ: еще въ 1500 г. Сакранъ, бывшій каноникомъ въ Краковѣ, въ числѣ недостатковъ русской церкви считалъ и тотъ, что въ ней сыновья духовныхъ лицъ имѣли право наслѣдства на тѣ мѣста, которыя занимали ихъ отцы (S a c r a n. Elucidarius errorum rithus Ruthen., error 29, apud L a s i e. De Russorum Moscovit et Tartarorum religione, sacrificiis..., p. 195, Spirae 1582).

стоять на клиросѣ и начнутъ заниматься мірскими дѣлами, то имъ въ мірѣ и пребывать и подлежать царской дани, а на клиросѣ уже не ставиться и четвертой части отъ служащихъ поповъ и діаконовъ не получаютъ; д) если вдовыя попы и діаконы, стоящіе на клиросѣ, пожелаютъ постричься въ монашескій чинъ и захотятъ священнодѣйствовать, то, съ благословенія святительскаго, если будутъ достойны, да совершаютъ божественную литургію и всѣ другія священнодѣйствія, но только въ монастыряхъ, а не въ мірскихъ мѣстахъ; въ мірскихъ мѣстахъ имъ не жить и не дѣйствовать; е) впредь вдовымъ попамъ и діаконамъ св. церквами не владѣть, духовныхъ дѣтей не держать и не вступаться ни во что церковное, а только пребывать въ чистотѣ и стоять на клиросѣ; ж) тѣмъ изъ нихъ, которые обѣщаютъ хранить чистоту и стоять на клиросѣ, получать отъ святителей *благословенныя епитрахильныя и орарныя грамоты*, не платя за нихъ пошлинь; а въ грамотахъ тѣхъ писать, что такимъ-то вдовымъ священникамъ и діаконамъ, обѣщавшимся пребывать въ чистотѣ, по 5-му правилу VI вселенскаго собора, въ дому у себя женскаго пола не держать изъ лицъ зазорныхъ, а только мать, или сестру, или тетку по отцу или матери, или дочь (Стогл. гл. 77—81). Нельзя, однакожь, при этомъ не замѣтить, что хотя Стоглавый соборъ запретилъ вдовымъ священникамъ, даже послѣ постриженія ихъ въ монашество, занимать священническія мѣста на приходахъ и вообще священнодѣйствовать внѣ монастырей, но у насъ и до Стоглаваго собора и послѣ существовалъ обычай, по которому очень нерѣдко при церквахъ приходскихъ,

вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, состояли іеромонахи или игумены и носили названіе *черныхъ поповъ* ⁽²⁴²⁾.

Что касается до причетниковъ, т. е. дьячковъ и попомарей, а равно и просвиренъ, которыя также причислились у насъ къ церковному причту, то здѣсь встрѣчались безпорядки другаго рода. Дьячки и попомари, по свидѣтельству царя Ивана Васильевича на Стоглавомъ соборѣ, часто были двоеженцами и троеженцами, и, несмотря на то, входили въ алтарь и касались свящ. предметовъ; а просвирнями бѣвали черницы, которыя и жили при мірскихъ церквахъ. Соборъ подтвердилъ, чтобы дьячки и попомари по всѣмъ церквамъ были единобрачныя, а отнюдь не второбрачныя, чтобы въ просвирни избирались не черницы, которыя обязаны жить въ монастыряхъ, а честныя единобрачныя вдовы не моложе сорока или пятидесяти лѣтъ (Стогл. гл. 5, вопр. 24; гл. 8. 12).

Для постояннаго и ближайшаго надзора за всѣми лицами епархіальнаго духовенства, за ихъ служеніемъ церкви и образомъ жизни, и вообще для того, чтобы дѣло епархіальнаго управленія могло совершаться удобнѣе и успѣшнѣе, наши архипастыри имѣли у себя разныхъ помощниковъ. Эти помощники или служебныя лица были и духовнаго званія и свѣтскаго, и носили тѣ самыя имена, какія носили подобныя же чины у нашихъ князей по управленію княжествами:

⁽²⁴²⁾ А. Э. I, № 71. 85. 176. 296; Доп. А. И. I, № 220. Флетчеръ замѣчаетъ: «Кромѣ обыкновенныхъ поповъ или священниковъ, у нихъ есть еще такъ-называемыя *черныя лопы*, которые могутъ занимать священническія мѣста, хотя пострижены въ монахи въ какомъ-либо монастырѣ» (О Госуд. Русск. гл. 21 стр. 77).

одни назывались наместниками, старостами (поповскими), десятскими (священниками); другие боярами, десятипниками, тиупами, недѣльщиками и проч. Надобно однакожь помнить, что тогда въ Россіи административная власть не отдѣлялась отъ судебной и что дѣло администраціи и суда, какъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, такъ и въ духовномъ, неразрывно соединено было съ собираніемъ разныхъ пошлинъ съ подлежащихъ лицъ на содержаніе самой административной и судебной власти. А потому очень естественно, что тѣ же служебныя лица, которыя у нашихъ архіереевъ участвовали въ епархіальномъ управленіи, участвовали, болѣе или менѣе, и въ епархіальномъ судѣ, и въ собираніи церковныхъ пошлинъ, и лишь нѣкоторые, не участвуя въ первомъ, участвовали только во второмъ и третьемъ, или только во второмъ.

Какъ у нашихъ князей по городамъ высшіе чины были наместники, такъ и у нашихъ архіереевъ были свои *наместники*. Митрополитъ имѣлъ наместниковъ въ Москвѣ, Владимірѣ, Кіевѣ, пока послѣдній не отошелъ къ западной митрополіи, и иногда даже въ нѣкоторыхъ незначительныхъ городахъ, наприм., въ Кричевѣ—городкѣ Бѣлоруссін. У владыки новгородскаго были наместники въ Новгородѣ, Псковѣ и также иногда въ незначительныхъ городахъ, каковъ Волоколамскъ, гдѣ нѣсколько времени состоялъ наместникомъ владыка Геннадія преп. Іосифъ волоколамскій. Были наместники и у казанскаго владыки (въ 1556 г.) и у прочихъ нашихъ архіепископовъ и епископовъ даже подъ конецъ настоящаго періода. Въ должность наместниковъ избираемы были, судя по нѣкоторымъ яснымъ и прямымъ свидѣтельствамъ, лица духовнаго званія, преимущественно монашествующіе, от-

чего и назывались иногда намѣстниками *черными*, хотя изъ другихъ сохранившихся свидѣтельствъ объ этихъ намѣстникахъ никакъ нельзя видѣть, какого званія они были, а есть свидѣтельства и о намѣстникахъ свѣтскихъ. Власть намѣстниковъ была весьма обширна: они какъ бы замѣняли собою своихъ епархіальныхъ владыкъ въ тѣхъ округахъ, которые владыки имъ поручали. Здѣсь вѣдѣнію намѣстниковъ подлежали всѣ церкви и монастыри, все духовенство, бѣлое и монашествующее, и по управленію, и по суду, и по собранію пошлинь (²⁴³). Но, при такой многосложности своихъ обязанностей и при обширности округовъ, эти главные помощники епархіальныхъ архіереевъ не могли непосредственно услѣдить за всѣми членами ввѣреннаго имъ Духовенства и сами нуждались въ помощникахъ.

Были въ епархіальномъ вѣдомствѣ и другія служебныя лица, которымъ поручались меньшіе округи и въ нихъ одни только приходскія церкви и одно бѣлое духовенство: то были *старосты поповскіе* или *священническіе*. О поповскихъ старо-

(²⁴³) О намѣстникахъ митрополита—А. И. I, №№ 48. 260; А. Э. I, №№ 103. 159 (здѣсь-то упоминаются «митрополичи намѣстники черные»); Горчаков. О земел. владѣн. всеросс. митрополитовъ, Приложен. стр. 37—41, С. п. б. 1871. О намѣстникахъ новгородскаго владыки—А. Э. I, №№ 92. 103; А. И. I, №№ 111, 284 (здѣсь: «оставляю вамъ, сынове, въ свое мѣсто, намѣстника своего...»); нашей Истор. Р. Церкви VI, 111. О намѣстникахъ казанскаго и прочихъ архіепископовъ и епископовъ—А. Э. I, № 248; А. Юридич. № 389. Были также у митрополита и владыки новгор. и намѣстники, несомнѣнно, свѣтскіе; но тѣ не участвовали, кажется, въ дѣлахъ духовнаго управленія и суда, а завѣдывали дѣлами по архіерейскимъ имуществамъ (А. Юридич. № 16; Собр. Р. Лѣт. VI, 202). Впрочемъ, въ 1548 г. у владыки новгородскаго упоминается во Псковѣ только одинъ намѣстникъ, завѣдывавшій, слѣд. и духовными дѣлами, и этотъ намѣстникъ былъ, несомнѣнно, свѣтскій—Неудача Цыплятевъ (*Курилянов*. Отрывки изъ расходн. книгъ Новгор. Соф. собора за 1548 г., въ Извѣст. Археолог. Общ. т. III, вып. 1, 39—40). Да и прежде, именно въ 1471 г., владычный намѣстникъ въ Псковѣ былъ свѣтскій (Собр. Р. Лѣт. IV, 236).

стахъ въ епархіи митрополита неразъ упоминается почти съ самаго начала настоящаго періода ⁽²⁴⁴⁾. Въ новгородской епархіи они существовали, подъ названіемъ соборскихъ старость, въ Новгородѣ и Псковѣ, по семи въ каждомъ, сколько было мѣстныхъ соборовъ; а соборами въ томъ и другомъ городѣ, какъ мы знаемъ, назывались тѣ церкви, къ которымъ причислялось по нѣскольку другихъ приходскихъ церквей вмѣстѣ съ ихъ священнослужителями. Эти-то священнослужители, и составлявшіе собственно соборъ при избранной церкви,—такъ какъ они обязывались собираться въ ней по временамъ для соборныхъ богослуженій и для совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ,—избирали изъ среды себя одного старосту и подчинялись ему. Избранный такимъ образомъ соборскій староста завѣдывалъ какъ приходскими церквами избравшихъ его священнослужителей, такъ и церковными причтами, и заправлялъ дѣлами своего собора ⁽²⁴⁵⁾. Но, вѣрно, старосты поповскіе существовали не вездѣ въ русской церкви; вѣрно, не безъ основанія ростовскій попъ Скрипица укорялъ, въ началѣ XVI в., нашихъ архіереевъ, что они ни сами, ни чрезъ избранныхъ священниковъ не надзирали за священниками по городамъ и селамъ, а надзирали, по царскому чину, чрезъ бояръ, недѣльщиковъ, дворецкихъ, тіуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ (нашей Истор. VI, 124); потому что царь Иванъ Васильевичъ, указывая на безпорядки въ духовенствѣ, предложилъ отцамъ Стоглаваго собора, чтобы они «уоставили»

⁽²⁴⁴⁾ Горчаков. О позем. влад. всеросс. митр., Прилож. стр. 37—40; А. Э. I, № 105. 197.

⁽²⁴⁵⁾ А. И. I, № 284; нашей Истор. Р. Церкви, VI, 380; см. также выше примѣч. 15 и текстъ, къ которому оно относится.

старость поповскихъ «надо *осьми* священники», а также устави́ли и «прочія чины», и именно «*церковныхъ* чиновниковъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 1). Стоглавый соборъ довольно подробно обсудилъ этотъ предметъ и сдѣлалъ слѣдующія постановленія:

1) Въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ Россіи и русской митрополіи избирать *протопоповъ* въ каждомъ городѣ, по царскому повелѣнію и святительскому благословенію, священниковъ искусныхъ, добрыхъ и житіемъ непорочныхъ (Стогл. гл. 6).

2) Этими протопопамъ по всѣмъ городамъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи священнослужителей церковей соборныхъ, придѣльныхъ и ружныхъ и заботиться, чтобы означенные священнослужители всякій день совершали въ своихъ церквахъ божественныя службы, сполна по уставу, съ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ, и чтобы вели жизнь трезвую и благочестивую и повиновались во всемъ своимъ протопопамъ безъ всякаго прекословія. Если же какіе-либо соборные, ружные и придѣльные священники и діаконы начнутъ не слушаться протопоповъ, предаваться пьянству и нерадѣть о богослуженіи, такихъ протопопамъ соборнѣ наказывать, т. е. вразумлять, наставлять, чтобы они исправились и были усердны къ своему долгу. А если, по первомъ и по второмъ наказаніи, не исправятся, то о такихъ безчинникахъ протопопамъ возвѣщать святителямъ, а отъ святителей такимъ священникамъ и діаконамъ быть въ духовномъ запрещеніи и отлученіи отъ церкви по свящ. правиламъ. Но, съ другой стороны, если и протопопы соборныхъ церковей сами начнутъ упиваться или безчинствовать и пренебрегать своимъ долгомъ, тогда соборнымъ священникамъ возвѣщать о томъ святителей, а отъ святи-

телей тѣмъ протопопамъ также быть въ великомъ запрещеніи и въ конечномъ отлученіи (—гл. 29).

3) Въ Москвѣ быть седми соборамъ и седми *старостамъ поповскимъ*, по уложенію царскому, да къ нимъ избирать *десятскихъ священниковъ* (—гл. 6). Между семью соборами разчислить всѣ приходскія церкви Москвы съ ихъ священнослужителями. При каждомъ соборѣ священнослужители причисленныхъ къ нему церквей избираютъ себѣ изъ своей среды поповскаго старосту-священника, исполненнаго разума духовнаго, рачителя божественному писанію и украшеннаго всякими добродѣтелями; а онъ самъ избересть себѣ десятскихъ священниковъ, достойныхъ и искусныхъ. Избранныхъ старость приводить предъ митрополита, и митрополитъ, испытавъ ихъ и довольно наставивъ, «придасть имъ законъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія—о церковномъ благочиніи и о священническомъ духовномъ попеченіи». Старостамъ и всѣмъ священникамъ, причисленнымъ къ тому или другому собору, собираться въ свой соборъ для торжественныхъ богослуженій и крестныхъ ходовъ, а также и для духовныхъ совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ, и для того имѣть въ своемъ соборѣ «божественныя правила полныя» и обращаться къ нимъ (А. Э. I, № 232; спес. Стогл. гл. 35).

4) Равнымъ образомъ и по всѣмъ городамъ уставить *поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ*, гдѣ сколько придется; а по селамъ и погостамъ, и волостямъ, по всей русской земли, уставить надъ попами десятскихъ священниковъ (Стогл. гл. 6). Списки избранныхъ старостъ и десятскихъ священниковъ представляются владыкамъ, которые и посылаютъ имъ «наказъ по соборному уложенію» (А. Э. I, № 231, стр. 227).

б) Поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ, какъ въ Москвѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и селамъ, каждому въ своемъ предѣлѣ, накрѣпко вѣдать и назирать священниковъ и діаконовъ, чтобы они совершали всѣ церковныя службы сполна по уставу, чинно и немятежно, сами жили по священству, въ чистотѣ и въ прочихъ добродѣтеляхъ, и воздерживались отъ пьянства, да и дѣтей своихъ духовныхъ всѣхъ учили страху Божию и благочестію. А если нѣкоторые священники и діаконъ начнутъ жить въ слабости и пьянствѣ и другихъ недостойныхъ дѣлахъ, или начнутъ нерадѣть о церкви Божіей и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ, то старостамъ и десятскимъ накрѣпко уговаривать такихъ священниковъ и діаконовъ, чтобы они покаялись и исправились, да не будетъ соблазна мірскимъ людямъ; если же не послушаютъ и не исправятся, то писать объ нихъ святителямъ, и отъ святителей быть имъ въ великомъ запрещеніи и конечномъ изверженіи по правиламъ. Да тѣмъ же старостамъ и десятскимъ у всѣхъ поповъ и діаконовъ дозирать ставленныхъ, благословенныхъ и отпусковыхъ грамотъ, и у кого не будетъ этихъ грамотъ, такимъ священникамъ и діаконамъ не позволять служить, а посылать ихъ за поруками къ святителямъ для полученія грамотъ. Но если какихъ-либо безчинныхъ священниковъ и діаконовъ начнутъ покрывать старосты или десятскіе, или протопопы, то имъ самимъ быть отъ святителей въ наказаніи и отлученіи по правиламъ (Стол. гл. 34. 69).

б) Для бдльшаго утвержденія церковнаго благочинія святители посылають, каждый въ своемъ предѣлѣ, по всѣмъ городамъ и селамъ *соборныхъ священниковъ*, добрыхъ и искусныхъ, могущихъ и другихъ духовно пользоваться. Эти священники

должны обращаться ко всѣмъ священникамъ и діаконамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ съ духовнымъ поученіемъ и вмѣстѣ дозировать, чтобы церковныя чины и божественныя службы совершались во всѣхъ церквахъ по уставу и свящ. правиламъ (—гл. 69).

7) Наконецъ, святителямъ, каждому въ своемъ предѣлѣ, посылать по всѣмъ городамъ и селамъ, гдѣ будутъ архимандриты, игумены и протопопы, свои грамоты, чтобы тѣ *архимандриты, игумены и протопопы* надзирали и досматривали за самими старостами поповскими и десятскими и за всѣми священниками и діаконами. И если какіе-либо старосты, десятскіе и прочіе священники сдѣлаются небрежными къ своему долгу и не стануть слушаться архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, то послѣдніе должны писать о всемъ этомъ святителямъ, и тѣмъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ быть отъ святителей въ великомъ запрещеніи по свящ. правиламъ (—гл. 69).

Такимъ образомъ для надзора за бѣлымъ духовенствомъ и для управленія имъ у насъ установился цѣлый рядъ духовныхъ властей, находившихся въ распоряженіи епархіальныхъ архіереевъ. Что же касается монашествующаго духовенства и монастырей, то въ управленіи ими архіереи дѣйствовали исключительно чрезъ подчиненныхъ имъ настоятелей и настоятельницъ монастырей—архимандритовъ, игуменовъ, строителей и игуменій. Руководствомъ при управленіи монастырями, мужескими и женскими, общежительными и особными, служили уставы, въ нихъ существовавшіе, а равно и тѣ правила, которыя, по поводу безпорядковъ и нестроеній, оказавшихся въ иноческомъ мірѣ, даны были нашими соборами и пре-

имущественно Стоглавымъ. Уставы эти и правила нами уже рассмотрѣны въ другомъ мѣстѣ (VII, 61—83. 90—103).

Была еще мѣра, къ которой обращались иногда наши архіереи въ управленіи своими епархіями: это созываніе соборовъ изъ мѣстнаго духовенства. Такъ ростовскій архіепископъ Θεодосій въ 1458 г., путешествуя по епархіи, созвалъ въ Бѣлозерскъ на соборъ всѣхъ игуменовъ, священниковъ и діаконовъ бѣлозерскаго края. Судя по грамотѣ, которою они созывались, можно догадываться, что архипастырь имѣлъ цѣлю преподавать наставленія и сдѣлать распоряженія къ искорененію недостатковъ, замѣченныхъ въ этомъ духовенствѣ ⁽²⁴⁶⁾. Въ Казани, при архіепископѣ Германѣ, былъ соборъ мѣстнаго духовенства въ 1565 г. для разсужденій и совѣщаній о томъ, какъ отправлять службу на праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, случившійся въ недѣлю крестопоклонную. Были соборы и въ другихъ епархіяхъ ⁽²⁴⁷⁾.

Съ особенною подробностію Стоглавыи соборъ изложилъ статьи «о святительскомъ судѣ» (гл. 53—69). И надобно сознаться, что хотя мы знали еще изъ уставовъ св. Владиміра и Ярослава, а затѣмъ и изъ грамотъ послѣдующихъ князей, какіе лица и предметы подлежали у насъ вѣдомству церковнаго суда, хотя неразъ видѣли въ продолженіе вѣковъ, что наши архіереи дѣйствительно пользовались своею судебною властію и отстаивали неприкосновенность своего судеб-

⁽²⁴⁶⁾ А. И. I, № 64.

⁽²⁴⁷⁾ Опис. рукоп. графа Толстова, отд. I, № 25, стр. 12; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 341—342. Въ приходо-расходн. книгахъ Корнильева-комельскаго монастыря, вологодской епархіи, за 1578 г., записано: «старецъ Родіонъ... съ игуменомъ Іоною ѣздилъ ко владыкѣ на соборъ, издержали 10 алтынъ 2 денги» (Лѣтоп. занятій Археогр. Комм. V, отд. II, 19).

наго вѣдомства, но доселѣ мы не имѣли возможности составить себѣ понятія ни объ устройствѣ нашихъ епархіальныхъ судовъ, ни о судопроизводствѣ въ нихъ. Въ статьяхъ Стоглава о святительскомъ судѣ, въ первый разъ находимъ эту возможность, правда, несомнѣнно удовлетворительную: потому что статьи не отличаются опредѣленностію и точностію выраженій. Въ каждой епархіи у насъ существовали—одинъ судъ по дѣламъ духовнымъ, или почти исключительно духовнымъ, и нѣсколько судовъ по дѣламъ недуховнымъ, свѣтскимъ.

Судъ по дѣламъ духовнымъ находился при кафедрѣ епархіальнаго архіерея и состоялъ изъ лицъ только духовныхъ. Здѣсь судилъ самъ архіерей «соборно» съ архимандритами, игуменами и вообще избранными священнослужителями, или судилъ тотъ, кому онъ «повелѣвалъ судить», т. е. его намѣстникъ. Въ Москвѣ такимъ намѣстникомъ митрополита, по крайней мѣрѣ, со времени Стоглаваго собора, всегда былъ епископъ сарскій и подонскій, можетъ быть, потому что онъ постоянно жилъ въ Москвѣ и имѣлъ у себя небольшую епархію; у прочихъ архіереевъ должность намѣстниковъ исполняли, вѣроятно, архимандриты или другія подобныя лица духовнаго сана. А бояре митрополита и вообще святителей въ духовномъ судѣ не засѣдали, кромѣ писарей, которые записывали дѣла (248).

(248) Стогл., стр. 293. 294. 298. Флетчеръ передаетъ объ этихъ соборныхъ судахъ нашихъ епископовъ и ихъ духовныхъ помощникахъ-намѣстникахъ слѣдующее извѣстіе: «у епископовъ (кромѣ свѣтскихъ чиновниковъ) есть также свои помощники, составляющіе соборы, въ которыхъ засѣдаютъ попы, принадлежащіе къ ихъ епархіи и живущіе въ городахъ, гдѣ они сами имѣютъ пребываніе, въ числѣ двадцати четырехъ членовъ при каждомъ» (О Государствѣ Русск. гл. 21, стр. 74, въ русск. перев.). Число членовъ представляется слишкомъ великимъ и потому сомнительнымъ. А у Іоанна Фабера, за полстолѣтіе прежде, о тѣхъ же намѣстникахъ нашихъ архіереевъ читаемъ: *habent et episcopi suos vicarios*

Суду этому подлежали: а) всѣ міряне епархіи по дѣламъ духовнымъ, т. е. по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, каковы—ересь, расколъ, отправление языческихъ обрядовъ и под., б) всѣ лица духовенства, бѣлаго и монашествующаго, и причислявшіяся къ нимъ—просвирия и другія, также по дѣламъ духовнымъ,—по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, а лица собственно духовныя и по преступленіямъ противъ обязанностей своего духовнаго званія и служенія; в) настоятели и настоятельницаы монастырей: архимандриты, игумены, строители и игуменьи—не только по дѣламъ духовнымъ, но и по всѣмъ «прочимъ» (Столг. гл. 66—68) ⁽²⁴⁹⁾. Такимъ

et officiales, quemadmodum et nostri, qui iurisdictionem in subditos exercent et iustitiam in rebus ecclesiasticis administrant (Moscovit. religio, apud Starzew. I, 6).

⁽²⁴⁹⁾ О подсудности духовному суду въ епархіи всего духовенства по дѣламъ духовнымъ, а пастоятелей и настоятельницаы монастырей и по всѣмъ прочимъ прямо говорится въ Стоглавѣ (стр. 293. 294. 300. 302). А о подсудности тому же суду и мірянъ епархіи по дѣламъ духовнымъ заключаемъ изъ того, что, говоря далѣе о другихъ епархіальныхъ судахъ, гдѣ предсѣдательствовали архіерейскіе бояре и десятинники, Стоглавъ повелѣваетъ, чтобы они судили не только поповъ, діаконовъ и причетниковъ, но и *мірскихъ людей* во всякихъ дѣлахъ, «опричь духовныхъ дѣлъ» (стр. 302. 304. 305). Гдѣ жь могли судиться міряне по этимъ послѣднимъ дѣламъ, кромѣ суда духовнаго? Доказательствомъ же того, что въ каждой епархіи былъ только одинъ духовный судъ при каедрѣ архіерея, а не было судовъ въ другихъ мѣстахъ, по городамъ или селамъ, служатъ слѣдующія слова Стоглава къ десятинникамъ, имѣвшимъ свои суды по десятинамъ, на которыя были раздѣлены епархіи: «а въ духовныхъ дѣлахъ десятинники не судятъ никого, а срочатъ имъ срокъ передъ святителю ставитись, и святителю ихъ сами судятъ и кому повелѣтъ отъ священныхъ, да потомъ имъ и управу чинятъ» (стр. 307). Несомнѣнно, что и до Стоглаваго собора судъ по духовнымъ дѣламъ въ каждой епархіи существовалъ только одинъ—при каедрѣ архіерея, и десятинники отнюдь не судили духовенства по этимъ дѣламъ, а только отдавали обвиняемыхъ на поруки и назначали имъ явиться на судъ къ самому архіерею (А. И. I, № 299, стр. 544). Очевидно, однакожъ, что десятинникамъ и по духовнымъ дѣламъ предоставлено было важное право надъ лицами духовнаго званія: право предавать ихъ суду, по своему усмотрѣнію, и отсылать ко владыкѣ.

образомъ эти лица, конечно, по вниманію къ ихъ сану, вовсе были изъяты отъ подсудности другимъ судамъ епархіальнымъ.

Суды по дѣламъ недуховнымъ въ каждой епархіи существовали—одинъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ находилась каеэдра архіерея, а прочіе въ тѣхъ городахъ и мѣстахъ, гдѣ имѣли пребываніе десятинники, завѣдывавшіе десятинами, на которыя раздѣлены были наши епархіи ⁽²⁶⁰⁾. По устройству своему всѣ эти суды были одинаковы, а различались только тѣмъ, что въ первомъ судѣ—при каеэдрѣ епархіальнаго владыки судили или предсѣдательствовали, по его назначенію, его бояре, въ томъ числѣ его дворецкіи, а въ прочихъ судахъ судили десятинники, то же лица свѣтскія, назначавшіяся владыкою ⁽²⁶¹⁾. Кромѣ предсѣдателей или главныхъ судей въ каждомъ изъ этихъ судовъ засѣдали: поповскіе старосты и десятскіе священники—по два или по три, каждый по одной недѣлѣ; градскіе ста-

⁽²⁶⁰⁾ Въ новгородской, наприм., епархіи было въ 1577 г. четырнадцать десятинъ, и именно слѣдующія: Бѣжецкая, Деревская, Курская, Шелонская, Залеская и Тесовская въ Шелонской и Вотской пятинѣ, Вотская, Орѣховская, Корельская, Ладожская и Поволховская, Нагорская въ Обонежской пятинѣ, Коловья въ Обонежской пятинѣ, Заонежская, Руская и Ржевская. Всѣ онѣ поименованы, по порядку, въ приходной книгѣ новгор. владыки за 1577 г., съ обозначеніемъ, сколько съ каждой десятины собиралось тогда на владыку и десятинника пошлины (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монаст., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 50—157. 158—244). Но, кажется, книга эта сохранилась не вся, и въ епархіи новгородской были тогда и другія десятины, кромѣ 14-ти поименованныхъ: по крайней мѣрѣ, при записи другихъ доходовъ того же года, въ книгѣ упоминаются еще десятины: Устюжская (л. 3), Новоторжская (л. 11), Городецкая (л. 14). Въ Псковѣ же и его области вовсе не видимъ ни десятинъ, ни десятинниковъ: тамъ всѣми церковными дѣлами завѣдывалъ владычній намѣстникъ.

⁽²⁶¹⁾ Объ нихъ-то, конечно, написалъ бывшій у насъ Антоній Поссевинъ: «(русскіе епископы) ежегодно поставляютъ по городамъ и ѣмъоторыхъ мірянъ, какъ виѣшнихъ своихъ викаріевъ, и поручаютъ имъ тщательно наблюдать за поведеніемъ священниковъ и выскривать съ нихъ пѣню за проступки» (De Moscovia, apud Starczew. Hist. Ruthen. script. exteri, II, 275).

росты и цѣловальники и земскій дьякъ, которыхъ назпачаль самъ государь. Значить, суды эти, по составу, были почти исключительно свѣтскіе и дѣйствовали подѣ контролемъ государственной власти: духовные члены засѣдали въ нихъ только какъ бы депутатами и перемѣнялись каждую недѣлю. Прибавимъ, что сами бояре и дворецкіе, предсѣдательствовавшіе на судѣ при каедрѣ владыки, не находились въ полной его волѣ: онъ не могъ, по крайней мѣрѣ, со времянь Стоглаваго собора, ни отослать ихъ отъ себя, ни вмѣсто ихъ поставлять новыхъ безъ вѣдома и соизволенія государева, какъ не могъ держать у себя и дьяковъ безъ того же вѣдома⁽²²²⁾. Судамъ епархіальнымъ, въ которыхъ главными судіями были бояре и десятники, подлежали: а) всѣ міряне епархіи по дѣламъ педуховнымъ—изъ числа тѣхъ, которые перечислены еще въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, какъ подвѣдомыя церкви, каковы: похищеніе женщинъ, подкинутіе незаконнорожденныхъ дѣтей, прелюбодѣяніе, блудъ, драка между мужемъ и женою объ имѣніи, нанесеніи побоевъ снохою свекрови, тяжбы о наслѣд-

(222) Къ концу настоящаго періода эти бояре достигли еще бѣльшаго могущества, если вѣрить Флетчеру. «У русскихъ архіереевъ,—говорить онъ,—есть свои чиновники, называемые *боярами еладычными*, изъ лицъ свѣтскаго званія, имѣющихъ степень князей или дворянъ. Они управляютъ дѣлами архіереевъ и держатъ за нихъ судъ. Кромѣ равныхъ притѣсеній, дѣлаемыхъ простому народу, они такъ же тягостны для поповъ, какъ князья и дьяки для бѣдныхъ простолюдиновъ въ подчиненныхъ имъ областяхъ. Самъ по себѣ архіепископъ или епископъ не имѣетъ власти рѣшать поступающія къ нему дѣла и не иначе можетъ сдѣлать приговоръ, какъ съ согласія своего чиновника—дворянина. Причина та, что эти бояре или дворяне опредѣляются на свои мѣста не архіереями, а самимъ царемъ или его думою, и никому, кромѣ его, не должны давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Если епископъ, при вступленіи въ должность, получитъ право избрать самъ себя чиновника, то это считается особеннымъ и высокимъ къ нему благоволеніемъ государя» (О Госуд. Русскомъ, гл. 21, стр. 74).

ствѣ и проч.; б) всѣ лица бѣлаго духовенства—протоіерей, священники, діаконы и причетники, равно какъ и причислявшіеся къ нимъ,—также по дѣламъ недуховнымъ, именно: по ряднымъ граматамъ, по завѣщаніямъ, по кабаламъ, въ поклажахъ, въ бояхъ, грабежахъ и во всякихъ тому подобныхъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства и разбоя съ личнымъ, по которымъ все вообще духовенство, бѣлое и черное, подлежало судамъ мірскимъ. Что же касается, въ частности, монашествующаго духовенства, то хотя до Стоглаваго собора оно судимо было, по дѣламъ недуховнымъ, десятиникамъ, наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ, но Стоглавымъ соборомъ оно все освобождено отъ подсудности боярамъ и десятиникамъ: соборъ опредѣлилъ, чтобы настоятелей и настоятельница и по этимъ дѣламъ, какъ мы уже прежде сказали, судили сами архіереи, а прочихъ иноковъ и инокинь по всѣмъ дѣламъ, кромѣ духовныхъ, судили въ своихъ обителяхъ сами настоятели съ соборными старцами и настоятельницами, и сами же, по суду, чинили управу (Стогл. гл. 67—69) ⁽²⁵³⁾.

Порядокъ судопроизводства во всѣхъ судахъ епархіи былъ почти одинаковъ. Составныя части его были слѣдующія:

1) Предварительное слѣдствіе или обыскъ. Когда къ архіерею, по какимъ-либо дѣламъ духовнымъ или инымъ, наприм., по обидамъ, по ряднымъ и духовнымъ граматамъ, по кабаламъ, займамъ и проч., кромѣ душегубства и разбоя съ

⁽²⁵³⁾ Подлинныя слова Стоглаваго собора, подтверждающія, что и прежде *ископи* у насъ существовали, по десятинамъ, суды десятиниковъ и что они судили по дѣламъ недуховнымъ не только *весь священническій, но и иноческій чинъ*, — см. Стогл. стр. 304. А объ освобожденіи иноковъ отъ подсудности боярамъ и десятиникамъ — см. стр. 294. 295. 300—302. 305.

получимъ, приходили жалобщики, архіерей приказывалъ своимъ боярамъ или десятникамъ давать жалобщикамъ приставовъ, которые и отправлялись за отвѣтчиками, съ приставными грамотами. Въ то же время, по приказанію владыки, посылались его недѣльщики или недѣльщики десятниковъ производить, по жалобамъ, «правду и обыскъ» на мѣстѣ. При этомъ обыскные списки писали земскіе дьяки предъ земскими старостами и десятскими или дьяки церковные. По окончаніи обыска недѣльщики отдавали поповъ, діаконовъ и причетниковъ на поруки, но не иначе, какъ предъ десятскими священниками, а мірянъ — не иначе, какъ предъ земскими старостами или предъ земскими десятскими, и назначали обвиняемымъ сроки явиться въ подлежащій судъ (Стогл. гл. 69, стр. 318—320; снес. А. Э. I, № 231). Впрочемъ, для настоятелей и настоятельницъ монастырей сдѣлано было исключеніе. Къ нимъ владыка не посылалъ, въ случаѣ жалобъ на ихъ, своихъ недѣльщиковъ для обыска, а посылалъ только свои грамоты за печатями черезъ самихъ же жалобщиковъ, чтобы настоятели или настоятельницы управились съ ними сами на соборѣ предъ братією или сестрами; — если же не управятся, то присылали бы, вмѣсто себя, къ отвѣту своихъ слугъ или, когда пожелаютъ, пріѣзжали бы сами. Только по дѣламъ духовнымъ они должны были непременно пріѣзжать сами ко владыкѣ. А если они и слугъ, вмѣсто себя, не присылали къ отвѣту, и сами не являлись, въ такомъ случаѣ владыка посылалъ за ними приставовъ — представить ихъ на судъ (Стогл. гл. 68, стр. 300—302). Вести обыскъ или слѣдствіе недѣльщики должны были со всею справедливостію и «поклоннаго» пи отъ кого не принимать; если же они обличались во взяточниче-

ствѣ, то съ нихъ взыскивалось втрое по цареву Судебнику (—гл. 69, стр. 320. 321).

2) Производство дѣлъ на судѣ. На судѣ снова производился обыскъ: допрашивались истцы и отвѣтчики, выслушивались свидѣтели, дѣлались очныя ставки; но ни «крестнаго цѣлованія» (присяги), ни «поля» (судебнаго поединка) для лицъ священническаго и иноческаго чина, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, не допускалось. Если же свидѣтелей вовсе не было, а между тѣмъ, по сану тяжущихся, нельзя было прибѣгнуть ни къ присягѣ, ни къ поединку, въ такомъ случаѣ, предоставляя дѣло волѣ Божіей, кидали жребій, и чей прежде выпимался, того и оправдывали. Судные списки на судѣ духовномъ писались въ одномъ экземплярѣ, а на судѣ у бояръ и у десятильниковъ въ двухъ: одинъ списокъ писался для бояръ или десятильниковъ, а другой слово въ слово списывали себѣ застѣдавшіе въ судѣ градскіе старосты и цѣловальники и земскій дьякъ. Оба эти списка подписывались всѣми членами суда и хранились дьяками въ ларцѣ за печатями бояръ и десятильниковъ. Если бояре и десятипники начинали судить неправедно, брали «посулы» и волочили дѣла, то прочіе члены суда должны были говорить имъ, чтобы судили въ правду и посуловъ не брали; а если бояре и десятипники не слушались, то старосты, цѣловальники и земскій дьякъ должны были писать къ святымъ и къ самому царю. Тогда виновные подвергались великой опалѣ, взятое ими взыскивалось втрое по цареву судебнику, и сами они иногда лишались своего мѣста (Стогл. гл. 66. 68; снес. А. Э. I, № 231).

3) Рѣшеніе дѣлъ. Когда на судѣ духовномъ разбиралъ дѣло самъ владыка соборнѣ съ архимандритами и игуменами, тогда

онъ, по окончаніи обыска, тутъ же и постановлялъ рѣшеніе и приказывалъ «чинить управу». А когда, вмѣсто владыки, на судѣ присутствовалъ его намѣстникъ, тогда, по окончаніи суда, намѣстникъ представлялъ судный списокъ и обоихъ истцовъ ко владыкѣ; владыка выслушивалъ судный списокъ на соборѣ, спрашивалъ истцовъ, такъ ли ихъ судили, и затѣмъ утверждалъ судебный приговоръ и приказывалъ чинить управу. Равнымъ образомъ и бояре, по окончаніи всякаго дѣла въ ихъ судѣ, находившемся при каедрѣ епархіальнаго архіерея, представляли ему судные списки и обоихъ истцовъ; владыка также выслушивалъ судный списокъ, спрашивалъ истцовъ, таковъ ли имъ былъ судъ, и если они говорили, что таковъ, утверждалъ рѣшеніе суда, а если говорили, что не таковъ, то поручалъ членамъ того же суда переислѣдовать дѣло и доложить вновь, и затѣмъ давалъ приказъ чинить управу. Но десятиникамъ, суды которыхъ находились, болѣе или менѣе, вдали отъ мѣстопребыванія владыки, предоставлено было самимъ, по обыску и суду, чинить на мѣстѣ управу во всякихъ дѣлахъ, и только въ которыхъ дѣлахъ не возможно было имъ учинить тамъ управу, они представляли судные списки и обоихъ истцовъ ко владыкѣ, который, по выслушаніи списковъ, и приказывалъ чинить управу (гл. 68) ⁽²⁵⁴⁾.

⁽²⁵⁴⁾ Псковскій намѣстникъ новгородскаго владыки, какъ лицо свѣтское, безъ сомнѣнія, самъ не судилъ духовенства по дѣламъ духовнымъ, а подобно десятиникамъ отсылалъ только виновныхъ на судъ владыки; равно и по дѣламъ недуховнымъ, вслѣдствіе отдаленности Пскова отъ Новгорода, подобно десятиникамъ, чинилъ управу на мѣстѣ въ большинствѣ случаевъ. Недовольные же рѣшеніями намѣстника могли приносить жалобы владыкѣ, особенно когда послѣдній прѣзжалъ въ Псковъ творить свой *мѣсячный судъ* (нашей Истор. V, 109): ибо и въ настоящій періодъ владыки продолжали, по установившемуся обычаю, ѣздить въ Псковъ и проживали тамъ по мѣсяцу, иногда нѣсколько менѣе, а иногда тольк-

4) Судныя пошлины. Бояре, дворецкіе, десятичники и дьяки съ каждаго суднаго дѣла, какъ только оно оканчивалось, брали гривенную пошлину по цареву судебнику, а лишняго не должны были брать. Если же кто-либо изъ нихъ, вопреки судебнику, бралъ лишнее и посулы, то съ виновнаго, по обыскѣ, безъ суда, взыскивалось втрое и отдавалось истцу. А если бояринъ или дворецкій, или десятичникъ, или дьякъ во второй и въ третій разъ были обличаемы въ томъ же, тогда бояринъ лишался боярства, дворецкій дворечества, десятичникъ десятицы и дьякъ дьячества, кромѣ того, что съ виновнаго взыскивалось втрое и отдавалось истцамъ (—гл. 69). Надобно замѣтить, что если противъ архіерейскихъ бояръ, десятичниковъ и прочихъ судебныхъ чиновъ, за ихъ неправосудіе и взяточничество, принимались такія строгія мѣры, то виною тому были сами же эти чиновники и ихъ крайнія злоупотребленія, которыя и вынудили царя сказать отцамъ Стоглаваго собора: «у васъ, святителей, бояре, и дьяки, и тиуны, и десятичники, и недѣльщики судятъ и управу чинятъ неправо, и волочатъ, и продаютъ съ ябедники соднаго (заодно), а десятичники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости и дѣла оставливаютъ съ ябедники соднаго, и церкви отъ десятичниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты, безъ пѣсія, и поповъ нѣтъ; достоинъ вамъ, святителямъ, вельми о семъ порадо́ти и запрети́ти» (Стогл. гл. 5, вопр. 7).

до десяти дней (II. Собр. Р. Лѣт. IV, 214—217. 230. 232. 246. 254. 269. 271. 287. 297; V, 81. 32). Макарій архіепископъ поставилъ въ Псковѣ, на случай своихъ пріѣздовъ, *гладыченъ* дворъ (Тамъ же IV, 300. 301).

Кромѣ постоянныхъ епархіальныхъ судовъ, въ каждой епархіи открывался по временамъ такъ-называемый судъ смѣстный или общій, узаконенный еще уставомъ св. Владимира: это случалось тогда, когда лица духовнаго вѣдомства имѣли дѣла и тяжбы съ лицами мірскаго вѣдомства, и наоборотъ. Судъ составлялся тогда изъ судей мірскихъ и святительскихъ, обыкновенно засѣдавшихъ въ судѣ у святительскихъ бояръ и десятильниковъ, и главнымъ судьей бывалъ тотъ, къ вѣдомству котораго принадлежалъ отвѣтчикъ. Судныя пошлины дѣлились между судьями обопхъ вѣдомствъ пополамъ (Стогл. гл. 67, стр. 296; Судебникъ. Іоанна IV, ст. 30, въ А. И. I, № 153).

Если сравнить наши епархіальные суды, по изображенію ихъ въ Стоглавѣ, съ судами нашими свѣтскими по судебникамъ Іоанна III и особенно Іоанна IV, то нельзя не замѣтить, что первые во многихъ чертахъ какъ бы скопированы съ послѣднихъ и построены на однихъ съ ними началахъ. Иначе и не могло быть по той живой связи, которая всегда существовала у насъ между церковію и государствомъ, и при томъ неизбѣжномъ вліяніи, какое они взаимно оказывали другъ на друга.

Вслѣдствіе этого-то неотразимаго вліянія государственной жизни на жизнь нашей церкви мы видимъ у себя также, что наше церковное управленіе и судъ, подобно гражданскимъ, неразрывно были соединены съ собираніемъ пошлинъ съ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя подлежали управленію и суду. Какъ наши князья, на содержаніе себя и своихъ чиновниковъ, собирали дани со всѣхъ своихъ подданныхъ, которыми правили и которыхъ судили, такъ и наши архіереи, на содержаніе

себя и служившихъ при нихъ лицъ, собирали пошлыны со всѣхъ подвѣдомыхъ ихъ управленію и суду. Къ этому вѣдомству въ каждой епархіи, прежде всего, принадлежали духовенство бѣлое и духовенство монашествующее: съ нихъ-то преимущественно и собирались пошлыны. Однѣ изъ этихъ пошлынъ собирались съ отдѣльныхъ лицъ того или другаго духовенства, другія съ цѣлыхъ причтовъ приходскихъ церквей и съ цѣлыхъ монастырей.

Ставился ли кто въ санъ священника, діакона, причетника, или іеродіакона и іеромонаха,—онъ платилъ пошлыну, получая *ставленную* грамату,—а именно, поставляемый въ діакона и затѣмъ во священника платилъ рубль московскій да благословенную гривну, поставляемый только въ діакона—полтину да благословенную гривну, поставляемый только во священника изъ діаконовъ платилъ также полтину да благословенную гривну: рубли и полтины шли «на весь соборъ», т. е. на весь соборный клиръ, служившій при архіереѣ, а благословенныя гривны взиались въ казну архіерея, вѣроятно, за ставленныя граматы. Отправлялся ли новопоставленный священникъ или діаконъ къ своей приходской церкви,—онъ являлся къ архіерею за благословеніемъ, получалъ отъ него, кромѣ ставленной, еще *благословенную* грамату, чтобы священнодѣйствовать именно въ назначенной ему церкви извѣстнаго прихода, и платилъ за эту грамату полтину. Отлучался ли священникъ или діаконъ въ другую епархію,—онъ предварительно испрашивалъ у своего владыки *отпускную* грамату и платилъ за нее полтину. Ставился ли кто изъ монашествующихъ въ санъ игумена, архимандрита,—онъ получалъ отъ архіерея *настольную* грамату и платилъ за нее рубль.

Такъ опредѣлялъ размѣръ всѣхъ этихъ пошлинъ Стоглавый соборъ въ руководство для всѣхъ архіереевъ, а прежде онѣ въ разныхъ епархіяхъ были различны и зависѣли отъ произвола, хотя брать пошлины собственно за поставленіе на церковныя степени московскимъ соборомъ 1503 г. было запрещено совершенно⁽²⁵⁵⁾. Если священникъ и діакопъ перемѣщались въ другой приходъ, они получали *перехожія* грамоты и платили «перехожія гривны»; а если они прежде не имѣли никакого прихода и были только что рукоположены и въ первый разъ отправлялись на приходъ, они получали *новичныя* памяти и платили «новичныя гривны». Когда священники и діаконы, равно священноиноки и настоятели монастырей, приходя въ Москву и другіе епархіальные города, желали тамъ священнодѣйствовать въ церквахъ по найму, — для чего въ Москвѣ выходили на извѣстный крестецъ или перекрестокъ, — они должны были брать напередъ у тиуна мѣстнаго архіерея грамоту или запись, называвшуюся «знамя» и платили за нее, по старинѣ, *крестцовую* пошлину — за каждый мѣсяцъ по десяти денегъ, а иные по два алтына; съ тѣхъ же, которые рѣшались священнодѣйствовать безъ знамени, взыскивался штрафъ по два рубля. Вдовы священники и діаконы, хотя не платили ничего собственно за *епитрахильныя* и

(255) Стогл. гл. 41, вопр. и отв. 4. Снес. нашей Истор. VI, 119. Благословенная гривна съ ставленника шла архіерею — А. Э. I, № 229, стр. 221. Образцы ставленныхъ, благословенныхъ, отпусковыхъ и настоящихъ грамотъ — въ Акт. Юридич. №№ 381—390; Акт. относящ. до юрид. быта Россіи I, №№ 24—26. Стоглавъ ясно различаетъ ставленные грамоты отъ благословенныхъ (стр. 315. 327). Ставленные грамоты дячкамъ и пономарямъ первый началъ давать въ новгородской епархіи архіепископъ Геннадій (А. И. I № 104, стр. 147; снес. А. Юрид. №№ 387. 388).

орарныя грамоты, о которыхъ мы выше упоминали, зато платили «писчіи алтынъ» дьякамъ за написаніе грамоты и «печатный алтынъ» печатнику за приложеніе къ ней печати (²⁵⁶). И надобно прибавить, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ грамотъ, именно—ставленные, настольныя и благословенныя, оплачивались не только при первоначальномъ полученіи ихъ, но и впоследствии. Онѣ заявляемы были каждому новому архіерею епархіи для утвержденія его подписью,—при чемъ за каждую грамоту взималась пошлина; заявляемы были каждому, вновь назначенному въ тотъ или другой городъ, десятиннику всѣмъ духовенствомъ города,—при чемъ также платилась пошлина; заявляемы были ежегодно десятникамъ или поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ при собираніи ими церковныхъ даней со всего епархіального духовенства,—при чемъ также платилась особая пошлина. Пошлина эта называлась «явленная куница съ грамотою». Впрочемъ, Стоглавый соборъ запретилъ новодесятникамъ, а вѣроятно и поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ брать пошлины съ заявляемыхъ имъ грамотъ: потому что послѣ этого собора явленная куница съ грамотою уже не упоминается въ числѣ собираемыхъ съ духовенства ежегодныхъ пошлинъ, а упоминается только благословенная куница, какъ и прежде (²⁵⁷).

Кромѣ пошлинъ съ отдѣльныхъ лицъ бѣлаго и чернаго духовенства за разныя грамоты, собирались еще пошлины съ

(²⁵⁶) Стогл. стр. 167. 315—317. 326. 367; А. И. I, № 210.

(²⁵⁷) П. Собр. Р. Лѣт. III, 170; Стогл. 315. 316; А. Э. I, №№ 125. 137. 197; А. И. I, №№ 142. 149. 150. 170. 181. 187. 189. Дополн. къ А. И. I, № 46.

дѣльных церковныхъ причтовъ епархіи или отъ всѣхъ церквей, а также отъ всѣхъ монастырей. Къ числу этихъ пошлинъ принадлежали: а) «святительская дань» или «сборное» — самая главная (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ) пошлина въ ряду прочихъ; б) «архіерейскій подъѣздъ», — назначалась на разъѣзды архіерея для обозрѣнія епархіи; в) «десятинники, доводчики, заѣздщичи, зазывщичи или зазывныя пошлины, соборная куница, людское» и проч., т. е. пошлины архіерейскимъ десятиникамъ, доводчикамъ, заѣздщикамъ, зазывщикамъ, на соборный архіерейскій клиръ, на архіерейскихъ людей и под.; г) «даньскія пошлины», «съ obroкомъ куница», — взиравшаяся за самое собираніе дани и оброчныхъ денегъ, и др. Вообще же пошлины эти раздѣлялись на два рода: однѣ шли на самого архіерея, а другія на его десятитниковъ и прочихъ подчиненныхъ ему служебныхъ чиновъ и людей. Число тѣхъ и другихъ пошлинъ не было опредѣлено какимъ-либо уставомъ для всей русской церкви, а въ разныхъ епархіяхъ было различно и зависѣло отъ мѣстныхъ архіереевъ, которые иногда вводили у себя и новыя пошлины⁽²⁵⁸⁾. Собирались церковныя пошлины иногда дважды

⁽²⁵⁸⁾ Напримѣръ, *ростовскіе* архіерея, освобождая нѣкоторые монастыри и церкви отъ церковныхъ пошлинъ, выражались въ своихъ грамотахъ: «невадобѣ имъ (игуменамъ, попамъ и дьяконамъ) мои дань Петровская и Рождественая, ни десятина, ни данскіе пошлины, ни десятинники пошлины, ни доводщичи, ни заѣздчичи, ни зазывщичи, ни благословенная куница, ни явленная куница съ грамотою, ни полоть, ни иные нѣкоторыя пошлины, ни что по ряду; ни казенныхъ алтыновъ не дають, ни писчего, ни людского» (грамота 1489 г. А. Э. I. № 125). Тѣже пошлины перечисляются и въ грамотахъ ростовскихъ владыкъ 1500 г. и 1533 г.; но только въ первой не упомянуты: десятина, зазывщичи пошлины, полоть, писчее, казенныя алтыны (А. Э. I, № 137), а въ послѣдней не упомянуты — десятина и писчее, зато прибавлены: съ obroкомъ куница, полудная пшеница и соборная куница (А. Э. I, № 176). Тѣ же — и въ грамотахъ 1554—1576 г. (А

въ годъ—около Рождества Христова и Петрова дня, а иногда только однажды въ годъ—около Рождества Христова, и собирались однѣ пошлины деньгами, другія натурою, т. е. хлѣбомъ и под.; впрочемъ и эти послѣднія мало-по-малу, съ

Э. I, №№ 202. 293. 294). Владыки *новгородскіе* въ такихъ же своихъ грамотахъ, вовсе не упоминая о своей святительской *данн*, говорятъ только о своемъ *подъѣздѣ* и вообще выражаются короче, наприм., въ грамотѣ 1543 года: «и тому попу и всему причту церковному не надобѣ имъ платити мой подъѣздъ, ни иные мои некоторые пошлины; такъ же и десятичники мои у нихъ корму, и дару, и всѣхъ своихъ десятичныхъ пошлинъ, не смлють: а давати тому попу и всему причту въ нашъ подъѣздъ, и въ благословешную купицу, и за казенные пошлины, урокомъ, по пяти алтынъ въ годъ, за все про все, а въ десятильничъ кормъ, и въ даръ, и во всѣ десятиничъ пошлины давати имъ по пяти алтынъ въ годъ, за все про все» (А. И. I, № 142). То же—и въ грамотахъ новгор. владыкъ 1549, 1563, 1572—1574 г. (А. И. I, №№ 150. 170. 181. 187. 189). Въ такихъ же грамотахъ *митрополита* не упоминается вовсе о подъѣздѣ и пошлины исчисляются иначе, напримѣръ: «не надобѣ имъ ни которая моя дань, ни *Сборное*, ни Петровское, ни Рождественное, ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы тянути, ни иная ни которая пошлина» (грамота 1478 г., А. Э. I, № 105); или: «не надобѣ имъ мое *Сборное*, ни Петровское, ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы не тянуть ни во что...; а дають тѣ попы въ мою казну оброкомъ, съ году на годъ, 30 алтынъ, то за кормъ и за данскія пошлины; а десятинику моему даетъ попь 7 алтынъ за всѣ его десятиничъ пошлины, за кормы и за осенній проѣздъ, то ему и съ тѣуномъ и съ доводчикомъ на весь годъ; а коли явятъ тотъ попь грамоту моему десятинику на въѣздъ, и онъ ему даетъ въѣзжаго и за явленную куницу пять алтынъ, то ему и съ тѣуномъ и съ доводчикомъ на весь годъ; а заѣзжнику моему даетъ тотъ попь заѣзда два алтына» (грам. 1542 г., А. Э. I, № 197). У *вологодскаго* архіерея упоминаются еще нѣкоторыя новыя пошлины: «не надобѣ имъ моя дань рождественная, ни данскія пошлины, ни десятиничъ, ни *медьльщичи*, ни *коноховое*, ни *поварское*, ни людское, ни иныхъ пошлинъ» (А. Э. I, № 214). Въ подобныхъ же грамотахъ *великаго князя* довольно подробно перечисляются самыя лица, на которыхъ собирались пошлины съ духовенства, наприм., въ грамотѣ 1500 г.: «а что шло съ монастыря архіепископу новгородскому, и его намѣстнику, и тѣу ну, и его людямъ, и дьякомъ владычнимъ, и попомъ софѣйскимъ, откупа и пошлинъ, и имъ откупа и пошлинъ... не давати ничего» (А. И. I, № 111); въ грамотѣ 1554 года: «архіепископъ, и его намѣстники, и тѣуны, и дьяки, и люди владычни, и попы софѣйскіе откупа и пошлинъ съ нихъ не смлють никакихъ» (Доп. А. И. I, № 48); въ грамотѣ 1560 года: «архіепископъ, и бояре его, и дьяки, и тѣуны, и попы софѣйскіе, и дьяки пѣвчіе и подьяки, пошлинъ съ нихъ никакихъ не смлютъ» (тамъ же № 114). Архіепископъ новгор. Сергій въ 1484 г., по словамъ лѣтописи, «многы игумены и попы испродаде, и многы новыя пошлины введе» (П. Собр. Р. Лѣт. V, 41).

теченіемъ времени, перелагались на денежные ⁽²⁵⁹⁾. Самый размѣръ пошлипъ въ разныхъ епархіяхъ и въ разныя времена былъ различенъ, да и въ каждой епархіи, въ одно и то же время, не одинаковъ для всѣхъ церквей и монастырей: это зависѣло вездѣ отъ мѣстнаго архіерея, который, при назначеніи пошлинъ съ каждой церкви и монастыря своей епархіи, принималъ во вниманіе количество ихъ матеріальныхъ средствъ и доходовъ, и потому съ однихъ требовалъ больше, съ другихъ меньше и, судя по обстоятельствамъ, то увеличивалъ, то уменьшалъ оброки съ одной и той же церкви или монастыря, и, по временамъ, отмѣняя старый, назначалъ «новый окладъ». Случалось, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, наприм., въ Псковѣ, по уставной грамотѣ архіепископа Геннадія, пошлины собирались со всѣхъ церквей и монастырей, безъ всякаго различія между ними, въ одномъ и томъ же размѣрѣ ⁽²⁶⁰⁾. Въ платежѣ пошлинъ отъ церквей уча-

⁽²⁵⁹⁾ А. Э. I, №№ 105. 125. 137; Дополн. къ А. И. I, № 46; Стогл. стр. 309; А. И. I, № 187.

⁽²⁶⁰⁾ Митрополитъ Даніилъ извѣщалъ дмитровскаго князя Юрія Ивановича (1522—1533 г.): «судѣсе есмѣ съ своимъ господиномъ и сыномъ вел. княземъ приговорили на томъ: что мнѣ послати въ всю свою митропечью дѣтей боярскихъ а велѣти имъ переписати у всѣхъ церквей приходы, сколько у которые церкви прихода дѣтей боярскихъ и ихъ людей да и хрестыанскихъ вытей,—и которые будутъ церкви приходомъ обидны, ино на тѣхъ священниковъ дани прибавити.. А нынѣча есмѣ на всѣхъ игуменѣхъ и на попѣхъ велѣмъ дань имати бѣольшую». (А. И. I, № 129). Владыка новгород. Леопидъ въ 1574 г. установилъ: «давати имъ (игумену монастыря съ братією и всему церковному причту въ монастырѣ) въ домъ св. Софѣи Премудрости Божіи и мнѣ за мой подѣздъ и за благословенную кунницу, и за всѣ десятинничи пошлины, по новому окладу, на всякъ годъ, по рублю по московскому» (А. И. I, № 189). О пошлинахъ въ Псковѣ по уставной грамотѣ Геннадія—*Евген. Истор. Княж. Псков. II, 90—92, и Древн. Росс. Визвюев. XV, 15—19.*

ствовали всѣ члены церковныхъ причтовъ, пропорціонально доходамъ, ими получаемымъ, а отъ монастырей особнякъ или необщежительныхъ—настоятели, монастырскіе священники и діаконы (ибо извѣстно, что во многихъ нашихъ тогдашнихъ монастыряхъ никто изъ иноковъ и сами даже настоятели не имѣли священническаго сана, т. е. вовсе не было іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а существовали, какъ и при церквахъ приходскихъ, свои бѣлые священники и діаконы, которые и совершали въ монастыряхъ всѣ церковныя службы и были духовниками братіи) и всѣ иноки, также пропорціонально получаемымъ ими доходамъ; отъ общежительныхъ же монастырей всѣ пошлыны вносились настоятелями изъ общей монастырской казны ⁽²⁶¹⁾. Собираніемъ пошлынъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наприм., въ кіевскомъ намѣстничествѣ при митрополитѣ Іонѣ и въ области псковской, завѣдывали архіерейскіе намѣстники, которые дѣйствовали при этомъ, конечно, не сами только непосредственно, а съ помощію подчиненныхъ имъ чиновъ ⁽²⁶²⁾. Обыкновенно же, какъ свидѣтельствуеетъ Стоглавый соборъ, «въ митрополи и въ архіепископіяхъ и епископіяхъ по городамъ и десятинамъ ѣздили десятинники и заѣздщики и собирали на святителей дань по книгамъ и свои пошлыны по граматамъ и по книгамъ, по старинѣ». Но какъ отъ этихъ десятинниковъ и заѣздщиковъ священникамъ и діаконамъ и всему священническому и иноческому чину была нужда и продажа великая и налоги тяжкіе, то соборъ и опредѣлилъ, что-

⁽²⁶¹⁾ А. Э. I, № 38, стр. 384; А. И. I, №№ 129. 142. 149. 150. 170. 187. 189.

⁽²⁶²⁾ А. И. I, №№ 48. 260. 284.

бы впредь, по цареву совѣту и соборному уложенію, десятинникамъ и заѣздщикамъ по городамъ и десятинамъ за собира- ніемъ пошлинь не ѣздить, а чтобы собирали святительскую дань и десятинничіи и заѣздщичіи пошлины по книгамъ и граматамъ поповскіе старосты и десятскіе священники вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, засѣдающими у святительскихъ боярь и десятинниковъ въ судѣ, да съ году на годъ отдавали святителямъ сполна на Рождество Христово или на Зборъ (въ Сборное воскресенье—недѣлю Православія); если же чего сполна не привезутъ по книгамъ, то недостающее предоставлялось святителямъ взыскивать съ самихъ сборщиковъ по государеву указу ⁽²⁶³⁾. Впрочемъ, и послѣ Стоглаваго собора, наприм., въ новгородской епархіи, собирать церковныя пошлины, попрежнему, продолжали десятинники, дьяки, подъячѣ и вообще свѣтскіе чиновники, а иногда эти пошлины доставляли сами приходскіе священники и настоятели монастырей прямо въ архіерейскую казну ⁽²⁶⁴⁾. Въ какомъ размѣ-

⁽²⁶³⁾ Стогл. стр. 53. 308—310; А. Э. I, № 231.

⁽²⁶⁴⁾ Въ приходной книгѣ повгород. владыки за 1577 г. записано: «іюня въ 18 день взято у новоторжскаго десятинника, у Казарина у Волинскаго, его собранія новоторжскія десятины съ поповскихъ старость, попа Уара да попа Ивана, всякихъ доходовъ софѣйскіе и архіепископшіи пошлины 33 рубль, 10 алтынъ и 3 деньги; платилъ самъ Казаринъ... Іюля въ 23 день привезъ Богданъ Мамоптовъ пѣз Опскова денегъ 71 рубль, три алтыны, а ввизъ у дьякозъ, у Иповема у Жихорева да у меншого у Башева, что онѣ сбирали в Опсковѣ софѣйскую и архіепископшю пошлину... Августа въ 19 день взято у подьячегю, у Луки у Игнатѣева, по его книгамъ, подѣздовъ, и десятинничихъ кормовъ, и вечные пошлины, и переходихъ, и повичныхъ гривень, его собранія ладожскіе, и нагорскіе, и коловые и ваонежскіе десятины, 38 рублевъ 12 алтынъ... Декабря въ 31 день на устюжскіе десятины съ Устюжна, съ посаду, у Троицаго попа Ивана взято подѣзда гривна московская, десятинничя корму полчетвер- надцать алтынъ и восемь московкохъ...» (Рукоп. Кир.-бѣлов. мон., въ с. п. 6. лух. акад., № 1548, л. 3. 11. 12. 15). А. И. I, 189, 198. 199.

рѣ собиралась та или другая церковная пошлина и до чего восходила общая сумма архіерейскаго дохода отъ пошлинъ,— объ этомъ мы имѣемъ только немногія и очень неполныя свѣдѣнія. По новгородской епархіи въ 1577 г. съ каждой приходской церкви или съ cadaго попа съ причтомъ собиралось на владыку: за подѣздъ—отъ одной до 12-ти гривенъ, да за куницу—отъ пяти до 25-ти денегъ и отъ одной до трехъ гривенъ, т. е. объ эти пошлины съ церковей были далеко неравномѣрны; а на десятичника, за десятиничій кормъ, собиралось со всѣхъ церковей, безъ различія, совершенно одинаковая пошлина, именно «полчетвернадцать (35) алтынъ и восемь московъ» (265). Въ псковской области, по уставной грамотѣ архіепископа Геннадія, за архіерейскій подѣздъ назначена была двоякая пошлина: поплѣшная и кормовая. Первая взималась съ каждой *плѣши* или головы, съ cadaго игумена, попа, діакона въ одномъ и томъ же размѣрѣ—по полтинѣ и 15-ти денегъ московскаго счета; а кормовая, обнимавшая все разнообразіе житейскихъ потребностей для владыки и его свиты и переложенная, въ каждой отдѣльной статьѣ, на денежный счетъ, составляла въ цѣломъ 488 рублей московскихъ. Всего же та и другая пошлины вмѣстѣ доставляли владыкѣ за его подѣздъ 1103 рубля московскихъ съ двумя деньгами. Такъ продолжалось до 1551 г., когда царь Иванъ Васильевичъ, по просьбѣ псковичей, понизилъ размѣръ поплѣшной пошлины съ полтины и 15-ти денегъ по московскому счету на полтину новгородскую; а размѣръ кормовой ограничилъ 200-ми

(265) Рук. Квр. бѣлов. монаст., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 50
—244.

рублями московскими. Но черезъ четыре года, по ходатайству новгородскаго владыки Пимена, царь снова возвысилъ эти пошлыны: велѣлъ псковскому духовенству платить владыкѣ кормовую пошлыну вообще по 400 рублей московскихъ, а поплѣшную съ каждаго отдѣльнаго лица, какъ было прежде, по полтинѣ и 15-ти денегъ, только не по московскому, а по новгородскому счету, который былъ выше московскаго (266). Кромѣ пошлынъ со всего духовенства епархіи, бѣлаго и монашествующаго, были еще пошлыны, поступавшія только отъ нѣкоторыхъ церквей и монастырей: такова, кажется, была пошлына «за великоденское яйцо», взимавшаяся для новгородскаго владыки съ духовенства одного Новгорода и его соборскихъ старость и монастырей, а равно съ духовенства и монастырей псковскихъ (267).

Не одни духовные подлежали управленію и суду епархіальнаго архіерея, но, хотя не въ такой степени, подлежали и міряне; потому участвовали и они въ платежѣ пошлынъ въ архіерейскую кассу. Мы не говоримъ уже о пошлынахъ *судныхъ*, которыя, по Судебнику, должны были платить всѣ, какъ духовные, такъ и мірскіе люди всякаго сословія, суди-

(266) Древн. Росс. Вивлію. XV, 15—19; *Евген. Истор. Княж. Псков.*, II, 90—92, Приб. XII.

(267) Въ приходной книгѣ новгород. владыки за 1577 г. записано: «съ великаго Новгорода, со шти соборовъ, у поповъ взяти за великоденское яйцо 10 рублей въ новгородское число, а въ московское число 21 рубль и 20 алтынъ. Взято у шти соборскихъ старость, у попа у Викула съ товарищи, за великоденское яйцо, 15 рублей, 8 ден. въ московское число. Изъ Ситецкаго монастыря у андрѣевского игумена в братею взяти, за великоденское яйцо, 4 алтыны...», — и потомъ записано, что еще съ девяти монастырей взято по четыре же алтына съ каждаго (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монаст., въ с. п. б. дух. акад., № 1513, л. 162—163). Объ этой пошлынѣ съ псковскаго духовенства — въ Древн. Росс. Вивл. XV, 18.

впѣся въ епархіальныхъ судахъ и оказавшіеся виновными: такъ какъ объ этихъ пошлинахъ сказано нами прежде. Мы имѣемъ въ виду собственно «пошлину вѣчную» или «вѣчныя знамена». Наши приходскіе священники того времени, по крайней своей необразованности, сами, большею частію, не въ состояніи были рѣшать вопросовъ о степеняхъ родства, въ какихъ разрѣшается бракъ и не разрѣшается, и вообще мало были знакомы съ церковными правилами относительно браковъ. Потому въ разныхъ городахъ и участкахъ каждой епархіи избирались особые священники, искусные въ этомъ дѣлѣ и называвшіеся «знаменщиками». Къ нимъ-то и должны были въ той мѣстности обращаться всѣ, желавшіе вступить въ бракъ, и, если бракъ оказывался возможнымъ, не противнымъ канонамъ, получали отъ нихъ «знамя» или разрѣшительную грамоту на вступленіе въ бракъ. Знамя предьявлялось затѣмъ приходскому священнику, который и совершалъ бракъ, а за знамя взыскивалъ съ брачующихся вѣчную пошлину; впрочемъ, иногда она взыскивалась самими знаменщиками еще при выдачѣ знаменн. До Стоглаваго собора вѣчная пошлина бралась въ большемъ размѣрѣ и была обременительна для христіанъ, — на что царь и обратилъ вниманіе собора. Отцы собора отвѣчали, что хотя пошлина эта не имѣетъ основанія въ канонахъ церкви, но «искони ведется», и, ссылаясь на указы вел. князей Ивана Васильевича III и Василія Ивановича, постановили, съ соизволенія самого царя: брать съ перваго брака алтынъ, со втораго два алтына, а съ троеженцевъ по четыре алтына. Сбирать вѣчную пошлину по всѣмъ городамъ и селамъ епархіи отъ всѣхъ приходскихъ священниковъ должны были, по соборному уложе-

нію, поповскіе старосты и десятскіе священники, вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, каждый годъ одновременно съ собираніемъ прочихъ пошлинъ на архіерея и передавали, по книгамъ, въ архіерейскую казну казначею. Съ священниковъ, утаившихъ что-либо изъ вѣчной пошлыны и обличенныхъ въ томъ, взыскивалось, по цареву судебнику, пеня—по два рубля и по четыре алтына и по полуторы деньги, которая также поступала къ тому же архіерейскому казначею. Но по мѣстамъ, и вѣчную пошлыну, вмѣстѣ со всѣми прочими, продолжали собирать, какъ мы замѣтили уже, десятичники и вообще свѣтскіе чиновники (263).

Хотя, по общему правилу, все духовенство епархіи, бѣлое и монашествующее, подлежало суду своего архіерея и обязано было вносить ему пошлыны, но изъ этого правила нерѣдко дѣлались исключенія, одни—по волѣ великихъ князей, а другія по волѣ самихъ архипастырей. Князья иногда давали монастырямъ и причтамъ приходскихъ церквей такъ-называемыя *несудимыя* грамоты. Въ однѣхъ изъ этихъ грамотъ они освобождали монастыри и причты отъ всякой подсудности епархіальному архіерею, даже и по дѣламъ духовнымъ; въ другихъ—отъ всякой подсудности, кромѣ дѣлъ духовныхъ; въ третьихъ—отъ подсудности, по крайней мѣрѣ, архіерейскимъ десятиникамъ и другимъ чиновникамъ, которые особенно бывали тяжки духовенству во время своихъ «наѣздовъ», когда требовали себѣ и кормовъ, и подводъ, и проводниковъ, и, разумеется, разныхъ подарковъ. Тѣми же своими грамотами кня-

(263) А. Э. I, №№ 195. 231; Стогл. гл. 5, вопр. 4; гл. 46. 69, стр. 52. 218. 309—312. См. выше примѣч. 264.

зья иногда освобождали монастыри и причты и отъ всякихъ архіерейскихъ пошлинь, или опредѣляли, чтобы, взами́нь разныхъ пошлинь, вносима была только одна опредѣленная небольшая сумма, или, чтобы, по крайпей мѣрѣ, пошлины эти собирались съ монастырей и причтовъ не архіерейскими десятиниками, а особымъ царскимъ чиновникомъ, и передавались по назначенію ⁽²⁶⁹⁾. Граматы такого рода, отнимавшія у архіереевъ право судить подчиненныхъ имъ архимандритовъ, игуменовъ, строителей, поповъ и цѣлыя церковныя причты, не могли не смущать нѣкоторыхъ и въ то время,— и самъ царь Иванъ Васильевичъ, указывая на несудимыя грамоты, спросилъ отцевъ Стоглаваго собора: «коя ради вини сіе тако бысть и тако ли сему достоинъ быти» (Стогл. Б, вопр. 14). Отцы отвѣчали, что «тѣ грамоты даваны кромѣ (противъ) священныхъ правилъ», и постановили: «впредь таковымъ грамотамъ не быти» (—гл. 67). Но это постановленіе собора вскорѣ было забыто, и тотъ же Иванъ Васильевичъ продолжалъ давать церквамъ и монастырямъ несудимыя грамоты, какъ давалъ прежде ⁽²⁷⁰⁾. Архипастыри, съ своей стороны, жаловали подобнаго же рода грамоты нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ своихъ епархій, и этими грамотами иногда освобождали церковныя причты и монастыри и отъ подсудности своимъ намѣстникамъ или десятиникамъ, оставляя весь судъ лично за собою или за настоятелемъ монастыря, и отъ всѣхъ пошлинь ⁽²⁷¹⁾; а большею частію освобождали только отъ всѣхъ

⁽²⁶⁹⁾ А. Э. I, №№ 159. 173; А. И. I, №№ 111. 141. 147. 149.

⁽²⁷⁰⁾ Дополн. А. И. I, №№ 46. 48. 114. 130.

⁽²⁷¹⁾ Горчаков. О земел. влад. митроп., Прилож. стр. 37—41, с. п. 6. 1871; А. Э. I, №№ 71. 85. 176. 197. 296; Доп. А. И. I, № 220.

пошлинь, или указывали, чтобы причты и монастыри, вмѣсто всѣхъ пошлинь, платили ежегодно лишь небольшую сумму денегъ, или чтобы они платили сполна однѣ пошлины архіерейскія, а десятильничьи—въ уменьшенномъ размѣрѣ, какой означался въ жалованной граматѣ ⁽²⁷²⁾.

Были еще люди, составлявшіе особый классъ, которые хотя подлежали церковному вѣдомству, управленію и суду, но оставались свободными отъ всякихъ пошлинь, шедшихъ на епархіальнаго архіерея и его чиновъ. Это люди *богадѣльные*: нищіе, престарѣлые; увѣчные, больные. Изъ писцовыхъ книгъ XV—XVI в. очевидно, что вблизи многихъ нашихъ сельскихъ церквей, вмѣстѣ съ домами священно-и церковно-служителей, равно и вблизи монастырей, на церковной и монастырской землѣ существовали и богадѣльныя избы или келліи, числомъ иногда до двадцати, въ которыхъ жили всякаго рода нищіе, старцы и старицы, и «питались о церкви Божіи», изрѣдка и «о приходѣ» ⁽²⁷³⁾. Царь Иванъ Васильевичъ засвидѣтельствовалъ на Стоглавомъ соборѣ, что и по всѣмъ нашимъ городамъ существовали богадѣльныя избы, въ которыя ежегодно отпускалась изъ царской казны милостыня — хлѣбъ, соль, деньги и одежда, и также поступала милостыня отъ христоролюбцевъ. Но только въ этихъ избахъ,—замѣтилъ царь,—по злоупотребленію завѣдывавшихъ ими приказчиковъ, живутъ «мужики съ женами и мало больныхъ», а нищіе, престарѣ-

⁽²⁷²⁾ А. Э. I, №№ 125. 137. 278. 285. 291. 293; А. И. I, №№ 142. 150. 170. 181. 187.

⁽²⁷³⁾ *Неволин.* О пятин. новгород., Приложен. стр. 140. 146. 151. 153. 165. 175. 256. 259. 261. 262. 292. 294. 302. 305. 319. 324—326. 330. 335. 336. 352. 355 и др. Снес. А. И. I, № 153, стр. 248.

лые, страдальцы, не имѣющіе гдѣ главу подклонить, скитаются по міру и умираютъ съ голоду, безъ напутствія,—почему и потребовалъ соборнаго рѣшенія объ этомъ предметѣ (Стогл. гл. 5, вопр. 12). Соборъ далъ отвѣтъ: да повелитъ царь по всѣмъ городамъ переписать всѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихъ, устроить въ каждомъ городѣ богадѣльни мужескія и женскія, помѣщать въ нихъ только этихъ несчастныхъ, не имѣющихъ гдѣ главу подклонить, снабжать ихъ пищею и одеждою и также принимать на содержаніе ихъ милостыню отъ боголюбцевъ, да приставитъ для служенія имъ здоровыхъ строевъ—мужчинъ и женщинъ, сколько потребуется; а надзоръ за богадѣльнями поручитъ добрымъ священникамъ и цѣловальникамъ или градскимъ добрымъ людямъ; священникамъ же кромѣ того вмѣнить въ обязанность, чтобы они, посѣщая богадѣльни, поучали живущихъ тамъ страху Божию и чистотѣ, исповѣдывали и приобщали больныхъ, погребали умершихъ и поминали ихъ на церковныхъ службахъ; а здоровые строи съ женами по богадѣльнямъ не жили бы, но питались бы отъ боголюбцевъ, ходя по дворамъ, какъ было доселѣ, и трудились бы, если еще въ силахъ работать (—гл. 73). Не видно, чтобы на самомъ дѣлѣ исполнилось это постановленіе Стоглаваго собора; вѣроятно же, что оно, подобно многимъ другимъ его постановленіямъ, осталось безъ послѣдствій.

III.

Вѣдомству церковнаго управленія и суда подлежали, наконецъ, недвижимыя имущества нашего духовенства, и, въ частности, земельныя владѣнія, а вмѣстѣ и люди, жившіе

на церковныхъ земляхъ. Эти же имущества составляли главнѣйшій источникъ для содержанія духовенства⁽²⁷⁴⁾.

Въ настоящій періодъ, какъ и прежде, недвижимыя имущества принадлежали у насъ архіерейскимъ кафедральнымъ, монастырскимъ и церквамъ и были весьма разнообразны. Сюда относились: а) дома, дворы, подворья, огороды⁽²⁷⁵⁾; б) разныя хозяйственныя и промышленныя строенія и заведенія, каковы — мельницы, лавки, соляныя варницы и проч.⁽²⁷⁶⁾; в) земли ненаселенныя съ ихъ принадлежностями: пашни, лѣса, луга, рѣчки и озера съ рыбною ловлею, бобровыя и бортныя угодья и под.⁽²⁷⁷⁾; г) населенныя земли: починки, деревни, села,

⁽²⁷⁴⁾ Недвижимыя имущества нашего духовенства неравъ служили предметомъ ученыхъ изслѣдованій, каковы: *Милютин*. О недвижим. имуществахъ духовенства въ Россіи (Чтен. М. Истор. Общ. 1859, IV; 1860, III; 1861, II и III); *священн. Горчаков*. О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, с. п. С. 1871; *Павлов*. Истор. очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи, Одесс. 1871.

⁽²⁷⁵⁾ А. И. I, №№ 118. 125. 141; А. Юрид. №№ 94. 113. 114. 117. 229; Доп. А. И. I, № 224. Наприм., у Троице-Сергіева монастыря въ половинѣ XVI в. упоминаются дворы, кромѣ Москвы, въ Дмитровѣ (А. Э. I, № 69), Твери, Угличѣ, Кашинѣ (А. Э. I, № 79), Переяславлѣ Залѣскомъ (А. Э. I, № 164), Ростовѣ, Костромѣ (А. Э. I, № 179), Нерехтѣ, Плесеѣ, Солигаличѣ, на Холую, Балахнѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Суздальѣ, Владимірѣ, Горохонцѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ и Боровскѣ. А. Горск. Истор. Опис. Сергіев. лавры, Рукопис. Тр.-Серг. лавры, по дополн. катал. ея библи., № 205, л. 181. О подворьяхъ и амбарахъ Кирилло-Бѣлов. монастыря — см. далѣ примѣч. 354.

⁽²⁷⁶⁾ А. И. I, №№ 98. 144. 158; Дополн. А. И. I, №№ 16. 48; А. Юрид. № 421. У Троице-Серг. монастыря, въ XVI в., были солеварни: въ Усольѣ переяславскомъ, у Соли Галицкой — двѣ варницы (А. Э. I, № 52), въ Нерехтѣ — четыре варницы, у Новой Соли на Холую — три варницы (А. Э. I, № 200), на Балахнѣ — пять варницъ, на Тотъмѣ — двѣ варницы (Горск. въ озпач. Рукописи л. 181 об.—182).

⁽²⁷⁷⁾ А. И. I, №№ 55. 76. 80. 85; Доп. А. И. I, №№ 26. 48; А. Юрид. №№ 88. 89. 142. Такія земли съ пашнями, лѣсами, рѣками, соляными варницами и рыбными ловлями купилъ себѣ въ 1568 г. К.-Бѣловерскій монастырь въ Двинскомъ уѣздѣ за 800 рублей (А. Юр. I, № 85).

слободы и цѣлыя волости ⁽²⁷⁸⁾. Послѣдняго рода имущества, въ ряду прочихъ, имѣли самое важное значеніе. Способы пріобрѣтенія духовенствомъ недвижимыхъ имуществъ были различны. Однѣ земли, села, угодія поступали во владѣніе духовенства—черезъ пожалованія отъ князей, удѣльныхъ и великихъ и укрѣплялись за нимъ *жалованными* княжескими грамотами; другія—черезъ пожертвованія отъ прочихъ лицъ всякаго званія, въ томъ числѣ, и отъ поступавшихъ въ монашество, и укрѣплялись *данными* и *вкладными* грамотами этихъ лицъ; третьи—черезъ духовныя завѣщанія, какъ князей, такъ и другихъ лицъ всякаго званія, и укрѣплялись этими самими *духовными* грамотами ⁽²⁷⁹⁾. Иногда архіерейскіе дома, монастыри, даже церкви пріобрѣтали себѣ земли покупкою и укрѣпляли за собою *купчими* записями; иногда промѣнивали свои земли и вотчины на другія, болѣе почему-либо выгодныя, которыя и укрѣпляли за собою *мѣновыми* записями. Случалось, что во владѣніе того или другаго монастыря переходили земли или угодія *по закладнымъ*: это именно тогда, когда лица, занимавшія деньги у монастыря и обезпечивавшія свой долгъ залогомъ своего недвижимаго имущества, не успѣвали выплатить долга къ установленному сроку ⁽²⁸⁰⁾. Для большаго укрѣпленія и огражденія своихъ владѣльческихъ правъ, лица духовнаго званія, не довольствуясь всѣми исчисленными грамотами и записями, считали необходимымъ и

⁽²⁷⁸⁾ А. Э. I, №№ 102. 105. 113. 118—122. 124 и мног. друг.

⁽²⁷⁹⁾ А. И. I, №№ 38. 84. 85. 162; А. Э. I, №№ 135. 136. 169; А. Ю. №№ 111—116. 121—126. 409—422; А. до юрид. быта Россіи I, № 63, ст. VI—IX.

⁽²⁸⁰⁾ А. Ю. №№ 73. 74. 77. 85. 88—90. 100. 106. 241; А. до юрид. быта Россіи II, № 126, ст. III; №№ 147. 156; Доп. А. И. I, №№ 18. 20.

имѣли обычай испрашивать у князей подтвердительныя грамоты на свои владѣнія, пріобрѣтенныя тѣмъ или другимъ образомъ, и особенно испрашивали такія грамоты у каждаго новаго великаго князя ⁽²⁸¹⁾.

Земельныя и вотчинныя владѣнія нашего духовенства увеличивались весьма быстро въ теченіе настоящаго періода, такъ что къ концу его они обнимали, по свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію, цѣлую треть всего государства (разумѣется, въ его тогдашнемъ объемѣ). Если и принять это свидѣтельство, которое иностранцы, всего вѣроятнѣе, слышали отъ самихъ же русскихъ, а одинъ прямо усвояетъ даже самому царю, не за точное, а хоть за нѣсколько приблизительное указаніе на размѣръ тогдашнихъ владѣній нашей церкви, — и въ такомъ случаѣ нельзя не сознаться, что они были уже огромны ⁽²⁸²⁾. Замѣтимъ, одна-

⁽²⁸¹⁾ А. И. I. №№ 111. 141. 148. 151. 163. 166. 177. 200; А. Э. I, №№ 48. 52. 60. 130. 181. 148. 159. 164. 171. 174. 177 и мног. друг.

⁽²⁸²⁾ Адамъ Климента, посѣтившій Россію въ 1553 г., пишетъ: *Plurima ibi extruuntur Basilianorum coenobia; his magni sunt agrorum reditus, nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi* (*Rerum Moscovit. scriptores varii*, pag. 152, Francofurt. 1600). Горсей, бывшій у насъ въ 1584 г., разсказываетъ, что когда царь Иванъ Васильевичъ созвалъ соборъ въ 1580 г. по вопросу о пожертвованіяхъ съ церковныхъ имуществъ на нужды государства и узналъ, что собравшіеся намѣреваются дать отрицательный отвѣтъ, то пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ епископовъ и игуменовъ и произнесъ предъ ними грозную рѣчь, въ которой, между прочимъ, выразился, — «вы захватили себѣ въ собственность, какъ оказывается, третью часть городовъ, посадовъ и деревень нашего государства» (*Записка Горсея о Россіи въ русск. переводѣ, напеч. въ «Вибл. для чтенія» за 1865 г., № 4—6*). Петрей, неразъ приходившій къ намъ подъ конецъ XVI и въ началѣ XVII в., говоритъ, что въ Россіи одна треть земли принадлежала церкви, одна треть боярамъ и одна треть государю (*Истор. о вел. княжествѣ москов., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. V, стр. 418*). То же о размѣрѣ церковныхъ вотчинъ въ Россіи повторяетъ и Олеарій, бывшій у насъ въ 1633 г. и послѣ (*Опис. путешествія въ Московію, въ Чтен. Истор. Общ. 1868—1870*).

кожъ, что дошло до насъ и домашнее свидѣтельство подобнаго рода, хотя касающееся не всей Россіи, а только одной мѣстности ея вблизи столицы: разумѣмъ описаніе поземельныхъ владѣній въ Горетовомъ станѣ московскаго уѣзда, сдѣланное въ 1586 году. Оно наглядно показываетъ, что въ этомъ станѣ одна и самая меньшая часть владѣній принадлежала помѣщикамъ и вотчинникамъ, именно 5780 четвертей пахотной земли въ одномъ полѣ и постольку же въ каждомъ изъ двухъ остальныхъ полей; 656 десятинъ разнаго лѣсу и на 7079 копенъ сѣнокосной земли; другая и сравнительно большая часть принадлежала государю или правительству, и именно 8639 четвертей пахотной земли въ полѣ и постольку же въ двухъ остальныхъ поляхъ, 12 десятинъ лѣсу и на 2545 копенъ сѣнокосной земли, а третья и самая большая часть принадлежала духовенству (митрополиту, девяти монастырямъ и двумъ московскимъ соборамъ), именно 9422 четверти пахотной земли въ полѣ и постольку же въ двухъ остальныхъ поляхъ, 169 десятинъ лѣсу и на 5710 копенъ сѣнокосной земли ⁽²⁸³⁾. Конечно, это—частный примѣръ и въ другихъ станахъ и мѣстностяхъ Россіи могло быть совсѣмъ другое, но мы и не дѣлаемъ общаго заключенія.

Каедрa русскаго митрополита если и потеряла недвижимыя имущества въ западной Россіи, съ отдѣленіемъ кievской митрополіи отъ московской, зато болѣе и болѣе пріобрѣтала ихъ въ Руси восточной, при каждомъ новомъ митрополитѣ,

⁽²⁸³⁾ Приправочная книга по московскому уѣзду 7094 году во Временникѣ М. Истор. Общ. XIII, отд. II, стр. 115. 147—166. 182—184, и Предисл. стр. VI—VIII. Двѣ четверти земли равнялись десятинѣ.

начиная съ Іоны и особенно при митрополитахъ Филиппѣ I, Геронтіи и Симонѣ (284). Къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтія владѣнія митрополита находились въ пятнадцати уѣздахъ: московскомъ, владимірскомъ, ростовскомъ, суздальскомъ, переяславскомъ, муромскомъ, костромскомъ, вологодскомъ, нижегородскомъ, бѣлозерскомъ, коломенскомъ, дмитровскомъ, звенигородскомъ, галичскомъ и юрьевопольскомъ (285). О вотчинахъ митрополичьихъ въ семи изъ названныхъ уѣздовъ (именно: переяславскомъ, юрьевскомъ, владимірскомъ, ростовскомъ, костромскомъ, вологодскомъ и отчасти московскомъ) сохранились извлеченія изъ писцовыхъ книгъ 1492—1508 г., дающія возможность заключать, что въ этихъ семи уѣздахъ числилось за митрополитомъ—сель и деревень 531, дворовъ въ нихъ 1825, людей 1818, земли 57½ сохъ, т. е. гадательно около 17250 десятинъ, а въ трехъ поляхъ—втрое болѣе (286).

(284) А. Э. I, №№ 50. 61. 74. 75; А. до юрид. быта Россіи т. I, № 63, VIII. XI. XII; № 103, III; № 118, II—V; т. II, № 147, II. III; № 156, II. III; № 175, III; № 178, I.

(285) А. до юрид. быта Россіи т. I, № 63, XII; № 69; № 80; № 118, VIII; № 119; т. II, № 15, V; № 126, II; № 147; № 178, II; А. Э. I, №№ 9. 12. 18. 17. 18. 50. 61. 74. 75. 189; А. И. I, № 215; А. Юрид. №№ 8. 17; Горчаков. О зем. влад. митроп. Прилож. I, стр. 1—79.

(286) Это извлеченіе напечатано у Горчаковъ въ названномъ соч., Прилож. I, стр. 1—10. *Сохою* называлось самое большое условное пространство населенной и обрабатываемой земли, которое назначалось и принималось правительствомъ за единицу для вниманія съ землевладѣльцевъ всякаго рода податей въ пользу государства. Величина сохъ была не одинакова въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разные времена: такъ, въ Новгородѣ, къ концу XV и въ началѣ XVI в., соха заключала въ себѣ отъ 12 до 15 десятинъ земли, а въ трехъ поляхъ отъ 36 до 45 десятинъ, хотя иногда то увеличивалась въ размѣрѣ, то сокращалась; въ московскомъ же государствѣ, въ первой половинѣ XVI в., на соху доброй земли иногда полагалось 600 четвертей, т. е. 300 десятинъ, а иногда и больше, иногда и меньше (*Бѣляевъ*. О поземельномъ владѣніи въ Московск. госуд., стр. 51—70, во Временн. М. Истор. Общ. XI). Мы приняли здѣсь соху въ 300 десятинъ какъ бычаа среднюю величину для приблизительнаго обозначенія въ десятинахъ земель-

Числа эти должны удвоиться, если мы предположимъ, что, по крайней мѣрѣ, столько же числилось владѣній за митрополитомъ и въ остальныхъ восьми уѣздахъ, о которыхъ свидѣтельства писцовыхъ книгъ не сохранились до насъ или доселѣ не обнаружены. Между тѣмъ владѣнія московской каѳедры продолжали увеличиваться и при слѣдующихъ митрополитахъ—Варлаамѣ, Даніилѣ, Макаріи и другихъ (²⁸⁷), такъ что въ послѣдніе годы XVI вѣка русскій первосвятитель получалъ съ помѣстій своихъ однѣми только деньгами до 22000 талеровъ, составлявшихъ около 13000 золотыхъ, или, по другому свидѣтельству, до 3000 рублей, а чрезъ полстолѣтіе имѣлъ въ своихъ вотчинахъ отъ шести до семи тысячъ дворовъ (²⁸⁸). Едва ли еще не богаче митрополита имѣніями былъ новгородскій архіепископъ. Когда въ 1478 г. в. к. Иванъ Васильевичъ, осадивъ Новгородъ, потребовалъ себѣ отъ новгородцевъ волостей, и новгородцы уже согласились уступить

ныхъ владѣній митрополита: ибо несомнѣнно, что въ разныхъ уѣздахъ московскихъ владѣній соха имѣла весьма различную величину и простиралась отъ 17 до 50, до 65, даже до 100 вытей и болѣе (см. далѣе примѣч. 295). А такъ какъ въ вытѣ считалось отъ 5-ти до 10-ти десятинъ въ одномъ полѣ (*Баллес.* тамъ же стр. 64—65), то соха, наприм., въ 17 вытей заключала въ себѣ отъ 85-ти до 160 десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ отъ 255-ти до 480 десятинъ; соха жевъ 100 вытей заключала въ себѣ отъ 500 до 1000 десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ—отъ 1500 до 3000 десятинъ.

(²⁸⁷) А. Э. I, №№ 139. 206; А. И. I, № 178; А. до юрид. быта Россіи, т. I, № 118, VI. VIII; т. II, № 147, V—VII. IX—XV. XVIII—XXI; № 149, VIII—XI; № 153, V; № 156, XI. XII. XV. XVI; А. Юрид. № 8.

(²⁸⁸) До 22 тыс. талеровъ или 18 т. золотыхъ, по свидѣтельству Антонія Посевина (*Starcevszk. Hist. Ruthen. script. exteri, vol. II, p. 275*). До 3 т. рублей, по словамъ Кетчера, бывшаго въ Москвѣ въ то самое время, когда нашъ митрополитъ возводился въ санъ патріарха (О госуд. Русскомъ, гл. 21). Отъ 6 до 7 т. дворовъ, по свидѣтельству одной современной росписи (напеч. у Горчака въ Прилож. стр. 88) и Котошихина (О Россіи въ царств. Алекс. Мих., стр. 118, изд. 2).

ему половину волостей владыки и шести богатых монастырей, то вел. князь,—говорит летописец,—пожаловал владыку, половины волостей его не взялъ, а взялъ только у него десять волостей преимущественно въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой, всего до 320 сохъ, т. е. отъ 11520 до 14400 десятинъ земли въ трехъ поляхъ: сколько жъ было тогда десятинъ въ половинѣ волостей владыки и сколько во всѣхъ его волостяхъ! (289). А черезъ нѣсколько лѣтъ вел. князь взялъ у владыки еще болѣе 400 деревень въ одной Деревской пятинѣ, какъ видно изъ писцовой книги ея 1495 г., и болѣе 230 деревень въ Вотской пятинѣ, оставивъ за владыкою въ этой послѣдней всего двѣнадцать деревень, какъ показываетъ писцовая книга ея 1499—1500 г. (290). Несмотря, однакожъ, на всѣ эти лишеныя, владыку новгородскаго продолжали считать самымъ крупнымъ вотчинникомъ между нашими архіереями, и въ послѣдніе годы настоящаго періода ходила молва, будто онъ получалъ съ своихъ имѣній отъ десяти до двѣнадцати тысячъ рублей, тогда какъ митрополитъ (вскорѣ сдѣлавшійся патріархомъ) получалъ только три (291). Другіе архіерей бы-

(289) Въ летописяхъ (VI, 216; VIII, 195) поименованы самыя волости, взятыя тогда у владыки; а это даетъ возможность опредѣлить, что четыре изъ нихъ находились въ Обонежской пятинѣ, четыре въ Бѣжецкой, одна (первая) частію въ Обонежской, а частію въ Вотской, и одна (послѣдняя) въ Деревской (Снес. *Неволим.* О пятинахъ новгор., Алфавитн. указател. главныхъ мѣстностей.....). О величинѣ сохъ новгородскихъ мы сдѣлали замѣтку выше въ примѣч. 286.

(290) Относительно Деревской пятинны—см. *Неволим.* О пятинахъ новг., прилож. стр. 191. 204. 205. 207. 216. 223; относительно Вотской—тамъ же стр. 13. 15. 18. 21. 25. 36; Временникъ М. Истор. Общ. XI, Окладн. книга—стр. 43. 351. 421—426; Временникъ того же Общ. XII, Окладн. книга—стр. 8. 10. 76. 86. 134. 136. 143—145. 160—163. 171. 172. 178. 180—186. 188. А подробности о той и другой пятинѣ—въ Новгор. писцовыхъ книгахъ, изд. Археогр. Комм., т. I—III.

(291) Флетчеръ именно говоритъ: «Ежегодный доходъ патріарха съ помѣстьевъ, кромѣ другихъ статей, простирается до 3000 рублей или марокъ, а митрополитъ

ли далеко не такъ богаты. Напримѣръ, за суздальскимъ епископомъ числилось: двѣ слободки въ самомъ Суздаль на посадѣ, тринадцать сель съ деревнями и пустошами въ суздальскомъ уѣздѣ, два села съ деревнями и пустошами въ московскомъ уѣздѣ и одно село съ деревнями и пустошами во владимірскомъ уѣздѣ (²⁹²). Казанскому архіепископу, кромѣ того, что съ самаго начала положена была десятина изъ всѣхъ доходовъ казанской земли и опредѣлено было пособіе деньгами и хлѣбомъ отъ всѣхъ владыкъ и монастырей, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ, царь, при самомъ учрежденіи епархіи, пожаловалъ: а) въ уѣздѣ казанскомъ—пахотной земли на 2000 четвертей, т. е. 1000 десятинъ; пожни на сѣно между рѣками Волгою и Тереузикою; три села со всѣми угодьями, съ лѣсами, лугами и проч.; озера—три Кабана, Царево и другія вокругъ него; воды и рыбныя ловли по обѣ стороны рѣки Волги отъ устья Казанки до рѣки Камы и далѣе по Камѣ; б) въ самой Казани—слободу за рѣкою Булакомъ, огородъ, мѣсто на посадѣ для дворовыхъ людей владыки,—мѣсто въ городѣ для расширенія двора владыки и два мѣста для двухъ

товъ и архіепископовъ до 2500 рублей. Изъ епископовъ одинъ получаютъ 1000 р., другіе 800, иные 500. Были и такіе, которымъ приходилось даже, какъ мы ска-
зывали, десять или двѣнадцать тысячъ рублей въ годъ, какъ, наприм., митрополитъ повгородскій (О государствѣ Русск., гл. 21). Надобно помнить, что, кромѣ новгородскихъ вотчинъ, владыка новгородскій имѣлъ еще земли и вотчины въ псковской области (А. И. I, № 277; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 229) и что нѣкоторыя изъ вятыхъ у него Иваномъ III вотчинъ были возвращены ему—владыкѣ слѣдующими князьями (Макар. Опис. повгор. архіер. дома, прилож. №№ 6 и 13, с. п. б. 1857). Впрочемъ, все-таки сомнительно, чтобы владыка этотъ былъ богаче самого митрополита, ибо въ 1655 г. за новгор. архіерейскимъ домою числилось только 1432 двора крестьянскихъ, когда у москов. архипастыря было ихъ болѣе 6000 (тамъ же стр. 52).

(²⁹²) А. И. I, № 200.

мельницъ на устьѣ Булака ⁽²⁹³⁾. Самою бѣдною каеэдрою считалась смоленская, и хотя в. кн. Василій Ивановичъ, по взятіи Смоленска, утвердилъ за мѣстнымъ владыкою его прежнія вотчины, но этого оказалось недостаточнымъ, и въ пособіе ему, со всѣхъ прочихъ владыкъ русскихъ—съ митрополита, архіепископовъ и епископовъ взимаема была поплина изъ ихъ казны во все княженіе Василія Ивановича ⁽²⁹⁴⁾.

Въ ряду монастырей, по количеству недвижимыхъ имуществъ всякаго рода, первое мѣсто занималъ знаменитый монастырь Троице-Сергіевъ. Въ «Кормовой книгѣ» его, исх. XVI в., упоминающей только о тѣхъ его владѣніяхъ, которыя пожалованы были этому монастырю князьями и другими лицами на поминъ душъ, мы насчитали: волость—1, по имени Вохну на Клязьмѣ, въ девять сохъ, сель—88 въ радонежскомъ, московскомъ, переяславскомъ, суздальскомъ, дмитровскомъ, стародубскомъ, звенигородскомъ, ростовскомъ, углицкомъ, галичскомъ, тверскомъ и другихъ уѣздахъ; при этихъ селахъ малыхъ сель и деревень—1080 и земли—122 сохи разной величины, а вытей—3768, и слѣд. отъ 18840 до 37680 десятинъ въ одномъ полѣ, въ трехъ же—отъ 56520 до 113040 десятинъ,—между тѣмъ какъ при нѣкоторыхъ еще селахъ не показано ни количества сохъ и вытей, ни числа деревень, а сказано только: село такое-то съ деревнями ⁽²⁹⁵⁾. Но кромѣ сель и деревень, пожалованныхъ Троице-

⁽²⁹³⁾ Никон. Лѣт. VII, 231; А. Ю. № 209; А. И. I. № 162.

⁽²⁹⁴⁾ Собр. госуд. грам. I, № 148; Стогл. гл. 100, стр. 428.

⁽²⁹⁵⁾ Рукопись Тр.-Серг. лавры, исх. XVI в., № 821, подъ названіемъ: «Кормовая книга». Въ этой рукописи переплетены вмѣстѣ три списка одной и той же кормовой книги: первый, безъ начала и конца, писанный прежде другихъ (л. 1—29); второй—полный, пис. въ 1591 г. (л. 31—92); третій—также полный,

Сергіеву монастырю на поминъ душъ, были у него и другія села и деревни, которыя онъ приобрѣлъ самъ покупкою, и если намъ не извѣстно, сколько ихъ было, то извѣстно, что на приобретеніе ихъ употреблено монастыремъ изъ собственной казны, въ разныя времена, 16934 рубля—сумма, по тогдашнему времени, громадная (²⁹⁶). Не удивительно, если Троицкая лавра слыла, къ концу настоящаго періода, чрезвычайно богатою и если Флетчеру передавали, будто она получала съ своихъ помѣстій до ста тысячъ рублей дохода, слѣд. несравненно болѣе, нежели сколько получали всѣ наши

пис. въ 1593 г. (л. 92—151). Первоначально эта кормовая книга Тр.-Сергіева монастыря составлена, какъ сказано въ самомъ началѣ ея, по приказу царя Ивана Васильевича, при игуменѣ Серапіонѣ, — вѣроятно, въ послѣдній годъ его игуменства (1551-й), когда Стоглавый соборъ опредѣнилъ, чтобы настоятели всѣхъ монастырей тщательно разыскали, кѣмъ и какіе *еклады* сдѣланы были въ монастыри на поминъ душъ, записали въ синодики имена тѣхъ, по комъ сдѣланы вклады, и, назначивъ для торжественнаго помпновенія ихъ извѣстные дни, *стали* по нимъ въ тѣ дни кормить всей монастырской братіи (Стогл. гл. 5, вопр. 15, нгл. 75). Такъ какъ въ этой кормовой книгѣ, при большей части сель съ деревнями, показано, сколько въ нихъ находилось вытей и сколько, по царевымъ писцовымъ книгамъ, полагалось сохъ, то и легко видѣть, до какой степени различна была въ разныхъ мѣстахъ величина сохи: были сохи въ 17 вытей — наименьшая величина (л. 48. 44), были въ 22, въ 23, въ 28, въ 33, въ 34, въ 40 вытей (л. 42—44. 48—52. 54), были — въ 50, въ 52, въ 55, въ 65, въ 66 и въ 100 вытей (л. 52. 56—59), а въ одномъ селѣ—Петровскомъ на 110 вытей положено было, по царевымъ писцовымъ книгамъ, только полъ-сохи (л. 35). Объ уѣздахъ, въ которыхъ находились владѣнія Тр.-Сергіева монастыря см. А. Э. I, №№ 154. 174. 191 и др.

(²⁹⁶) Именно при *чтуманахъ*: Саввѣ—8 р., Зиновіи—34 р., Мартианѣ—45 р., Вассіанѣ—54 р., Аврааміи—35 р., Памвѣ—50 р., Іаковѣ—460 р., Порфиріи I—705 р., Арсеніи—20 р., Александрѣ—3 р., Іосифѣ I—610 р., Алексіи—550 р., Никандрѣ—1080 р., Іонѣ—1858 р., Серапіонѣ—1450 р., Иларионѣ—60 р.; при *архимандритахъ*: Елевверіи—200 р., Меркуріи—1745 р., Кириллѣ I—50 р., Памвѣ—2840 р., Θεодосіи—2500 р., Варлаамѣ—400 р., Іонѣ—300 р., Митрофанѣ—850 р., Діонисіи—550 р. (*Горск. Истор. Опис. Серг. лавры, Ручоп. лавр. библ., по дополн. катал., № 205, л. 180*).

архіерея вмѣстѣ съ своихъ владѣній (297). Села и деревни и разныя угодія Кирилло-бѣлозерскаго, также весьма богатаго, монастыря, какими владѣлъ онъ къ концу XV-го въ бѣлозерскомъ княжествѣ и около половины XVI в.—въ уѣздахъ бѣлозерскомъ и вологодскомъ, подробно перечислены въ двухъ княжескихъ подтвердительныхъ грамотахъ (298). Всеи вотчины у этого монастыря, какъ показано въ итогѣ «Вѣтной книги» его, писанной во второй половинѣ XVI в., и именно въ уѣздахъ бѣлозерскомъ, вологодскомъ и еще романовскомъ, было: «15 сель большихъ, да 8 меньшихъ, да 3 приселка; а деревень къ тѣмъ селамъ *тяглыхъ*, которыхъ христьяне платили оброкъ (монастырю) хлѣбной и денежной, 892 деревни; а вытей тяглыхъ 1460 (съ дробями); а сошнаго письма во всей отчинѣ 29 сохъ и пол-поль чети ($\frac{1}{16}$) сохи» (—т. е. на каждую соху по 50-ти вытей), и слѣд. всего земли—отъ 7300 до 14600 десятинъ, а если взять въ трехъ поляхъ, то отъ 21900 до 43800 десятинъ. Кромѣ того во владѣніяхъ этого монастыря находилось 94 деревни и 83 выти *нетяглыхъ*, что были «за попы, и за слугами, и за кузнецы, и за плотники, и за извощики», приблизительно—отъ 415 до 830 или, въ трехъ поляхъ, отъ 1245 до 2490 десятинъ (299). У Савво-Сторожевскаго монастыря, судя по уцѣлѣ-

(297) Флетчеръ пишетъ: Монахи владѣютъ помѣстьями весьма значительными. Нѣкоторыя изъ монастырей имѣютъ доходу отъ помѣстьевъ по тысячѣ или по двѣ тысячи рублей въ годъ. Одинъ монастырь, называемый Троицкимъ, получаетъ отъ помѣстьевъ и повинностей въ его пользу до ста тысячъ рублей или марокъ годоваго дохода» (О госуд. Русск. гл. 21).

(298) А. Э. I, № 377; А. И. I, № 163. Последняя грамота дана 20 марта 1556 г.; а въ томъ же году, 3 февр., царь дозволялъ Кириллову монастырю купить еще новую вотчину въ 2000 рублей (А. Э. I, № 246).

(299) Рукопись Кирилло-бѣлов. монастыря, нынѣ Спб. дух. академіи, подъ

внимъ актамъ, находилось во владѣннн—10. сель, 70 деревень, 40 селищъ и нѣскольکو пустошей. У николаевскаго Угрѣшскаго монастыря также было во владѣннн 10 сель съ множествомъ деревень въ уѣздахъ московскомъ, коломенскомъ, переяславскомъ и костромскомъ. У рязанскаго богословскаго— три села, 23 деревни, два починка да пустошь: у переяславскаго Данилова— пять сель, два сельца, двѣ слободки и десять деревень ⁽³⁰⁰⁾. Изъ женскихъ монастырей, которые вообще были бѣднѣе мужескихъ, самыми богатыми считались два московскихъ: воскресенскій и новодѣвичій. У перваго въ одномъ Горетовомъ стану находилось: два села, два сельца, 20

заглавiемъ: «Книги вытныя», № 1308, второй половины XVI вѣка. Состоитъ изъ трехъ частей. Первая, подъ заглавiемъ: «Книги вытныя сѣмянныя въ селѣхъ и деревняхъ», описываетъ, по порядку, села и деревни Кпрцлдова монастыря, сколько въ каждомъ вытей и сколько и кому именно изъ крестьянъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ выдавалось монастырскихъ сѣмянъ— ржи, пшеницы, ячменя, овса для засѣва озпаченныхъ вытей (л. 21—152). Вторая часть, подъ заглавiемъ: «Книги вытныя оброчныя хлѣбныя въ селѣхъ и деревняхъ», описываетъ также по порядку, сколько крестьяне каждаго изъ тѣхъ сель и деревень платили хлѣбомъ оброку въ монастырь съ засѣянныхъ ими вытей монастырскими сѣменами (л. 153—276). Третья, подъ заглавiемъ: «Книги вытныя оброчныя сель и деревень денежныя, а въ тѣхъ селѣхъ во всѣхъ и въ деревняхъ сѣють христiане на своихъ пашняхъ сѣмена свои, а не монастырскiя»,— описываетъ также по порядку, какiя это села и деревни, сколько въ нихъ вытей и сколько христiане даютъ монастырю оброку деньгами, хлѣбомъ, а иногда и яйцами (л. 277—321). Общiй итогъ, изъ котораго мы привели въ текстѣ нѣскольکو словъ, помѣщенъ въ самомъ концѣ книги (л. 322—328). Въ 1558 г. за Кпрцлдовскимъ монастыремъ считалось 23 сохи безъ четверти (А. Юрид. № 209, ст. II). А къ концу XVI в. число вытей и сохъ этого монастыря нѣскольکو умоньшилось, хотя земельныя владѣннн его находились уже въ одиннадцати уѣздахъ (см. далѣе примѣч. 342. 352).

⁽³⁰⁰⁾ *Смирнов*. Истор. Опис. Савв.-Сторожев. монастыря, стр. 117—121, М. 1846. Жалов. грамота XVI в. Николю-Угрѣш. монастырю, въ Лѣтоп. занятiй Археогр. Комм., вып. V, отд. II, 1—3. Древн. грам. и акты Рязанск. края №№ 19. 20. О разоренiи переяса. Данилова монаст. и вотчинъ его поляками— Чтен. М. Истор. Общ. 1859, II, отд. V, 10—12. О вотчиннахъ Соловецкаго монастыря, см. въ Опис. этого монастыря архим. *Досиелъ*, ч. I, стр. 223, М. 1836.

деревень населенныхъ и одна пустая, 32 пустоши да три селища, а въ нихъ пахотной земли въ трехъ поляхъ 7209 четвертей, лѣсу 131 десятина и сѣнокосу на 1220 копень; у новодѣвичьяго же монастыря въ томъ же стану было: село, двѣ деревни, починокъ и 22 пустоши, а въ нихъ 2060 четвертей пахотной земли въ трехъ поляхъ, 11 десятинь лѣсу и на 350 копень сѣнокосу, да въ Бѣжецкомъ верху село Михайлова гора съ деревнями и починками ⁽²⁰¹⁾.

Между новгородскими монастырями болѣе другихъ богатыми признавались шесть: юрьевскій, аркадѣевскій, благовѣщенскій, никольскій у Неревского конца, антоніевъ и михайловскій на Сквородкѣ. У каждаго изъ нихъ въ 1478 г. вел. кн. Иванъ Васильевичъ взялъ себѣ половину земельныхъ имѣній, и именно: у юрьевского—720 обержъ, т. е. отъ 8640 до 10800 десятинь; у аркадѣевского—333 обжи, т. е. отъ 3996 до 4995 десятинь; у благовѣщенскаго—253 обжи, т. е. отъ 3036 до 3795 десятинь; у никольскаго въ Неревскомъ концѣ—251 обжу, т. е. отъ 3012 до 3765 десятинь; у антоніева—50 сохъ, т. е. 150 обжей или отъ 1800 до 1950 десятинь; у михайловскаго на Сквородкѣ—97 обжей, т. е. отъ 1064 до 1455 десятинь ⁽²⁰²⁾. По этому можемъ судить, до чего простиралась тогда и полная пропорція земли у названныхъ монастырей. Но если существовали у насъ монастыри *богатые* своими вотчинами, то еще несравненно болѣе существовало монастырей *бѣдныхъ*, или, по тогдашнему названію,

⁽²⁰¹⁾ Приправочн. книга по моск. уѣзду, во Времени. XIII, отд. II, стр. 147—152. 158—159; А. И. I, № 188.

⁽²⁰²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 216; VIII, 193. Снес. III, 143, гдѣ число обжей, отнятыхъ у этихъ монастырей, показано нѣсколько иначе.

убоихъ, малоземельныхъ, каковы, напримѣръ, были почти всѣ (за исключеніемъ шести) монастыри въ области новгородской, по свидѣтельству самихъ новгородцевъ въ 1478 г. предъ в. кн. Іоанномъ ⁽³⁰²⁾. Многие монастыри совсѣмъ не имѣли у себя крестьянъ и сами обрабатывали небольшія, принадлежавшія имъ, пустоши, или не имѣли и пустошей, а содержались только ругою, приношеніями окрестныхъ жителей и собираніемъ пожертвованій въ разныхъ мѣстахъ Россіи ⁽³⁰⁴⁾.

Обращаясь, наконецъ, къ церквямъ и бѣлому духовенству, мы находимъ, что и имъ предоставлена была доля въ земельныхъ владѣніяхъ церковныхъ, но доля самая скромная и незначительная. «Имъ даются,—писалъ о нашихъ священникахъ одинъ иностранецъ въ первой четверти XVI в.,—маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они снискиваютъ пропитаніе, какъ и ихъ сосѣди, своими собственными руками или руками слугъ.... Приходовъ, одаренныхъ помѣстьями и владѣніями, немного» ⁽³⁰³⁾. И, дѣйствительно, изъ писцовыхъ книгъ новгородскихъ открывается, что причты нашихъ сельскихъ церквей, состоявшіе, большею частію, изъ священ-

⁽³⁰²⁾ Тамъ же Стогл. гл. 5, вопр. 31. Какъ не велики были вотчины нѣкоторыхъ новгородскихъ монастырей и какъ мало приносили монастырямъ доходу, можно видѣть изъ Переписной окладной книги по Новгороду (Временникъ М. Истор. Общ. XI, стр. 29—35. 89—41. 54. 84. 193. 251. 258 и др.). Снес. А. И. I, № 222. Были бѣдные монастыри и въ другихъ мѣстахъ Россіи, наприм., за Чердынскимъ богословскимъ монастыремъ числилось всего—пашни 16 десятинъ, лѣсу пашеннаго 37 десятинъ, да сѣна 500 копенъ (А. И. I, № 207).

⁽³⁰⁴⁾ А. И. I, №№ 147. 184. 191; Доп. А. И. I, №№ 33. 66 и др.; Стогл. гл. 5, вопр. 13. 19. 31. 37. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ даже въ половинѣ XVI в. были еще свящ. сосуды въ церквахъ—потиръ и дискосъ деревянные или оловянные, а лжица и копие желѣзные (А. до юрид. быта Россіи II, № 218).

⁽³⁰³⁾ Герберит. Записки о Московіи, перев. Анонимов., стр. 47, Спб. 1866.

ника и дьячка, имѣли, кромѣ дворовыхъ мѣстъ, то по одной десятинѣ въ полѣ, и слѣд. всего три десятины, то по двѣ десятины въ полѣ, то по три, по четыре и такъ далѣе—до десяти десятинъ въ полѣ, и слѣд. до 30-ти въ трехъ поляхъ, никакъ не болѣе; а нѣкоторые даже вовсе не имѣли пашни⁽³⁰⁶⁾. Немногіе имѣли еще и луговые участки, съ которыхъ снимали отъ 6 до 60 копенъ сѣна⁽³⁰⁷⁾, и весьма немногіе имѣли и небольшія деревни, одну, двѣ, три, которыя отдавали на оброкъ, или по нѣскольку торговыхъ лавокъ, которыя отдавали внаймы⁽³⁰⁸⁾. Нѣкоторыя городскія церкви владѣли также небольшими деревнями, пустошами и другими участками земли: наприм., у спасской церкви города Орѣшка было пять маленькихъ деревень, съ нѣсколькими десятинами земли, у Иоанно-предтеченской церкви того же города—три подобныя деревни; а изъ новгородскихъ церквей, у церкви св. Иоанна въ Плотницкомъ концѣ было 11 пустошей въ 65 десятинъ земли, у церкви св. Николая на Запольской улицѣ—33 пустоши, заключавшихъ въ себѣ до 576 десятинъ, у другихъ церквей—по одной, по двѣ и по пяти пустошей⁽³⁰⁹⁾. Изъ московскихъ соборовъ успенскій имѣлъ въ одномъ

⁽³⁰⁶⁾ Новгор. писцов. книги, т. III, стр. 182. 278. 358. 486. 553. 637. 680. 712. 726. 756. 832. 861. 938. Окладн. книг. во Времени. М. Истор. Общ. XI, 55. 91. 142. 199. 286; XII, 33. 76. 143. 170. Причты безъ пашни—Новг. писц. кн. III, 603. 795.

⁽³⁰⁷⁾ Новг. писц. книг. III, 82. 414. 471. 569. 892; Окладн. книг. во Времени. XI, 42. 257. 431; *Исволин.* О пятин. Новгор., прилож. стр. 285. 287.

⁽³⁰⁸⁾ Акт. Юрид. №№ 228. 229; *Исволин.* О пятин. новгор. прилож. стр. 212. 262. 281. 287. 289. 291. 300. 302. 311. 313. 319; Окладн. книг. во Времени. XII, 76. 143. Да и царь Иванъ Васильевичъ говорилъ на Стоглавомъ соборѣ о приходскихъ церквахъ: «у *имѣтъ* села есть, да и огороды, и сады, и поляны, и пшны пошлыны, и лавки повемные» (Стогл. гл. 5, вопр. 31).

⁽³⁰⁹⁾ Окладн. книг. во Времени. XI, 198. 234. 255. 256. 286; XII, 33;

только Горетовомъ стану московскаго уѣзда 498 четвертей или 245 десятинъ пахотной земли въ трехъ поляхъ, а соборъ архангельскій имѣлъ въ томъ же одномъ стану до 2592 четвертей или 1296 десятинъ пахотной земли въ трехъ поляхъ, да еще нѣсколько луговыхъ участковъ, съ которыхъ собиралось до 540 копенъ сѣна ⁽³¹⁰⁾. Не знаемъ, владѣли ли московскіе соборы и населенными землями, но дмитріевскій соборъ во Владимірѣ и церковь св. Леонтія въ Ярославлѣ или близъ Ярославля несомнѣнно имѣли земли, деревни и крестьянъ ⁽³¹¹⁾.

Между тѣмъ, какъ болѣе и болѣе увеличивались земельныя владѣнія нашего духовенства, усиливались и попытки къ отобранію или, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію ихъ. Въ началѣ періода попытки эти имѣли еще прежній характеръ: касались только отдѣльныхъ духовныхъ землевладѣльцевъ, совершались только по мѣстамъ, и совершались по однимъ личнымъ побужденіямъ, а не въ силу и не по сознанію какихъ-либо высшихъ началъ и цѣлей. Такъ поступили псковичи въ 1463 г., когда, прогнѣвавшись на новгородцевъ и на владыку, отняли у послѣдняго земли и угодія, принадлежавшія ему въ псковской области, и сами пользовались ими въ теченіе двухъ лѣтъ, а потомъ, съ перемѣною обстоятельствъ, воз-

Писцов. книг. во Времени. М. Истор. Общ. VI, 68. 76. 87. 114. 115. 119; А. И. I, № 151. См. также объ Иоанновской церкви города Переяславля—въ Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 306.

⁽³¹⁰⁾ Приправочн. книг. по моск. уѣзду 7094 г., во Времени. XIII, отд. II, стр. 115. 162—165. Замѣчательно, что новгородскій софійскій соборъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ XVI в., ни селъ, ни деревень, ни поженъ (А. Э. III, № 306, стр. 453).

⁽³¹¹⁾ А. Э. I, № 159; Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 280.

вратили ему все отнятое, покорившись увѣщаніямъ митрополита. Также неразь поступали (1463—1467) и многіе изъ новгородцевъ, иногда даже посадники и тысяцкіе, захватывая насильно тѣ и другія земли и угодія какого-либо мѣстнаго монастыря или церкви для собственной корысти,—чѣмъ и вызывали справедливыя обличенія и вразумленія со стороны тогдашнихъ митрополитовъ (312).

Въ послѣдней четверти XV вѣка въ первый разъ у насъ высказана мысль объ отобраніи церковныхъ имѣній во имя государственныхъ нуждъ и интересовъ, и высказана самимъ вел. княземъ московскимъ. Когда Іоаннъ III осадилъ Новгородъ въ 1478 г., и смирившіеся новгородцы выслали къ нему своихъ пословъ съ готовностію признать надъ собою его верховную власть, тогда Іоаннъ, между прочимъ, потребовалъ, чтобы на него-князя отписаны были въ области новгородской волости и села, какъ это существовало во всей Низовой землѣ, т. е. во всѣхъ московскихъ владѣніяхъ: «ибо безъ того,—прибавилъ Іоаннъ,—намъ, великимъ князьямъ, государство свое на своей отчинѣ въ Новгородѣ держать нельзя». Особыя дворцовыя волости и земли вел. князю были необходимы не столько для содержанія его самого и его двора, сколько для содержанія и кормленія разныхъ служилыхъ людей, которые теперъ во множествѣ должны были придти на службу въ новопокоренный край отъ имени вел. князя. Выслушавъ требованіе Іоанна, новгородскіе послы прежде

(312) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 229; А. И. I, №№ 77. 82. 277. Прежде подобныя же случаи были: въ 1175 г. (П. Собр. Р. Лѣт. II, 159. 160), при митрополитѣ Кипріянѣ (нашей Истор. V, 95; А. И. I, №№ 7. 9) и при м. Фотіи (нашей Истор. V, 94).

всего просили его, чтобы онъ не вступался въ вотчины и волости бояръ новгородскихъ, и Иоаннъ согласился; потомъ предложили ему двѣ государственныя волости—Великіе Луки да Ржеву Пустую,—Иоаннъ не принялъ; наконецъ предложили десять волостей церковныхъ: четыре владычныхъ и шесть монастырскихъ,—Иоанну показалось этого мало, и онъ потребовалъ половины волостей владычныхъ и монастырскихъ, и приказалъ представить ему вѣрный ихъ списокъ, безъ всякой утайки. Когда списокъ былъ представленъ,—тогда великий князь, только по снисхожденію, взялъ у владыки не половину, а десять волостей и, только по просьбѣ новгородцевъ, взялъ половину волостей у шести монастырей, а не у всѣхъ⁽³¹³⁾. Вскорѣ однакожь Иоаннъ, въ силу того же сознанныго имъ принципа, отобралъ у владыки и монастырей новгородскихъ, не шести только, а и прочихъ, гораздо большее количество земельныхъ владѣній, и—что особенно замѣчательно—отобралъ, по благословенію Симона митрополита, и раздалъ въ помѣстья служилымъ людямъ—дѣтямъ боярскимъ⁽³¹⁴⁾. Въ то же время явилась и другая мысль въ средѣ са-

⁽³¹³⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 215—217; VIII, 193—195; Ник. Лѣт. VI, 92—97.

⁽³¹⁴⁾ Это второе отобраніе церковныхъ вотчинъ въ новгородской области совершилось не въ 1500 г., какъ говорятъ лѣтописи (—IV, 271; *Тамш.* Истор. Росс. кн. V, стр. 185, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, № 4; Никон. Лѣт. VI, 157), а прежде: потому что отобранныя теперь вотчины у владыки и монастырей ясно обозначены въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ (см. выше примѣч. 290 и самый текстъ, къ которому оно относится), изъ которыхъ одна—Деревской пятины—составлена въ 1495—1496 г. (изд. Археогр. Комм. 1859—1862 т. I и II); другая Шелонской пятины, еще не изданная, писана въ 1497—1498 г. (*Неволин.* О пятин. новгор. стр. 11, примѣч. 5), а третья—Вотской пятины—пис. въ 1499—1500 г. (изд. Археогр. Комм. въ 1868 г., т. III, и во *Времени.* М. Истор. Общ. 1851 г., №№ XI. XII). Не о третьемъ ли уже отобраніи вотчинъ у новгородскаго духовенства говорятъ лѣтописи подъ 1500 годомъ?

мого духовенства, мысль объ отобраніи церковныхъ владѣній во имя высшихъ нравственныхъ интересовъ. Строгіе бѣлозерскіе пустынники, Ниль сорскій и другіе, которыхъ всегда съ уваженіемъ принималъ у себя вел. князь, начали говорить ему, что владѣть вотчинами монастырямъ неприлично, что вотчины отвлекаютъ иноковъ отъ ихъ обѣтовъ, обременяютъ мірскими попеченіями, ведутъ къ духовному расслабленію и безпечности, что вотчины надобно взять у монастырей для ихъ же собственной нравственной пользы и преуспѣянія. Все, казалось, благопріятствовало намѣреніямъ Іоанна; недоставало только одного: рѣшенія по этому важному вопросу высшей церковной власти—собора, и Іоаннъ велѣлъ быть собору. Но соборъ (1503 г.), какъ мы знаемъ, выслушавъ мнѣнія Нила сорскаго, а съ другой стороны—Іосифа волоколамскаго, представилъ государю отрицательный отвѣтъ, и въ этомъ отвѣтѣ, ссылаясь на законъ Моисеевъ, на правила соборовъ, на постановленія греческихъ императоровъ и русскихъ князей, на практику церкви восточной и отечественной, подъ конецъ выразился: «святители и монастыри земли держали и держать, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть стяжанія, нареченна и данна Богу, и не продаема, ни отдаема, ни емлема никимъ никогда въ вѣки вѣка» (215). Соборъ остановилъ дѣло, но не могъ подавить и искоренить самыхъ идей, которыя легли въ его основу. Открылась, пре-

(215) Нашей Истор. VI, 125—133. Отвѣтъ собора, по рукописи 1563 г., напечатанъ сплошн въ соч. А. Павлова: Истор. очерк. секуляризаціи церк. земель въ Россіи, I, стр. 42—47.

жде всего, литературная борьба, доходившая до ожесточения. Съ одной стороны ратовалъ князь-старецъ Вассіанъ, ученикъ преп. Нила сорскаго, отстаивавшій идеи своего учителя, съ другой—преп. Іосифъ волоколамскій, защищавшій рѣшенія собора и свои собственныя убѣжденія, а кромѣ того, по порученію какого-то архіепископа, въ 1505 г. написано неизвѣстнымъ особое, довольно солидное сочиненіе о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. По смерти Іосифа, Вассіанъ нашелъ себѣ сильнаго помощника въ Максимѣ Грекѣ; но оба они на бывшихъ противъ нихъ соборахъ, между прочимъ, осуждены были и за то, что укоряли св. церкви и монастыри въ незаконномъ будто бы обладаніи вотчинами⁽²¹⁶⁾. Сами великіе князья Иванъ III и Василій Ивановичъ, повидимому, покорились рѣшенію собора, и Иванъ III далъ, наприм., въ 1504 г. двѣ несудимыя грамоты митрополиту на его вотчины въ московскомъ и владимірскомъ уѣздахъ, а Василій Ивановичъ и подтверждалъ монастырямъ прежнія грамоты на вотчины, и жаловалъ духовенству новыя вотчины⁽²¹⁷⁾. Но, между тѣмъ, оба эти государя уложили, чтобы жители вновь присоединенныхъ къ Москвѣ городов—Твери, Микулина, Оболенска, Торжка, Бѣлоозера, Рязани, а равно и потомки прежнихъ удѣльныхъ князей суздальскихъ, яро-

⁽²¹⁶⁾ Нашей Истор. VI, 138—140. 182—202. Преп. Іосифъ волоцкий написалъ еще особое, хотя необширное, сочиненіе о неприкосновенности монастырскихъ имуществъ, сохранившееся въ Сборникѣ первой половины XVI в. (Опис. рукописи графа Толстова, стр. 418, отд. II, № 254, л. 268).

⁽²¹⁷⁾ Грамоты Ивана III—А. Э. I, № 189. Грамоты Василя Ивановича—А. Э. I, №№ 124. 169; А. И. I, №№ 91. 131; Доп. А. И. I, № 219. По взятіи Смоленска въ 1514 г. Василій Ивановичъ далъ обѣщаніе во всѣ монастыри и въ церковныя земли и въ воды не вступатися и не рушити ихъ ни чѣмъ. Собр. госуд. грам. I, № 148.

славскихъ и стародубскихъ, составлявшіе тогда до 30-ти служебныхъ родовъ разныхъ названій, отнюдь не отдавали своихъ вотчинъ въ монастыри на поминъ души безъ доклада и соизволенія государя: мѣра весьма важная ⁽³¹⁸⁾. При Василии Ивановичѣ, если не при отцѣ его, установленъ нѣкоторый государственный контроль надъ монастырскими имуществами, и какъ пріемъ, такъ и сдача этихъ имуществъ производились по описямъ великокняжескими чиновниками ⁽³¹⁹⁾. При супругѣ Василия Ивановича Еленѣ, въ малолѣтство Ивана IV, состоялось еще болѣе важное постановленіе, что бы монастыри ни отъ кого вообще не принимали ни въ закладъ, ни по душѣ, и не покупали вотчинъ, безъ доклада государю, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, отобранія этихъ вотчинъ на государя, хотя въ то же время своевольные бояре раздали множество вотчинъ и всякаго рода угодій монастырямъ и архіереямъ ⁽³²⁰⁾.

Когда Иванъ Васильевичъ IV началъ самъ царствовать, онъ думалъ повторить попытку своего дѣда объ отобраніи церковныхъ имуществъ и обратился съ запросомъ къ митрополиту Макарію. Макарій отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ, въ которомъ несомнѣнно воспользовался отвѣтомъ собора 1503 г.

⁽³¹⁸⁾ А. Э. I, № 227, стр. 219. Роды означенныхъ князей указаны въ соч. Хилбникова: О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, стр. 25. Спб. 1869.

⁽³¹⁹⁾ Въ 1514 г. этотъ законъ представляется уже дѣйствующимъ, какъ видно изъ грамоты вел. князя, по которой сдавали тогда великокняжескіе писцы Соловецкій монастырь во временное завѣдываніе іеромонаху Геласію и соборнымъ старцамъ (*Досие. Опис. Соловецк. монастыря I, § 14, стр. 67*).

⁽³²⁰⁾ Объ означенномъ постановленіи свидѣтельствуетъ грамота, данная въ 1535 г. Глушицкому монастырю (напеч. въ *Истор. Росс. іерарх. III, 712—714*). О раздачѣ вотчинъ боярами—Стогл. гл. 101, стр. 431, изд. Каван.

на такой же запросъ Ивана III, по изложилъ мысли гораздо подробнѣе и послѣдовательнѣе. Онъ, въ первой части посланія, раскрывалъ ту мысль, что всѣ цари греческіе, отъ перваго христіанскаго царя Константина и до послѣдняго, никогда не дерзали отнимать церковныя вотчины, страшась грозныхъ за то прещеній св. соборовъ и св. отцевъ, напротивъ сами давали церквамъ и монастырямъ села и разныя угодья, слѣдуя примѣру равноапостольнаго Константина и его завѣщанію; что равно и всѣ вел. князья русскіе, начиная съ св. Владиміра, никогда не дерзали отнимать церковныя имущества, страшась тѣхъ же соборныхъ прещеній, напротивъ сами давали церквамъ и монастырямъ села и угодья, слѣдуя примѣру равноапостольнаго Владиміра и его завѣщанію или церковному уставу; что даже нечестивые ханы татарскіе никогда не отнимали имѣній у русскаго духовенства, напротивъ давали, въ огражденіе ихъ, ярлыки русскимъ митрополитамъ, и что, слѣдовательно, тѣмъ болѣе не подобаеъ благочестивому и боговѣнчанному царю отбирать у Божіихъ церквей и монастырей недвижимыя имущества, а подобаеъ самому, по примѣру своихъ царскихъ прародителей и родителей, подавать Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. Затѣмъ, во второй части посланія, Макарій раскрывалъ другую мысль, именно ту, что какъ въ церкви вселенской всѣ святѣйшіе папы, патріархи, митрополиты и прочіе святители никогда не попускали продавать или отдавать церковныя имущества, напротивъ оградили ихъ на соборахъ страшными клятвами, такъ и въ церкви русской всѣ митрополиты, начиная отъ перваго и всѣ архіепископы, епископы и настоятели монастырей никогда не попускали того же; потому и онъ-митро-

полить Макаріѣ, давшій при самомъ рукоположеніи своемъ торжественную клятву предъ всею церковію хранить неизмѣнно ея законы и правила, хотя бы за то угрожали ему смертію, не можетъ не только дерзнуть, но и помыслить, чтобы отдать или продать недвижимыя имущества «изъ дому Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ». Въ заключеніе митрополитъ писалъ: «и того ради молимъ твое царское величество и много со слезами челомъ бьемъ, чтобы еси царь и государь вел. князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи самодержецъ, по тѣмъ божественнымъ правиломъ, у Пречистыя Богородицы и у великихъ чудотворцовъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, вданнхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ взяти» (321). Если отстаивая въ посланіи неприкосновенность и неотъемлемость церковныхъ владѣній вообще, Макаріѣ выражался однакожь, что не дерзаетъ ни отдать, ни продать собственно имѣній своей митрополичей каедръ, если умолялъ царя не брать недвижимыхъ вещей именно изъ дому Преч. Богородицы и великихъ чудотворцевъ: то или потому, что писалъ отвѣтъ государю только отъ своего лица, а не отъ лица собора, или потому, что на эти-то имѣнія митрополичи, можетъ быть, государь прежде всего и предъявилъ свое притязаніе митрополиту, съ нихъ-то и намѣревался начать отобраніе архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Посланіе Макаріѣ писано, несомнѣнно, прежде Стоглаваго собора и вполне подѣйствовало на Ивана Васильевича: потому что въ 1551 г. онъ далъ митрополиту льготную

(321) Посланіе м. Макаріѣ напечатано въ изд. *Тихонова*. Лѣтописи русск. литературы и древн., т. V, отд. III, 126 и слѣд.

грамату на всѣ его вотчины ⁽²²²⁾, и на Стоглавомъ соборѣ уже не возбуждалъ вопроса объ отобраніи церковныхъ имуществъ; а между тѣмъ отцы собора, несмотря на это, сочли нужнымъ изложить въ своемъ соборномъ уложеніи всѣ доказательства неприкосновенности и неотъемлемости означенныхъ имуществъ, и нѣкоторыя даже дословно въ томъ самомъ видѣ, какъ они изложены въ посланіи Макарія (Стогл. гл. 60—63. 75). Стоглавому собору царь только указалъ въ своихъ вопросахъ на нравственные и экономическіе беспорядки въ монастыряхъ, происходившіе преимущественно отъ обладанія ими вотчинами и богатствами. И соборъ, рѣшая эти вопросы и принимая мѣры противъ указанныхъ беспорядковъ, относительно самыхъ имуществъ монастырскихъ постановилъ лишь три слѣдующія правила: а) монастырскихъ и вообще церковныхъ имѣній ни отдавать, ни продавать, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сами вкладчики напишутъ въ своемъ завѣщаніи, что пожертвованныя ими вотчины могутъ или должны быть возвращены ихъ потомкамъ за извѣстный выкупъ; б) монастыри, имѣющіе у себя довольно земель и селъ для своего содержанія, не должны просить у царя ни новыхъ угодій, ни льготныхъ грамотъ, развѣ только въ случаѣ крайней нужды (Стогл. гл. 75); в) монастыри и монастырскія казны вѣдаютъ великокняжескіе дворецкіе и дьяки, и приказываютъ по книгамъ новымъ архимандритамъ, игуменамъ и строите-

(222) Въ описи домовоі патріаршей казны 1634 года, между прочимъ, записано: Грамата блаженныя памяти государя и вел. князя Ивана Васильевича всея Русіи 7059 года за приписыми дьяковъ Федора, а чей—слова того невнать, ветхо добръ, за рукою Сидорова, *лыотная на ось патріарши вотчины*, печати у нее нѣтъ (Горчаков. О земед. владѣн. митрополитовъ..., Прилож. II, стр. 84).

лямъ съ соборными старцами, и считаютъ или повѣряютъ ихъ во всякомъ приходѣ и расходѣ (гл. 49. 68, стр. 235. 298). Царю, однакожъ, этого показалось недостаточнымъ, и онъ послѣ того уже, какъ окупчено было соборное уложеніе, въ особомъ приговорѣ вмѣстѣ съ отцами Стоглаваго собора постановилъ еще слѣдующее: 1) отобрать у архіереевъ и монастырей всѣ тѣ владѣнія, которыя приобрѣтены ими незаконно,—въ частности: а) отобрать тѣ помѣстныя и черныя земли, которыя владыки и монастыри насильно поотнимали за долги у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, или которыя неправильно записали за владыками и монастырями писцы, и возвратитъ стариннымъ владѣльцамъ; б) отобрать села, волости и всякія угодья, которыя розданы владыкамъ и монастырямъ боярами въ малолѣтство государя, и возвратитъ тѣмъ, кому принадлежали при Василии Ивановичѣ; в) отобрать и тѣ вотчины, которыя, вопреки узаконенію Ивана III и Василя Ивановича, жители городовъ Твери, Микулинска, Торжка и другихъ, также потомки князей суздальскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ подавали монастырямъ на поминъ душъ, безъ вѣдома государева; впрочемъ эти послѣднія вотчины отобрать у монастырей за опредѣленную денежную имъ плату изъ казны и раздать въ помѣстья боярскимъ дѣтямъ. 2) Впредь архіерей и монастыри не должны ни у кого покупать и никто не долженъ прсдавать имъ вотчинъ безъ доклада государю; равно архіерей и монастыри ни отъ кого не должны принимать и никто не долженъ имъ давать вотчинъ по душамъ безъ доклада же государю: иначе всѣ эти вотчины, купленные, проданныя, подаренныя, будутъ безденежно отбираемы на государя. 3) Вотчинъ, которыя какъ прежде даны

были, такъ и впредь будутъ даваемы монастырямъ на помянъ душъ, никому у монастырей не выкупать; но если сами вкладчики въ своей данной или духовной граматѣ написали или напишутъ, кто изъ ихъ родственниковъ имѣеть право выкупить эти вотчины и за какую цѣну, въ такомъ случаѣ названные родственники могутъ воспользоваться своимъ правомъ, какъ было при вел. кн. Иванѣ III и Василии Ивановичѣ (Стол. гл. 101, стр. 430—434).

Государь и на этомъ не остановился. Онъ ясно видѣлъ тотъ нравственный вредъ, какой причиняло монастырямъ обладаніе селами и разными угодьями и, при случаѣ, высказывалъ свои мысли и архіереямъ и монашествующей братіи⁽³²³⁾. Объ этомъ же нравственномъ вредѣ для иноковъ и о неприличіи имъ владѣть вотчинами говорили тогда и другіе, какъ духовныя лица, такъ и мірскія⁽³²⁴⁾. То же самое и еще съ большею рѣзкостью проповѣдывали тогда извѣстный еретикъ Ѳеодосій Косой и его послѣдователи, ссылаясь на князя-старца Вассіана и на Максима Грека, такъ что монахъ Зиновій, опровергая лжеученіе этого еретика, вынужденъ былъ защищать противъ него и вотчинныя права нашихъ монастырей и святителей⁽³²⁵⁾. А между тѣмъ болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ свободныхъ земляхъ для надѣленія ими служилыхъ людей и для другихъ цѣлей государ-

⁽³²³⁾ Наприм., въ посланіи къ архіепископу казанскому Гурію (Продолж. Древней Росс. Вивліое. V, 244) и въ посланіи въ Кирилло-бѣлов. монастырь (А. И. I, № 204).

⁽³²⁴⁾ Наприм., извѣстный Артемій, бывший игуменомъ Троице-серг. монастыря и другіе наволжскіе старцы (см. посланіе Артемія къ царю Ивану IV, въ Опис. рукописей Ундольскаго стр. 369) и князь Курбскій (Сказанія кн. Курбск. I, 49. 51. 52. 162. 164 и др.).

⁽³²⁵⁾ *Зинов. Истинн. показаніе* стр. 888—927.

ственныхъ. И вотъ въ 1573 г., по приказу государеву, митрополитъ и весь освященный соборъ и всѣ бояре приговорили: «въ большіе монастыри, гдѣ земель много, впредь вотчинъ не отказывать; если же кто завѣщаетъ вотчину, то ее не записывать за монастыремъ въ Помѣстной Избѣ, а отдавать роду и племени—служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было и земля изъ службы не выходила; но кто дастъ вотчину малымъ монастырямъ, у которыхъ земель мало, тѣ вотчины, съ доклада государю, записывать, а безъ доклада и безъ боярскаго приговора не записывать (А. И. I, стр. 570). Наконецъ, въ 1580 г., по волѣ государя, состоялся соборъ всѣхъ русскихъ архіереевъ со множествомъ настоятелей монастырей и другихъ старцевъ, который, въ виду бѣдственныхъ обстоятельствъ отечества, истощеннаго продолжительными войнами съ сосѣдями и сознавая, что у правительства оскудѣли средства для служилыхъ людей воинскаго чина, между тѣмъ какъ у владыкъ и монастырей много вотчинъ, даже излишнихъ, и много богатства, нерѣдко употребляемаго на позорную жизнь, уложилъ, вмѣстѣ съ царскимъ сигклитомъ, слѣдующее: 1) всякія земли и угодья, которыя доселѣ принадлежали митрополиту, владыкамъ и монастырямъ, должны оставаться за ними неприкосновенно, и никто никакимъ судомъ и тяжбою не долженъ отнимать у нихъ этихъ вотчинъ и выкупать, хотя бы какое мѣсто и не было утверждено за ними крѣпостями, и впредь съ монастырями о вотчинахъ не тягаться. 2) Но тѣ земли, которыя нынѣ состоятъ въ закладѣ за митрополитомъ, владыками и монастырями, отобрать на государя; а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Также

и въ вотчинахъ княженицкихъ, т. е. служилыхъ князей, которыя прежде сего пожертвованы были владыкамъ и монастырямъ, воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ; а которыя вотчины княженицкія доселѣ купили себѣ владыки и монастыри, тѣ отобратъ на государя, въ деньгахъ же воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. 3) Впредь вотчинникамъ своихъ вотчинъ по душамъ въ монастыри не отдавать, а давать за вотчины монастырямъ деньги, сколько какое село стоитъ; сямья же села передавать наслѣдникамъ, хотя бы и дальнимъ. Равно впредь митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель себѣ не покушать и не принимать подъ залогъ; а если кто и послѣ сего купить себѣ землю или начнетъ держать подъ залогомъ, тѣ земли отбирать на государя безденежно. Вообще впредь митрополиту, владыкамъ и монастырямъ не прибавлять себѣ земель никакимъ образомъ и жить только на тѣхъ земляхъ, что нынѣ за ними. А если какой монастырь убогъ и у него земли мало или вовсе нѣтъ, пусть бьетъ челомъ государю, и государь, приговоря съ митрополитомъ соборнѣ и съ боярами, устроятъ тотъ монастырь землею, чтобы ему можно было жить ⁽³²⁶⁾. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, соборъ утвердилъ за владыками и монастырями всѣ прежнія ихъ владѣнія и торжественно призналъ неотъемлемость и неотчуждаемость этихъ владѣній, то съ другой—самъ же исключилъ нѣкоторыя изъ нихъ и передалъ на государя и на его волю, а главное—безусловно запретилъ владыкамъ и монастырямъ на будущее время увеличивать свои

(326) Собр. госуд. грамм. I, № 200.

владѣнія, какимъ бы то ни было образомъ, кромѣ одного пожалованія, обѣщаннаго впрочемъ лишь монастырямъ убогимъ. Это было послѣднее и самое важное рѣшеніе вопроса о церковныхъ имуществахъ въ царствованіе Ивана IV, перешедшее и къ его пресмникамъ. Надобно, однакожъ, сознаться, что какъ, повидимому, ни старался царь грозный ограничивать вотчинныя права духовенства, какія ни утверждалъ противъ нихъ узаконенія, онъ самъ же первый и нарушалъ эти узаконенія. Несмотря, наприм., на приговоръ 1573 г., чтобы въ большіе монастыри, гдѣ земель много, впредь не давать вотчинъ, онъ далъ въ 1575 г. одному изъ богатѣйшихъ монастырей—Кирилло-бѣлозерскому два села по бояринѣ своемъ Иванѣ Бѣльскомъ, одно въ ростовскомъ, другое въ московскомъ уѣздѣ, со многими деревнями и пустошами⁽³²⁷⁾. Несмотря на соборное постановленіе 1580 г., запрещавшее впредь всякое увеличеніе монастырскихъ владѣній, пожаловалъ въ 1583 г. тому же Кирилло-бѣлозерскому монастырю еще три села съ деревнями и починками, одно въ Бѣжецкомъ верху да два въ костромскомъ уѣздѣ⁽³²⁸⁾.

Какъ же владѣла и управляла русская церковь своими недвижимыми имуществами и каковъ былъ характеръ ея владѣнія. и управленія? Такъ-называемыя церковныя имѣнія въ Россіи не были общимъ достояніемъ всей церкви или всего духовенства и не находились подъ вѣдѣніемъ и распоряже-

⁽³²⁷⁾ А. Юрид. № 126.

⁽³²⁸⁾ Въ Бѣжецкомъ верху—село Вильгошее, въ костромскомъ уѣздѣ—село Стрѣтенское и село Цыбино. Рукописный Сборникъ Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ Спб. дух. акад., безъ №, въ двухъ огромныхъ книгахъ, содержащихъ въ себѣ копии жалованныхъ грамотъ и крѣпостныхъ актовъ на имѣнія означеннаго монастыря, кн. II, л. 414—416.

нѣмъ высшей церковной власти, хотя послѣдняя съ половины XVI вѣка и дѣлала неразъ, по волѣ государя, нѣкоторыя общія постановленія относительно этихъ имѣній. Нѣтъ, церковныя имѣнія у насъ были лишь частною собственностію отдѣльныхъ церковныхъ учреждений и принадлежали то архіерейскимъ домамъ или каеэдрамъ, то монастырямъ, то церквамъ. Каждый архіерей распоряжался имѣніями своей каеэдры совершенно самостоятельно и независимо отъ митрополита и отъ собора отечественныхъ іерарховъ; каждый настоятель монастыря съ своею братією и каждый настоятель церкви съ причтомъ точно такъ же совершенно самостоятельно распоряжались имѣніями своего монастыря или своей церкви и совершенно независимо отъ своего епархіальнаго архіерея. Всѣ эти духовныя землевладѣльцы и вотчинники, по одному собственному усмотрѣнію, и принимали въ даръ жертвуемыя имъ земли и вотчины, и сами покупали себѣ села и разныя угоды, и мѣняли ихъ, и продавали, по крайней мѣрѣ, до изданія извѣстныхъ соборныхъ опредѣленій, и вообще пользовались всѣми правами, какими пользовались тогда у насъ и прочіе частныя землевладѣльцы и вотчинники. Но, съ другой стороны, наши духовныя вотчинники имѣли и важныя преимущества предъ прочими частными вотчинниками, по отношенію къ населеннымъ своимъ землямъ,—преимущества, состоявшія въ тѣхъ льготахъ, какія предоставляемы были духовенству жалованными грамотами нашихъ князей. Сначала льготы эти давались только на отдѣльныя вотчины, и на нѣкоторыя въ большемъ размѣрѣ, на другія въ меньшемъ, такъ что одинъ и тотъ же духовный владѣлецъ въ разныхъ своихъ вотчинахъ пользовался неодинаковыми правами; но потомъ

съ конца XV столѣтія болѣе и болѣе обобщались и распространялись на всѣ церковныя владѣнія, по мѣрѣ того, какъ вел. князья выдавали архіереямъ, монастырямъ и церквямъ однѣ и тѣ же свои жалованныя грамоты разомъ на всѣ ихъ вотчины (³²⁹). По силѣ этихъ льготъ управленіе нашихъ духовныхъ владѣльцевъ ихъ недвижимыми, населенными имѣніями отличалось особеннымъ характеромъ: оно походило не столько на управленіе частныхъ собственниковъ принадлежавшими имъ вотчинами, сколько на управленіе самого государя его дворцовыми вотчинами и областями всего государства.

Главная льгота, которою пользовались владѣльцы духовнаго званія, состояла въ томъ, что ихъ земли и вотчины, подобно вотчинамъ самого государя, были освобождены изъ-подъ зависимости отъ мѣстныхъ государственныхъ властей или чиновниковъ и въ административномъ, и въ судебномъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ, тогда какъ владѣнія прочихъ частныхъ вотчинниковъ не были свободны отъ этой зависимости, по крайней мѣрѣ, въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ (³³⁰). Другая льгота, восполнявшая первую, была та, что духовные владѣльцы сами вѣдали свои вотчины съ полною самостоятельностью и имѣли въ нихъ, по примѣру государя—въ его вотчинахъ и во всемъ государствѣ, своихъ особыхъ чиновниковъ, свои собственные органы власти. Для управленія государствомъ, государь поставлялъ надъ городами и уѣздами своихъ *наместниковъ*, а надъ волостями и станами—*волостелей*, съ подвѣдомыми имъ низшими чинами: *тиунами*,

(³²⁹) А. Э. I, №№ 189. 278. 377; А. И. I, №№ 163. 200 и др.

(³³⁰) *Бѣллев.* О повемельномъ владѣніи въ москов. государствѣ, Времени. М. И. Общ. XI, отд. I, стр. 11—24.

недѣльщиками, праведчиками, доводчиками, приставами, становщиками и другими: отъ этихъ-то властей, которымъ подчинены были въ ихъ округахъ, по управленію, суду и отбыванію податей и повинностей, всѣ лица и земли, освобождены были церковныя имѣнія, какъ и дворцовыя; этимъ-то чинамъ, состоявшимъ на государственной службѣ, строго было заповѣдано, чтобы они въ церковныхъ вотчинахъ, какъ и дворцовыхъ, не вмѣшивались ни во что, не вступались ни въ земли, ни въ поселянъ, не судили ихъ ни въ чемъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, и даже не вѣзжали къ нимъ ни за чѣмъ и не брали съ нихъ ни кормовъ, ни подводъ и ничего другаго ⁽³³¹⁾. Для управления своими дворцовыми вотчинами государь имѣлъ особыхъ чиновниковъ: во главѣ всѣхъ—*дворецкаго*, который жилъ при дворцѣ, завѣдывалъ всею хозяйственною въ немъ частію, всѣми должностными лицами по этой части и домовою прислугою, всѣми имѣніями вел. князя и доходами съ нихъ и облеченъ былъ высшею судебною властію въ предѣлахъ своего вѣдомства; а затѣмъ въ дворцовыхъ волостяхъ—*волоостей*, въ отдѣльныхъ вотчинахъ—*приказчиковъ*, въ селахъ—*посельскихъ*, равно какъ и низшихъ чиновниковъ—*тиуновъ, недѣльщиковъ, приставовъ* и другихъ, которые употреблялись по дѣламъ управленія, суда и собиранія доходовъ въ дворцовыхъ вотчинахъ ⁽³³²⁾. По примѣру государя, и наши архіе-

⁽³³¹⁾ Относительно вотчинъ дворцовыхъ—А. Э. I, №№ 143. 183. 201. 240; церковныхъ—А. Э. I, №№ 60. 75. 181. 189. 159. 209; А. И. I, №№ 58. 111; Д. А. И. I, № 193 и др.

⁽³³²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 280—281; Древн. Росс. Вивліое. XX, 2. 140; А. Э. I, №№ 143. 159. 183. 198. 240. 256. 259. Въ послѣднемъ актѣ упоминается *дворецкій большаю Дворца*.

рея имѣли, каждый, при своемъ архіерейскомъ дворѣ—*дворецкаго*, сосредоточивавшаго въ себѣ главное завѣдываніе какъ имуществомъ и прислугою архіерейскаго дома, такъ и всѣми архіерейскими вотчинами и служившими въ нихъ лицами⁽³³³⁾; иногда *наместниковъ*—въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ находились архіерейскія имѣнія, каковъ былъ, напримѣръ, въ городѣ Владимірѣ наместникъ митрополита изъ свѣтскихъ людей, служившій именно по дѣламъ вотчиннымъ⁽³³⁴⁾; *волостелей*, *приказчиковъ*, *посельскихъ*—въ архіерейскихъ волостяхъ, отдѣльныхъ вотчинахъ и селахъ, а равно и прочихъ служилыхъ людей—*тіуновъ*, *доводчиковъ*, *недѣльщиковъ*, *приставовъ* и др.⁽³³⁵⁾. У монастырей если и не было дворец-

⁽³³³⁾ Кромѣ одного архіерейскаго дворецкаго, бывшаго изъ монашествующаго духовенства (А. до юрид. быта Россіи II, № 156, ст. I. II), всѣ прочіе дворецкіе, сколько извѣстно, были изъ бояръ и дѣтей боярскихъ, вообще изъ мирскихъ людей (А. до юрид. б. Россіи т. I, № 103, ст. I; № 118, ст. VII; т. II, № 147, ст. I. V. VI. X. XIII и др.; № 156, ст. IV. V. XI. XII. XV. XVI; А. Ю. № 17). У новгородскаго владыки въ 1548 г. дворецкимъ былъ Ивавъ Млханловичъ Волуевъ (*Куріанов*. Отрывки изъ расход. книг. соф. дома, вѣ. Изв. Археогр. Общ. III, вып. I, 36. 40. 41). Собственно казною архіерейскаго дома завѣдывалъ не дворецкій, а казначей (тамъ же 37. 41. 44; Стогл. стр. 311 и др.).

⁽³³⁴⁾ Въ 1515 г., когда во Владимірѣ были у митрополита наместники *черные*, т. е. изъ монаховъ, занимавшіеся дѣлами духовными (А. Э. I, № 159), тамъ же былъ у него и наместникъ изъ свѣтскихъ—Феддоръ Васильевичъ Тиронъ, занимавшійся дѣлами хозяйственными (А. до юрид. б. Россіи, т. II, № 147, ст. X). Въ 1518 г. тамъ же упоминается наместникъ митрополита, разбиравшій тяжбное дѣло по церковнымъ имуществамъ, Юрій Григорьевичъ Мануиловъ (А. Ю. № 16), который потомъ въ 1524 г. возведенъ былъ на высшую степень митрополничьяго дворецкаго (А. до ю. б. Россіи, т. II, № 147, ст. XIV). Такой же наместникъ изъ свѣтскихъ, Юрій Репеховъ, былъ и у новгород. владыки, доставлявшій въ 1467 г. *кормы* вел. князю, прибывшему въ Новгородъ (Собр. Р. Лѣт. VI, 202).

⁽³³⁵⁾ А. Э. I, №№ 45. 75. 92; А. Ю. № 8; А. до ю. б. Россіи, т. I, № 103; т. II, № 156, ст. XIV; №№ 178. 183. 217. 218.

кихъ для главнаго завѣдыванія вотчинами, потому что оно сосредоточивалось обыкновенно въ лицѣ самого настоятеля и монастырскаго собора, не было также намѣстниковъ и волостелей, то были свои приказчики, посельскіе, тѣлуны, недѣльщики, доводчики и другіе (³³⁶). Даже церкви и церковныя причты, владѣвшіе обыкновенно немногими землями и вотчинами, хотя большею частію сами непосредственно завѣдывали ими, иногда имѣли для того и своихъ приказчиковъ (³³⁷). Изъ всѣхъ перечисленныхъ чиновъ дворецкіе, намѣстники, волостели, приказчики, иногда и посельскіе совмѣщали въ себѣ, каждый въ кругѣ своего вѣдомства, тройкую власть: по управленію, по суду и по собиранію доходовъ и оброковъ. Но одни изъ этихъ чиновъ (дворецкіе) были не у всѣхъ духовныхъ владѣльцевъ; другіе (намѣстники, волостели, посельскіе) не у всѣхъ и не всегда; а самыми постоянными и у всѣхъ духовныхъ владѣльцевъ управителями имѣній являлись приказчики. Права и обязанности чиновныхъ лицъ, непосредственно завѣдывавшихъ населенными вотчинами, опредѣлялись въ особыхъ наказахъ или уставныхъ грамотахъ, какіе выдавали имъ, равно какъ самимъ поселянамъ, духовныя владѣльцы (³³⁸).

По управленію имѣніями, архіерейскими и монастырскими, главная обязанность приказчика или вообще управителя, какъ

(³³⁶) А. Э. I, №№ 34. 64. 119. 221. 244. 248. 255. 258. 268; А. Ю. №№ 46. 47. Изъ указанныхъ актовъ (А. Э. I, №№ 221. 255) видно, что приказчиками и посельскими въ монастырскихъ вотчинахъ бывали иногда монахи и назывались: старецъ-приказчикъ, старецъ-посельскій.

(³³⁷) А. Э. I, № 159; Сборн. *Мухомова*, изд. 2, № 280.

(³³⁸) А. Э. I. №№ 221. 255. 258. 268. 307.

бы онъ ни пазывался—приказчикомъ, волостелемъ или поселскимъ, состояла въ томъ, чтобы всячески радѣть объ этихъ имѣніяхъ и получаемыхъ съ нихъ доходахъ: онъ охранялъ архіерейскія или монастырскія земли отъ сторонняго завладѣнія; мѣнялъ ихъ, продавалъ, прикупалъ къ нимъ новыя, разумѣется, по волѣ владѣльцевъ; призывалъ на эти земли поселенцевъ, заключалъ съ ними условія, надѣлялъ ихъ участками, взыскивалъ съ нихъ оброки, принималъ и хранилъ хозяйственные запасы, расходовалъ ихъ и во всемъ отдавалъ отчетъ владѣльцамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій, каковы: мѣна, продажа, покупка земель, приглашеніе новыхъ поселенцевъ, въ монастыряхъ часто производились непосредственно настоятелями, а въ архіерейскихъ домахъ—дворецкими⁽³³⁹⁾. Затѣмъ на приказчикѣ или управителѣ лежала обязанность имѣть попеченіе и о самихъ поселенцахъ. Безъ его вѣдома и разрѣшенія крестьяне подвѣдомою ему вотчины не могли ни мѣнять, ни продавать свои недвижимыя и нѣкоторыя даже движимыя имущества; безъ его дозволенія не могли вступать въ бракъ ни между собою, ни съ лицами сторонними; не могли принимать въ свои дома людей прохожихъ. Приказчикъ слѣдилъ, чтобы крестьяне не играли зернью, не держали въ своемъ селѣ или деревни скомороховъ, волхвовъ, бабъ-ворожей, татей, разбойниковъ и другихъ лихихъ людей. Восбще крестьяне каждой вотчины подчинены были своему приказчику во всѣхъ отношеніяхъ и должны были слушаться его во

⁽³³⁹⁾ Горчаков. О земел. влад. русск. митрополитовъ. Приложен. стр. 42. 43. 49. 52—62. 63—65. 78—80; А. Ю. №№ 73. 74. 88—90. 100. 106; А. Э. I, №№ 34. 75; Доп. А. И. I, № 193; А. до юрид. б. Россіи т. II, № 147, ст. II. V—VIII; № 156, ст. XIV и др.

всемъ, хотя, съ другой стороны, въ случаѣ неудовольствій на него имѣли право приносить жалобы своимъ владѣльцамъ ⁽³⁴⁰⁾. Въ помощь приказчику обыкновенно назначался владѣльцами *доводчикъ*, который былъ главнымъ исполнителемъ его распоряженій, а самими крестьянами избирались изъ среды ихъ *старосты* и *целовальники*, также *десятскіе*, *пятидесятскіе*, *сотскіе*, *заказчики*, служившіе орудіями приказчика для ближайшаго полицейскаго надзора за крестьянами и отвѣчавшіе за сохраненіе порядка и благочинія между ними ⁽³⁴¹⁾. Слѣдуетъ присовокупить, что, заботясь о житейскомъ бытѣ и поведеніи своихъ поселянъ, архіереи и монастыри не оставляли безъ попеченія и ихъ духовныхъ нуждъ, строили и содержали въ своихъ имѣніяхъ церкви и помѣщенія для духовенства, давали церковнымъ причтамъ, хотя и небольшіе, надѣлы изъ собственной земли: напримѣръ, Кирилло-бѣлозерскій монастырь къ концу XVI в. имѣлъ въ своихъ вотчинахъ (51 село и сельцо, 1 слобода и 3 волости) 80 церквей, въ нѣкоторыхъ большихъ вотчинахъ по двѣ, даже по три церкви, въ томъ числѣ и теплыя, а церковной пашни при всѣхъ этихъ церквахъ числилось 36 вытей, т. е. отъ 180 до 360 десятинъ въ одномъ полѣ ⁽³⁴²⁾.

⁽³⁴⁰⁾ А. Э. I, №№ 221. 244. 255. 258. 307.

⁽³⁴¹⁾ А. Э. I, №№ 194. 221. 244. 258.

⁽³⁴²⁾ Рукопись Кирилло-бѣлов. монастыря, вышѣ с. п. д. акад., подъ заглавіемъ: «Книги переписныя монастырскіе вотчинъ всѣхъ селъ 6109 (т. е. 1601) году», № 1309, л. 149. Въ это время земельныя владѣнія Кир.-бѣлов. монастыря находились уже въ одиннадцати уѣздахъ: бѣловерскомъ, вологодскомъ, пошехонскомъ, углицкомъ, костромскомъ, ростовскомъ, дмитровскомъ, клинскомъ, московскомъ, коломенскомъ и въ бѣжедскомъ верху (тамъ же л. 3—149). И именно: въ дмитровскомъ уѣздѣ монастырь получилъ село Вертлинское въ 1570 г. отъ царя Ивана Васильевича (А. Э. I, № 278), въ московскомъ—село Егозино въ 1571 г. отъ Ив. Васильевича Шереметева, въ Пошехонскомъ—село Борисо-

Судъ надъ церковными крестьянами существовать троякаго рода. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ уголовныхъ—душегубствѣ, разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ они судились, какъ и всѣ поданные государства, мѣстными государственными чинами—намѣстниками, волостелями и другими, по общимъ государственнымъ законамъ. Въ прочихъ уголовныхъ дѣлахъ и въ тяжбахъ между собою судились своими духовными владѣльцами. А въ спорахъ и тяжбахъ съ лицами посторонними подлежали такъ-называвшемуся суду «смѣстному»⁽³⁴³⁾. Только немногіе духовные владѣльцы производили судъ надъ своими крестьянами сами непосредственно: это преимущественно настоятели церквей и тѣхъ монастырей, у которыхъ крестьянъ было немного. Всѣ прочіе обыкновенно предоставляли производство суда въ своихъ вотчинахъ мѣстнымъ своимъ управителямъ, т. е. приказчикамъ, волостелямъ, посельскимъ⁽³⁴⁴⁾. Есть основаніе думать, что каждый изъ этихъ управителей не иначе могъ судить подвѣдомыхъ ему крестьянъ, какъ въ присутствіи трехъ, четырехъ, или пяти и шести избранныхъ изъ среды ихъ «добрыхъ» мужей, хотя, быть можетъ, такое правило и не было общимъ во всѣхъ церковныхъ имѣніяхъ⁽³⁴⁵⁾.

гдѣбское въ 1571 г. отъ князя Давида Андреевича Кежскаго, въ ростовскомъ—село Спасское и московскомъ с. Пирогово въ 1575 г. отъ царя Ивана Васильевича, въ костромскомъ—с. Стретенское и въ бѣжецкомъ верху с. Вильгошее въ 1583 г. отъ царя Ивана Васильевича (Сборн. Кир.-бѣлов. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., безъ №, въ двухъ огромныхъ книгахъ, содержащій копию жалованныхъ грамотъ и крѣпостныхъ актовъ на имѣнія означеннаго монастыря, кн. II, л. 145 об., 387 об. 416—418. 739. 882). О церквяхъ и церковной землѣ въ вотчинахъ другихъ монастырей и архіерейскихъ домовъ см. въ писцов. книгахъ (*Исволики*. О пятн. новгор. прилож. стр. 261. 262 и др.).

⁽³⁴³⁾ А. Э. I, №№ 56. 75. 79. 88, 99; А. И. I, №№ 83. 87. 106. 111. 131 и др.

⁽³⁴⁴⁾ А. Э. I, №№ 56. 75. 119. 159 и др.

⁽³⁴⁵⁾ А. Э. I, № 258. Уставн. грамота патр. Иова 1590 г. Новин. монастырю

Есть также основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, въ вотчинахъ нѣкоторыхъ монастырей, наприм., Іосифо-волоколамскаго, управитель окончательно рѣшалъ на мѣстѣ, своею властію, только менѣе важныя судныя дѣла, а по дѣламъ, болѣе важнымъ, приказывалъ крестьянамъ «ставиться» къ опредѣленному сроку въ монастырь. Здѣсь, на особомъ дворѣ внѣ монастыря, ихъ выслушивали назначенные для того старцы, которыя дѣла «обычныя» рѣшали сами и тотчасъ же отпускали подсудимыхъ, а о дѣлахъ «необычныхъ» докладывали игумену или келарю. Игуменьъ обсуждалъ эти дѣла съ келаремъ и соборною братіею и чрезъ тѣхъ же старцевъ объявлялъ свои рѣшенія ждавшимъ на дворѣ крестьянамъ и отпускалъ ихъ. Въ иныхъ монастыряхъ и на судѣ игумена съ соборными старцами сидѣли при этомъ по два или по три «лучшихъ» людей, избранныхъ самими крестьянами изъ ихъ среды ⁽³⁴⁶⁾. Равнымъ образомъ и въ имѣніяхъ архіерейскихъ были судныя дѣла, которыя архіереи рѣшали не чрезъ своихъ волостелей, праказчиковъ, поселскихъ, а сами непосредственно или чрезъ своихъ намѣстниковъ и дворецкихъ ⁽³⁴⁷⁾. На несправедливыя рѣшенія своихъ мѣстныхъ судей—приказчиковъ, поселскихъ и другихъ, на ихъ пристрастіе, притѣсненія, поборы, церковныя крестьяне могли жаловаться самимъ своимъ владѣльцамъ, и судьи подлежали строгой отвѣтственности ⁽³⁴⁸⁾.

«по прежней жалованной Макарія митрополита грамотѣ» (Времени. II, отд. III, стр. 18).

⁽³⁴⁶⁾ Уставъ преп. Іосифа Волок., въ *Макар.* Четв-мин. Сент. 9, стр. 600—601. С. п. б. 1868. Уставн. грам. патр. Іова 1590 г., указанная въ предыд. примѣчаніи.

⁽³⁴⁷⁾ А. Ю. № 16; *Горчаков.* О земел. влад. митр., Прилож. стр. 51—52.

⁽³⁴⁸⁾ А. Э. I, №№ 221. 255. 258.

А въ случаяхъ недовольства церковныхъ крестьянъ рѣшеніями своихъ владѣльцевъ, также въ случаяхъ исковъ, направленныхъ этими крестьянами, равно какъ и всякими другими людьми, лично на управителей церковныхъ имѣній и на самихъ владѣльцевъ—настоятелей монастырей и церквей и на архіереевъ, всѣ такого рода иски поступали непосредственно къ великому князю, который или рѣшалъ ихъ самъ, или поручалъ рѣшать своему боярину «введенному», а иногда дворецкому⁽³¹⁹⁾. Въ «смѣстномъ» судѣ надъ церковными крестьянами, по спорамъ ихъ съ людьми сторонними, участвовали, вмѣстѣ съ княжескими или царскими чиновниками, иногда сами настоятели монастырей, а отъ архіереевъ—ихъ дворецкіе и намѣстники, но гораздо чаще только низшіе управители церковныхъ имѣній—волостели, приказчики, посельскіе. Если судьи обѣихъ тяжущихся сторонъ рѣшали дѣло согласно, то рѣшеніе это приводилось въ исполненіе судьями той стороны, вѣдомству которой подлежалъ подсудимый. Если же судьи вдавались въ пререканія и не постановляли согласнаго рѣшенія, то обязаны были докладывать дѣло и ставить тяжущихся предъ князя, который и рѣшалъ дѣло окончательно⁽³²⁰⁾. Были еще судебныя дѣла особаго рода, касавшіяся церковныхъ вотчинъ, дѣла не по спорамъ и тяжбамъ крестьянъ церковныхъ съ сторонними людьми, а по спорамъ и тяжбамъ самихъ духовныхъ владѣльцевъ между собою и съ посторонними лицами о земельныхъ участкахъ и другихъ недвижимыхъ имуще-

⁽³¹⁹⁾ А. Э. I, №№ 60. 75. 88. 124. 159. 179. 208; А. И. I, №№ 74. 87. 88. 125. 181.

⁽³²⁰⁾ Доп. А. И. I, № 17; А. Э. I, № 175 и др.

ствахъ, которыя владѣльцы эти считали своими: такого рода дѣла разбирались и рѣшались не смѣстнымъ судомъ, а однимъ судьями гражданскими и, въ высшей инстанціи, самимъ государемъ съ его боярами (³⁵¹).

Доходы и вообще выгоды, какіе получали наши духовныя владѣльцы съ своихъ недвижимыхъ имуществъ, были различны, судя потому, какъ пользовались владѣльцы этими имуществами.

Нѣкоторыя изъ имуществъ они оставляли въ своемъ непосредственномъ владѣніи и пользованіи. У архіереевъ бывала обыкновенно своя такъ-называвшаяся «домовая архіерейская пашня», у монастырей — «монастырская пашня», которыя засѣвались разными сѣменами и обрабатывались для самихъ владѣльцевъ; бывали также свои опредѣленные участки луговой земли, съ которыхъ собиралось для нихъ сѣно; свои огороды, съ которыхъ собирались разные овощи. Все это шло какъ на содержаніе самихъ архіереевъ или монастырской братіи, такъ и ихъ слугъ и домашняго скота. Для домовою архіерейскою и монастырскою пашни обыкновенно удѣлялась владѣльцами лишь незначительная часть ихъ земельныхъ владѣній (³⁵²). Нѣкоторые монастыри и архіерейскіе дома сами

(³⁵¹) А. Ю. №№ 1—3. 12. 18. 23; А. до юрид. быта Россіи I, №№ 52. 103; А. И. I, №№ 126. 134. 248; Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 124.

(³⁵²) А. до юрид. быта Россіи II, № 178; III, № 217; А. Э. I, № 258. У Кирилло-Бѣлозер. монастыря къ концу XVI в. было «монастырской пашни» только 1059 четвертей, т. е. 529½ десятины въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ 1588½ десятины, тогда какъ крестьянамъ отдавалось 1096 вытей, т. е. 5480 десятины въ одномъ полѣ, если въ выти считать по пяти только десятины, или 10960 десятины въ одномъ полѣ, если въ выти считать по десяти десятины, а въ трехъ поляхъ отъ 16440 до 32880 десятины (Рукоп. Кирил.-Бѣлоз. монастыря, вынѣ с. п. б. дух. акад., содержащая опис. монастыр. вотчинъ въ

пользовались своими рѣками, озерами, имѣли своихъ «ловцовъ», которые ловили рыбу въ большомъ количествѣ; рыбу эту солили и сушили, — для чего назначались «сушильные старцы», — и въ такомъ видѣ иногда продавали ⁽³³³⁾. Еще нѣкоторые монастыри, особенно соловецкiй, Кирилло-бѣлозерскiй, Троицко-сергiевъ, сами пользовались своими соляными варницами, держали своихъ «соловаровъ», имѣли въ разныхъ городахъ амбары для складовъ соли и производили ею иногда весьма обширную и выгодную торговлю ⁽³³⁴⁾.

Другія свои имѣнiя: земли, воды, дворы, огороды, соляныя варницы и проч., владѣльцы духовнаго званiя отдавали во

1601 г., № 1309, л. 149). Въ приходной книгѣ новгородскаго архіерейскаго дома за 1577 г., между прочимъ, читаемъ: «пожни Климовская на Волховѣ, косятъ ее на архіепископъ обиходъ черницкіе крестьяне; пожня Пересуха, косятъ ее на архіепископъ обиходъ грузинскіе крестьяне; пожня Марковская рѣкъ, косятъ ее на архіепископъ обиходъ лидебекіе крестьяне» и такъ далѣе (Рук. Кирилло-бѣлов. монастыря, пнѣѣ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 170—171).

⁽³³³⁾ А. И. I, №№ 85. 96. 192. 193; Доп. А. И. I, №№ 48. 130. Въ означенной приходной книгѣ новгор. архіерейскаго дома за 1577 г. записано: «мая въ 6 дель продапо рыбникомъ Нензору Залякнну съ товарищи изсушила просолные рыбы двѣ бочки лососей, да бочку спговъ, да бочка лудоги, а взято за тое рыбу денегъ девять рублевъ и десять алтынъ...» (л. 9).

⁽³³⁴⁾ А. Э. I, №№ 52. 99; А. И. I, №№ 49. 93. 144; Доп. А. И. I, № 111. У Кирилло-бѣлов. монастыря были дворы съ огородами и амбары для склада и для продажи соли: въ Дмитровѣ (А. Э. I, № 373), Твери, Угличѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Каргополѣ, въ Короткой, въ Турчасовѣ, въ Холмогорахъ, и при амбарахъ вездѣ находился монастырскiй дворъ, въ которомъ жилъ старецъ или дворникъ съ монастырскими слугами, завѣдывавшіе продажею соли (Рук. Кирилло-бѣлов. монастыря, пнѣѣ с. п. б. дух. акад., № 1309, л. 156—157). По грамотѣ в. кн. Василiя Ивановича, монастырь продавалъ до 10000 пудовъ соли ежегодно и получалъ прибылька по 600 рублей и болѣе (А. Э. I, № 246). А въ 1566 г. ему дозволено въ одномъ только Дмитровѣ безошлинно продавать въ годъ по 10000 пудовъ соли (А. Э. I, № 271). Соловецкому монастырю также разрѣшено было безошлинно провозить по шести и потомъ по десяти тысячъ пудовъ соли въ Холмогоры, Устюгъ, Тотму и Вологду для продажи (Грамоты Ивана Вас.

временное пользованіе стороннимъ лицамъ. Большою частию, эти земли и угодья отдавались въ наемъ или въ оброчное содержаніе на годъ, на два или на нѣсколько лѣтъ. Оброчники, въ числѣ которыхъ бывали и поселяне, и князья, и сельскія общины, и монастыри, обязывались платить владѣльцамъ, по договору, опредѣленный ежегодный оброкъ и платили то деньгами, то натуральными продуктами, смотря по роду оброчной статьи: хлѣбомъ, солью, рыбою и под. (355). Иногда же наши архіереи и монастыри отдавали свои земли (обыкновенно населенныя или пустоши), и угодья не на нѣсколько лишь лѣтъ частнымъ лицамъ, а въ пожизненное или даже въ потомственное родовое ихъ владѣніе и пользованіе. Лица эти обязывались ни продавать полученныхъ земель и угодій, ни дарить кому - либо, ни промѣнивать, ни отдавать въ залогъ и под., но сами имѣли право пользоваться ими, какъ своей собственностію: обрабатывать земли, какъ хотѣли, устроить на нихъ разныя хозяйственныя заведенія, приглашать на земли населецвъ, образовать изъ населецвъ

IV, въ Опис. Солов. монастыря *Досиелъ*, ч. III, стр. 3—17. Снес. Доп. А. И. I, № 111). Постолюку же пудовъ соли разрѣшено (1584 г.) продавать въ разныхъ городахъ и Свяжскому монастырю (А. Э. I, № 322).

(355) А. Ю. №№ 176, 179; А. Э. I, № 74, ст. III; А. до юрид. 6. Россіи т. I, № 69, I; № 118, I. V. VIII—X; т. II, № 173, I—IV; № 176, I—III; Древн. грамоты и акты Рязанск. края, собр. *Лискаревъ*. № 12. У новгородскаго владыки отдавались въ оброкъ, на примѣръ: а) въ Псковѣ озеро Ужино въ Кобылецкомъ уѣздѣ — покровскому игумену Корнилию съ братіею, которые платили въ годъ по два рубля московскихъ; б) въ Старой Русѣ до 15-ти дворовъ и огородовъ — разнымъ крестьянамъ, которые платили деньгами; в) по рѣкамъ Волхову и Мстѣ многія тони — также крестьянамъ, платившимъ рыбою и икрою; г) по тѣмъ же рѣкамъ многія пожни — какому-то князю Андрею и крестьянамъ, платившимъ деньгами по книгамъ (Рукоп. Кирил.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 164—173).

крестьянскія вотчины, села, деревни, и управлять ими точно такъ же, какъ управляли бы сами духовные владѣльцы. За такое пользованіе архіерейскими или монастырскими землями и угодьями пользовавшіеся ежегодно платили условленный оброкъ деньгами и естественными произведеніями. А когда лица эти умирали или когда родъ ихъ «изводился» (прекращался), тогда земли и угодья, находившіяся въ ихъ пожизненномъ или родовомъ владѣніи, возвращались духовнымъ владѣльцамъ, но уже со всѣмъ тѣмъ, что на земляхъ было «промыслено серебра и хлѣба и животины», со всѣми хозяйственными постройками и со всѣми населенцами ⁽³⁵⁶⁾. Къ числу имѣній церковныхъ, раздававшихся духовенствомъ во временное владѣніе другимъ лицамъ, слѣдуетъ отнести и тѣ, которыя наши архіереи и монастыри, по примѣру князей, иногда жаловали въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ. Земли эти, иногда и населенныя, давались въ помѣстье тому или другому служилому человѣку, разумѣется, только на то время, доколѣ онъ находился на службѣ и въ своей должности; слѣд. иногда и въ пожизненное владѣніе, если онъ оставался на службѣ до конца своей жизни, а иногда и въ потомственное родовое владѣніе, если по смерти этого лица, служебная должность его переходила, какъ нерѣдко случалось, преемственно къ его дѣтямъ и ихъ дѣтямъ. Своими помѣстьями служилые люди архіереевъ и монастырей имѣли право пользоваться точно такъ же и на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какъ пользовались церковными землями и всѣ вообще лица, полу-

⁽³⁵⁶⁾ А. Э. I, №№ 45. 74; А. до юрид. б. Россія, т. I, № 68; № 69, II. III. № 118, II—IV. VI; Древн. грамоты Рязанск. края, собр. *Дискарев.* № 9.

чавшія ихъ въ пожизненное или родовое владѣніе; но только за свое пользованіе помѣстьями служилые люди не платили духовнымъ владѣльцамъ никакихъ оброковъ: потому что платили самую свою службою. Помѣстья раздавались имъ, по тогдашнему выраженію, «въ кормленіе» за службу; а архіереямъ и монастырямъ приносили ту выгоду, что замѣняли собою денежное жалованье или вознагражденіе съ ихъ стороны служившимъ при нихъ людямъ ⁽³⁵⁷⁾.

Наибольшую часть своихъ земель вотчинники духовнаго званія отдавали не во временное только, а въ постоянное и безсрочное владѣніе и пользованіе тѣмъ людямъ, которые жили на этихъ земляхъ или вновь селились на нихъ по приглашеніямъ, составляли села, деревни, слободы, почишки, и назывались крестьянами того или другаго архіерея, монастыря, церкви. Всѣ эти крестьяне, за то что пользовались землею духовныхъ владѣльцевъ и вмѣстѣ подлежали ихъ управленію и суду, отбывали въ пользу владѣльцевъ личныя повинности, вносили ежегодныя оброки и по временамъ платили разныя пошлыны, которыя опредѣлялись то обычаями, то договорами, словесными или письменными, и иногда выражались въ уставныхъ грамотахъ ⁽³⁵⁸⁾.

Личныя повинности крестьяне отбывали своими трудами. Мы уже упоминали, что наши архіереи имѣли свои домовыя пашни, а монастыри—монастырскія пашни: эти пашни обрабатывались крестьянами, которые удобряли ихъ, пахали, за-

⁽³⁵⁷⁾ А. И. I, №№ 118. 183. 185. 186. 190. 201; А. Ю. № 8; Доп. А. И. II, № 49.

⁽³⁵⁸⁾ А. Юрид. №№ 176—184. 290, п. I; А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268.

сѣивали сѣменами, а потомъ собирали поспѣвшій хлѣбъ, свозили, молотили... Крестьяне также косили архіерейскіе и монастырскіе луга и собирали сѣно для своихъ владѣльцевъ, рубили и возили для нихъ лѣсъ, огораживали ихъ дворы, сады, огороды, ставили или чинили имъ хоромы, чистили пруды, ловили рыбу и проч. Мѣра участія cadaго крестьянина въ отбываніи означенныхъ работъ соразмѣрялась съ количествомъ земли, которою онъ пользовался, и точно обозначалась въ уставныхъ грамотахъ. Работы производились подъ наблюдениемъ архіерейскихъ или монастырскихъ приказчиковъ при содѣйствіи имъ старостъ, цѣловальниковъ и десятскихъ со стороны самихъ крестьянъ ⁽³⁵⁹⁾. Впрочемъ, не всѣ крестьяне несли личныя повинности по отношенію къ своимъ духовнымъ владѣльцамъ, а только тѣ, которые жили вблизи архіерейскихъ домовъ и монастырей или вблизи архіерейскихъ домовыхъ и монастырскихъ пашень, и потому удобно могли работать на архіерейскіе дома и монастыри. Изъ числа этихъ послѣднихъ крестьянъ нѣкоторые, равно какъ и всѣ такъ называвшіеся архіерейскіе и монастырскіе слуги, только личными повинностями и работами и отбывали весь свой долгъ духовнымъ землевладѣльцамъ и никакого оброка имъ не платили; другіе же, менѣе участвовавшіе въ личныхъ повинностяхъ и работахъ, платили и оброки, хотя не въ большомъ размѣрѣ. А тѣ крестьяне, которые, по своему мѣстожителству не участвовали и не могли участвовать въ отбываніи личныхъ повинностей, платили только оброки ⁽³⁶⁰⁾.

⁽³⁵⁹⁾ А. Юрид. №№ 177. 178. 182; А. Э. I, № 258; А. до юрид. б. Россіи I, № 48.

⁽³⁶⁰⁾ Выписки объ этомъ изъ московской приправочной книги 1571 г. приве-

Оброки за свои земли и пашни, которыми пользовались, многие крестьяне вносили только естественными произведениями, какія получали от своихъ пашень, т. е. рожью, пшеницею, овсомъ, ячменемъ и прочими сѣменами: оброкъ хлѣбный. Другіе же вносили — частію естественными произведениями съ своихъ пашень, частію деньгами: оброкъ денежный. А кромѣ того крестьяне платили оброкъ яйцами, масломъ, сыромъ, овчинами, льномъ, холстомъ и вообще домашними запасами, который, впрочемъ, могли замѣнять деньгами. Для точнаго распредѣленія оброка между крестьянами, вся пропорція земли, имъ предоставленной, разбивалась на выти и съ каждой выти назначалось извѣстное количество оброка во всѣхъ его видахъ, такъ что кто владѣлъ вытью, или двумя, или тремя и болѣе, или полвытью и менѣе, соотвѣтственно тому и вносилъ оброкъ. Количество оброка съ вытей въ разныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ было различно и обуславливалось существовавшими обычаями или договорами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отдавали владѣльцамъ цѣлую половину всякаго хлѣба, какой собирали съ своихъ пашень; въ другихъ только третью, четвертую или даже пятую и шестую часть. Столько же неравномѣрны были и денежные и прочіе оброки. Крестьяне — бобыли, занимавшіе въ селахъ и деревняхъ только дворовыя мѣста, но не имѣвшіе пашни, вносили лишь денежный оброкъ съ двора; крестьяне —

дены въ статьѣ *Биллева*: о повемех. влад. въ Моск. государствѣ (Времени. XI, стр. 18—19). Въ Кирилло-бѣловскомъ монастырѣ тѣ земли, которыя предоставлены были во владѣніе слугамъ, кузнецамъ, плотникамъ и ввозчикамъ, назывались *нетялыми* потому, что лица эти не платили монастырю ни хлѣбнаго, ни денежнаго оброка, а отбывали за все своими трудами (см. выше примѣч. 299 и текстъ къ которому оно относится).

ремесленники, промышленники и другіе, жившіе въ посадахъ и слободахъ на церковной землѣ и не занимавшіеся земледѣліемъ, также платили только денежные оброки съ дворовъ, а иногда отбывали и личныя повинности. Собираніемъ оброковъ завѣдывали приказчики, при участіи сельскихъ старостъ и цѣловальниковъ, и для этого назначался иногда одинъ срокъ въ году, иногда два, три, даже четыре, обыкновенно предъ большими праздниками ⁽³⁶¹⁾. Не должно преувеличивать значенія оброковъ, собиравшихся нашими духовными землевладѣльцами. Для примѣра, мы имѣемъ возможность обозначить въ полномъ размѣрѣ тотъ оброкъ, какой получалъ со всѣхъ своихъ имѣній одинъ изъ богатѣйшихъ нашихъ монастырей— Кирилло-бѣлозерскій. Во второй половинѣ XVI в. онъ имѣлъ въ своемъ владѣніи 15 сель большихъ и 8 меньшихъ, 3 приселка и 892 деревни, тяглыхъ къ тѣмъ селамъ. Изъ этого числа шесть сель большихъ, четыре меньшихъ, два приселка и 640 деревень платили только оброкъ хлѣбный, прочіе— хлѣбный и денежный. Въ пользованіе крестьянамъ всѣхъ этихъ сель, приселковъ и деревень монастырь отдавалъ собственной земли 1460 вытей, приблизительно отъ 21900 до 43800 десятинъ въ трехъ поляхъ. Сколько же получалъ ежегоднаго оброка? Ржи 3725 четвертей съ полъ-осьминою и третникомъ, пшеницы 300 четвертей съ полъ-осьминою, ячменя 539 четвертей съ двумя съ половиною осьминами и третникомъ, овса 5884 четверти съ полъ - осьминою, всего же

(361) А. И. I, № 100; А. Э. I, №№ 255. 258. 307. 351. 357; А. Юрид. №№ 176. 177. 184; Уставн. грамота Новинск. монастырю, Временн. II, отд. III, стр. 17—20; Окладн. книга, Временн. XI, 54. 55. 84—86. 193—198 и др.; *Неволин.* О пятни. Новгор., Прилож. стр. 173.

хлѣбнаго оброка 10449 четвертей съ полъ-осминою и двумя третниками. А денежнаго? Только—157 рублей, 25 алтынъ и 3¹/₂ деньга (³⁶²). Къ концу XVI в. во владѣніи того же монастыря числилось 51 село и сельцо, да слободка, да 3 волости, да тяглыхъ къ нимъ 880 деревень; а въ пользова-ніе крестьянамъ монастырь отдавалъ земли 1096 вытей безъ четверти (отъ 16440 до 32880 десятинъ въ трехъ поляхъ), три мельницы и нѣсколько пустошей для собиранія сѣна. И за все это крестьяне ежегодно платили въ монастырь: а) деньгами—за пашенныя земли 299 рублей, 11 алтынъ съ полъ-деньгою; за мельницы 68 рублей; оброку съ слободки, находившейся въ Вологдѣ на посадѣ, 1 рубль, 13 алтынъ и 2 деньга; за пустоши сѣнокосныя 17 р. и 23 алтына съ деньгою; всего же—386 р., 14 алтынъ и 6 съ половиною денегъ; б) хлѣбомъ—ржи 2154 четверти съ полъ-осьминою, овса 3076 четвертей, пшеницы 271 четверть, ячменя 525 четвертей, овсянаго ядра 208 четвертей, всего 6234 четверти; в) разными другими произведеніями—894 овчины, 865 поярковъ, 584 сыра и 18449 яиць (³⁶³). А какъ бѣдны и даже ничтожны были доходы нашихъ небольшихъ монастырей и церквей съ ихъ оброчныхъ земель, ясно показываютъ окладныя и писцовыя книги (³⁶⁴).

Видѣтъ съ отбываніемъ повинностей и оброковъ въ поль-

(³⁶²) Рукop. «Книги вытн.» Кир.-бѣлос. монастыря, № 1308, л. 327—328 (с. м. выше примѣч. 299).

(³⁶³) Рукop. «Книги переписн.» Кир.-бѣлос. мон., № 1309, л. 149—151 (с. м. выше примѣч. 342).

(³⁶⁴) Оклады. книг., Временник. XI, 29—35. 39—41. 54. 84—86. 193—199. 232—235. 251—257.

зу духовныхъ владѣльцевъ, крестьяне несли еще нѣкоторую долю такихъ же повинностей и оброковъ въ пользу лицъ, которымъ поручалось дѣло непосредственнаго управленія и суда надъ ними, т. е. въ пользу приказчиковъ или, какъ въ иныхъ мѣстахъ, намѣстниковъ, посельскихъ, ключниковъ, доводчиковъ и тѣловъ: крестьяне обрабатывали ихъ папню, молотили ихъ хлѣбъ, не вездѣ впрочемъ; доставляли имъ ежегодно отъ волости или села извѣстное количество разныхъ хлѣбныхъ запасовъ и платили имъ деньгами—однажды въ годъ *възъжес*, и три-четыре раза въ годъ, обыкновенно на большіе праздники, *поминки* и *праздничные кормы* ⁽³⁶⁵⁾. Но, кромѣ этого, собственно по управленію и суду, крестьяне платили разныя пошлыны, иныя въ пользу самихъ владѣльцевъ, другія въ пользу приказчиковъ и доводчиковъ. Таковы были: а) *новоженные алтыны*, платившіеся крестьянами при вступленіи ихъ въ бракъ между собою, и *выводная кунца*, платившаяся при вступленіи ихъ въ бракъ съ посторонними лицами; б) пошлыны, подъ разными названіями, съ *продажи* движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ—сѣна, ржи, домашняго скота, дворовыхъ мѣсть и проч.; в) *явочныя* пошлыны: брались съ крестьянъ, нанимавшихъ себѣ работниковъ въ своей же волости и принимавшихъ къ себѣ прохожихъ людей изъ другихъ волостей; г) *штрафы* и *пени*—за неисправное отбываніе личныхъ повинностей и работы на монастырь или архіерейскій домъ, за игру въ зернь, за покупку и продажу вина, за порубку лѣса и вообще за нарушеніе поли-

⁽³⁶⁵⁾ А. Э. I, ММ 221. 255. 258. 268. 307; А. И. I, № 100; А. Юрид. ММ 177. 184; Окладн. книга, Времени. XI, 54—55. 84. 86 и др.

цейскихъ постановленій; д) *хоженое и ставленое*—за призывъ и поставку къ суду, какъ отвѣтчика, такъ и свидѣтелей; е) *судебныя пошлины*, бравшіяся съ виновнаго за производство суда соразмѣрно цѣнѣ иска; ж) *полевая* пошлины—съ крестьянъ, прибѣгавшихъ для рѣшенія тяжбы къ судебному поединку; з) *мировая* пошлины—съ тѣхъ, которые оканчивали споръ и тяжбу мировою сдѣлкою, и проч. ⁽³⁶⁶⁾.

Такимъ - то образомъ, благодаря жалованнымъ грамотамъ князей, наши архіереи, монастыри и церкви пользовались самостоятельностью и независимостью отъ гражданскихъ властей въ отношеніи къ своимъ недвижимымъ имуществамъ и крестьянамъ. Но надобно замѣтить, что нѣкоторымъ монастырямъ, хотя и немногимъ, самостоятельность эта принадлежала не въ полной мѣрѣ. Разумѣемъ, во-первыхъ, домовые архіерейскіе монастыри, которые назывались такъ потому, что существовали на земляхъ того или другаго архіерейскаго дома, и во-вторыхъ—монастыри приписные къ большимъ монастырямъ, наприм., Святотроицкому-Сергіеву, Кирилло-бѣлозерскому, Пафнутаево-боровскому, Іосифо-волоколамскому, Ферапонтову. Тѣ и другіе имѣли иногда и свои земли и угодья, своихъ крестьянъ; но какъ во всемъ, такъ и въ распоряженіяхъ своихъ по имуществамъ, зависѣли отъ своихъ главныхъ начальниковъ, домовые монастыри—отъ своихъ архіереевъ, а приписные—отъ настоятелей и прочихъ властей большихъ монастырей, которымъ были подчинены: не иначе, какъ только съ вѣдома, согласія и разрѣшенія этихъ началь-

⁽³⁶⁶⁾ А. Э. I, М.М. 221. 255. 258. 268. 307 и др.

никовъ могли они пріобрѣтать, продавать, мѣнять, даже отдавать въ аренду свои земли и угодья; не иначе, какъ по грамотамъ и инструкціямъ, даннымъ этими начальниками, должны были дѣйствовать въ управленіи своими крестьянами, въ судѣ надъ ними, въ собираніи съ нихъ оброковъ и пошлинь, въ самомъ употребленіи собранныхъ оброковъ; имъ же — своимъ начальникамъ, должны были, наконецъ, отдавать и отчетъ по имѣніямъ, а иногда доставлять и извѣстную долю доходовъ ⁽³⁶⁷⁾. Равнымъ образомъ и независимость отъ гражданскихъ властей, какая дарована была всѣмъ вообще духовнымъ землевладѣльцамъ и вотчинникамъ, не была полная, какъ отчасти мы уже видѣли: надъ имуществами монастырей контроль предоставленъ былъ служилымъ людямъ вел. князя, которые и передавали, по описямъ, эти имущества новымъ настоятелямъ и требовали отъ нихъ отчета; самые главные чиновники архіерейскіе по управленію вотчинами — дворедкіе не иначе могли быть увольняемы и вновь назначаемы, по крайней мѣрѣ, со временъ Стоглаваго собора, какъ съ вѣдома и соизволенія или даже по указанію вел. князя; по тремъ важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ, всѣ церковные крестьяне, какъ и само духовенство, подлежали судамъ свѣтскимъ; тяжбы дѣла духовныхъ вотчинниковъ съ сторонними лицами о земельныхъ имуществахъ разбирались гражданскими чинами и иногда восходили на рѣшеніе самого государя; къ нему же непосредственно восходили и всѣ иски, направленные

⁽³⁶⁷⁾ А. Э. I, №№ 75. 88; Доп. А. И. I, №№ 138. 157. 210; А. до юрид. б. Россіи т. I, № 118, п. VII; т. II, №№ 173. 176. Домовыхъ монастырей наиболѣе было у митрополита: въ половинѣ XVI в. ихъ насчитываютъ до 33-ти (*Горчаков. О повем. владѣн. Русск. митроп., стр. 180—182*).

лично на духовныхъ владѣльцевъ и ихъ приказчиковъ. Теперь прибавимъ, что земли духовныхъ владѣльцевъ, наравнѣ съ землями всѣхъ вообще русскихъ подданныхъ, положены были, по царевымъ писцовымъ книгамъ, въ *сохи* и частнѣе — въ *выти* или *обжи*, и что потому церковные крестьяне, кромѣ оброковъ и повинностей своимъ владѣльцамъ, должны были отбывать и государственныя повинности (³⁶⁶). Исключение составляли, кажется, только тѣ земли, которыя духовные владѣльцы обрабатывали на самихъ себя: по крайней мѣрѣ, о пашняхъ приходскихъ церквей обыкновенно, а иногда и о пашняхъ монастырскихъ, говорится въ писцовыхъ книгахъ: «въ обжи (или сохи) не положены» (³⁶⁷). Правда, нерѣдко и нѣкоторыя земли крестьянъ духовныхъ владѣльцевъ освобождались княжескими грамотами отъ даней и пошлинъ князьямъ; но освобождались только на срокъ, а не навсегда, — обыкновенно на два, на три года, или на десять, даже на пятнадцать лѣтъ: всего чаще льгота эта давалась для привлеченія новыхъ поселенцевъ на церковныя земли. Да и на урочные годы церковные крестьяне освобождались рѣдко отъ всѣхъ податей и повинностей, а большею частью только отъ нѣкоторыхъ и преимущественно отъ тѣхъ, которыя должны

(³⁶⁶) Окладн. книга, Временник. XI, 29—35. 39—42. 53—54. 84—86. 193—199 и др.; А. Юрид. №№ 176. 182; *Неволин.* О пятин. Новг., Прилож. стр. 13. 14. 16 и др. См. также выше примѣч. 286. 295. 299. Въ грамотѣ (1560 г.) Михаилицкому женскому монастырю, жалую ему Любынскую волость съ доходами денежными и хлѣбными, царь присовокупилъ: «сопричь моей царя и великого князя обежныя дани и иныхъ нашихъ податей, которые наши подати и съ иныхъ монастырскихъ земель намъ идуть» (Д. А. И. I, № 113).

(³⁶⁷) *Неволин.* О пятин. Новгор., Прилож. стр. 19. 22. 23. 25. 27. 28—33 и мног. др.; въ частности, о монастыр. пашняхъ — тамъ же 159. 284. 301.

были бы нести въ пользу мѣстныхъ княжескихъ чиновъ: такъ какъ крестьяне церковные отбывали этого рода повинности такимъ же чиномъ, только поставленнымъ надъ ними духовными землевладѣльцами (²⁷⁰). Главная льгота въ отбываніи государственныхъ податей и повинностей для церковныхъ крестьянъ состояла въ томъ, что они были освобождены отъ многочисленныхъ гражданскихъ сборщиковъ, отъ ихъ наѣздовъ, поборовъ и притѣсненій, лежавшихъ всею тяжестью на прочихъ земледѣльцахъ, и что эти подати съ церковныхъ крестьянъ были собираемы самими ихъ духовными владѣльцами, чрезъ приказчиковъ, и доставляемы въ казну государю (²⁷¹). Такимъ образомъ, хотя жалованными грамотами князей, земли и вотчины нашего духовенства были поставлены въ независимость отъ мѣстныхъ государственныхъ властей и въ административномъ, и въ судебномъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ, и находились только въ зависимости отъ своихъ духовныхъ владѣльцевъ и поставляемыхъ ими управителей, тѣмъ не менѣе земли эти и вотчины не были вовсе выдѣлены изъ общаго строя государства, не составляли какъ бы государства въ государствѣ, а подлежали, наравнѣ со всѣми другими землями и вотчинами, и нѣкоторымъ общимъ государственнымъ законамъ.

(²⁷⁰) А. Э. I, №№ 75. 102. 122. 171. 208. 273; А. И. I, № 83; Доп. А. И. I, №№ 193. 208. Царь Иванъ Васильевичъ, освобождая всѣ вотчины Тр.-Сергіева монастыря отъ пошлинъ, прибавилъ въ своей грамотѣ: «опричь ямскихъ денегъ, и посошные службы, и тамги, то де имъ давати» (А. Э. I, № 273, стр. 310).

(²⁷¹) А. Юрид. № 209, ст. I—V; Доп. А. И. I, № 201; А. Э. I, № 273, стр. 811; также №№ 122. 171. 208. 217; А. И. I, № 106; снес. А. Э. I, №№ 17. 18. 20.

IV.

Если къ тому, что сказано нами доселѣ о пошлинахъ, собиравшихся по церковному управленію и суду, и о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ, мы присоединимъ сохранившіяся свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ другихъ источникахъ содержанія нашего духовенства, то получимъ довольно полное и подробное понятіе объ этомъ предметѣ.

Постоянными и главными источниками для содержанія нашихъ архіереевъ служили уже извѣстныя намъ разнообразныя и многочисленныя пошлины и вообще доходы, какіе каждый изъ нихъ собиралъ и получалъ: а) съ подвѣдомаго ему духовенства и епархіи по дѣламъ епархіальнаго управленія и суда, и—б) съ недвижимыхъ имуществъ своей каедры. Къ случайнымъ и незначительнымъ источникамъ архіерейскаго содержанія принадлежали: а) доходы отъ продажи нѣкоторыхъ движимыхъ вещей архіерейской экономіи: напримѣръ, изъ экономіи новгородскаго архіерейскаго дома продавались: ленъ, иногда въ немаломъ количествѣ; медь десятками и даже сотнями пудовъ, дрожжи, высѣвки, овчины, смушки, опойки и проч. ⁽³⁷²⁾; б) вознагражденія, какія получали архіереи за

⁽³⁷²⁾ Въ приходной книгѣ новгородскаго архіерейскаго дома за 1577 годъ, между прочимъ, записано: «Мая въ 8 день продано льну Рабинѣ Семенову 139 сясюкъ, что изъ Славковичъ привезли, а денегъ взято за тотъ ленъ 19 рублевъ и 15 алтынъ и 2 денги..... Юня въ 9 день продано съ погреба прѣснаго меду 121 пудъ безъ четверти, а денегъ взято за тотъ медъ 84 рубля 17 алтынъ и 3 денги; а въ другіе продано 31 пудъ съ четвертью, а денегъ взято 15 рублей, 20 алтынъ и 5 денегъ, и всего меду продано 152 пуда, а денегъ

совершенныя ими, по приглашенію, церковныя службы, особенно во дни праздниковъ: такъ, новгородскому владыкѣ за священнослуженіе на храмовой праздникъ въ придворной плинкняжеской церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ ежегодно отпускалось казенной руги: 2 рубля, 5 алтынъ и 2 деньги⁽³⁷³⁾. Самъ митрополитъ, нерѣдко совершавшій, по желанію вел. князя, праздничныя службы въ придворныхъ и другихъ кремлевскихъ церквахъ, получалъ отъ него, каждый разъ довольно цѣнные подарки⁽³⁷⁴⁾.

Для содержанія монастырей источниками были:

1. Доходы съ ихъ недвижимыхъ имуществъ: источникъ главный и намъ уже извѣстный.

2. Денежные вклады и пожертвованія за помяновеніе живыхъ и умершихъ. Этого рода вклады въ монастыри хотя не были такъ обыкновенны и многочисленны, какъ вклады землями, селами и вообще недвижимыми имуществами, но въ нѣкоторыхъ монастыряхъ достигали значительной величины. Самые большіе денежные вклады поступали въ монастыри отъ

взято 100 рублей и 5 алтынъ... Іюня въ 15 день продано Истомѣ Ботову съ погреба прѣснаго меду 15 пудовъ безъ четверти, а денегъ взято 7 рублей, 12 алтынъ, 3 денги... Іюля въ 27 день продано Ивану Кожевику коровятина, да 5 опойковъ, да 3 овчины, да козлина, да 5 смушекъ, а взято 8 алтынъ... Августа въ 29 день взято у чашика, у старца у Іоны, денегъ 9 рублей, 16 алтынъ, что продавалъ онъ съ погреба дрожжи и высытки... Августа въ 31 день проданъ алтабасъ золотой червчатъ, что въ отписномъ спискѣ записанъ, Якову Офонасевичу Годунову, а взято на отласъ 9 рублей; а другой алтабасъ проданъ жолтъ съ золотомъ Борису Федоровичу Годунову, а взято 8 рублей, 4 алтына и 4 денги...» и проч. (Рукоп. Кирillo-Бѣлоз. монаст., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 8. 9. 12. 13. 16. 18).

⁽³⁷³⁾ Запись о ружныхъ церквахъ и монастыряхъ въ Новгородѣ 1577—1589 г. во Времени. XXIV, отл. III, стр. 31.

⁽³⁷⁴⁾ Доп. А. И. I, № 131, стр. 190. 195. 202. 204. 207.

вел. князей или, точнѣе, отъ вел. князя Ивана Васильевича IV, въ продолжительный періодъ его царствованія. Наприм., въ Троице-Сергіевъ монастырь отъ Ивана Васильевича III вовсе не было денежныхъ вкладовъ, какъ и земельныхъ; сынъ его Василій Ивановичъ въ 1506 г. пожаловалъ вкладу по отцѣ своемъ 60 рублей и въ 1519 г. по братѣ своемъ Семенѣ Ивановичѣ 30 рублей; а вел. кн. Иванъ IV пожаловалъ: въ 1534 г. по отцѣ своемъ 500 руб., въ 1548 г. чрезъ Алексѣя Адашева—7000 р., въ 1562 г. по царицѣ своей Анастаси 1000 р., въ 1564 г. по братѣ своемъ Юріи Васильевичѣ 1000 р., въ 1570 г. по царицѣ своей Маріи 1800 р., въ 1572 г. по царицѣ своей Марѣѣ 700 руб., въ 1582 г. по сынѣ своемъ Иванѣ 5000 р., въ 1584 г. — по самомъ себѣ 5000 р. и въ разные годы по разныхъ лицахъ: родственникахъ, князьяхъ, боярахъ, дьякахъ то по 100, то по 200, то по 300, по 400 и по 500 руб., такъ что всѣхъ денежныхъ вкладовъ этого государя въ Сергіевъ монастырь насчитывается до 25157 рублей ⁽³⁷⁵⁾. Въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь отъ в. кн. Ивана III вкладовъ также вовсе не было; а в. кн. Василій Ивановичъ пожаловалъ 1000 р.

⁽³⁷⁵⁾ Вкладная книга Троице-Серг. лавры, хранящ. въ лаврской ризницѣ, № 3, гл. I; Кормовая книга той же лавры, Рукоп. лаврской библ., исх. XVI в., № 821, л. 37—41. 76—88. Впослѣдствіи эта Кормовая книга переписывалась перавъ, и постепенно дополняясь записями о новыхъ вкладахъ и кормахъ, къ настоящему времени достигла такой величины, что поднимается съ большимъ трудомъ (въ Лавр. ризницѣ № 1). Подобная же Кормовая книга существовала и въ Іосифо-волоколамскомъ монастырѣ (Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 396—399). Въ этотъ монастырь болѣе всѣхъ вел. князей жертвовалъ в. к. Василій Ивановичъ, и объ немъ въ Кормовой книгѣ замѣчено: «милостыни его государскіе и велкаго жалованья не мочно сказати и не испсати, — доколѣ и монастырь Пречистые стоятъ, поминати...» (Выписка изъ Обиход. этого монастыря въ Чтеп. М. Ист. Общ. 1863, IV, отд. V, 4).

на покупку села и затѣмъ Иванъ Васильевичъ IV пожаловалъ по двумъ своимъ дочерямъ Аннѣ и Маріи 300 р., въ 1562 г. по царицѣ своей Анастасіи 500 р., въ 1564 г. по братѣ своемъ Юри 300 руб., въ 1570 г. по царицѣ своей Маріи 500 р. и за здравіе сына своего царевича Ивана 1000 р., въ 1572 г. по царицѣ своей Марѣѣ 200 р. и за здравіе свое и дѣтей своихъ 2000 руб., въ 1582 г. по сынѣ своемъ Иванѣ 2000 р., въ разные годы по разныхъ своихъ родственникахъ, также по многихъ князьяхъ, боярахъ и другихъ по 100, по 200, по 300 р. и болѣе (между прочими и по Сильвестрѣ-попѣ да по сынѣ его Авѣимѣ 25 р. и 25 алтынѣ), по опальныхъ людяхъ 900 р., а всего до 18493 р.; наконецъ, в. кн. Феодоръ Ивановичъ пожаловалъ по отцѣ своемъ 1333 р. Царь Иванъ Васильевичъ щедро жертвовалъ и на другія обители, напримѣръ, въ Соловецкую пожаловалъ въ 1551 г. тысячу рублей, а въ Отнюю пустынь—въ 1572 г. двѣ тысячи шестьсотъ сорокъ четыре рубля⁽²⁷⁶⁾. Вслѣдъ за государями великими князьями дѣлали въ монастыри денежные вклады и государыни вел. княгини (напр., Елена дала въ Сергіевъ монастырь по мужѣ своемъ Василии Ивановичѣ 500 р.); и ихъ дѣти (царевичъ Феодоръ Ивановичъ въ 1570 г. далъ въ Кирилло-бѣлоз. монастырь 600 р.), равно и другіе князья и княгини, бояре и служилые люди (наприм., бояринъ-конюшій Борисъ Феодоровичъ Годуновъ далъ въ Сергіевъ монастырь по своихъ родителяхъ 500 р. и за

⁽²⁷⁶⁾ Вклады книга К.-бѣлоз. монастыря, перепис. въ 1603 г., Рукоп. К.-бѣлоз. мон., нынѣ с. п. д. дух. акад., № 1317, л. 7—8. 10—13. 16. 18—20. Составлена первоначально, какъ сказано въ началѣ ея, при игуменѣ Феодосіи. П. Собр. Р. Лѣт. III, 174; нашей Истор. VI, 297.

здравіе свое и своего семейства 500 р.), архіереи (наприм., митроп. Даніилъ далъ вкладу въ Іосифо-волоколамскій монастырь, за преп. Іосифа и за себя, 590 рублей), настоятели монастырей и простые монахи и вообще люди всѣхъ званій и состояній ⁽²⁷⁷⁾.

3. Пожертвованія хлѣбомъ и разными другими вещами. Такъ, въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь еще в. кн. Иванъ III велѣлъ ежегодно отпускать рожь изъ княжескихъ запасовъ, хотя не извѣстно, въ какомъ количествѣ, и въ то же время бѣлозерскіе князья ежегодно отпускали для храмовыхъ праздниковъ сыръ, масло, рыбу ⁽²⁷⁸⁾; князь Владиміръ Андреевичъ съ своею матерью, въ пять лѣтъ, начиная съ 1553 г., пожаловали: 3900 четвертей ржи, 3250 четвертей овса, 178 четвертей пшеницы, 30 четвертей ячменя, 20—коноплянаго сѣмени и 16—гречневыхъ крупъ; царь Иванъ Васильевичъ въ 1571 г. прислалъ 100 пудовъ меду, а въ 1582 г. подарилъ 10 коней. Здѣсь же можно упомянуть и о тѣхъ драгоценностяхъ, которыя жертвовали князья, княгини и другія лица, если не на содержаніе самыхъ монастырей, то на содержаніе и украшеніе ихъ храмовъ и богослуженія, каковы: иконы въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и другими драгоценными камнями; золотые сосуды церковные съ такими же украшеніями, золотые блюда, кубки, чары; богато-

⁽²⁷⁷⁾ Кормов. кн. Тр.-Сергіев. лавры, № 821, л. 76. 96 и друг.; Вклады. книг. К.-бѣлов. мон., № 1317, л. 55 и друг. Опись книгъ Іосифо-волокол. мон., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, VII, отд. IV, 8. По Малютѣ Скуратовѣ, Григоріи Лукьяновичи и его родѣвъ Іосифо-волоколамскій монастырь внесено вкладовъ до 1500 рублей (Чтен. М. Истор. Общ. 1863, IV, отд. V, 2).

⁽²⁷⁸⁾ Доп. А. И. I, №№ 191. 192. 199.

украшенныя плащаницы, воздухи, пелены къ иконамъ, покровы на мощи святыхъ; церковныя облаченія, колокола. Наприм., царь Иванъ Васильевичъ однажды пожаловалъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь полное облаченіе на игумена и полное облаченіе на діакона, украшенныя жемчугомъ, яхонтами и другими камнями, и эти два облаченія стоили 6000 руб.; а одинъ старецъ-пострижепникъ Сергіева монастыря Варсоноѣй Якимовъ пожертвовалъ въ этотъ монастырь колоколь въ 200 пудовъ, цѣною въ 520 рублей. Новгородскимъ архіепископомъ Θεодосіемъ пожертвованы въ Іосифо-волоколамскій монастырь, по современному сказанію: «образы божественные, окладные златомъ и серебромъ, и святыя книги, числомъ 21, и блюда серебряные 2, да панагея серебряна и золочена, да три колокола, да паникадило большое, да четыре паникадильца малы, да 75 рублевъ денегъ» (379).

4. Торговля, таможенныя и пятенныя пошлины. Экономіи вѣкоторыхъ нашихъ монастырей несомнѣнно вели торговлю, иногда весьма значительную, разными хозяйственными произведеніями и припасами, особенно же солью и рыбою, во многихъ городахъ Россіи, какъ мы уже и замѣчали; а кромѣ того, жалованными грамотами князей монастыри наши нерѣдко освобождались даже отъ платежа пошлинъ правительству съ провоза и продажи своихъ товаровъ, равно какъ съ провоза и всякаго своего имущества (380). Но, не ограничиваясь этимъ, иногда князья предоставляли еще самимъ монастырямъ соби-

(379) Вкладн. кн. К.-бѣлов. мон., № 1317, л. 15. 19. 20. 29 и др.; Кормов. кн. Тр. Серг. лавры, № 821, л. 79 и друг.; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 399.

(380) А. до юрид. быта Россіи I №№ 32. 83; А. Э. I, №№ 77. 78. 97. 104.

рать въ свою пользу нѣкоторыя пошлины, шедшія обыкновенно въ пользу казны, и, во-первыхъ, взимать пошлины таможенные, возничныя, помѣрныя со всѣхъ лицъ, торговавшихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, а во-вторыхъ, взимать пошлины пятенныя съ людей, продававшихъ, покупавшихъ и мѣнявшихъ лошадей на извѣстныхъ торговыхъ мѣстахъ (для чего монастыри обязывались держать на торгу свое пятно, чтобы пятнать имъ тѣхъ лошадей). Наприм., череповскій воскресенскій монастырь издавна пользовался правомъ собирать возничную и помѣрную пошлины со всѣхъ возозъ и лодокъ, приходившихъ торговать на Бѣлоозеро, пока в. кн. Василий Ивановичъ не повелѣлъ (1512 г.), взаимѣнъ этого права, выдавать монастырю ежегодно по 50 рублей изъ таможенныхъ бѣлозерскихъ доходовъ ⁽³⁸¹⁾. А Троице-Сергіеву монастырю еще в. кн. Дмитрій Ивановичъ Донской пожаловалъ «пятно ногайское и пятно московское», т. е. право пятнать своимъ монастырскимъ пятномъ лошадей ногайскихъ и русскихъ, продававшихся въ Москвѣ на площадкѣ, и за первыхъ брать пошлины по восьми денегъ, за послѣднихъ по двѣ деньги съ лошади. Царь же Иванъ Васильевичъ предоставилъ въ 1575 г. Сергіеву монастырю собирать еще въ Казани и Свияжскѣ съ продажи ногайскихъ и русскихъ лошадей точно такія же пошлины, какія собиралъ монастырь въ Москвѣ ⁽³⁸²⁾.

116. 117. 126. 130. 133. 140. 146. 148. 167. 170. 203. 222. 300; Доп. А. И. I, №№ 184. 202. 204. Снес. примѣч. 354. Флетчеръ замѣчаетъ о нашихъ монахахъ: «они самыя оборотливыя купцы во всемъ государствѣ и торгуютъ всякаго рода товарами» (О Государствѣ Русск., гл. 21, стр. 78 въ русск. перев.).

⁽³⁸¹⁾ А. Э. I, №№ 100. 153.

⁽³⁸²⁾ Кормов. книг. Тр.-Серг. лавры, № 821, л. 35; Вкладн. книг. лавр.

Б. *Руга*. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ заявилъ, что отецъ его—Василій Ивановичъ, путешествуя для богомолья, давалъ монастырямъ, богатымъ и убогимъ, милостыню «въ приказъ» (единовременную) — хлѣбъ, соль, деньги, воскъ на свѣчн, медъ на кутью, пшеницу на просфоры; такъ же поступала потомъ и мать его Елена; но что по смерти ея, до возраста его-царя, многіе монастыри побрали себѣ грамоты получать ту милостыню «въ прокъ» (постоянно), въ ругу; а иные монастыри и приходскія церкви вновь достали себѣ грамоты получать ругу изъ казны, хотя у монастырей есть села и другіе доходы, да и у церквей: это обстоятельство царь предложилъ на обсужденіе собора (Стогл. гл. 5, вопр. 31). Соборъ рѣшилъ, чтобы царь велѣлъ тщательно разслѣдовать дѣло и тѣмъ монастырямъ, большимъ и малымъ, которымъ Василій Ивановичъ давалъ милостыню впрокъ, давать и впредь ту же милостыню впрокъ, въ ругу; а которымъ монастырямъ давалъ милостыню только въ приказъ, то, если эти монастыри имѣютъ села и иные доходы и могутъ прожить безъ руги, въ волѣ царя давать ли имъ, или отнять у нихъ, ругу; если же монастыри и церкви, доставшіе себѣ въ малолѣтство царя грамоты на полученіе казенной руги, бѣдны и прожить безъ нея не могутъ, то благочестивому царю «достойно и праведно» жаловать ихъ ругою, равно какъ и прочіе убогіе монастыри и церкви, не имѣющіе нготкуда помощи (—гл. 97). Не знаемъ, приказывалъ ли царь дѣлать такое разслѣдованіе и лишилъ ли какіе-либо монастыри своей руги;

ривницы, № 3, гл. I; А. Э. I, № 235; А. И. I, № 194. То же право дано было Сергіеву монастырю и въ другихъ мѣстахъ (А. Э. I, №№ 56, 118), а также и другимъ монастырямъ (А. Э. I, № 158).

но знаемъ, что въ царствованіе его, какъ и прежде, ружныхъ монастырей у насъ было не мало. Въ одномъ Новгородѣ и его пятинахъ насчитывалось (около 1577 г.) такихъ монастырей болѣе тридцати. Всѣмъ имъ выдавалась ежегодная руга деньгами, и въ одни монастыри она отпускалаь только на игумена и братію или на игуменю и сестеръ, въ другіе—еще и на весь церковный причтъ, въ третьи—еще и на расходы по церкви—на вино, на просфоры, на воскъ для свѣчей, на медь для кутьи, на темьянъ и ладанъ; а въ нѣкоторые—только на расходы по церкви. Вслѣдствіе этого руга отпускалаь не въ одинаковомъ размѣрѣ, хотя и вообще была небольшая: во многіе монастыри отпускалаь по рублю, по два, по три, по четыре; въ немногіе—отъ пяти до десяти рублей, и только въ три монастыря—больше десяти рублей (въ одинъ 11, въ другой 19 и въ третій 25 р.). Нѣкоторые монастыри получали ругу не однѣми деньгами, но и хлѣбомъ, а нѣкоторые, каковы переяславскіе Даниловъ и Рождественскій,—только хлѣбомъ и вообще натурою ⁽³⁸³⁾.

6. Приношенія христіанъ, приходившихъ въ монастыри для богомолья. Эти приношенія, хотя обыкновенно незначительныя, нерѣдко составляли, въ совокупности, значительный доходъ особенно въ тѣхъ монастыряхъ, которые имѣли мощи святыхъ или чудотворныя иконы, и потому наиболѣе привлекали къ себѣ богомольцевъ. Такъ, царь Иванъ Васильевичъ каждый разъ, когда посѣщаль Кирилло-бѣлозерскій монастырь для богомолья, жаловаль монастырю иногда 100 рублей, иногда 200, или 300, или 400, а иногда и 600 рублей ⁽³⁸⁴⁾.

⁽³⁸³⁾ Запись о ружныхъ церкв. и монаст. въ Новгор., Времени. XXIV, III, 28. 29. 34—39; А. Э. I, №№ 161. 191; Доп. А. И. I, №№ 33, 227.

⁽³⁸⁴⁾ Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 396.

Для содержанія блага духовенства источниками служили:

1. Небольшіе участки церковной земли, которые существовали почти при каждой приходской церкви и раздѣлены были между членами причта. Часть земли находилась подъ ихъ усадьбами и жилищами, а вся остальная—подъ ихъ пашнею, ипогда и сѣнокосомъ. Этими небольшими земляными участками члены причта обыкновенно пользовались сами. Только немногія и преимущественно городскія церкви владѣли значительными пространствами земли—пустошами, деревнями, селами и разными угодьями, которыя и отдавали на оброкъ. О всемъ этомъ мы уже сказали прежде.

2. Добровольныя приношенія прихожанъ за церковныя службы и требоисправленія. Такія приношенія принимались за совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ: крещеніе, исповѣдь, браки; за отправленіе молебновъ, за отпѣваніе усопшихъ, панихиды, сорокоусты и проч. Кромѣ того, священники, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ подъ великіе праздники или на праздники обходили дома своихъ прихожанъ съ крестомъ, св. водою и молитвословіями, и въ каждомъ домѣ получали за то ббльшую или мѣншую плату, смотря по достатку хозяина. Наиболѣе дохода членамъ церковнаго причта приходилось во дни храмовыхъ праздниковъ приходской церкви, когда въ ней собирались, кромѣ собственныхъ прихожанъ, многіе христіане и изъ окрестныхъ мѣстъ и совершалось иногда такое множество молебновъ, что мѣстные священники принуждены бывали приглашать себѣ на помощь сосѣднихъ священниковъ. Правительство, церковное и гражданское, наблюдало, чтобы плата прихожанъ духовенству за требы была именно добровольная, а не вынужденная, и иногда находило

нужнымъ прямо обозначать эту плату. Приходы церковные, какъ и всегда, были неодинаковой величины, а потому и доходы приходскаго духовенства были различны. Но, приблизительно, священники получали съ своихъ прихожанъ въ годъ, какъ слышалъ Флетчеръ, около 30 или 40 рублей, изъ которыхъ, будто бы, десятую часть платили своему спархiальному архiereю ⁽³⁸⁵⁾.

3. Руга изъ казны и отъ прихожанъ. Руга изъ казны начиналась преимущественно на городскія церкви. Во всей новгородской области церквей, пользовавшихся казенною ругою, извѣстно по селамъ только семь, а въ одномъ Новгородѣ ихъ считалось до 40, иногда и до 50, и въ Старой Русѣ до пяти. Въ инныя изъ этихъ церквей руга отпускалась только на церковный причтъ; въ другія—и на церковный обиходъ, т. е. на вино, на свѣчи, на ладанъ, а въ нѣкоторыя—лишь на церковный обиходъ. Въ первомъ случаѣ руга простиралась отъ 18-ти алтынъ до 13-ти рублей на причтъ; во второмъ отъ 3-хъ до 19-ти рублей: исключеніе составляли двѣ церкви въ Новгородѣ—св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, на которую выдавалось 60 р., и Благовѣщенская на Городицѣ, получавшая 97 рублей. А въ тѣхъ, впрочемъ, весьма немногихъ случаяхъ, когда руга отпускалась только на церковный обиходъ, она восходила отъ четырехъ алтынъ до рубля ⁽³⁸⁶⁾. Нѣкото-

⁽³⁸⁵⁾ Гербершт. Записки о Московіи, стр. 47; Флетч. О госуд. Русск. гл. 21, стр. 76—77; Стоглав. стр. 211—214. 217—218; А. Э. I, № 288. Въ этой послѣдней грамотѣ царь постановилъ, чтобы съ лопарей, вмѣсто руги, священнику брать «отъ крещенья по купицѣ, а отъ свадьбы—отъ вѣнчанья по песцу по черному или по десяти бѣлокъ».

⁽³⁸⁶⁾ Запись о ружн. церк. и мон. въ Новгородѣ, Временн. XXIV, III, 25—35. 37—39; А. Э. I, № 205, стр. 186. 187; Доп. А. И. I, № 77.

ря церкви получали казенную ругу не только деньгами, но и хлѣбомъ, каковы: церковь крестовоздвиженская въ Устюжнѣ Желѣзнодорожной, успенскій соборъ во Владимірѣ и софійскій соборъ въ Новгородѣ. На первую церковь ежегодно отпускалось: попу два рубля денегъ, 15 четвертей ржи и 15 четвертей овса; на просфоры двѣ четверти пшеницы; просфорникъ двѣ четверти ржи; пономарю четыре четверти ржи и столько же овса. Въ успенскомъ владимірскомъ соборѣ получали: протопопъ десять рублей, протодіаконъ, большой попъ и ключарь по восьми рублей, пять священниковъ по шести рублей каждый; четыре діакона, каждый, по четыре съ половиною рубля; пономарь и просвирня по рублю да по десяти четвертей ржи и овса, а послѣдняя еще по 15 четвертей пшеницы на просфоры. Въ Новгородѣ на причтъ софійскаго собора, по жалованной грамотѣ 1504 г., отпускалось: протопопу 25 коробей ржи и столько же овса; протодіакону и восемнадцати священникамъ по 15 коробей ржи, каждому, и по столько же овса; четыремъ діаконамъ по десяти коробей ржи и овса на челоувѣка, двумъ псаломщикамъ и семнадцати дьячкамъ по пяти коробей ржи и овса на челоувѣка. А царь Иванъ Васильевичъ, грамотою 1556 г., велѣлъ еще отпускать ежегодно на весь причтъ по 100 рублей и, кромѣ того, по 10 рубл. и 30 алтынъ за десять, въ продолженіе года, панихидныхъ службъ по государевымъ родственикамъ, да по 7 р. и 5 алтынъ «за ужины» наканунѣ тѣхъ дней, когда совершались эти службы (³³⁷). Причты многихъ московскихъ церквей получали

(³³⁷) А. И. I, № 128; *Муханов. Сборн.*, изд. 2, № 319. Упомянутая грамота 1504 г. напечатана въ Чтен. М. И. Общ. 1866, III, отд. V, 5—7, и помѣщена

«годовое государево жалованье» сукномъ, цѣною отъ нѣсколькихъ алтынъ до двухъ рублей (Доп. А. И. I, № 131, стр. 203—208). Но бывали приходы, какъ городскіе, такъ и сельскіе, въ которыхъ сами прихожане назначали отъ себя опредѣленную ежегодную ругу, хлѣбомъ или деньгами, своимъ церковнымъ причтамъ, и съ этою цѣлію заключали съ ними «порядныя записи», которыя обязывались исполнять (³⁸⁸).

4. Торговля. Этимъ средствомъ приобрѣтенія пользовались, подобно нѣкоторымъ монастырямъ, по всей вѣроятности, только весьма немногія церкви, владѣвшія значительнымъ количествомъ земли, каковъ былъ дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. Въ грамотѣ 1515 г., данной духовенству этого собора и неразъ подтверждавшейся впослѣдствіи, между прочимъ, сказано: «а коли тѣ попы и діаконы поѣдутъ къ Москвѣ, или въ иные мои города, о церковныхъ дѣлѣхъ и съ *торгомъ*, и мытчики и всѣ пошлинники мыта ни иныхъ ни которыхъ пошлинъ на нихъ не емлютъ» (А. Э. I, № 159).

5. Пошлины. Источникъ — еще болѣе частный, который былъ доступенъ лишь причтамъ кафедральныхъ соборовъ. Мы уже упоминали, что въ числѣ пошлинъ, собиравшихся въ каждой епархіи, не всѣ шли на одного архіерея, а нѣкоторые назначались и на его свиту, въ частности на его соборьянъ. Къ пошлинамъ послѣдняго рода принадлежали: а) пошли-

почти вся, равно какъ и грамота 1556 г., нами упомянутая, въ грамотѣ царя Михаила Федоровича 1641 года (А. Э. III, № 306, стр. 452—454).

(³⁸⁸) А. Юрид. № 185; II. Собр. Р. Лѣт. IV, 294; VI, 218. 299. Въ послѣднемъ мѣстѣ сказано, что въ Новгородѣ одному священнику назначили ругу по три рубля въ годъ.

ны ставлены: объ нихъ, равно какъ и о назначеніи ихъ на соборянь, нами сказано прежде; б) *соборная куница*, т. е. куница на соборный клиръ: объ ней упоминается, по крайней мѣрѣ, по ростовской епархіи (А. Э. I, №№ 176. 202. 293). в) Пошлины *за освященіе церквей* и антимины. До Стоглаваго собора размѣръ этихъ пошлинъ не былъ опредѣленъ и «о антиминосѣхъ продажу чинпли великую» (Стогл. гл. 5, вопр. 2). Въ Новгородѣ, напримѣръ, причтъ софійскаго собора, по грамотѣ 1504 г., бралъ съ сельскихъ церквей, въ приходѣ которыхъ числилось 500—600 обежъ, за каждый антиминосъ по рублю и по полтора рубля новгородскихъ, а при освященіи церквей бралъ и всѣ тѣ приношенія, какія дѣлали христіанцы по случаю этого освященія. Но Стоглавый соборъ опредѣлилъ, чтобы за антимины и освященіе церквей по всѣмъ епархіямъ соборные протопопы съ причтами взимали—отъ большой церкви по полуполтицѣ, а отъ церквей теплыхъ и придѣльныхъ по пяти алтынъ; а изъ приношеній, дѣлаемыхъ христіанами по случаю освященія церквей, брали только третью часть (Стогл. гл. 47).— г) *Вѣчная* пошлина. Эта пошлина относилась къ архіерейскимъ пошлинамъ, въ каждой епархіи, но не вся: съ нѣкоторыхъ церквей или приходоѡвъ она поступала на причтъ кафедральнаго собора. Такъ, во Владиміръ со всѣхъ приходоѡвъ на посадѣ вѣчная пошлина собиралась на причтъ городского успенскаго собора; а въ Новгородѣ она собиралась на софійскихъ соборянь не только на посадахъ, но и въ 110 погостахъ новгородскихъ пятинъ, т. е. едва не съ половины церквей собственно новгородскаго края. Вѣчную пошлину на архіерееѡвъ, по Стоглаву, собирали поповскіе старосты и

десятскіе священники, а на соборы «свою вѣчную пошлину» вѣзали сами соборные протопопы и священники (—гл. 69).—д) *Проскурная* пошлина. Новгородскій софійскій причтъ бралъ проскурную пошлину съ посадскихъ церквей и съ 90 монастырей «съ иного монастыря до гривны повгородской, съ иного больше того, а съ иного меньше». Существовала ли эта пошлина въ другихъ епархіяхъ, неизвѣстно.—е) *Праздничныя гривны*. Когда въ монастыряхъ и посадскихъ церквяхъ Новгорода случался храмовой праздникъ, то софійскій протопопъ посылалъ туда, для участія въ богослуженіи, соборнаго діакона, и уличане или прихожане, кромѣ благодарности лично этому діакону, чтили еще софійскаго протопопа съ братією праздничными гривнами, взиманіе которыхъ подтверждено было и Стоглавымъ соборомъ. О существованіи въ другихъ епархіяхъ и этой пошлины также ничего не знаемъ ⁽³⁸⁹⁾.

Былъ и еще одинъ источникъ доходовъ, которымъ, по временамъ, пользовались у насъ и архіерейскіе дома, и монастыри, и приходскія церкви: это отдача денегъ и хлѣба въ ростъ и прибыль. По словамъ Герберштейна, прихожане нашихъ церквей «иногда отдавали церковныя деньги въ ростъ, по десяти со ста, и проценты предоставляли священнику, чтобы не быть вынужденными питать его на свой счетъ»

⁽³⁸⁹⁾ Граматы 1504 и 1556 г. указаны выше въ примѣч. 387. Сборн. *Мукашова* № 319. Вмѣстѣ съ праздничными гривнами, Стоглавый соборъ подтвердилъ за софійскимъ причтомъ и взиманіе проскурной пошлины, запретивъ только брать ее съ монастырей общежительныхъ, не имѣвшихъ никакого дохода отъ міра, и указавъ, вмѣстѣ того, брать ее съ новыхъ церквей, съ выставокъ и съ ружныхъ (А. Э. I, № 229).

(³⁹⁰). Царь Иванъ Васильевичъ спрашивалъ на Стоглавомъ соборѣ: «угодно ли Богу и согласно ли съ бож. писаніемъ, что изъ церковной и монастырской казны даютъ деньги въ ростъ?» (Стогл. гл. 5, вопр. 16). Соборъ отвѣчалъ: «что святительскія казенныя деньги, равно и монастырскія казенныя деньги, даютъ въ ростъ и хлѣбъ «въ наспы» — въ прибыль, это бож. писаніе и свящ. правила возбраняютъ не только епископамъ и пресвитерамъ и всему священническому и иноческому чину, но и простымъ людямъ. Посему отнынѣ святителямъ и монастырямъ давать деньги своимъ крестьянамъ, по своимъ селамъ, безъ росту и хлѣбъ безъ прибыли, чтобы за ними крестьяне жили и села ихъ не оставались пусты, и записывать только въ книги, сколько кому дано денегъ и хлѣба взаймы, и книги «для крѣпости» держать въ казнѣ; можно такъ же давать взаймы и другимъ нуждающимся людямъ деньги и хлѣбъ безъ росту, но «съ поруками и съ крѣпостями» и записывать въ казенныя книги; а въ ростъ денегъ не давать по свящ. правиламъ (Стогл. гл. 76). Изъ документовъ послѣдующаго времени видно, что дѣйствительно хлѣбъ взаймы отпускался монастырями крестьянамъ безъ наспу, и деньги изъ монастырской и архіерейской казны выдавались взаймы разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и крестьянамъ, и возвращались безъ росту (³⁹¹).

(³⁹⁰) *Гербершт.* Записки о Московіи, стр. 47. Снес. стр. 93.

(³⁹¹) А. Э. I, № 258, стр. 285; А. Юрид. №№ 245. 248. 250. Въ приходной книгѣ повгород. архіер. дома за 1577 г. записано: «Генваря въ 16 день вьято на Полянскомъ попѣ на Василя съ товарицы заемныхъ денегъ, по каба-лѣ, три рубля, что онъ занялъ изъ архіепископле казны въ прошломъ въ 84-мъ

Если значительными представляются доходы нѣкоторыхъ нашихъ архіереевъ и монастырей, то не незначительны были и ихъ расходы. Каждый архіерей долженъ былъ содержать не одного себя, но и всю свою свиту, состоявшую изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, и всѣхъ своихъ служителей и дворовыхъ людей, которыхъ, наприм., у новгородскаго владыки было до 126-ти, и если не всѣ, то многія изъ этихъ лицъ, наприм., священники и причетники домовыхъ архіерейскихъ церквей, попомари и звонари каедральнаго собора, пѣвчие дьяки и подьяки и всѣ дворовые люди, проходившіе опредѣленныя службы при архіерейскомъ домѣ, получали изъ архіерейской казны ежегодное жалованье ⁽³⁹²⁾. А наши монастыри, богатые средствами, почти всегда были богаты и монахами, и Троице-сергіеву, наприм., монастырю недешево, конечно, обходилось, чтобы только одѣвать и кормить своихъ 700 братій и цѣлую стаю монастырскихъ прислужниковъ. Не менѣе, если даже не болѣе, требовалось издержекъ отъ архіереевъ и монастырей на построеніе и содержаніе архіерейскихъ домовъ и монастырскихъ келлій, на устройство и под-

году, и память ему въ тѣхъ деньгахъ выдана... Февраля въ 23 день взято у Оси-
фовскаго слуги у Семена заемныхъ денегъ 22 рубля и 22 алтына, а заимовалъ
тотъ Семень Спировъ съ товарищы тѣ денги изъ архіепископи казны...Апрѣля
въ 21 день взято у подьячаго у пятого у Кюршина, изъ Старые Русы, заемныхъ
денегъ десять рублей, а завялъ онъ тѣ денги у архіепископа на Москвѣ въ
нынѣшнемъ же въ 85 году..... Августа въ 27 день взять рубль на Неждапки на
Власевѣ, на пѣвчемъ дьяки, что данъ былъ ему взаимы, и память ему выдана...»
(Рукоп. Кир.-бѣлов. монастыря, въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 4. 5. 7. 17).

⁽³⁹²⁾ Такъ было, по крайней мѣрѣ, у новгородскаго владыки (Отрывки изъ
расход. книгъ соф. дома. за 1548 г., Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 41—45).
Въ числѣ 126-ти дворовыхъ людей находилось: плотниковъ—6, дружинниковъ—
10, поваровъ—8, хлѣбниковъ—7, погребныхъ стряпчихъ—10, сушильныхъ под-
ключниковъ—11, конюховъ—9 и проч.

держку разныхъ другихъ экономическихъ зданій и заведеній, на поддержаніе и улучшеніе всего архіерейскаго и монастырскаго хозяйства, и особенно на созиданіе и содержаніе храмовъ Божіихъ не только при самихъ архіерейскихъ каеэдрахъ и въ самихъ монастыряхъ, но и въ принадлежавшихъ имъ вотчинахъ,—а такихъ храмовъ въ вотчинахъ, наприм., Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, какъ мы видѣли, было до 80-ти. На построніе и украшеніе своихъ церквей нѣкоторые наши архіереи и пастоятели монастырей жертвовали съ большимъ усердіемъ и любовію и не щадили никакихъ издержекъ⁽³⁹³⁾.

Но «церковное богатство—нищихъ богатство»: эту мысль сознавали сами наши духовные землевладѣльцы и повторяли, когда отстанвали свои недвижимыя имущества⁽³⁹⁴⁾. Она же выражалась и въ монастырскихъ уставахъ и ясно выражена

⁽³⁹³⁾ Изъ *архіереевъ*, наприм., митрополитъ Іона соорудилъ каменный придѣлъ во имя Похвалы Пресв. Богородицы къ своему каеэдральному успенскому собору (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 147), митр. Геронтій—каменную церковь, Рязоположенскую, на своемъ митрополитчемъ дворѣ (тамъ же 215; Никон. Лѣт. VI, 119. 121), архіепископъ Макарій богато украсилъ повгор. софійскій соборъ (тамъ же VI, 285. 291), епископъ тверскій Акакій воздвигъ послѣ пожара и разукрасилъ свой каеэдр. соборъ (*Максим. Грек. Соч. II, 293*). Изъ *настоятелей монастырей*—чудовскій архимандритъ Гепнадій построилъ въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя святителя Алексія (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 215), ново-спасскій архимандритъ Аѳанасій—въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя Преображенія Господня (тамъ же 221), хутынскій игуменъ Θεодосій—въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя св. Григорія, просвѣтителя Арменіи (тамъ же VI, 296); преп. Пафлутій боровскій, Іосифъ волоколамскій, Данилъ переяславскій, Александръ свирскій и другіе также соорудили, въ основанныхъ ими обителяхъ, каменные храмы (нашей Истор. Р. Церкви VI, 110; VII, 7. 13. 37).

⁽³⁹⁴⁾ «Правило о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о судѣхъ епископскихъ, и о мѣрилѣхъ градскихъ»,—напеч. у *Калачос. о значеніи Кормчей*, стр. 122. Снес. нашей Истор. Р. Церкви VI, 128.

въ самомъ Судебникѣ царя Ивана Васильевича IV⁽³⁹⁵⁾. И при многихъ нашихъ церквахъ и монастыряхъ, по нелиживому свидѣтельству писцовыхъ книгъ, несомнѣнно существовали богадѣльни и страннопримницы, въ которыхъ нищіе, безпріютные и пришельцы находили для себя пріютъ и прокормленіе. А въ Троице-сергіевомъ монастырѣ существовалъ обычай пропитывать на свой счетъ весь народъ, какой стекался въ монастырь ежегодно въ извѣстные дни для богомолья⁽³⁹⁶⁾. Съ нѣкоторыхъ имѣній, завѣщанныхъ въ монастыри, весь доходъ даже не записывался въ монастырскія книги, а прямо употреблялся на раздачу нищимъ и на поминовеніе жертвователей, согласно съ ихъ волею⁽³⁹⁷⁾. Особенно обнаруживалась благотворительность нѣкоторыхъ нашихъ оби-

(³⁹⁵) Наприм., въ уставѣ преп. Евфросина псковскаго сказано: «когда придутъ къ вамъ странники, иноки ли или миряне, заботьтесь ихъ принять и успокоить; каждый странникъ можетъ оставаться у васъ три дня, и не принуждайте его ни на какое дѣло, ни скажите ему тяжкаго слова, а отпуская, дайте страннику милостыню по силѣ» (нашей Истор. VII, 63). Въ Судебникѣ: «а на монастырѣхъ жити нищимъ, которые питаются милостынею отъ церкви Божіи» (А. И. I, стр. 248).

(³⁹⁶) См. выше примѣч. 273, вмѣстѣ съ текстомъ, и еще—*Иванов*. Систем. обзорѣніе помѣст. прав., въ Россіи существовавшихъ, М. 1836, стр. 153 159. О Троице-Серг. монастырѣ—*Гербершт.* Записки о Московіи, стр. 68.

(³⁹⁷) Въ Кормовой книгѣ Троице-Сергіева монастыря, исх. XVI в., записано: «Село Опірѣвское въ деревни въ Звенигородскомъ уѣздѣ пожаловалъ царь... Иванъ Васильевичъ... по свосемъ дядѣ, князѣ Юрьѣ Ивановичѣ Дмитровскомъ. По княже-юрьевѣ духовной грамотѣ, изъ того села привозили оброку старцы згоду на годъ по 60-ти рублевъ и по 22 алтына в денгою, и тѣхъ денегъ троецкой казначей въ приходные книги не пишетъ; давати тѣхъ денегъ на три кормы 30 рублевъ, на кормъ по десяти рублевъ, братіѣ; на двѣ милостыни родати 20 рублевъ по князѣ Юрьѣ Ивановичѣ; за ворота дають нищимъ 5 рублевъ, какъ на братью кормъ дають, да 5 рублевъ раздадутъ нищимъ старицамъ и старцамъ кругъ монастыря—къ Покрову на Хотьково, да къ Богородицѣ подъ Сосну, да въ Лемантіево, да въ Зубатово, да въ Дерновино, да въ Шарапово старицамъ милостыни» (Рукоп. Тр.-Серг. лавры, № 821, л. 62—63).

телей во дни народных бѣдствій. Преп. Пафнутій боровскій, съ своею обителію, прокормилъ однажды, во время голода, всѣхъ окрестныхъ жителей, стекавшихся въ нее ежедневно по тысячѣмъ человѣкъ и болѣе, и истощилъ на нихъ всѣ свои хлѣбные запасы. Преп. Іосифъ волоколамскій отворилъ, для прокормленія голодавшихъ поселянъ, всѣ житницы своего монастыря, и когда онѣ опустѣли, дѣлалъ даже займы, а для постоянного призрѣнія странниковъ и нищихъ построилъ особое пристанище, подъ именемъ «Богораднаго монастыря», въ которомъ обитель ежедневно кормила по шестисотъ и семисотъ человѣкъ. Преп. Даніилъ переяславскій пропиталъ однажды, во время голода, средствами своей обители всѣхъ, приходившихъ въ нее, впродолженіе восьми мѣсяцевъ, пока не настала новая жатва. О Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ самъ грозный царь засвидѣтельствовалъ: «Кирилловъ доселѣ многія страны препитывалъ въ гладныя времена» (398). Наши архіереи имѣли обычай посылать милостыни узникамъ въ темницы (399).

Не свободно было наше духовенство и отъ государственныхъ податей и повинностей. Мы уже говорили, что всѣ земли, какъ митрополита и прочихъ архіереевъ, такъ и монастырей и церквей положены были правительствомъ въ сохи или въ пожни, за исключеніемъ только небольшихъ, собственно-церковныхъ и иногда монастырскихъ пашней. Поэтому и всѣ духовные землевладѣльцы, наравнѣ съ прочими, обя-

(398) Нашей Истор. Р. Церкви VII, 6. 10. 14; А. И. I, № 204, стр. 383.

(399) *Кулриан*. Отрывки изъ расходи. книгъ новгор. Соф. дома за 1548 г., въ Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 36. 39. 41. 50.

заны были платить въ казну разныя ежегодныя дани и пошлины соотвѣтственно количеству своихъ сохъ или пожней. Равно и всѣ священно-и-церковно-служители, которые хотя не имѣли у себя другой земли, кромѣ церковной пашни, но имѣли свои дома не на церковной, а на «черной» землѣ, должны были тянуть всякое тягло вмѣстѣ съ черными людьми (400). Къ числу государственныхъ повинностей и самыхъ важныхъ принадлежали «ратная» и такъ-называвшееся «городское дѣло», состоявшее въ томъ, чтобы дѣлать въ мѣстныхъ городахъ валы, ограды, кремли, возить для того камни, песокъ, известъ,—и не подлежить сомнѣнію, что если не всегда, то по временамъ наше духовенство участвовало въ обѣихъ этихъ повинностяхъ. Владѣльцы духовнаго званія должны были, въ случаѣ войны, выставлять изъ своихъ селъ и деревень «даточныхъ людей», наравнѣ со всѣми другими вотчинниками, и содержать на собственный счетъ, а архіереи обязывались посылать тогда на царскую службу и своихъ боярскихъ дѣтей, и, наприм., владыка повгородскій выставлялъ иногда изъ своихъ вотчинъ особенный полкъ, называвшійся владычнымъ стягомъ и находившійся подъ начальствомъ владычнаго воеводы (401). Въ 1495 г. псковичи хотѣли взять конныхъ людей для рати съ самихъ своихъ поповъ и вообще съ церковныхъ причтовъ, и вѣче готово было сдѣлать даже насиліе надъ нѣкоторыми священниками; къ счастью,

(400) А. Юрид. № 209, ст. I—V; А. Э. I, № 205, стр. 188, гдѣ сказано: «съ тѣхъ дворовъ, съ попова и съ дьяконова, изстарины тянутъ всякое тягло съ черными людьми, потому что деи тѣ двory стоятъ на черной землѣ, на тяглоу, на посадцой, и тапуть съ черными людьми».

(401) А. Юрид. № 215, ст. I; А. И. I, № 42; А. Э. I, №№ 9. 64; II. Собр. Р. Лѣт. III, 168; IV, 127—128.

послѣдніе успѣли убѣдить вѣче, что требуемая отъ нихъ повинность несогласна съ правилами св. отцевъ въ номоканонѣ. Но въ 1518 г., по приказанію вел. князя, духовенство псковское уже привлечено было къ этой повинности и должно было, во время похода на Полоцкъ, поставить коней и телѣги, чтобы везти «весь нарядъ пушечный» ⁽⁴⁰²⁾. Такимъ же образомъ въ 1545 г. и духовенство всего новгородскаго края, попы, діаконы, причетники, просвирни, вмѣстѣ со всѣми прочими жителями, должны были, по волѣ вел. князя, дать съ своихъ дворовъ извѣстное число ратныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, и извѣстное количество пороха, для предпринимаемаго похода на Казань. Государь пожаловалъ только архіепископа: не велѣлъ брать ратныхъ людей съ дворовъ—софійскаго кафедральнаго духовенства, боярскихъ дѣтей владыки и всѣхъ его служивыхъ людей, жившихъ на Чудинцевой улицѣ, за исключеніемъ, однакожъ, дворовъ, принадлежавшихъ крестьянамъ владыки, которые, слѣдовательно, не освобождались отъ этой повинности ⁽⁴⁰³⁾. «Городское дѣло» до 1534 г. не было обязательнымъ для духовенства, по крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ, по свидѣтельству мѣстнаго лѣтописца, хотя извѣстно, что владыка Геннадій еще въ 1490 г. поставилъ въ Новгородѣ цѣлую треть каменнаго кремля своею казною, между тѣмъ какъ двѣ остальные части поставлены были казною вел. князя. Но въ 1534 г., когда изъ Москвы присланъ былъ приказъ поставить деревянный городъ на Софійской сторонѣ, государевы дѣяки, именемъ малолѣтняго

⁽⁴⁰²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 269. 292.

⁽⁴⁰³⁾ А. Э. I, № 205.

вел. князя и его матери Елены, привлекли къ этому дѣлу и новгородское духовенство, и «на самаго архіепископа Макарія урокъ учиниша, такожде и на весь священный ликъ, на церковныя соборы урокъ учиниша». То же самое случилось тогда и въ Москвѣ, гдѣ строилась большая деревянная и земляная стѣна вокругъ Китай-города, по волѣ малолѣтняго князя и его матери, которые, сдѣлавъ на эту постройку пожертвованіе изъ собственной казны, «повелѣша и отцу своему митрополиту вдати, елико достоинъ, такожде и всему священническому чину урокъ учиниша» (404). А псковскіе священники еще въ 1517 г., когда пало сорокъ сажень мѣстнаго кремля, должны были, по волѣ вел. князя, принять участіе въ поправкѣ этой стѣны, наравнѣ съ прочими жителями, и возили требовавшійся для того камень (405).

Не отказывалось наше духовенство жертвовать и на нужды церкви и государства, открывавшіяся по временамъ. Когда, вслѣдъ за покореніемъ Смоленска въ 1514 г., воссоединилась съ московскою митрополіею смоленская епархія и оказалось, что средства содержанія смоленскаго владыки скудны, тогда митрополитъ, архіепископы и епископы охотно согласились давать ему изъ собственной казны ежегодную пошлину, которая и доставлялась во все княженіе Василя Ивановича. Когда въ 1555 г. открыта была епархія въ Казани, то опредѣленіемъ собора, по волѣ государя, положено было, между прочимъ, собирать для новаго архіепископа, на первыхъ порахъ, пособіе, деньгами и хлѣбомъ, отъ всѣхъ архіереевъ и

(404) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 292—293; *Карамз.* VI, примѣч. 629, подъ 1490 г., изд. Эйхеря.

(405) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 290.

монастырей,—и этот сбор продолжался нѣсколько лѣтъ (406). Въ 1535 г. крымскіе татары привели въ Москву множество русскихъ плѣнниковъ и требовали за нихъ выкупа. Вел. князь, съ своею матерью, приказалъ выдать часть сребра изъ собственной казны, послалъ къ новгородскому архіепископу Макарію, чтобы и онъ пожертвовалъ отъ себя и собралъ со всѣхъ монастырей своей епархіи, въ Новгородѣ и Псковѣ, семьсотъ рублей. Макарій немедленно собралъ и доставилъ эти деньги (407). А на Стоглавомъ соборѣ вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ царь предложилъ на обсужденіе владыкъ, говоря: «плѣнныхъ привозятъ изъ орды на выкупъ, въ томъ числѣ бояръ и боярынь, и никто ихъ не выкупаетъ, и тѣхъ плѣнниковъ, мужей и женъ, опять везутъ назадъ въ бусурманство, а здѣсь надъ ними всячески издѣваются; надобно о семъ разсудить соборнѣ». Отцы собора отвѣчали, что выкупъ плѣнныхъ соотечественниковъ долженъ быть дѣломъ всей русской земли и «общей милостынею». И потому выкупать плѣнныхъ, гдѣ бы то ни было—въ Царьградѣ, въ Крыму, Казани, Астрахани, Каоѣ, и тѣхъ, которые привозятся въ Москву греками, турками, армянами и другими купцами, слѣдуетъ изъ царевой казны, а затѣмъ, сколько издержится въ годъ на выкупъ изъ царевой казны, раскидывать то на сохи по всей русской землѣ ровно и собирать пошлину (Стогл. гл. 5, вопр. 10, и гл. 72). Въ этой пошлинѣ, извѣстной подъ именемъ «поломянничныхъ денегъ», участвовали и всѣ духовные землевладѣльцы, архіереи, мона-

(406) Стогл. гл. 100, стр. 248; П. Собр. Р. Лѣт. Ш, 158; Никон. Лѣт. VII, 231—232; А. Юрид. № 209, ст. II.

(407) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 294.

стыри и церкви, и она собиралась съ нихъ ежегодно до самаго конца періода (408). По взятіи Казани можество плѣнныхъ татаръ было приведено въ Россію, и они розданы были на жительство по монастырямъ, особенно новгородскимъ, для приготовленія къ принятію христіанства, а когда крестились, то оставались въ тѣхъ же монастыряхъ, которые обязаны были «устраивать ихъ и кормомъ, и одежою, и обувью, изъ монастырскіе казны» (409).

Дорого обходился нашимъ архіереямъ существовавшій тогда обычай дѣлать подарки или «поминки» государю, митрополиту и другимъ высоко-поставленнымъ лицамъ и вообще знакомымъ, насколько можно судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія сохранились о новгородскомъ владыкѣ. Въ 1476 г., едва только вел. князь Иванъ Васильевичъ, пожелавшій пойти въ Новгородъ «миромъ», вступилъ въ предѣлы новгородскіе, какъ его встрѣтилъ посланный отъ владыки новгородскаго Теофила «съ поминки». За девяносто верстъ до Новгорода встрѣтилъ князя и самъ владыка съ прочими властями новгородскими, свѣтскими и духовными, и поднесъ ему отъ себя двѣ бочки вина, одну краснаго, другую бѣлаго, тогда какъ всѣ

(408) А. Юрид. № 209, ст. V. VI; № 211. Въ приходной книгѣ новгород. архіерейскаго дома, за 1577 г., записано: «июня въ 15 день взято у архіепископлихъ дякоу, у меньшого у Нефиева да у бакаки у Павлова, полоняничныхъ денегъ 122 рубля и 22 алтына и двѣ денги; да у архіепископлихъ у Олонецкихъ крестьянъ, у Луки у Родіонова съ товарищи, полоняничныхъ же денегъ е Олонецкіе волости, съ архіепископлихъ крестьянъ, взято 119 рублей и 22 алтына съ полуденгою, и всего в сей статьи взято полоняничныхъ денегъ—242 рубля и 11 алтыпъ съ полуденгою. А взяты тѣ денги зъ тѣхъ денегъ мѣсто, что даны денги изъ софійскіе казны государскимъ дякомъ, Поснику Хворощину, Даниль Осѣву, въ прошломъ въ 84-мъ и въ нынѣшнемъ въ 85-мъ году, за софійскую вотчину полоняничномъ на окупъ» (з. 10).

(409) Доп. А. И. I, № 97; П. Собр. Р. Лѣт. III, 157.

прочіе поднесли только по мѣху вина. Когда князь прибылъ въ Новгородъ съ своею многочисленною свитою, владыка поспѣшилъ прислать ему отъ себя «кормы». Три раза пироваль государь у владыки, пока находился въ Новгородѣ, и каждый разъ владыка подносилъ ему дары. Въ первый разъ, 23-го ноября, владыка поднесъ три поставка ипскаго сукна, по 30 новгородскихъ рублей за поставъ, сто золотыхъ корабленыхъ, зубъ рыбей, а проводнаго бочку вина бѣлаго и бочку краснаго. Во второй разъ, 14-го декабря, подарилъ 150 корабленниковъ, пять поставовъ ипскаго сукна, да жеребца, а проводнаго — бочку вина и двѣ бочки меду. Въ третій разъ, 19-го января—300 корабленниковъ, золотой ковшь съ жемчугомъ, двѣ гривенки, два рога, окованные серебромъ, серебряную мису, двѣнадцать гривенокъ, пять сороковъ соболей и десять поставовъ ипскаго сукна. Дары другихъ знатныхъ лицъ, у которыхъ также пироваль вел. князь въ Новгородѣ, были вообще ниже даровъ владыки. Въ 1478 г., когда Иванъ Васильевичъ вошелъ въ Новгородъ, какъ покоритель, тотъ же владыка два раза подносилъ ему отъ себя дары: 29-го января, передъ обѣдомъ, на который былъ приглашенъ княземъ, поднесъ панагію, обложенную золотомъ съ жемчугами; струсово яйцо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка; чарку сердликовую, окованную серебромъ; серебряную мису и 200 корабленниковъ; въ другой разъ — 12-го февраля, предъ литургією, поднесъ цѣпь, двѣ чаши и ковшь зологые, вѣсомъ около девяти фунтовъ; кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вызолоченные, вѣсомъ въ 31 фунтъ съ половиною, и 200 корабленниковъ. Въ 1535 г. новгородскій архіепископъ Макарій, пріѣхавъ въ Москву, сотворилъ великому кня-

вою и его матери Елонѣ «поклоненіе по государскому обычаю, и дары многи принесе». Въ 1570 г. женился царь Иванъ Васильевичъ на царевнѣ Маріи, и владыка новгородскій Пямень послалъ къ нему два креста въ 370 рублей, два образа, обложенные серебромъ, въ 170 р., да двумъ царевичамъ по образу въ 80 р., да еще 40 золотыхъ ⁽⁴¹⁰⁾. Но всего подробнѣе говорятъ о занимающемъ насъ предметѣ уцѣлѣвшіе отрывки изъ расходныхъ книгъ новгородскаго софійскаго дома за 1547—1548 г., хотя онѣ обнимаютъ не цѣлый годъ, а только десять мѣсяцевъ (съ 1 ноября по 30 августа), и съ большими пропусками. Въ этотъ періодъ владыка Феодосій успѣлъ нѣсколько разъ отправить свои поминки въ Москву. Ноября 13-го послалъ онъ къ брату вел. князя Юрію Васильевичу, по случаю его свадьбы (3 ноября 1547 г.), съ благословеніемъ и дарами своихъ боярскихъ дѣтей, князя Оболенскаго и Бартенева, а съ ними послалъ самому князю Юрію образъ Спасовъ, обложенный серебромъ, да золотой атласъ, да пять портищъ камокъ, на 45 рублей московскихъ, а молодой княгинѣ такой же образъ Спасовъ, да князю Дмитрію Палецкому и его женѣ по образу въ серебряныхъ же окладахъ. Декабря 18-го, посылая къ государю испросить себѣ разрѣшеніе на поѣздку въ Псковъ, владыка послалъ четыре иконы, обложенныя серебромъ, брату государеву Юрію Васильевичу и его женѣ по иконѣ и Ивану Дмитріевичу Володимірову и его женѣ по иконѣ, да 17 золотыхъ боярамъ. Предъ праздникомъ Пасхи, 26-го марта, послалъ къ государю-царю «съ великоденскимъ мѣхомъ» своего боярскаго

(410) П. Собр. Р. Лѣт. III, 142—143. 160; VI, 200—205. 220. 295.

сына, князя Василя Шаховскаго, а съ нимъ послалъ: самому царю мѣхъ вина бастру да 20 золотыхъ угорскихъ, его царицѣ Анастаси и его брату Юрiю по 10 золотыхъ угорскихъ, его тещѣ 6 золотыхъ угорскихъ; митрополиту Макарию мѣхъ вина бастру да 10 золотыхъ угорскихъ, владыкѣ тверскому золотыи корабленикъ, крутицкому золотой угорскiй; двѣнадцать боярамъ вел. князя и духовнику по золотому корабленику; восемнадцать другимъ знатымъ лицамъ, князьямъ, постельничимъ вел. князя по золотому угорскому; восьми женамъ знатныхъ бояръ и князей по золотому угорскому, четырнадцать дякамъ по золотому угорскому; архимандриту симоновскому и митрополичьимъ старцамъ—казначею, келейному, архидiакону по золотому угорскому,—а всего 103 золотыхъ угорскихъ и 14 золотыхъ кораблениковъ. Мѣсяца черезъ два или три съ половиною, 10 iюня или iюля, владыка послалъ къ государю-царю своего дворецкаго Волуева, а съ нимъ самому царю икону, обложенную серебромъ, да бурога жеребца, царицѣ такую же икону, брату государя такую же икону да сѣраго мерина, митрополиту гнѣдаго мерина, а боярамъ великаго князя и дякамъ 25 золотыхъ угорскихъ да 9 золотыхъ кораблениковъ. Въ самомъ Новгородѣ владыка дарилъ знатныхъ особъ, при всякомъ открывавшемся случаѣ, то иконами обложенными серебромъ, то серебряными ковшами, которые нарочно для этого покупались и заготовлялись въ большомъ количествѣ. Приглашалъ ли кто изъ знати на пирь къ себѣ владыку, онъ непременно везъ съ собою нѣсколько икснѣ и крестовъ, обложенныхъ серебромъ, которыми и благословлялъ хозяина, хозяйку и ихъ дѣтей; впрочемъ въ этомъ случаѣ владыку щедро от-

даривали. Угощаль ли самъ владыка у себя новгородскаго намѣстника и другихъ сановниковъ, или прїѣзжихъ изъ Москвы отъ вел. князя и митрополита,—владыка одариваль и ихъ богатыми иконами и серебряными ковшами. Отъѣзжаль ли новгородскій намѣстникъ, по волѣ государя, на другое мѣсто службы, владыка благословляль его на путь драгоцѣнною иконою. Проѣзжала ли черезъ Новгородъ изъ Пскова въ Москву знатная боярыня: и ей владыка посылаль серебромъ обложенный образъ. Когда владыка отправлялся въ Псковъ, то бралъ съ собою запасъ богато украшенныхъ иконъ и серебряныхъ ковшей, и тамъ одѣляль ими, какъ въ Новгородѣ, кого хотѣль и во время пировъ и при другихъ случаяхъ ⁽⁴¹¹⁾. Самыхъ большихъ издержекъ стоили для владыки прїѣзды въ Новгородъ государя: тогда у владыки недоставало собственной казны, и онъ входилъ въ долги, занимая то у настоятелей монастырей, то у своего псковскаго намѣстника, то у другихъ, которымъ впоследствии и выплачиваль долги ⁽⁴¹²⁾.

⁽⁴¹¹⁾ Отрывки изъ расходи. книгъ соф. дома—въ Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 32—54. Тутъ ясно обозначено, что нѣкоторые иконы, ковши и восковые, какіо дарилъ владыка, шли «изъ архіепископли кельи», а другіе, и большая часть, изъ архіепископли казны». Эта казна архіепископли или софійская существовала издавна и накоплялась постепенно стараніемъ владыкъ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 228, 233). Въ 1480 г. в. кн. Иванъ III, прогнѣвавшись на архіеп. Софила, послаль его въ Москву, а «казну его взяль, множество влата и серебра и сосудовъ его» (—VIII, 204). Но в. кн. Василій Ивановичъ въ 1524 г., когда архіепископомъ въ Новгородъ поставленъ былъ Макарій, отдалъ или возвратилъ ему «всю казну старыхъ архіепископовъ» (—IV, 296), и эта казна оставалась при софійскомъ соборѣ до 1570 г., когда, по волѣ грознаго царя, казнившаго Новгородъ, вновь совершенно разграблена и отправлена въ Москву (—III, 257, 259; IV, 343).

⁽⁴¹²⁾ Въ означенныхъ (прим. 411) Отрывкахъ читаемъ: «тогоже дни (генв. 10) заплачено долгу Столыпку Телегѣ 10 рублей въ московское число, по архіепископли приказу, что у него занято было къ великаго князя прїѣзду. Тогожь мѣсяца въ 15 день заплачено долгу на Свѣтную гору игумену Ionѣ 200 рублей»

ГЛАВА VIII.

ВѢРА И ПРАВСТВЕННОСТЬ.

I.

Русскіе XV—XVI вѣка были необычайно привержены къ своей вѣрѣ, по свидѣтельству иностранцевъ, и считали ее только одну истинно-христіанскою и лучшею изъ всѣхъ вѣръ⁽⁴¹³⁾. Но русскіе тогда почти не знали своей вѣры, по край-

въ московское число, а заимованы тѣ деньги къ вел. князя пріѣзду... Тогожь дни (20 генв.) заплачено долгу Неудачѣ Цыплятеву (псковскому намѣстнику владыки) 100 рублевъ въ моск. число, что онъ заимовалъ на архіепископа къ вел. князя пріѣзду... Тогожь мѣсяца (апрѣля) въ 16 день заплачено долгу бывшему нгумену нпкольскому Макарію Цвѣтному 100 рублевъ и 50 рублевъ въ москов. число, а заимовалъ онъ тѣ деньги на архіепископа къ вел. князя пріѣзду» (тамъ же 39, 40, 50). Упоминаемый здѣсь пріѣздъ вел. князя въ Новгородъ и затѣмъ въ Псковъ былъ въ 1547 году (П. Собр. Р. Лѣт. III, 151).

⁽⁴¹³⁾ Изъ числа этихъ иностранцевъ *Герберштейнъ* говоритъ: «москѣвцы хвалятся, что они одни только христіане, а насъ осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ св. установленій» (Записки о Московіи, стр. 68); *Павелъ Ювій*: «Moscovitae eos religionis ritus, quos a graecis doctoribus. acceperunt, iisdem sensibus et sincerrima quidem fide sequuntur» (De legat. Moscow., apud Starczew. I, p. 10); *Фаберъ*: «constantiori animo (Moscovitae), quam plerique nostrum, in hac prima fide perseverare solent, quam ab apostolo Andrea suisque successoribus sanctisque patribus didicerunt (Moscov. relig., apud Starczew. I, p. 6); *Адамъ Климентъ*: nos semichristianos esse contendunt, sese autem sinceros ac genuinos (Anglorum navig. ad Moscow., ibid. I, 12); *Кобенцель*: (Moscovitae) nunquam discesserunt ab ea religione, quam acceperunt et dedicerunt ab ecclesia graeca, quamque in hodiernum usque diem cum maximo zelo et fervore servant ita, ut vix credi possit (De legat. ad Moscow., apud Starszew. II, 13); *Флетчеръ*: «они отдадутъ предпочтеніе своей церкви предъ всѣми прочими, утверждая, что у нихъ сохраняются са-

ней мѣрѣ, отчетливо и основательно. Невѣжество не только не уменьшалось въ Россіи, а еще увеличивалось: школы если и существовали кое-гдѣ, то самыя жалкія, и не было между ними даже такихъ, какія бывали прежде въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сами пастыри церкви, въ большинствѣ, едва умѣли читать и писать, и въ кругу архипастырей встрѣчались лица, которыя не въ состояніи были отвѣчать, сколько было евангелистовъ, и под. ⁽⁴¹⁴⁾. Такіе пастыри не могли сами проповѣдывать вѣры, и дѣйствительно не проповѣдывали ее, справедливо опасаясь, чтобы, при своемъ невѣжествѣ, не впасть въ какую-либо ересь, а обязывались только читать въ церквахъ на поученіе православнымъ христіанамъ готовыя книги: *Толковое евангеліе*—въ древнемъ славянскомъ переводѣ, едва понятномъ для народа; *Златоустъ*—сборникъ изъ сочиненій Златоуста и другихъ св. отцевъ, въ томъ числѣ, и изъ подложныхъ; *Прологъ* и вообще *житія святыхъ*—безъ всякой провѣрки и разбора ⁽⁴¹⁵⁾. Для людей грамотныхъ и съ здравымъ природнымъ смысломъ существовала, конечно, и тогда полная возможность изучать и знать истины православія: были у насъ на родномъ языкѣ и Слово Божіе, и книга Кѣрмчая, и разныя творенія вселенскихъ учителей—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и бо-

мыя истинныя и справедливыя преданія, сообщенныя апостолами греческой церкви, а отъ нея полученныя ими» (О госуд. русскомъ, гл. 23, стр. 86).

⁽⁴¹⁴⁾ Стоглав. гл. 25; *Флетчеръ*—о русскомъ духовенствѣ и, въ частности, о епископѣ вологодскомъ, съ которымъ лично бесѣдовалъ и которому самъ предлагалъ вопросы (О русск. госуд. гл. 21, стр. 75. 79).

⁽⁴¹⁵⁾ Стогл. гл. 6, стр. 81. *Герберштейнъ*: «у нихъ нѣтъ проповѣдниковъ; они думаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать Евангеліе, посланія и слова другихъ учителей, которыя читаетъ

гословіе Іоанна Дамаскина, и сочиненія многихъ другихъ отцевъ и учителей церкви. И мы видѣли въ исторіи нашей духовной литературы за настоящій періодъ нѣсколько такихъ лицъ, обладавшихъ обширною богословскою начитанностію, которые правильно понимали и раскрывали православныя догматы—о пресв. Троицѣ, о таинствѣ воплощенія и искупленія, о свящ. преданіи, о почитаніи святыхъ, о поклоненіи иконамъ и пр. Видѣли, однакожь, вмѣстѣ съ тѣмъ, что и эти люди, болѣе другихъ образованные, но лишеныя всякихъ пособій науки, не были чужды важныхъ недостатковъ въ области вѣры и богословія: не умѣли различать существеннаго въ дѣлахъ вѣры съ несущественнаго, болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и съвсѣмъ неважнаго, догматическихъ преданій отъ обрядовыхъ; съ одинакимъ уваженіемъ относились и къ свящ. писанію, и къ писаніямъ св. отцевъ, и къ житіямъ святыхъ, и къ сказаніямъ разныхъ патериковъ, и вообще къ сочиненіямъ всякаго рода, болѣе или менѣе касавшимся вѣры и благочестія, и все называли «божественнымъ писаніемъ», изъ всего старались черпать для себя мысли и доказательства для своего ученія; наравнѣ ставили и правила св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, и толкованія на эти правила, явившіяся впоследствии, и даже градскіе законы греческихъ императоровъ, юшедшіе, вмѣстѣ съ другими дополнительными статьями, въ составъ Кормчей, и все считали неизмѣняемымъ,

священнослужитель на отечественномъ языкѣ. Сверхъ того, они думаютъ этимъ избѣгать различныхъ толковъ и ересей, которые большею частію рождаются отъ проповѣдей» (Записк. о Московіи, стр. 67). То же говорятъ—Павель Іоній (apud Starczew I, 10), Гваньини (ibid. I, 19), Флетчеръ (О русск. госуд. гл. 21, стр. 75) и Антоній Поссевиизъ (apud Starczew. II, 280).

неприкосновеннымъ, и, наконецъ, что всего важнѣе, не имѣли средствъ распознавать подложныя сочиненія отъ подлинныхъ, и съ одинаковымъ довѣріемъ пользовались тѣми и другими. А подложныхъ сочиненій, подъ именами то пророковъ, то апостоловъ, то св. отцевъ, особенно Златоуста, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Феодорита, вращалось у насъ немало, и умноженію ихъ несомнѣнно способствовали тогда, по свидѣтельству современника, наши домашніе «лжесловесники» которые, составляя разныя сказанія, по своему суемудрію, намѣренно прикрывали ихъ именами отцевъ, чтобы удобнѣе распространять въ народъ (⁴¹⁶).

Но если вредными могли быть подложныя сочиненія, которымъ перѣдко слѣдовали, по незнанію, даже образованнѣе наши пастыри, то несравненно вреднѣе были сочиненія за-вѣдомо ложныя, отреченныя, апокрифическія, противъ которыхъ всегда вооружались наши духовныя власти и образованные писатели. Эти *лживыя книги* или, вѣрнѣе, тетрачки, обыкновенно небольшія по объему, но наполненныя всякаго рода баснями и бреднями, историческими, міоологическими, астрологическими, и самыми дѣтскими, перѣдко крайне дикими, понятіями о разныхъ предметахъ вѣры, приходились, какъ разъ, по вкусу нашему невѣжественному духовенству и народу, и служили для нихъ любимымъ чтеніемъ. Наприсно наши архипастыри повторяли въ своемъ святительскомъ поученіи священникамъ, вдругъ по рукоположеніи ихъ: «лживыхъ книгъ не почитайте», и въ руководство издавали видексъ или перечень ихъ, равно какъ и «книгъ истинныхъ», которыя ре-

(⁴¹⁶) См. выше примѣч. 141.

компоновали для чтенія; напрасно такъ много и сильно громилъ апокрифическія писанія Максимъ Грекъ,—число ихъ не только не уменьшалось, но еще увеличилось въ настоящій періодъ, и вліяніе ихъ болѣе и болѣе распространялось и усиливалось (417). Царь Иванъ Васильевичъ жаловался на Стоглавомъ соборѣ: «злыя ереси—рафли, шестокриль, воропографъ, остромій, зодѣй, звѣздочетъи, арпстотелевы врата и ныне составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія многихъ людей прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ и погубляютъ». И хотя соборъ, выслушавъ это, просилъ царя издать въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ грозную царскую заповѣдь, а всѣмъ святителямъ повелѣлъ заповѣдать и запретить каждому въ своемъ предѣлѣ, съ великимъ духовнымъ запрещеніемъ, чтобы православные христіане такихъ богоотреченныхъ и еретическихъ книгъ не держали у себя и не читали, и другихъ не учили и не прельщали, а которые и впредь начнутъ держать у себя такія книги и читать, и другихъ прельщать, тѣмъ быть въ великой опалѣ отъ царя и въ конечномъ отлученіи отъ святителей (Стогл. гл. 41, вопр. и отв. 22); но, безъ сомнѣнія, и эта мѣра не въ состояніи была поправить дѣло, иско-

(417) А. И. I, № 109, стр. 160. Кромѣ индекса книгъ, ложныхъ и истинныхъ, изданнаго митрополитомъ Зосимою отъ лица собора (Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, III. 600) сохранилось нѣсколько другихъ такихъ же индексовъ XVI в., въ которыхъ количество ложныхъ книгъ все возрастало (въ томъ же Опис. стр. 600. 640. 679. 736. 743. Еще—Лѣтоп. запятій Археогр. Коммис., вып. I, отд. I, 33—50). Курбскій свидѣтельствуетъ: «у насъ али десятыя части учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и перадѣнія властей нашихъ; бо пышнѣшого вѣку млящіяся учителя болше въ болгарскіе басня, або паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитають и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ разумѣхъ наслаждаются» (Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 242).

ронить зло. II суевѣріе, самое грубое суевѣріе, во всѣхъ возможныхъ видахъ, господствовало въ массахъ русскаго духовенства и народа, и потемняло, подавляло въ сознаниі какъ пастырей, такъ и пасомыхъ, тѣ немногія, истинныя и здравыя, понятія, какія могли они имѣть о догматахъ своей православной вѣры. «Волхвы и чародѣйники, говорилъ царь на Стоглавомъ соборѣ, кудесы быють, и въ аристотелевы врата и въ рафли смотрять, и по звѣздамъ и по планитамъ глядають, и смотрять дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщають и отъ Бога отлучають» (Стогл. гл. 41, вопр. 17). Весьма многіе еще вѣрили въ волхвовъ, знахарей, чародѣевъ, и думали, что они имѣють сношенія съ злыми духами, знаютъ таинственныя силы природы, настоящее и будущее, что они могутъ портить людей и псѣлять ихъ, паводить на людей и на скотовъ всякія болѣзни и врачевать ихъ, насылать народныя бѣдствія и удалять ихъ, могутъ предсказывать судьбу человѣка, удачу или неудачу его предприятий, могутъ заговаривать его отъ огня, меча, потопленія. II не только простой народъ, сами князья, въ томъ числѣ, какъ извѣстно, и великіе—Василій Ивановичъ и Иванъ IV, обращались къ этимъ вѣдунамъ и волшебникамъ, просили ихъ совѣта и помощи, пользовались ихъ нашептываніями, заговорами, чарованіями, заклинаніями, брали отъ нихъ врачевныя зелія, коренья, камни и проч. «Да по погостамъ, и по селамъ, и по волостемъ, — говорилъ также царь на Стоглавомъ соборѣ,—ходятъ лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отрастивъ и распусая, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являютя св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ запо-

вѣдати христіаномъ каноны завѣчивать; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти и платья не мыти и каменя не разжигати, и иныя заповѣдаютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ божественныхъ писаній» (Стогл. гл. 41, вопр. 21). Были и «невѣгласы попы», которые, по суевѣрью, клали въ великій четвергъ соль подъ престоль и держали ее тамъ до седмаго четверга по пасхѣ, а потомъ давали на врачеваніе людямъ и скотамъ (—гл. 41, вопр. 26); принимали отъ мірянъ сорочки, въ которыхъ дѣти рождаются, и ты сорочки клали на престоль на шесть недѣль (—гл. 41, вопр. 2); принимали также, по желанію прихожанъ, мыло, которое они приносили на освященіе церкви, и держали на престолѣ до шести недѣль (—гл. 41, вопр. 3).

Только при такомъ состояніи религіозныхъ вѣрованій, при такомъ глубокомъ невѣжествѣ и преобладаніи суевѣрій въ средѣ духовенства и мірянъ могло случиться у насъ то страшное, доселѣ небывалое явленіе, какое представила собою ересь жидовствующихъ. Нѣкто жидовинъ, наученный «всякому чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологія», составившимъ тогда наиболѣе господствовавшей видъ суевѣрія, случайно прибылъ въ Новгородъ и началъ дерзко говорить противъ христіанства, отвергалъ триничность Лиць въ Богѣ, божество Христа, таинство искупленія и вообще всѣ собственно-христіанскіе догматы и установленія, а взамѣнь христіанства предлагалъ свою жидовскую вѣру. И что же? Тотчасъ нашель себѣ послѣдователей.... Въ комъ? Въ новгородскихъ попахъ. Они не сумѣли ничего сказать въ защиту самыхъ основныхъ истинъ своего православнаго исповѣданія,

«прельстились» чарованіями и темными знаніями жидовина, отверглись отъ Христа и приняли іудейство съ своими семействами. А потомъ? они же, эти жалкіе попы, сдѣлались фанатическими проповѣдниками новой ереси, т. е. совершеннаго отреченія отъ христіанства, и среди народа. Двое изъ нихъ, самыя главные, научившіеся отъ жидовина чернокнижю и чародѣйству, вскорѣ переселились въ Москву и тамъ успѣли тайно распространить ересь и въ бѣломъ духовенствѣ, и между ипоками, и въ высшихъ слояхъ, и даже въ семействѣ вел. князя. Наконецъ, ересь явилась-было на самой каедрѣ первосвятительской въ лицѣ несчастнаго Зосимы..... Страшные казни, постигшія еретиковъ къ концу XV-го и въ началѣ XVI в., повидимому, прекратили ересь, но не могли уничтожить ея послѣдствій. Возбужденное ею вольнодумство о предметахъ христіанской вѣры продолжало скрытно дѣйствовать и въ кругу бояръ и среди ипоковъ нѣкоторыхъ завожскихъ монастырей, и черезъ полстолѣтіе, подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, проникшихъ къ намъ черезъ Литву, вновь проявилось съ силою въ ересахъ Башкина и особенно Феодосія Косаго. Но «нѣтъ худа безъ добра». Эта такъ называемая ересь жидовствующихъ, съ ея позднѣйшими проявленіями, увлекшая нѣкоторыхъ и, можетъ быть, даже многихъ во всѣхъ слояхъ нашего общества, пробудила и ревнителей православія и вызвала ихъ на труды, какихъ именно недоставало для русской церкви: у насъ явилась въ одномъ составѣ полная славянская библія; явились, одно за другимъ, два обширныхъ сочиненія, написанныхъ русскими людьми, съ возможною для того времени ученостію и основательностію,

въ защиту истины православія отъ еретиковъ, и сдѣлавшихся для соотечественниковъ надолго надежнымъ руководствомъ и пособіемъ въ области вѣры.

II.

Малознакомые, по своей необразованности и неразвитости, съ возвышенными догматами своей православной вѣры, русскіе знали ее преимущественно въ ея обрядахъ и во всемъ томъ, что составляетъ ея внѣшнюю, видимую сторону, какъ бы осязательную для каждаго, и на этой-то сторонѣ вѣры сосредоточивали ту горячую къ ней привязанность, которой не разъ изумлялись иностранцы. По словамъ этихъ послѣднихъ, русскіе глубоко чтили свои храмы. Никто не проходилъ мимо церкви или монастыря, чтобы не остановится, не обнажить главы своей и не помолиться; а если въ церкви совершалась служба, то заходили и въ церковь, становились на колѣна и клали земные поклоны. Лица, считавшія себя нечистыми и недостойными, не дерзали входить въ самую церковь, а становились вѣ ея у дверей и оттуда слушали богослуженіе ⁽⁴¹⁸⁾. Люди простые, бѣдные, постоянно занятые работами, рѣдко посѣщали церкви; но люди достаточные, горожане и вообще свободно располагавшіе своимъ временемъ никогда не опускали церковныхъ службъ, когда онѣ совер-

⁽⁴¹⁸⁾ Герберит. Записки о Московіи, стр. 63; Павелъ Iovii: religiosissime templa venerantur adeo, ut ea neque viros neque feminas venereis pollutos complexibus intrare fas sit, nisi prius privatis balneis abluantur... (De legat. Moscovit. у Старчев. I, 11); Кобелевъ: De legat. ad Moscovit. (у Старч. II, 11.; Одербон. De Russ. relig. (тамъ же II, 38).

шались. Въ дни же воскресные, какъ только около четырехъ часовъ утра раздавался благовѣсть, матеря и мужья, мальчишки и дѣвочки оставляли свои постели, одѣвались и спѣшили въ церковь. Самъ вел. князь, а по примѣру его и многіе другіе ежедневно бывали въ церкви на всѣхъ службахъ и не принимали пищи, не выслушавъ божественной литургіи (⁴¹⁹). Въ церквахъ, во время богослуженій, обыкновенно стояли съ величайшимъ благоговѣніемъ и усердіемъ, несмотря на то, что русская литургія казалось вдвое, даже втрое продолжительнѣе латинской,—хотя бывали и исключенія. Нѣкоторые позволяли себѣ разговаривать и глумиться въ церкви, по крайней мѣрѣ, во время чтеній, когда они происходили невнятно и безтолково. Самъ царь Иванъ Васильевичъ разговаривалъ, за литургіей, съ своими боярами и военачальниками, выслушивалъ ихъ доклады и отдавалъ имъ свои приказанія (⁴²⁰). И во дни этого царя, по его собственнымъ словамъ на Стоглавомъ соборѣ, безстрашіе дотого вошло было въ людей, что нѣкоторые стояли въ церкви въ табяхъ, въ шапкахъ и съ посохами, и здѣсь, какъ на торжищѣ или на пиру, вели между собою громкія бесѣды и споры, и произносили всякія праздныя и срамныя слова, заглушая богослу-

(⁴¹⁹) *Гербершт.* тамъ же 64; *Фаберъ:* frequentes conveniunt in ecclesiis... (Moscovit. relig., у *Стар.* I, 11); *Одербон.* De Russ. relig. (у *Старч.* II, 38); *Поссевин.* De rebus Moscovit. (тамъ же II, 277. 279) *Флетчер.* О госуд. Русск. гл. 26, стр. 95.

(⁴²⁰) *Фаберъ:* est autem missa eorum ter prolixior, quam si ea, quae apud Latinos communis habetur... Devotis mentibus accedunt illam populi... (тамъ же, 7—8); *Кобенцель:* vidi eorum sacra celebrari cum ea devotione, qua major dici vix ulla potest... Sacrum vel missa ipsorum longior est, quam duae nostrae (тамъ же 14); *Адамъ Климентъ,* Anglorum navig. ad Moscov. (у *Старч.* I, 12); *Флетч.* гл. 26, стр. 96.

женіе (Стогл. гл. 5, вопр. 21. 22),—что тогда же и запретилъ соборъ князьямъ и боярамъ и прочимъ вельможамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, подтвердивъ приходскимъ священникамъ поучать своимъ духовныхъ чадъ, чтобы они къ церквамъ Божиимъ приходили съ женами и дѣтьми, и стояли при богослуженіи со страхомъ и трепетомъ, съ великимъ вниманіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ, а шептанія, и празднословія, и повѣстей, и иныхъ неподобныхъ дѣлъ отнюдь себѣ не позволяли (Стогл. гл. 38 и 39).

Съ почтеніемъ къ храмамъ Божиимъ русскіе соединяли глубочайшее почтеніе къ св. иконамъ и другимъ свящ. предметамъ. Иконами украшали не только свои храмы, но и свои жилища: въ каждомъ домѣ, въ каждой комнатѣ дома непременно находились одна или нѣсколько св. иконъ и на самомъ почетномъ мѣстѣ, а у царя и у многихъ другихъ были еще особыя комнаты—молебни, въ которыхъ всѣ стѣны увѣшаны были иконами и крестами. Ставили также иконы и кресты на площадяхъ, на большихъ дорогахъ, надъ вратами городскихъ стѣнъ и на другихъ открытыхъ мѣстахъ. Съ усердіемъ украшали иконы и кресты серебромъ, золотомъ и разными драгоценными камнями; ставили и возжигали предъ иконами, во время домашней молитвы, а особенно во время богослуженія въ церквахъ, восковыя свѣчи, иногда въ огромномъ количествѣ и толщиною въ человѣческую руку. Если кто приходилъ въ домъ другаго, то прежде всего устремлялъ взоръ на иконы въ домѣ и молился предъ ними, а потомъ уже видѣлся съ хозяиномъ; предъ выходомъ изъ этого дома также сначала обращался съ молитвами къ иконамъ и затѣмъ прощался съ хозяиномъ. Проходя мимо иконъ и крестовъ

стовъ, стоящихъ на открытыхъ мѣстахъ, или встрѣчая проносимыя иконы, всегда останавливались, обнажали голову и творили крестное знаменіе и поклоны. Особенно чествовали иконы Чудотворныя, какова была, на примѣръ, икона Николая чудотворца въ Можайскѣ, къ которой стекались богомольцы со всѣхъ сторонъ и куда самъ царь ежегодно присылалъ богатыя приношенія (⁴²¹). И мы видѣли, до какой степени простиралось это чествованіе чудотворныхъ иконъ: когда изъ Владиміра, Вятки и другихъ мѣстъ нужно было перенести нѣкоторыя изъ такихъ иконъ въ Москву для поповленія, ихъ встрѣчала и потомъ провожала вся Москва, со всѣми духовными и свѣтскими властями, и на мѣстѣ встрѣчи устрояемы были храмы. Книгу Евангелія полагали на самомъ почетномъ мѣстѣ, какъ святыню; не прикасались къ ней, не осѣняя прежде крестомъ и не воздавъ ей чести наклоненіемъ главы, и брали въ руки съ величайшимъ благоговѣніемъ. Глубоко читли мощи святыхъ; предпринимали путешествія для поклоненія имъ, особенно къ мощамъ преп. Сергія Чудотворца въ Троице-Сергіевъ монастырь, и на нетлѣніе ихъ указывали иновѣрцамъ, какъ на живое свидѣтельство истинности и спасительности своей вѣры (⁴²²).

Немало поражала иностранцевъ любовь русскихъ къ молитвѣ и употребленію крестнаго знаменія. Русскіе молились такъ часто, что не легко было найти подобныхъ, а крест-

(⁴²¹) Гербершт. тамъ же 63—64. 86; Фабер. тамъ же 10—11; Адамъ Климент. тамъ же 11; Геанъими: *Moscoviae Descriptio*, у Старчев. I, 18. 19; Кобенъ. тамъ же 14. 15; Ульфельдъ, *Legatio Moscovit.*, у Старч. I, 11; Флетчеръ тамъ же 81. 87. 92.

(⁴²²) Гербершт. 64; Фабер. 7. 11; Ульфельд. 11; Геанъим. 18.

нымъ знаменіемъ осѣнялись почти непрестанно. Каждый, пробудившись отъ сна ночнаго, первымъ долгомъ считалъ помолиться предъ домашними иконами, и никто не выходилъ изъ дома, не помолившись; а проведеніе ночь внѣ дома обращались къ какому-либо храму и, взирая на возвышавшійся надъ нимъ крестъ, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и совершали свою утреннюю молитву. Всякое дѣло и работу, важныя и неважныя, начинали молитвою, осѣняли себя крестомъ и призывали имя Пресв. Троицы. Сядя за столъ для вкушенія пищи, крестились и молились; вставая изъ-за стола, повторяли то же; впродолженіе стола осѣняли крестомъ каждое новое кушанье и питье, осѣняя въ то же время и себя, какъ поступалъ и самъ царь. Молитвою же всегда и оканчивали день, отходя ко сну. Собираясь путешествовать, плыть моремъ, пахать землю, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, призывали свя. денниковъ и просили ихъ служить молебствія. Люди грамотные и достаточные пріобрѣтали себѣ книги, въ которыхъ переписаны были молитвы, одобренныя церковію, и по нимъ молились; не имѣвшіе такихъ молитвенниковъ и неграмотные читали только молитву Господню и немногія другія, которыя знали наизусть; а весьма многіе, не знавшіе никакихъ молитвъ, молились безмолвно, повторяя одно: «Господи, помилуй». Во время своихъ молитвъ, русскіе постоянно осѣняли себя крестомъ, преклоняли голову, били себя въ грудь, падали на колѣна, повергались на землю, и все это совершали съ такимъ жаромъ, усердіемъ, благоговѣніемъ, что, казалось, невозможно было религіознѣе чтить Бога. При молитвѣ обыкновенно держали въ рукахъ своихъ четки, которыя всегда носили съ собою какъ царь, такъ и дворяне и простой

народъ, не только въ церкви, но и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, при торжественныхъ собраніяхъ, судахъ, совѣщаніяхъ и под. (⁴²³).

Постъ, какъ и вообще подвиги, направленные къ умерщвлению плоти и страстей, находились у русскихъ въ величайшемъ уваженіи. Кромѣ поста въ среду и пятокъ каждой недѣли, они имѣли еще ежегодно четыре продолжительные поста, доселѣ содержимые православною церковію. Съ особенною строгостію проводили постъ великій, который обыкновенно посвящали на покаяніе и исповѣдываніе своихъ грѣховъ. Впродолженіе этого поста не вкушали не только ничего мяснаго и молочнаго, но даже рыбнаго, и никакого вина. Нѣкоторые принимали пищу только въ два дня каждой недѣли—субботу и воскресенье, а въ остальные дни воздерживались отъ всякой пищи; другіе принимали пищу въ воскресенье, вторникъ, четвергъ и субботу, а въ прочіе три дня не ѣли ничего; весьма многіе, если и не воздерживались совершенно въ понедѣльникъ, среду и пятокъ отъ пищи, то довольствовались кускомъ хлѣба съ водою. Были и такіе, которые впродолженіе великаго поста не вкушали ничего горячаго, приготовленнаго на кухнѣ, и такіе, которые принимали

(⁴²³) *Фабръ*: in qua (oratione) frequentanda non facile similes reperiri censeo... (10); *Улифельд*. 11; *Гваньичи*, 21; *Кобенцель*: omnia sua negotia actionesque auspiciantur ab invocatione sanctissimae et individuae Trinitatis tanta cum religione, ut vestra Dominatio credere vix queat (—14. 16); *Одербонъ*: non video, quali sub sidere homines Dei numen religiosius adoraturi, quam hi... (—38); *Поссеа*., 279. 280; *Флетч*. гл. 21. 23. 25, стр. 77. 87. 92: «сами себя они безпрестанно осѣпляютъ крестнымъ знаменіемъ...; приступая къ какому-либо дѣлу, ничтожному или важному, вооружаются прежде всего знаменіемъ креста...» Объ употребленіи русскими четокъ то же говоритъ и въ *Домостроѣ* (гл. 13).

пищу только по закатѣ солнца. Прочіе посты проводили не съ такою суровостію; но и тогда до крайности строго воздерживались отъ всякой мясной и молочной пищи, считая ее для себя оскверненіемъ, такъ что скорѣе согласились бы умереть, нежели съѣсть кусокъ мяса или яйцо, даже въ тяжкой болѣзни, для подкрѣпленія своихъ силъ. Недовольствуясь соблюденіемъ постовъ, обязательныхъ для каждаго сына церкви, нѣкоторые плагали на себя еще посты добровольные. Постились, напримѣръ, три дня въ недѣлю, вмѣсто двухъ, прибавляя къ средѣ и пятницѣ понедѣльникъ. А иные отказывались отъ скоромной пищи на значительные періоды или навсегда: такъ, князь Семень Оеодоровичъ Курбскій съ юности велъ жизнь необыкновенно воздержную и суровую, и втѣченіе многихъ лѣтъ не употреблялъ въ пищу мяса, даже рыбою питался только по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ ⁽⁴²⁴⁾. При такомъ взглядѣ на значеніе постовъ, особенно поста великаго, соединеннаго съ покаяніемъ и продолжительными молитвами, легко понять, какъ должны были русскіе смотрѣть на монашество и монаховъ, дававшихъ обѣты постничества, сокрушенія о грѣхахъ и молитвеннаго служенія Богу не на нѣсколько только дней или мѣсяцевъ, а на всю жизнь. И русскіе, дѣйствительно, думали, что ничѣмъ нельзя болѣе угодить Богу, какъ если кто, отказавшись отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ, приметъ, вмѣстѣ съ именемъ монаха, строгія правила и святѣйшія обязанности монашеской жизни ⁽⁴²⁵⁾. Видѣли, конечно, примѣры худой жизни и между ино-

⁽⁴²⁴⁾ Гербершт. 66. 120; Фабер. 10; Адамъ Клим. 12; Кобенн. 16; Одербон. 204; Флетч. гл. 23. 25, стр. 88. 94.

⁽⁴²⁵⁾ Monachatum et fratrum collegia tantis encomiis ornant, ut nihil Divino

ками, соблазнялись ими, иногда обличали ихъ; но тѣмъ не менѣе не переставали глубоко чтить самое монашество, стремились къ нему, готовы были оставить своихъ женъ, семейства, чтобы сдѣлаться иноками,—и нужно было объяснять и доказывать, что черныя одежды сами по себѣ не спасутъ человѣка, что можно угодить Богу и въ мѣрѣ, въ быту семейномъ, живою вѣрою и добрыми дѣлами (⁴²⁶). Многие даже изъ людей образованныхъ и знатныхъ, сами вел. князя Василій Ивaповичъ и Иванъ IV, принимали монашество, по крайней мѣрѣ, предъ своею кончиною: обычай древній, сохранявшійся во всей силѣ. Особый видъ монашества или подвижничества представляли собою *юродивые*, которые и пользовались особымъ уваженіемъ въ народѣ, называвшемъ ихъ *блаженными*. Они поражали народъ не столько внутреннимъ значеніемъ своего высокаго подвига—отреченія отъ собственнаго разума Христа ради, сколько внѣшнимъ образомъ своей жизни. Ходили обыкновенно нагие и босые, лѣтомъ и зимою, въ самые жестокіе морозы, съ длинными, распущенными по плечамъ, волосами, едва прикрытые спереди какими-нибудь лохмотьями; часто носили, на шеѣ или на срединѣ тѣла, вериги; проводили время, большею частію, во храмахъ и на папертяхъ церковныхъ и, подъ прикрытіемъ юродства, смѣло говорили правду даже сильнымъ міра. Если обличалъ кого юродивый, ему не возражали, а со смиреніемъ принимали обличеніе; если, проходя мимо лавки купца, бралъ изъ нея

numini gratius esse statuunt, quam si quis rebus terrenis prorsus abrenunciet et, arduas vivendi regulas amplexus officiaque sanctissima professus, religiosi monachi nomen usurpet (Одербон. 203).

(⁴²⁶) Максим. Грек. Сочин. II, 231 и др.

что-нибудь, купецъ радовался и считалъ себя угоднымъ Богу и Его святому. Во дни царя грознаго наиболѣе славились два юродивыхъ: въ Москвѣ Василиій Блаженный и въ Псковѣ Никола Салось. Когда скончался первый въ 1552 г., его отпѣвалъ самъ митрополитъ съ соборомъ, а несъ на плечахъ къ могилѣ самъ государь, несмотря на то, что, при жизни своей, этотъ юродивый часто вопилъ на стогнахъ о его жестокости и притѣсненіяхъ. А Никола Салось предложилъ царю, прибывшему на второй недѣли св. четьредесятницы казнить псковитянъ и посѣтившему его келлю, кусокъ сыраго мяса, и когда Іоаннъ замѣтилъ, что не можетъ ѣсть мяса въ постъ, сказалъ ему: «да развѣ Ивашка думаетъ, что съѣсть постомъ кусокъ мяса какого-либо жпвотнаго грѣшно, а нѣтъ грѣха ѣсть столько людскаго мяса, сколько онъ уже съѣлъ?». И этимъ смѣлымъ обличеніемъ заставилъ царя одуматься и пощадить городъ ⁽⁴²⁷⁾.

Дивились иноземцы и тому, какъ чтили русскіе благословенный хлѣбъ и святую воду. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ принимали они въ церкви изъ рукъ священника кусочки просфоры или благословеннаго хлѣба и несли домой, чтобы раздѣлить съ тѣми, кто не былъ въ церкви. Герберштейнъ рассказываетъ, что однажды, когда вел. князь, послѣ охоты, пригласилъ его къ себѣ, вмѣстѣ съ другими, на обѣдъ въ раскинутую палатку, и всѣ сѣли уже за столъ, отъ внезапнаго потрясенія палатки упалъ на землю Богородичный хлѣбъ

⁽⁴²⁷⁾ *Флетч.* гл. 21, стр. 79—80. Кромѣ двухъ названныхъ, извѣстны были въ настоящій періодъ еще слѣдующіе юродивые: Іоаннъ устюжскій, Лаврентій калужскій, Тимофей псковскій, Василиій, инокъ Спасо-каменнаго монастыря (см. объ нихъ въ Словарѣ Истор. о Святыхъ, прослав. въ церкви русской, изд. 2).

(панагія), который русскіе почитали и вкушали, какъ священный, и хранили въ своихъ жилищахъ на высокоомъ мѣстѣ. Князь и всѣ присутствовавшіе съ трепетомъ встали, сильно пораженные этимъ случаемъ. Немедленно позванъ былъ священникъ, который и подобралъ упавшій хлѣбъ съ травы съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ (¹²⁹). Освященіе воды совершалось у русскихъ не только въ сосудахъ, но и въ рѣкахъ, и послѣднее освященіе, въ день Крещенія Господня и 1-го августа, происходило съ особенною торжественностію и при чрезвычайномъ стеченіи народа. Какъ только оканчивалось это освященіе, тотчасъ множество мушкетъ, несмотря ни на какой холодъ и морозъ и на присутствіе стороннихъ, совершенно нагѣ, бросались въ рѣку и трижды погружались въ ней, чтобы освятиться, а жепщины точно такъ же погружали своихъ дѣтей или и сами погружались въ одеждахъ. Въ то же время всѣ спѣшили съ ведрами и другими сосудами чтобы зачерпнуть освященной воды, которую тутъ же пили и уносили въ свои жилища. Св. воду русскіе хранили, какъ святыню, по временамъ вкушали ее, окроплялись ею, окропляли свои иконы и свои дома, давали ее больнымъ, какъ спасительное лекарство. Къ царю каждое утро, какъ только онъ оканчивалъ свою утреннюю молитву, являлся его духовникъ съ чашею св. воды и окроплялъ ею сперва образа царской молельни, потомъ самого царя. Эта вода каждый день приносилась новая или свѣжая: ее присылали царю, какъ свящ. подарокъ, вмѣстѣ съ просфорою, изъ разныхъ селъ и городовъ, даже весьма отдаленныхъ, наприм., изъ Нов-

(¹²⁹) Герберит. 64. 199; Фабер. 8; Кобенцел. 14.

города, Пскова, отъ церквей, соборовъ, монастырей, гдѣ она освящается была по случаю храмовыхъ праздниковъ, почему и называлась *праздничною* св. водою. Наиболѣе уважалась св. вода, освященная не чрезъ погруженіе только въ пей св. креста, но вмѣстѣ и чрезъ омовеніе въ ней св. мощей. Когда въ 1552 г. пришла въ Москву вѣсть, что въ Свіяжскѣ свирѣпствуетъ цынга, похищающая множество жертвъ, и что нѣкоторые тамъ предаются содомскому грѣху, митрополитъ Макарій торжественно освятилъ воду погруженіемъ жпвотворящаго креста и омовеніемъ въ ней св. мощей, находившихся въ благовѣщенскомъ соборѣ, и послалъ ее въ Свіяжскъ, чтобы ею окропили весь городъ и всѣхъ его жителей. Равно и въ 1557 г. тотъ же митрополитъ, посылая въ Новгородъ богомольную грамоту объ отправленіи молебствія по случаю голода, послалъ вмѣстѣ и св. воду, освященную въ Москвѣ точно такимъ же образомъ, и велѣлъ архіепископу соединить ее съ тою, которую онъ освятилъ самъ въ софійскомъ соборѣ, и разослать по всей епархіи для окропленія этою водою всѣхъ православныхъ отъ мала до велика (⁴²⁹).

Правда, сообщая намъ всѣ такого рода свѣдѣнія о привязанности нашихъ предковъ къ обрядовой сторонѣ ихъ вѣры, иностранцы говорятъ объ этомъ не только безъ сочувствія, но часто съ пренебреженіемъ, съ насмѣшкою, даже съ пря-

(⁴²⁹) *Пав. Говій*, 11; *Ульфельд.*, 10; *Кобени.* 14; *Поссеин.* 280; *Флетчер.* гл. 25—26, стр. 92—93. 96. О праздничной св. водѣ, призывавшейся государю изъ разныхъ мѣстъ, см. также Доп. А. И. I, № 131; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 293. О водѣ, освящавшейся чрезъ омовеніе въ ней св. мощей,—нашей Истор. VI, 211—212; Доп. А. И. I, № 221; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 295.

мымъ осужденіемъ ⁽⁴³⁰⁾. Да иначе и не могло быть: они были иновѣрцы и преимущественно протестанты, и, естественно, смотрѣли на всю напу обрядность съ своей точки зрѣнія. Но нельзя не согласиться съ тѣми изъ нихъ, которые замѣчали, что приверженность русскихъ къ обрядамъ доходила до крайности, что они приписывали обрядамъ слишкомъ большую важность и что въ обрядахъ какъ бы полагали самую сущность своей вѣры. Къ сожалѣнію, изучая исторію настоящаго періода, мы не разъ встрѣчались съ разительными фактами, подтверждающими это. Ростовскій архіепископъ Θεодосій въ навечеріе Крещенія Господня, случившееся въ воскресенье, разрѣшилъ постъ, ради воскреснаго дня, и дозволялъ мірянамъ вкушать мясо, а монахамъ рыбу,—и митроп. Іона съ соборомъ архіереевъ присудилъ—было лишити архіепископа за такой поступокъ свящ. сана. Чудовскій архимандритъ Геннадій въ такой же точно день дозволилъ своей монастырской братіи вкушать св. воду послѣ принятія пищи,—и митрополитъ Геронтій назвалъ это оскверненіемъ св. воды и велѣлъ заковать архимандрита и бросить на ледникъ подъ палаты. Самъ Геронтій, при освященіи успенскаго собора въ Москвѣ совершилъ крестный ходъ вокругъ церкви не по солнцу, а противъ солнца,—и это подняло цѣлую бурю. Великому князю внушили, что митрополитъ нарушилъ обрядъ; князь прогнѣвался и сказалъ, что за такія дѣла постигаётъ гнѣвъ Божій; начались жаркіе споры, о томъ, по-солонь или про-

⁽⁴³⁰⁾ Исключеніе составляютъ Фабержъ, Павелъ Іовій и Кобецель. Но первые два сами не были въ Россіи, а писали о русскихъ только со словъ русскихъ пословъ; а послѣдній намѣренно представляетъ русскихъ близкими повѣрлятыианамъ, чтобы показать, какъ легко было бы обратити Россію въ католичество.

тивъ солнца слѣдуетъ ходить вокругъ церкви, не приведшіе ихъ къ какому рѣшенію; князь продолжалъ обвинять митрополита и гнѣвался на него нѣсколько лѣтъ; митрополитъ не хотѣлъ уступить и собирався уже отказаться отъ своей каедры, пока князь не смирился предъ нимъ и не испросилъ у него прощенія. А исправленіе богослужебныхъ книгъ Максимомъ Грекомъ? Едва только онъ приступилъ къ дѣлу, какъ послышались голоса: «ты, человѣче, своими исправленіями досаждаешь возсіавшимъ въ нашей землѣ чудотворцамъ; они сицевыми книгами благоугодили Богу и по нимъ спаслись». Но такой безразсудной привязанности къ самой буквѣ богослужебныхъ книгъ, по крайней мѣрѣ, не раздѣляли тогда высшія власти, духовная и свѣтская, по порученію которыхъ Максимъ и принялся-было за это дѣло. А пресловутый вопросъ объ аллилуіи, изъ-за котораго предпринималось путешествіе въ Царьградъ, происходили такіе ожесточенные споры въ Псковѣ, являлась будто бы какому-то безыменному инокъ во снѣ сама Пресв. Богородица, и который порѣшилъ, наконецъ, Стоглавый соборъ, заповѣдавъ всѣмъ двонть аллилуію и назвавъ трегубую аллилуію латинскою ересью? А еще болѣе пресловутое постановленіе Стоглаваго собора: «аще кто не крестится двумя персты, да будетъ проклятъ?» Прибавимъ къ этому и ученіе о бородѣ, которому счумѣли у насъ придать религіозный характеръ. Еще къ концу XV и въ началѣ XVI вѣка ино-вѣрцы укоряли русскихъ за то, что они бритье бороды и усовъ признавали смертнымъ грѣхомъ и ересью (⁴³¹). На

(⁴³¹) Sacran. Elucid. errorum ritus Ruthen., err. 23. Johann de Lasco, Ruthen. nation. cum error. eorum, in Histor. Russiae Monum., I, pag. 127.

Стоглавомъ соборѣ государь говорилъ: «по грѣхамъ нашимъ слабость и нерадѣніе вошли въ міръ въ нынѣшнее время; нарицаются христіанами, а въ тридцать лѣтъ и старѣе брѣютъ головы, и браду, и усы, и платы и одежды иновѣрныхъ земель носятъ: почему познати христіанина?» (Стогл. гл. 5, вопр. 25). И соборъ, назвавъ брадобритіе латинскою ересью и ссылаясь на подложное правило св. апостоловъ и одиннадцатое правило трульскаго собора, которое гласитъ совѣмъ о другомъ предметѣ, объявилъ, будто бы св. апостолы и св. отцы строго запретили брить бороду и усы, и тѣхъ, которые брѣютъ, проклиая и отлучили отъ церкви (—гл. 40). А вскорѣ послѣ Стоглаваго собора, бывшій предсѣдатель его, митр. Макарій, какъ бы въ поясненіе, почему такъ строго запрещено брадобритіе, писалъ въ своемъ извѣстномъ посланіи въ Свіяжскъ: «о, злое произволеніе! Сотворилъ насъ Богъ по своему образу и подобію, и явились неблагодарные, стали ходить по плоти...» накладываютъ бритву на бороды свои... Не подобаетъ такъ поступать находящимся въ православной вѣрѣ: ибо это дѣло латинской ереси, и творящій это дѣлаетъ поруганіе образу Бога, создавшаго его по своему образу...» Такими-то предметами занималась богословствующая мысль русскихъ людей и самихъ іерарховъ въ настоящемъ періодѣ; такимъ-то мнѣніямъ и ученіямъ усвоили величайшую важность! Эта неумѣренная и неразумная привязанность къ обрядамъ и вообще къ внѣшней сторонѣ религіи, столь свойственная людямъ простымъ и необразованнымъ во всѣ времена, существовала у насъ и прежде; но никогда не достигала она такой степени, какой достигла теперь; по крайней мѣрѣ, никогда не проявлялась такъ, какъ проявилась на Стоглавомъ соборѣ, который не затруднился

возвестъ на степень догматовъ мнѣнія о двуперстїи для крестнаго знаменїя, о сугубой аллилуїи, о небритїи браны и усовъ. Поистинѣ, это догматы новыя и русскаго изобрѣтенїя, которыхъ никогда не знала церковь греческая, а съ нею и русская, — скорбныя памятники религіознаго невѣжества, господствовавшаго у насъ въ XVI столѣтїи, остающїеся и доселѣ излюбленными догматами русскаго раскола!

III.

Принесши столько вреда въ области вѣры, слѣпая привязанность къ обряду сопровождалась едва ли еще не болѣе губительными послѣдствїями въ области нравственности. Были, безъ сомнѣнїя, и тогда русскїе, которые хорошо понимали, въ чемъ должна состоять нравственность христіанна, которые, исполняя, какъ должно, и церковную обрядность, заботились вмѣстѣ объ очищенїи своей души отъ грѣха, объ исправленїи своего сердца, объ искорененїи въ немъ худыхъ влеченїй и привычекъ, объ утвержденїи себя въ христіанскомъ самоотверженїи и любви. Нельзя, напримѣръ, безъ сочувствїя читать той исповѣди, какую изложилъ въ извѣстномъ уже намъ посланїи къ сыну попъ Сильвестръ, призывая самого же сына во свидѣтеля правдивости своихъ словъ: тутъ виденъ человекъ, который, мало того, что никогда отъ юности не пропускалъ церковныхъ службъ, но никогда никого не осуждалъ, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился; всѣ обиды переносилъ съ христіанскимъ терпѣнїемъ и смиренїемъ Господа ради и никому не мстилъ; а если въ чемъ согрѣшалъ, тотчасъ каялся и со слезами испо-

вѣдывалъ свой грѣхъ предъ духовникомъ; никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страпнаго, ни печальнаго, посѣщалъ больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ, выкупалъ плѣнниковъ и должниковъ, кормилъ голодныхъ; освободилъ всѣхъ своихъ рабовъ и надѣлилъ ихъ, выкупалъ и чужихъ рабовъ и отпускалъ на свободу; многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ, а потомъ и попристроилъ; многихъ дѣвицъ бѣдныхъ, при содѣйствіи своей жены, воспиталъ въ страхѣ Божіемъ, научилъ рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ, выдавалъ замужъ; никому ни въ чемъ не лгалъ, никого не обманывалъ, всегда былъ вѣреспъ данному слову и во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми водился одною правдою, ласкою и любовію. На святительскихъ каоедрахъ того времени встрѣчаемъ мужей высокой правственности и истинно-святой жизни: въ Москвѣ—Іону и Филиппа, въ Новгородѣ—Евоиміа, Іону и Серапіона, въ Казани—Гурія и Германа, въ Твери—Варсонофія, въ Перми—Питирима и Іону. При жизни они были истинными свѣтильниками для своихъ паствъ, и по смерти достойно чтутся въ ликѣ святыхъ. Но большинство русскихъ смотрѣли тогда на правственность односторонне, и какъ вѣру свою полагали почти исключительно въ обрядахъ, такъ и благочестіе—въ исполненіи обрядовъ. Усердно соблюдали посты, праздники и другія постановленія церкви, много молились и въ домахъ своихъ и въ храмахъ Божіихъ, служили акаѳисты, молебны, участвовали въ крестныхъ ходахъ, ходили по богомольямъ, подавали милостыню, дѣлали пожертвованія на церкви и монастыри, старались вообще располагать жизнь свою по церковному

уставу, и думали, что уже исполнили свой христіанской долгъ, угодили Богу; а о внутреннемъ благочестіи, обузданіи страстей, обновленіи сердца, усвоеніи духа христіанской любви, вовсе не заботились. Это было благочестіе по-преимуществу внѣшнее, обрядовое, фарисейское, противъ котораго съ такою силою вооружался Максимъ Грекъ ⁽⁴³²⁾. Оно было распространено и глубоко чтилось во всѣхъ слояхъ нашего общества, между тѣмъ какъ тамъ же господствовали самые тяжкіе пороки и почти совершенная безирравственность.

Образецъ такого благочестія и вмѣстѣ порочности представлялъ собою царь Иванъ Васильевичъ. Отъ былъ величайшимъ ревнителемъ церковныхъ уставовъ, каждый день посѣщаль всѣ церковныя службы и окроплялся св. водою, каждое дѣло начиналъ крестнымъ знаменіемъ, а въ слободѣ Александровской, вмѣстѣ съ своими опричниками, старался выполнять даже монашескій уставъ: носилъ иноческую одежду, выстаивалъ продолжительныя богослуженія, самъ звонилъ и читалъ житія святыхъ за братскою трапезой и молился такъ часто и такъ усердно, что на лбу его отъ земныхъ поклоновъ были шишки. Но въ душѣ, казалось, у него, не было ничего не только христіанскаго, даже человѣческаго, ни искры христіанской любви, чистоты, справедливости. Какъ лютый звѣрь, жаждалъ отъ крови человѣческой, услаждался пытками и страданіями своихъ несчастныхъ жертвъ, измучилъ и истерзалъ тысячи невинныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предавался самому грубому невоздержанію, самому безобразному распутству, семь разъ былъ женатъ; пожираемый ненасытнымъ сребролюбіемъ,

⁽⁴³²⁾ *Максимъ*. Сочин. II, 218. 241. 260.

грабилъ всѣхъ и все, и церкви, и монастыри. Многочисленные опричники царя выбивались изъ силъ, чтобы подражать во всемъ своему высокому образцу, и дѣйствительно являлись достойными его послѣдователями и по безчеловѣчю, и по распутству, и по грабительству, оставаясь совершенно безнаказанными. Надобно, однакожъ, сознаться, что не только при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, но и прежде его, при его отцѣ и дѣдѣ тотъ же духъ жестокосердія и безчеловѣчія, своекорыстія и всякаго рода насилій былъ господствующимъ духомъ и во всемъ нашемъ высшемъ классѣ: этому немало благопріятствовали какъ примѣры самихъ вел. князей, такъ и устройство тогдашней администраціи и суда. Князья, бояре и другія лица, которыхъ посылалъ вел. князь своими намѣстниками въ разные города и области, получали ихъ не для управленія только, но и для собственнаго «кормленія». Потому не столько заботились о томъ, чтобы творить судъ и правду людямъ, сколько о томъ, чтобы отъ нихъ нажиться, и не было пощады ни горожанамъ, ни поселянамъ. Дѣяки, тѣсны и многіе другіе мелкіе чины, окружавшіе намѣстниковъ и бывшіе исполнителями ихъ распоряженій, въ свою очередь преслѣдовали преимущественно ту же цѣль собственнаго кормленія; каждый заботился, какъ бы побольше себѣ приобрѣсть, и горе было поселянамъ, когда въ ихъ села и деревни наѣзжали съ своими требованіями эти представители власти. Судъ былъ грозенъ и страшенъ: при производствѣ его допущены были закономъ праведъ и пытка, а по окончанія — разные виды смертной казни, особенно для поселянъ. И эта грозность суда еще болѣе способствовала взяточничеству, кото-

рое и безъ того не знало мѣры ⁽⁴³³⁾. Князья и бояре, владѣвшіе вотчинами отъ своихъ предковъ, дѣти боярскіе и служилые люди, получавшіе помѣстья отъ государя себѣ въ кормленіе, также, большею частію, угнетали бѣдный народъ—своихъ крестьянъ и позволяли себѣ всякія насилія и грабежи. Какъ ни страшно казнили иногда государь своихъ намѣстниковъ и другихъ чиновниковъ за взятки, притѣсненія народа, грабительство, но эти казни мало производили вліянія на людей, которые хотя называли себя православными христіанами и свято выполняли уставы церкви, были однакожь чужды духа Христова и не знали въ сердцѣ, что такое правда и братская христіанская любовь ко всѣмъ людямъ, безъ всякаго различія ⁽⁴³⁴⁾.

⁽⁴³³⁾ «Страсть іудейскаго сребролюбія и лихоиманія, говоритъ Максимъ Грекъ, до такой степени овладѣла судьями и начальниками, посылаемыми отъ благовѣрныхъ царей по городамъ, что они приказываютъ слугамъ своимъ вымышлять разныя вины на важиточныхъ людей, подбрасываютъ въ дома ихъ чужія вещи, или—притащатъ трунъ челоуѣка и, бросивши на улицѣ, а потомъ, какъ будто отмщая за убитаго, начнутъ истязать не только одну улицу, но всю часть города, по поводу этого убійства, и собираютъ себѣ деньги такимъ несправедливымъ и богомерскимъ образомъ. Слышалъ ли кто когда отъ вѣка о такомъ гнусномъ способѣ лихоиманія, между язычниками, какой придумали шипѣ наши властели? Разжигаемые неистовствомъ несытаго сребролюбія, они обижаютъ, лихоимствуютъ, расхищаютъ имущество вдовъ и сиротъ, вымышляютъ всякія обвиненія на невинныхъ, не боятся Бога, страшнаго отмстителя за обидимыхъ, не срамятся людей, окрестъ ихъ живущихъ, ляховъ и пѣмценъ, которые хотя и латышники по ереси, но управляютъ подчиненными имъ съ правосудіемъ и челоуѣколюбіемъ» (Сочин. II, 199—201).

⁽⁴³⁴⁾ *Герберитъ*. Записки о Моск. 84; *Флетчеръ*. О госуд. Русскомъ, гл. 13, стр. 40. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: «что касается до земель, движимаго имущества и другой собственности простаго народа, то все это принадлежитъ ему только по названію, и на самомъ дѣлѣ нисколько не ограждено отъ хищничества и грабежа какъ высшихъ властей, такъ даже и простыхъ дворянъ, чиновниковъ и воиновъ. Кромѣ податей, пошлинъ, конфискацій и другихъ поблѣчныхъ высканій, налагаемыхъ царемъ, простой народъ подверженъ та кому грѣ

Объ іерархахъ нашихъ передаютъ иностранцы, что всѣ они избирались изъ монашествующихъ за святость жизни, всѣ воздерживались постоянно отъ мясной пищи и, нося на себѣ образъ благочестія, пользовались общимъ уваженіемъ, а многіе дотого воспламенялись любовію къ Богу и ревностію въ служеніи Ему, что еще при жизни, потомъ и по смерти творили чудеса,—за чтò и причтены къ лику святыхъ (⁴³⁵). И мы уже перечислили имена этихъ достойнѣйшихъ святителей, служившихъ украшеніемъ нашей церкви въ настоящій періодъ. Но и между іерархами бывали лица, далеко не соотвѣтствовавшія своему высокому призванію: въ родѣ, напримѣръ, митрополита Зосимы, открытаго еретика и предававшагося чревоугодію и пьянству; или въ родѣ того епископа, котораго обличалъ своими посланіями митрополитъ Даніилъ за его сребролюбіе, невоздержаніе и нерадѣніе къ пастырскому долгу; или въ родѣ тѣхъ архіереевъ, которые, по словамъ князя-старца Вассіана и князя Курб-

бежу и такимъ поборамъ отъ дворянъ, разныхъ властей и царскихъ посыльныхъ по дѣламъ общественнымъ, особенно въ такъ-называемыхъ ямахъ и богатыхъ городахъ, что вамъ случается видѣть многія деревни и города, въ полнѣю или въ цѣлую мплю длины совершенно пустыя,—ибо народъ весь разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ дурнаго съ нимъ обращенія и насилій».

(⁴³⁵) *Фаберъ*: ea abstinencia est, quae nunquam satis laudari poterit, insignis admodum et, magna, tum archiepiscopi, tum reliquorum episcoporum, cibi atque potus, nec minor vero quam monachis, qui quidem ea lege obstricti abstinenciae, ut nunquam in perpetuum carnibus vesci liceat (у *Старч.* I, 6) *Кобенцель*: ad episcopatum nunquam aliquis assumitur nisi ex monachis, qui eo magis satagunt exemplariter vivere, ut eiusmodi dignitatem consequi possint. Unde mihi fuit affirmatum pro re certissima, quod multi ex ipsis amore et servitio divino usque adeo incenduntur et exardescunt, ut et vivi et mortui miracula edant, et tales postea canonizantur (у *Старч.* II, 15). *Антоній Поссевинъ*: episcopi omnes ex monachis, tanquam perfectioris vitae hominibus, eliguntur. Quare nec uxores habent, nec unquam carnes edunt..., et sanctitatem prae se ferentes, apud omnes in veneratione habentur (тамъ же II, 275).

скаго, любили окружать себя множеством прислуги, отличались безчисленными одеждами и пиршествами и угнетали своихъ крестьянъ. Главный же недостатокъ у нашихъ владыкъ былъ тотъ, что они, — какъ прямо сказалъ имъ въ глаза ростовскій попъ Скрипица, — назирали за священниками, «по царскому чину», чрезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тѣнувъ, доводчиковъ, которые иногда дотого притѣсняли духовенство своимъ неправымъ судомъ, своимъ вымогательствомъ, взяточничествомъ, грабительствомъ, что «отъ ихъ великихъ продажъ», какъ сознались на Стоглавомъ соборѣ вмѣстѣ съ царемъ сами архіереи, многія церкви стояли пусты и безъ поповъ (Стогл. гл. 5, вопр. 7; гл. 68. 69). Условия быта нашего бѣлаго духовенства (о нравственномъ состояніи нашего монашества сказано нами въ другомъ мѣстѣ) были таковы, что нечего удивляться, если объ немъ сохранились одни лишь недобрые отзывы. Всѣ наши пастыри не только сельскіе, но и городскіе были едва грамотные, малообразованные или вовсе необразованные и круглые невѣжды; они не понимали, какъ слѣдуетъ, ни той вѣры, которой должны были учить народъ, ни священнодѣйствій, которыя должны были совершать, ни уставовъ и узаконеній церкви, ни самой важности своего пастырскаго служенія. А съ другой стороны, это были люди, большею частию, бѣдные, удрученные нуждою, всегда зависимые отъ своихъ прихожанъ, люди тяглые на своихъ архіереевъ, находившіеся подъ гнетомъ архіерейскихъ чиновниковъ. Чего же можно было ожидать отъ такихъ пастырей? И вотъ мы видимъ между ними цѣлый рядъ преступленій противъ обязанностей пастырскихъ. Нѣкоторые дотого были лѣнны и небрежны, что совершали божественную

литургію только черезъ пять, шесть недѣль, даже черезъ полгода (Столг. гл. 41, вопр. 31); или, получая изъ казны исправно свою годовую ругу, также деньги молебныя, панихидныя, праздничныя, пшеицу на просфоры, воскъ на свѣчи, отправляли литургію только однажды въ годъ на свой храмовый праздникъ, а ни молебновъ, ни панихидъ и никакихъ другихъ церковныхъ службъ никогда не служили (—гл. 5, вопр. 30). Другіе, если и не лѣнились совершать богослуженій, то совершали ихъ не сполна и не по уставу (—гл. 5, вопр. 1), иное опускали (—гл. 41, вопр. 9. 10. 12), иное низвращали (—гл. 9), нѣли въ церквахъ безчинно вдвое и втрое (—гл. 5, вопр. 22); позволяли вносить въ св. алтарь, вмѣстѣ съ ладономъ, свѣчами, просфорами, «кутью и капушъ за здравіе и за упокой, и на великъ день пасху, сыръ, яйца и ряби печени, и во иные дни колачи, пироги, блины, коровап и всякіе овощи» и проч. (—гл. 5, вопр. 3⁶). Еще нѣкоторые, по невѣжеству, а можетъ быть, и по корысти, разрѣшали и благословляли, наприм., въ Бѣлозерскѣ и Устюжнѣ, «четвертые и пятые браки» а на Вяткѣ вѣнчали даже до шести, седми и десяти разъ, также въ роду, въ племени, въ сватовствѣ и кумовствѣ; дозволяли мужьямъ безъ вины отпустить своихъ женъ и жениться вновь, а отпущенныхъ женъ вѣнчали съ другими мужьямъ⁽⁴³⁶⁾. Еще важнѣе и непригляднѣе были нравственныя преступленія духовенства и пороки. Главнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ назвать пьянство и «упиваніе безмѣрное», которому предавались, какъ причетники, такъ діаконы и священ-

(436) А. П. I, ММ: 64. 97. 261. 267. 298.

ники. Въ пьяномъ видѣ они являлись повсюду, на приходѣ и даже въ церкви. Здѣсь они безчинствовали, говорили всякія неподобныя рѣчи, брались, бились и дрались между собою (—гл. 5, вопр. 15. 22). Къ этому пороку, бывшему источникомъ и многихъ другихъ, вдовы священники и діаконы присоединяли еще распутство. Многие изъ нихъ открыто держали у себя наложницъ и вообще вели такую безчинную и зазорную жизнь, на соблазнъ міру (—гл. 5, вопр. 18), что въ Псковѣ, напримѣръ, сами священники сочли нужнымъ удалить ихъ отъ совершенія церковныхъ службъ, не говоримъ уже объ извѣстныхъ распоряженіяхъ соборовъ. «Священники мои, наставники новаго Израиля (—такъ представляетъ Максимъ Грекъ самого Бога говорящимъ къ пастырямъ русской церкви—)! Вы должны быть свѣтомъ міру, солю земли, образцами цѣломудреннаго житія; а нынѣ вы сдѣлались наставниками всякаго безчинія и соблазномъ для вѣрныхъ и невѣрныхъ; объѣдаетесь, упиваетесь, досаждаете другъ другу и отъ многого винопитія возбуждаете суетные споры; во дни божественныхъ праздниковъ моихъ, когда вамъ надлежало бы вести себя трезво и благочинно и показывать другимъ примѣръ, вы предаетесь пьянству, безчинству... Моя вѣра и божественная слава дѣлается предметомъ смѣха у язычниковъ, видящихъ ваши нравы и ваши нечестивое житіе...» (Сочин. II, 269. 271).

Каково было высшее сословіе въ государствѣ, таковы и прочія; каковы духовные пастыри, такова и паства. Отсутствіе христіанской любви, жестокость, насилія и грабительства, замѣченныя нами въ высшемъ классѣ, рѣзко отражались и проявлялись и во всемъ русскомъ народѣ, среди го-

рожанъ и поселянъ. «Видя грубые и жестокіе поступки съ ними, — пишетъ одинъ свидѣтель-очевидецъ, — всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, они такъ же безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, особенно съ своими подчиненными и низшими; самый убогій крестьянинъ, унижающійся и ползающій передъ дворяниномъ, дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ кѣмъ-либо власть. Отъ этого бываетъ здѣсь множество грабежей и убійствъ; жизнь человѣка считается ни по чемъ. Часто грабятъ въ самыхъ городахъ на улицахъ, когда кто запоздаетъ вечеромъ, но на крикъ ни одинъ человѣкъ не выйдетъ изъ дому подать помощь, хотя бы и слышалъ вопли. Я не хочу говорить о страшныхъ убійствахъ, какія здѣсь случаются: едва ли кто повѣритъ, чтобы подобныя злодѣйства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называютъ себя христіанами» (437). А въ глуши, вдали отъ городовъ, свидѣтельствуешь Стоглавъ, «по дальнимъ странамъ ходили скоморохи большими ватагами, до шестидесяти, семидесяти и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ ѣли и пили насильно, и изъ клѣтѣй животы грабили, и по дорогамъ разбивали» (— гл. 41, вопр. 19). Чувственные пороки—блудъ, прелюбодѣйство, даже содомскій грѣхъ весьма распространены были въ народѣ, да и во всѣхъ сословіяхъ. Самъ царь и отцы Стоглаваго собора открыто исповѣдали, что эти-то «скверныя, зазорныя и скаредныя» дѣла, особенно

(437) *Флетч.* О госуд. Русск. гл. 28, стр. 103. Еще съ бѣльшимъ изумленіемъ говорятъ иностранцы о крайнемъ безчеловѣчїи и жестокости русскихъ по отношенію къ своимъ несчастнымъ плѣнникамъ (*Ульфелд.* Legatio Moscovit., у *Старчев.* I, 19. 21).

содомство, кромѣ того, что служили «на смятеніе, и на соблазнъ, и на погибель многымъ людямъ», наиболѣе привлекали гнѣвъ Божій и казни на отечество, и давали поводъ иновѣрцамъ изрекать «попошеніе и укоризну нашей православной вѣрѣ христіанской» (Стогл. гл. 5, вопр. 29 и гл. 33) ⁽⁴³⁸⁾. Чувства цѣломудренности и стыда дотого были заглушены, что, напримѣръ, въ Псковѣ, мылись въ баняхъ мужи и жены, чернецы и черницы въ одномъ мѣстѣ, безъ всякаго зазору (—гл. 41, вопр. 18). Въ частности, противъ содомскаго грѣха еще прежде вооружался старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоея, который умолялъ вел. князя Василя Ивановича искоренить въ православномъ царствѣ русскомъ этотъ грѣхъ, умножившійся не только въ простомъ народѣ, но и въ прочихъ классахъ (нашей Истор. VII, 401). Черезъ годъ послѣ Стоглаваго собора, митрополитъ Макарій, въ своемъ посланіи къ воинамъ и жителямъ города Свяжска, также укорялъ ихъ за содомскій грѣхъ и другія блудныя дѣла, и угрожалъ нечестивцамъ гнѣвомъ Божиимъ, попавшимъ Содомъ и Гоморру, и затѣмъ гнѣвомъ царскимъ и отлученіемъ отъ церкви (тамъ же 414). Съ злыми и безнравственными дѣлами соединялись такія же и слова: ложь, брань, призываніе имени Божія всуе. «Клянутся,—читаемъ въ Стоглавѣ, —именемъ Божиимъ во лжу всякими клятвами, и лаются безъ зазору всегда всякими укоризнами неподобными и богомерзкими рѣчами, иже не

⁽⁴³⁸⁾ И дѣйствительно, иновѣрецъ Ульфельдъ, наприм., видѣлъ въ Новгородѣ своими глазами такое нравственное безобразіе и цинизмъ, что называлъ этихъ людей самыми грубыми и распутнѣйшими изъ всѣхъ людей, ничѣмъ почти не отличающимися отъ скотовъ (Legat. Moscov., у Старчев. I, 9).

подобаетъ христіаномъ, и во иновѣрцехъ такое безчиніе не творится» (—гл. 5, вопр. 27. 28); а «всего злѣе» было то, что многіе «преступали крестное цѣлованіе и накривѣ цѣловали св. крестъ и св. иконы» (—гл. 38). «Что касается до вѣрности слову,—замѣчаетъ Флетчеръ,—то русскіе, большею частію, считаютъ его ни по чемъ, какъ скоро могутъ что-нибудь выиграть обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. Поистинѣ можно сказать (какъ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ), что отъ большаго до малаго, за исключеніемъ весьма пемпогихъ, всякій русскій не вѣрять ничему, что говоритъ другой, но зато и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться» (439). Нѣкоторые народныя обычаи, частію остатки еще языческой старины, хотя и потерявшіе свой прежній смыслъ и приуроченныя къ христіанскимъ днямъ и праздникамъ, а частію сложившіяся вновь подъ вліяніемъ грубаго невѣжества толпы, были или только непристойны для христіанъ, суевѣрны и безчинны, или вмѣстѣ и безнравственны. Вотъ какъ изображаетъ эти обычаи Стоглавъ: «на мірскихъ свадьбахъ играютъ органники, гусельники и смѣхотворцы и поютъ бѣсовскія пѣсни, и какъ поѣдутъ въ церковь вѣнчаться, священникъ ѣдетъ съ крестомъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми бѣсовскими играми рыщутъ» (—гл. 41, вопр. 16). «Въ великій четвертокъ рано утромъ палятъ со-

(439) Флетчеръ. О госуд. Русск. гл. 28, стр. 103. Ульфелдъ также говоритъ о русскихъ: *homines sunt adeo mendaciis addicti atque a veritatis tramite ita defectentes, ut nulla illis fides possit adhiberi, rationem promissionum nullam habent, nec turpe ducunt fallere, mentiri et furari...*, ita ut mihi sane persuadeam, nullum genus hominum extare, quod magis omnem pudorem ac verecundiam exuerit (Legat. Moscov., у Старчев. I, 7).

лону и кличуть мертвыхъ» (—вопр. 26). «Въ Троицкую субботу, по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачуть на гробахъ съ громкимъ воплемъ, а когда начнутъ играть скоморохи, гудники и перегудники, то, переставъ плакать, начинаютъ скакать и плясать, и бить въ ладони, и пѣть сатанинскія пѣсни на тѣхъ же кладбищахъ» (—вопр. 23). «Въ ночь подъ праздникъ рождества св. Иоанна Предтечи и на самый праздникъ во весь день и ночь, равно и въ навсчерія Рождества Христова и Богоявленія, въ городахъ и селахъ, мужи и жены, отроки и дѣвцы собираются вмѣстѣ и со всякими скоморошествами, съ гусями и сатанинскими пѣснями, съ плясками и скаканіемъ, ходять по улицамъ и по водамъ, предаются различнымъ играмъ и пьянству, и — бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе; а подъ конецъ ночи спѣвать къ рѣкѣ съ великимъ крикомъ, какъ бѣсныя, и умываются водою, и когда начнутъ звонить къ заутрени, отходятъ въ дома свои и падаютъ, какъ мертвые отъ великаго клокотанія» (—вопр. 24 и гл. 92). «Въ пасхальную недѣлю совершаютъ *радуницы* (происходили на могилѣхъ и соединялись сначала съ плачемъ по умершихъ, а потомъ съ пиршествомъ, при бубнахъ, пѣсняхъ, пляскахъ) и всякое на нихъ бѣснованіе» (—гл. 41, вопр. 25). «Въ первый понедѣльникъ Петрова поста ходять по селамъ, по погостамъ, по рѣкамъ и по рощамъ на игрища и творять бѣсовскія потѣхи» (—вопр. 27 и гл. 92).

Излишне было бы присовокуплять, что противъ всѣхъ этихъ многообразныхъ недостатковъ и пороковъ, какъ въ духовенствѣ, такъ и въ народѣ, заявленныхъ самимъ царемъ

на Стоглавомъ соборѣ, соборъ изложилъ въ своихъ постановленіяхъ и поученія, и убѣжденія, и соотвѣтствующія правила изъ Кормчей, и, гдѣ находилъ нужнымъ, даже угрозы наказаніями, не только церковными, но и царскими.

ГЛАВА IX.

ОТНОШЕНИЕ ВОСТОЧНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ И ИСПОВѢДАНІЯМЪ.

I.

Востоchno-русской церкви, или московской митрополии, съ самаго начала настоящаго періода, суждено было занять особенное положеніе въ кругу другихъ православныхъ церквей, и это не потому, что она сдѣлалась фактически независимой и одною изъ автокефальныхъ, даже первой послѣ іерусалимскаго патріархата, а вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ паденіемъ Константинополя, греческая имперія пала окончательно; пали за нею и юго-славянскія царства. II всѣ православныя церкви, восточныя и юго-славянскія, подверглись владычеству злѣйшихъ враговъ христіанства—магометанъ и всякаго рода притѣсненіямъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ. Одна церковь русская оставалась сравнительно-благоденствующею. Россія не только успѣла свергнуть съ себя монгольское иго и искоренить внутреннюю свою язву—удѣльную систему, но съ каждымъ новымъ царствованіемъ болѣе и болѣе укрѣплялась, расширялась и возвышалась. А государь русскій былъ единственный, вполне самостоятельный, православный

государь во всемъ мѣрѣ. Очевъ естественно, если на Россію, на церковь русскую, на русскаго государя устремлялись теперь взоры всѣхъ православныхъ, бѣдствовавшихъ подъ иновѣрнымъ игомъ, съ мольбою и надеждою на помощь, и если, съ другой стороны, сны русской церкви считали себя какъ бы обязанными, по чувству христіанской любви, а также по чувству уваженія и благодарности къ старѣйшимъ церквамъ Востока, дѣлать для страждущихъ своихъ по вѣрѣ братьевъ все, что было возможно. Правда, въ началѣ періода въ Россіи усомнились-было въ самомъ православіи грековъ и даже открыто высказывалась мысль, какъ извѣстно изъ исковскихъ споровъ объ аллилуіи, что греки на флорентійскомъ соборѣ «къ своей погибели отъ истины свернулись», что «развращеннымъ грековомъ» вѣрить не должно, что и въ перво-святительской церкви цареградской «мерзость и запустѣніе»; а въ началѣ XVI в. была въ ходу и другая мысль, противъ которой счель нужнымъ писать Максимъ Грекъ, будто самыя св. мѣста Востока осквернились отъ долговременнаго пребыванія подъ властію невѣрныхъ, и будто потому не должно принимать поставленія ни на митрополию, ни вообще на владычество отъ цареградскаго патрїарха, какъ живущаго «во области безбожныхъ турковъ поганаго царя» (*Максим. Сочин. III, 154. 156*). Но объ эти мысли, какъ неосновательныя, скоро были забыты и не препятствовали русскимъ относиться къ грекамъ, какъ къ своимъ единовѣрцамъ. Случалось и теперь, какъ прежде, что русскіе предпринимали путешествія въ Царьградъ, Іерусалимъ и другія св. мѣста собственно для поклоненія святынь, или на Аѳонъ для изученія монашеской жизни. Случалось, что и къ намъ при-

ходили оттуда такія лица, какъ сербъ Пахомій Логоетъ и Максимъ Грекъ, которые много потрудились для нашей церкви. Случалось, что какой-либо первосвятитель Востока присылалъ нашему первосвятителю, въ духъ братской любви, привѣтствіе, благожеланія и благословеніе всей его паствы (А. И. № 89). Но подобныя сношенія между русскими и между греками и южными славянами были теперь крайне рѣдки. А главныя и постоянныя сношенія ихъ состояли именно въ томъ, что страдавшіе подъ иновѣрнымъ игомъ православные обращались къ Россіи съ своими просьбами, а сыны русской церкви простирали братьямъ-страдальцамъ руку помощи.

Мы уже знаемъ, что еще при вел. князѣ Василіи Васильевичѣ первомъ, по паденіи Царяграда, тамошній патріархъ Геннадій присылалъ къ нашему митрополиту Іонѣ свою грамоту, и что Іона послалъ ему матеріальное пособіе, какое могъ, и обѣщалъ посылать и впредь, а вел. князь отправилъ къ патріарху и своего посла—Ивана Владиміровича и затѣмъ еще два раза посылалъ кирилло-бѣлозерскаго игумена Касіана. И какъ цѣлю этихъ посольствъ было исходатайствовать у цареградскаго и прочихъ патріарховъ грамоту на независимое поставленіе нашего митрополита въ Россіи и самостоятельное управленіе имъ своею митрополіею, то очень естественно предположить, что и самые дары нашего князя патріархамъ были очень нескудны. Тогда же, по всей вѣроятности, получилъ свое начало и тотъ обычай, по которому русскіе государи, въ продолженіе настоящаго періода, высылали цареградскому патріарху ежегодную дань или жалованье, про-

стиравшееся въ концу XVI в. до пятисотъ золотыхъ ⁽⁴⁴⁰⁾. Кромѣ этого, черезъ годъ по паденіи Царяграда, мы видимъ у себя какого-то цареградскаго, т. е. прибывшаго изъ Царяграда (не отъ самого ли патріарха?), митрополита Игнатія, который цѣлый мѣсяцъ собиралъ пожертвованія въ Псковѣ и затѣмъ переѣхалъ въ Новгородъ, и еще какого-то грека Дмитрія, о которомъ самъ митрополитъ Іона сдѣлалъ слѣдующее воззваніе ко всѣмъ князьямъ, архіепископамъ и епископамъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ вообще православнымъ: «дѣти мои, этотъ человекъ, христіанинъ православный, по имени Дмитрій, грекъ, пришелъ къ намъ отъ великаго православія, изъ царствующаго Константинограда, и повѣдалъ намъ, что, попущеніемъ Божиимъ, грѣхъ ради нашихъ, тотъ великій Константиноградъ взяли безбожные турки, св. Божіи церкви и монастыри разорили, св. мощи сожгли, старцевъ и старицъ, иноковъ и инокинь и всѣхъ грековъ многолѣтнихъ предали мечу и огню, а юныхъ и молодыхъ отвели въ плѣнъ. Тогда же и онъ, грекъ Дмитрій, съ женою и чадами, немилостиво отведенъ былъ, и имѣніе его, говоритъ, все взято, такъ что ему нечѣмъ себя, жены и дѣтей выкупить изъ горькаго плѣненія. Положа упованіе на великое Божіе человеколюбіе и слыша о великой вашей вѣрѣ къ Богу, онъ пришелъ просить милостыни, чтобы выкупить себя и семью изъ плѣ-

⁽⁴⁴⁰⁾ Нашей Истор. VI, 20—22. О существованіи ежегодной дани патріарху свидѣтельствуютъ—въ началѣ XVI в. Фаберъ: *Ruthenorum imperator... quotannis Constantinopolitano patriarchae in hanc usque horam... elemosynam mittere consuevit* (у *Старч.* I, 6); а къ концу XVI в.—Антоніи Поссевины: *licet a Constantinopolitano patriarcha confirmatio mitropolitae laud petatur, ei audio quingentos aureos nummos in elemosynam singulis annis a principe numerari* (у *Старч.* II, 275).

на. И я благословляю васъ, своихъ дѣтей, что кому Богъ положить на сердце, ради спасенія вашихъ душъ, подайте ему милостыню, помня слово самого Христа: *благосеніи милостивіи, яко ти помиловани будутъ...* и проч. Если выраженіе митр. Іоны понимать такъ, что грекъ Дмитрій повѣдалъ ему первый о взятіи Царяграда турками, то надобно допустить, что этотъ грекъ пришелъ къ намъ нѣсколько прежде и цареградскаго митрополита Игнатія и грамату цареградскаго патріарха Геннадія ⁽⁴⁴¹⁾. Можно думать, что отправлялъ нашъ вел. князь Василій Васильевичъ свою милостыню и въ Іерусалимъ: иначе трудно понять, по какому поводу іерусалимскій патріархъ Іоакимъ прислалъ ему «прощенную» грамату, въ которой, похваляя его православіе, благочестіе и покорность церкви, преподалъ ему разрѣшеніе отъ всѣхъ его грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ ⁽⁴⁴²⁾.

Въ княженіе Ивана Васильевича III, этотъ іерусалимскій патріархъ Іоакимъ самъ уже обращался къ Россіи за помощію. Въ Іерусалимѣ случилось страшное землетрясеніе, отъ котораго многія мечети сарацинскія совершенно разсыпались, а славный христіанскій храмъ воскресенія Христова разсѣлся сверху до низу и куполь его упалъ. Тогда сарацины хотѣли отнять у христіанъ этотъ храмъ и обратить въ мечеть, и

⁽⁴⁴¹⁾ Митрополитъ Игнатій находился въ Псковѣ весь іюнь 1454 г. (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 216); а грекъ Дмитрій, хотя грамата о немъ митрополита написана въ томъ же году, могъ прибыть къ намъ гораздо прежде іюня (А. И. I, 264).

⁽⁴⁴²⁾ А. И. I, № 72. Впрочемъ, эту грамату Іоакимъ могъ прислать я. кн. Василію Васильевичу чрезъ своего протосищика Іосифа, не зная, что Василій Васильевичъ уже скончался (См. слѣдующее примѣчаніе и текстъ, къ которому оно относится).

патріархъ едва могъ умолить египетскаго султана, чтобы не отнималъ церкви и не обращалъ ея въ мечеть. Султанъ потребовалъ за то десять тысячъ венеціанскихъ золотыхъ, но наконецъ согласился уступить, когда патріархъ обязался вы-
платить ему шесть тысячъ золотыхъ, отдалъ подъ залогъ всѣ церковные сосуды и представилъ восемнадцать надежныхъ поручителей изъ христіанъ. Принявъ на себя такое тяжкое обязательство, глубокий старецъ-патріархъ рѣшился самъ отправиться въ дальнюю Россію, для сбора пожертвованій. Но на пути, въ Каоѣ, скончался, успѣвъ, однакожъ, предъ кончиною написать въ Россію три грамоты: къ вел. князю, къ митрополиту и ко всѣмъ русскимъ. Въ этихъ грамотахъ, сказавъ о высококомъ значеніи св. града Іерусалима для всего христіанскаго міра, о бѣдствіи, постигшемъ храмъ гроба Господня, и о томъ, что прежде, пока еще поддерживалось христіанство въ Царьградѣ, «св. гробу помогали и болгарская, и сербская земля, и трапезунтская, и иныя земли, а нынѣ всѣ онѣ оскудѣли отъ поганыхъ», патріархъ продолжаетъ, что вслѣдствіе всего этого онъ и предпринялъ путешествіе въ Россію, но что на пути опасно заболѣлъ и, не надѣясь остаться въ живыхъ, посылаетъ, вмѣсто себя, въ Россію своего великаго протосинкелла Іосифа, уже нареченнаго на митрополию Кесаріи Филипповой, и въ заключеніе проситъ русскихъ, чтобы они принимали Іосифа, какъ бы самого патріарха, и подавали ему милостыню на гробъ Господень. Митрополиту Θεодосію, кромѣ грамоты, патріархъ прислалъ еще письменную довѣренность, которою просилъ и уполномочивалъ его рукоположить Іосифа во епископа-митрополита Кесаріи Филипповой. II нашъ первосвятитель, по благословенію и

уполномоченности отъ патріарха, дѣйствительно рукоположилъ этого Іосифа въ санъ епископа-митрополита (4-го марта 1464 г.), а вслѣдъ за тѣмъ написалъ окружное посланіе, въ которомъ, повторяя все, изложенное въ грамотахъ патріарха, убѣждалъ и умолялъ своихъ духовныхъ чадъ, чтобы они «безбоязненно, съ вѣрою и любовію, подавали милостыню Іосифу, митрополиту кесарійскому, каждый, сколько хочетъ, по силѣ своей, на искупленіе Христова гроба и на созиданіе св. матери церквей—Сіона, отколѣ возсіяла радость и свѣтъ—Христось». Посланіе имѣло успѣхъ, и Іосифъ «пойде назадъ, много собравъ милостынь», но только будто бы «не дойде своя земля», такъ что не извѣстно, достигли ли собираемая имъ милостыня своей цѣли ⁽⁴⁴³⁾.

Въ 1497 г. къ вел. князю Ивану Васильевичу приходили, милостыни ради, съ св. горы аонской игумень Пансіѣи и три старца Пантелеимонова монастыря, и князь пожаловалъ имъ довольно милостыни и съ ними послалъ милостыню и въ иные аонскіе монастыри: ибо «тотъ монастырь св. Пантелеимона, прибавляетъ лѣтопись, изстарипы бѣше строеніе

⁽⁴⁴³⁾ О грамотахъ патр. Іоакима къ вел. князю и митр. Θεодосію упоминаетъ самъ Θεодосіѣи въ своемъ посланіи (А. И. I, № 78). Грамота же Іоакима ко всемъ русскимъ еще не напечатана и находится въ Сборн. новгор. Соф. библ. нынѣ Сиб. дух. акад., первой половины XVI в., № 1454, л. 445 об.—449. Здѣсь патріархъ, говоря о св. мѣстахъ Іерусалима, между прочимъ, замѣтилъ, что эти мѣста «ниже и отъ нашихъ странъ мнози приходѣду, знаютъ и вѣдаютъ»; а относительно своего протосинкела Іосифа выразался: имѣйте его, какъ самого мене; азъ бо подадохъ ему власть имѣти, юже самъ имѣхъ отъ Духа Святаго, рѣшати и вязати.... и повѣщеніемъ нашимъ Іосифъ, нареченный на митрополию Кесаріи Филипповы, да дастъ прощеніе грѣховъ требующимъ отъ него и грамоту отпустную, еже о грѣсѣхъ, человекомъ». О рукоположеніи Іосифа во епископа-митрополита и о сдѣланныхъ имъ сборахъ—П. Собр. Р. Лѣт. VIII. 151; Ник. Лѣт. VI, 2.

прежнихъ вел. князей русскихъ отъ великаго Владимира». Иванъ III согласился даже принять на себя имя ктитора этой обители, вслѣдствіе чего въ ней устроена была ктиторская чаша его имени, изъ которой, по существовавшему обычаю, пила за трапезой вся братія за его здоровье, пока онъ былъ живъ, а потомъ на память ему, когда онъ скончался (444). Около того же времени приходилъ въ Россію и изъ другаго афонскаго монастыря, по имени Ксиропотамона, отъ лица игумена и всей братіи старецъ Герасимъ просить милостыни «на прокормленіе и на подможеніе» той честной обители, ограбленной турками. Великій князь надѣлилъ и этого старца и отпустилъ въ св. гору; но на пути онъ былъ ограбленъ и взятъ въ плѣнъ татарами, потомъ проданъ въ Астрахань, изъ Астрахани въ Казань, откуда выкупили его русскіе и привезли въ Москву. Здѣсь митрополитъ Симонъ (1495—1505) принялъ въ немъ живое участіе и написалъ окружное посланіе, въ которомъ, пзложивъ все, случившееся съ этимъ старцемъ, призывалъ сыновъ Россіи подавать старцу милостыню, какъ на содержаніе его обители, такъ и на уплату тѣмъ, которые выкупили его изъ плѣна (445). Присылалъ, хотя не пзвѣстно въ какомъ году, и бѣлградскій митрополитъ изъ Сербіи двухъ старцевъ, Анастасія и Иоанникія, съ просьбою о милостыни, и Иванъ Васильевичъ не только принялъ ихъ милостиво и одарилъ, но еще пожаловалъ имъ

(444) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 41—42; VIII, 233; Никон. Лѣт. VI, 149. О ктиторствѣ и ктиторской чашѣ Ивана III говорятъ иноки этого монастыря въ своей граматѣ 1509 года (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. I, стр. 14, с. п. 6. 1858).

(445) А. И. I, № 103.

отъ себя грамоту, чтобы и впредь, когда захочетъ, сербскій митрополитъ могъ присылать съ нею въ Россію за сборомъ милостыни.

Въ княженіе Василя Ивановича эти же самые старцы, дѣйствительно, еще два раза приходили въ Россію, сперва отъ митрополита Григорія, потомъ (въ 1509 г.) отъ преемника его Оеофана. Разказавъ новому государю, что сдѣлалъ для нихъ его отецъ, они просили Василя Ивановича, чтобы онъ оказалъ милость бѣлградской митрополичьей обители, принялъ на себя званіе ея ктитора и выдалъ имъ новую грамоту на проѣздъ въ Россію, о чемъ говорилось также и въ грамотахъ сербскаго митрополита и сербскаго деспота Іоанна, которыя они представили нашему вел. князю. Съ этими старцами въ 1509 г. прибыли изъ Сербіи еще два старца: Евгеній отъ вдовы сербскаго деспота Стефана, инокини Ангелины; просившей пособія на построеніе новой церкви, и Іоанникій отъ преображенскаго Сысоева монастыря къ Кучайнѣ. Великій князь благосклонно принялъ всѣ просьбы и послалъ: бѣлградскому митрополиту Оеофану, извѣщая его и о прежней своей милостынѣ его предмѣстнику—Григорію, три сорока соборей, три тысячи бѣлокъ, новую грамоту на проѣздъ его иноковъ въ Россію и серебряный ктиторскій ковчѣ или чашу для извѣстнаго употребленія въ обители; вдовѣ бывшаго деспота Ангелинѣ—четыре сорока соборей и четыре тысячи бѣлокъ; преображенскому Сысоеву монастырю на горѣ Кучайнѣ сорокъ соборей и триста бѣлокъ ⁽⁴⁴⁶⁾. Гораздо чаще обращались къ намъ за помощію авонскіе иноки.

⁽⁴⁴⁶⁾ Спощен. Россіи съ Восток. I, 14—22.

Въ 1507 г. приходили отъ всей горы аоонской изъ Пантелеимонова монастыря архидіаконъ Пахомій и монахъ Іаковъ, и государь послалъ съ ними своему Пантелеимонову монастырю пять сороковъ соболей, пять тысячъ бѣлокъ и серебряную чару, а на прочіе монастыри Аоона сто шестьдесятъ золотыхъ. Черезъ два года протъ Паисій со всѣми иноками Аоона и игумень Пантелеимоновскій Савва прислали къ Василию Ивановичу благодарственныя грамоты за эту милостыню и новыя просьбы о вспоможеніи. Государь и въ этотъ разъ отправилъ Пантелеимонову монастырю пять сороковъ соболей и пять тысячъ бѣлокъ и проту Паисію такое же количество соболей и бѣлокъ на всѣ восемнадцать монастырей Аоона ⁽⁴⁴⁷⁾. Въ 1515 г. Василій Ивановичъ послалъ на Аоонъ чрезъ боярина своего Василя Копыля, по завѣщанію своего отца и матери, большую милостыню на тысячу рублей и столько же отъ себя для раздачи по всѣмъ монастырямъ, да кромѣ того въ лавру св. Аоанасія и въ монастырь Ватопедскій по серебряной чарѣ, камчатыя ризы и пелены къ иконамъ св. Аоанасія и Благовѣщенія, и собору всѣхъ монастырей св. горы жалованную грамоту на пріѣздъ ихъ иноковъ въ Россію для сбора подалній ⁽⁴⁴⁸⁾. Черезъ три года пришли въ Москву изъ Ватопедскаго монастыря старцы—Максимъ Грекъ, Неофитъ грекъ, да Лаврентій болгаринъ съ грамотами, въ которыхъ игумень и братія извѣщали нашего князя и митрополита о полученіи милостыни, посланной чрезъ

⁽⁴⁴⁷⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 247; Ник. Лѣт. VI, 177; Сношен. Россіи съ Восток. I, 12—14. 20.

⁽⁴⁴⁸⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 257; VIII, 259; Ник. Лѣт. VI, 203. 205; Сношен. Россіи съ Восток. I, 22—23.

Копыля, рекомендовали ученаго Максима Грека и просили, когда онъ окончитъ свое дѣло, отпустить всѣхъ трехъ старцевъ назадъ съ милостынею. Вмѣстѣ съ ними пришли и изъ Пантелеимонова монастыря, который при этомъ прямо называется въ лѣтописяхъ *рускимъ*, проигумень Савва и еще два брата, также съ грамотами къ государю и митрополиту: здѣсь игумень и братія просили вел. князя, чтобы обновилъ св. Пантелеимоновъ монастырь— «свою отчину и дѣдину», такъ какъ алтарь великой церкви разсѣлся и падаетъ, и нужно перекрыть всю церковную крышу, а митрополита просили жаловать и миловать монастырь, напоминая, что прежній, почившій митрополитъ русскій миловалъ его. Всѣхъ этихъ афонскихъ старцевъ, равно какъ и прибывшаго за годъ прежде нихъ изъ Ксиронотамскаго монастыря священноинока Исаю Сербина, государь отпустилъ (1520 г.) кромѣ Максима Грека, съ богатыми дарами и пожаловалъ не только деньгами, но и иконами, и одеждами, и другими потребными вещами ⁽⁴⁴⁹⁾. Вообще же пожертвованія изъ Россіи на Афонъ, во дни в. кн. Василія Ивановича, были такъ часты и значительны, что въ 1525 г. иноки всѣхъ обителей св. горы, скитяне и киновяне, благодарили чадъ русской церкви «за подаваніе имъ, нищмъ, въ откупъ бусурманскому царю, во вся лѣта тысящу тысящъ, и за сосуды златы и серебряны, и воздуси, украшени драгимъ камыщемъ и бисеромъ, и ризнос церковное служеніе, и оклады образомъ», и говорили: «аще бы не великій государь въ подмогу давалъ намъ, сво-

(449) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 261; VIII, 263. 269; Ник. Лѣт. VI, 212. 224; А. И. I, №№ 122. 123; Снош. Россіи съ Восток. I, 26—32.

имъ богомольцамъ, и въ потребу своего благочестія, и только бы не его государское жалованье было великое къ намъ во св. обители, то во святѣй бы горѣ, во обителѣхъ, мало иноковъ житія ихъ бывало, понеже вси бы изгнани были отъ нечестивыхъ турокъ, по повелѣнію нечестиваго бусурманскаго царя»⁽⁴⁵⁰⁾.

Бывали при вел. кн. Василии Ивановичѣ пожертвоваши изъ Россіи и патриаршему престолу въ Царьградѣ. По смерти бывшаго патриарха Симеона (въ 1490 г.), турки не только взяли имущества его въ казну султана, но и похитили множество богато-украшенныхъ церковныхъ книгъ, иконъ, кандильницъ и прочей утвари, всего на 180000 астровъ. Вслѣдствіе этого одинъ изъ преемниковъ Симеона, патриархъ Пахомій обратился въ Россію за добротными подаяніями и получилъ щедрую милостыню, особенно отъ тверскаго епископа Нила (1509—1521), который выслалъ ему, кромѣ цѣнныхъ иконъ, ризъ, стихарей и другихъ вещей церковныхъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, 45 соболей, 740 горностаевъ, соболью шубу подъ бархатомъ, 19 шубъ бѣличьихъ, 2000 бѣлокъ дѣланныхъ, 440 хомяковъ, нѣмецкіе часы съ звономъ, ковшъ и двѣ чары серебряныя, множество гребней, ножей, рыбаго зуба, шапокъ лисьихъ, серебряныхъ пуговицъ и проч. Преемникъ Пахомія Теолиптъ присылалъ въ 1518 г. отъ себя въ Россію митрополита Григорія, который пробылъ у насъ полтора года и повезъ патриарху отъ государя «милостыню довольну», а также и

⁽⁴⁵⁰⁾ См. «Посланіе св. горы инокъ»—въ Выписи изъ Государ. грамоты о сочетаніи втораго брака (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, № 8, отд. IV, 5—8).

отъ митрополита Варлаама, къ которому привезъ грамоту отъ патриарха, св. мѹра и частицы мощей ⁽⁴⁵¹⁾. Въ томъ же году прѣѣзжалъ къ Василю Ивановичу старецъ и съ отдаленнаго Синая, по имени Климентъ, и привезъ грамоту отъ своего игумена Данила, въ которой изображались крайнія притѣсненія синайской обители отъ безбожныхъ агарянъ, и вел. князь послалъ этой обители милостыню на шестьсотъ золотыхъ соболями, бѣлками, лисицами, рыбьимъ зубомъ и другими вещами. Въ 1533 г. обратился къ нашему государю съ просительною грамотою и александрийскій патриархъ Иоакимъ, изображая въ ней бѣдствія своей церкви подъ владычествомъ невѣрныхъ, и прислалъ въ Россію трехъ старцевъ за милостынею; но не знаемъ, застали ли они въ живыхъ Василя Ивановича, скончавшагося въ концѣ этого года ⁽⁴⁵²⁾.

Въ царствованіе Ивана Васильевича IV пособія восточнымъ христіанамъ изъ Россіи еще умножились и увеличились. Онъ помогаль всѣмъ четыремъ патриархамъ. «Мы много разъ,— писалъ къ нему въ 1556 г. цареградскій патриархъ Діонисій,—обращались къ твоему царству о благодатной милостыни, и ты не только тогда, но и всегда присылаешь къ намъ свою милостыню и помощь. Нынѣ же мы находимся въ тѣснотѣ: монастырь нашъ вмѣстѣ съ великою

⁽⁴⁵¹⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 260—261; VIII, 263, 269; Ник. Лѣт. VI, 212, 224; А. Э. I, № 289, стр. 339; А. И. I, № 121. Грамота тверскаго епископа Пила къ В. Андр. Коробову, отправлявшемуся въ Царьградъ, содержащая перечень вещей, посылаемыхъ патриарху Пахомию, напеч. въ Продолжен. Древн. Росс. Винолюв. ч. VI.

⁽⁴⁵²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 262; VIII, 265; Ник. Лѣт. VI, 216; Сношен. Россіи съ Восток. I, 33—42; А. И. I, № 133.

церковію огражденъ только досками и въ разореніи; не имѣемъ ни келлій, ни даже масла деревяннаго для лампадъ. И царь съ честью принималъ патріаршаго посла, митрополита кизическаго и еврипскаго Іоасафа, и послалъ чрезъ него (въ генв. 1557 г.) преемнику Діонисію, вскорѣ за тѣмъ скончавшагося, Іоасафу II на сооруженіе ограды и на церковныя потребности соболями на 2000 золотыхъ, а братъ царя Юрій отъ себя—на 200 рублей, митрополитъ Макарій—100 рублей и князь Владиміръ Андреевичъ—100 рублей. Да тутъ же послалъ царь и помянникъ всѣхъ своихъ предковъ, князей и княгинь русскихъ для вписанія ихъ въ синодикъ великой цареградской церкви, и отправилъ суздальскаго архимандрита Осодорита, чтобы испросить себѣ у патріарха благословенную грамоту на царство. Въ слѣдующемъ году, патріархъ увѣдомилъ государя своею грамотою, что получилъ его щедрую милостыню, записалъ имена всѣхъ русскихъ князей въ синодикъ великой церкви для поминовенія, его же царское имя велѣлъ помянуть не только въ великой церкви, но и во всѣхъ епархіяхъ патріархата, какъ прежде поминались имена греческихъ царей, и обѣщавъ прислать ему, чрезъ своего повѣреннаго, благословенную грамоту на царство. А въ сентябрѣ 1562 г. извѣстилъ царя, что на присланныя имъ деньги не только соорудилъ у себя каменную ограду и новыя каменные келліи, но и завелъ училище, въ которомъ обучаются иноки и міряне всякаго возраста грамматикъ, риторикъ, пѣтиксъ и другимъ наукамъ, и дѣйствительно прислалъ обѣщанную грамоту, подписанную какъ имъ самимъ-патріархомъ, такъ и всѣми подвѣдомыми ему святителями, которою благословлялъ нашего государя быть и именоваться царемъ закон-

нымъ, благочестивѣйшимъ и право-вѣщаннымъ. Иванъ Васильевичъ на этотъ разъ (1565 г.) отправилъ 1300 рублей на одному патріарху, но и для раздачи всѣмъ подписавшимъ благословенную грамоту святителямъ. Къ сожалѣнію, милостыня эта не достигла своего назначенія: такъ какъ приходившій къ намъ митрополитъ кизическій и еврипскій, съ которымъ она была послана, скончался на пути въ Грузію и былъ ограбленъ. Наконецъ, преемнику патріарха Іоасафа, Митрофану, просившему и царя и митрополита нашего Кирилла о вспоможеніи, первый послалъ (1571 г.) двѣсти рублей на помянутой своей царицы Анастасіи и сто рублей на помянутого своего брата Юрія, да пятьсотъ рублей на мурованіе, которое уже около 50-ти лѣтъ, за скудостію, не совершалось въ Константинополѣ, а митр. Кириллъ приложилъ отъ себя сто рублей также на мурованіе ⁽⁴⁵³⁾. Что касается до прочихъ патріарховъ, то, кромѣ небольшой милостыни въ 1550 г. іерусалимскому (30 рублей самому патріарху и 50 р. ко гробу Господню на свѣчи и ладонь), Иванъ Васильевичъ отправилъ ко всѣмъ имъ значительныя пожертванія въ 1559 г. чрезъ новгородскаго софійскаго архидіакона Геннадія и купца Василія Позднякова. Іерусалимскому—Герману послалъ на четыреста золотыхъ венгерскихъ рубли и бархатную соболью шубу, да еще на четыреста золотыхъ

⁽⁴⁵³⁾ Ник. Лѣт. VII, 273. 274. 278; Спошен. Россіи съ Восток. I, 71—88. 104—112. 118—121. 123—123. Снес. А. Э. I, № 289, стр. 348. 349; Доп. А. И. I, № 221, стр. 368. Подлинная Соборная грамота 1561 года, утверждающая санъ царя за вел. кн. Иваномъ Васильевичемъ IV, напечатана, въ видѣ особой книги, княземъ Оболенскимъ (Москв. 1850). Тамъ же въ примѣч. 3-мъ напечатана изъ Статейнаго списка и вся переписка царя и патріарха по этому случаю, равно какъ и инструкция, которая дана была архимандриту Феодориту

рухляди въ даръ гробу Господню и на двѣсти золотыхъ для церкви голгооской; антиохійскому Іоакиму—на двѣсти золотыхъ рухляди и бархатную соболью шубу; александрійскому Іоакиму—на тысячу золотыхъ рухляди и бархатную соболью шубу (такая же шуба послана была тогда и константинопольскому Іоасафу). Вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ государь и синайскому архіепископу Макарію на тысячу золотыхъ рухляди для обновленія синайскаго монастыря и бархатную шубу, и въ лавру св. Саввы Освященнаго игумену Іоасафу двѣсти рублей денегъ на монастырское строеніе. Въ другой разъ послалъ (1571 г.), чрезъ купца Семена Барзунова, александрійскому патріарху Сильвестру и синайскому архіепископу Евгенію по полутора ста рублей на помяновеніе своей царицы Анастасіи и брата Юрія. А виолеемскому митрополиту Іоакиму пожаловалъ (1582—1584 г.) для обновленія храма сперва пятьдесятъ, потомъ, когда митрополитъ самъ прибылъ въ Москву, сто восемь рублей и сорокъ кунницъ ⁽⁴⁵⁴⁾.

Изъ афонскихъ монастырей Иванъ IV наиболѣе благодѣтельствовалъ Пантелеимонову, называвшемуся русскимъ и ктиторіей русскаго государя, и сербской Хиландарской лаврѣ. Въ 1543 г. онъ пожаловалъ первому монастырю грамоту, въ которой приказывалъ не только давать его старцамъ свободный проѣздъ по Россіи и не брать съ нихъ на пути никакихъ пошлинъ, но и доставлять имъ кормъ и подводы.

⁽⁴⁵⁴⁾ Сношен. Россіи съ Восток. I, 56—59. 95—97. 123. 126. 128—134. Архидіаконъ новгородскій Геннадій посланъ былъ на Востокъ не для раздачи только милостыни, но чтобы и собычен по страдахъ тѣхъ писать ему» (II. Собр. Р. Лѣт. III, 159). Къ сожалѣнію, онъ въ Константинополѣ скончался. Сношен. Россіи съ Восток. I, 98).

По этой-то, конечно, грамотѣ приходили къ намъ въ 1547 г. изъ Пантелеимонова монастыря строитель Савва и три другіе брата просить милостыню «на прокормленіе, вспоможеніе и искупленіе» своей обители, и послѣ того, какъ государь «почтилъ ихъ и удовлетворилъ» изъ собственной казны, митрополитъ Макарій написалъ еще окружное воззваніе ко всѣмъ сынамъ русской церкви, приглашая ихъ жертвовать, по мѣрѣ силъ, на ту же обитель. Въ 1550 г., извѣщая государя о полученной отъ него милостынѣ, братія обители извѣщала также, что на деньги, присланныя его покойнымъ отцемъ, они построили лишь половину монастырской ограды, а другая половина разсыпалась, что монастырь задолжалъ 600 рублей и терпитъ насилія не только отъ турокъ, но и отъ грековъ, отнявшихъ у него многія его земли, и умоляли вновь пособить имъ и написать объ нихъ турецкому султану. Иванъ Васильевичъ не отказалъ въ пособіи и дѣйствительно написалъ турецкому султану, прося Пантелеимонову монастырю «защитенія и облегченія дани». Въ 1554 г. царь приказалъ выдать старцу этого монастыря Евоимію грамоту на беспрепятственное путешествіе по Россіи для сбора пожертвованій, а въ 1571 г., чрезъ купца Барзунова, послалъ въ этотъ монастырь двѣсти рублей по царицѣ своей Анастасіи, сто пятьдесятъ по братѣ Юріи и серебряную чашу по царицѣ Маріи ⁽⁴⁵⁵⁾.

Не менѣе, если даже не болѣе, участія принималъ царь въ судьбѣ сербской Хиландарской лавры. Въ 1550 г. прибылъ

⁽⁴⁵⁵⁾ А. до юрид. быта Россіи I, № 40; А. И. I, №№ 296. 300; Сношен. Россіи съ Восток. I, 60—62. 68—69. 127.

изъ пел въ Москву игумень Паисій съ грамотою къ царю отъ всѣхъ своихъ братій, въ которой они горько жаловались на бѣдственное положеніе свой обители и притѣсненія не только отъ турокъ, но и отъ греческихъ монастырей. «Нынѣ, писали старцы, монастырь нашъ обветшалъ и келліи всѣ порушились; церковные сосуды, златые и серебряные, честные кресты, св. евангелія, кадилаицы, рипиды и иная церковная утварь заложены у турокъ и жидовъ за полторы тысячи рублей, а помощи монастырю ни откуда нѣтъ... Плачемся тебѣ, царю и государю, умилосердись, пошли до турецкаго султана свое царское слово, чтобы не бралъ съ насъ дани и поплинъ и велѣлъ возвратитъ намъ пашни, которыя отняли у насъ греки; они богаты и даютъ туркамъ великіе посулы, отнимая у нашихъ монастырей пашни, а намъ нечего давать туркамъ... Нынѣ наши монастыри Словенскаго языка въ греческой землѣ пребываютъ въ чуждоуностранствіи, и мы алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ безъ своихъ царей и ктиторовъ у безбожныхъ агарянъ. Сотвори милость съ нами». Государь немедленно послалъ (1551 г.) свое ходатайство турецкому султану и о Хиландарскомъ монастырѣ. Затѣмъ (1554—1556 г.) выдалъ монастырю жалованную грамоту на свободный прїѣздъ его старцевъ въ Россію за милостынею; принялъ монастырь и всѣхъ его иноковъ подъ свое особое покровительство, выражаясь въ своей грамотѣ: «хотя они и не подъ нашимъ обрѣтаются начальствомъ, но видя ихъ скорбь, и утѣсненіе, и смиренное припаданіе къ нашему царству, мы приняли ихъ, во имя государства нашего, для вспоможенія и пропитанія ихъ во всякихъ бѣдахъ», — пожаловалъ монастырю въ Москвѣ подворье со всѣми потребными хоро-

ками, въ новомъ городѣ Кигаѣ, по правую сторону бого-
явленскаго монастыря, и позволилъ тремъ его старцамъ соби-
рать милостыню въ Новгородѣ и по всѣмъ новгородскимъ
монастырямъ. Въ 1557 г. послалъ въ монастырь, чрезъ
этихъ старцевъ, триста рублей и богатую завѣсу къ цар-
скимъ вратамъ, шитую золотомъ и унизанную жемчугомъ, —
при чемъ также послали отъ себя—царевичъ Иванъ сере-
бряную, позолоченную панагію и князь Юрій Васильевичъ
пятьдесятъ рублей деньгами. Въ 1559 г. послалъ архиман-
дриту монастыря Прохору, чрезъ новгородскаго софійскаго
архидіакона Геннадія, еще триста рублей. Въ 1571 г. по-
жаловалъ этому же архимандриту Прохору, находившемуся
въ Москвѣ, пятьсотъ рублей на поминъ царицы Анастасіи и
послалъ въ монастырь, чрезъ купца Барзунова, еще сто
пять рублей на поминовение брата Юрія. А около 1580 г.
послалъ архимандриту монастыря Оеодосію сто двадцать
рублей. Надобно замѣтить, что въ 1571 г., кромѣ монасты-
рей Хиландарскаго и Пантелеимонова, государь послалъ,
чрезъ купца Барзунова, и къ проту и всему собору св. горы
семьсотъ рублей по царицѣ и четыреста рублей по братѣ для
раздачи всѣмъ прочимъ монастырямъ Лоона ⁽⁴⁵⁶⁾.

Послѣдняя и самая значительная милостыня на Востокъ
отъ царя Ивана Васильевича была милостыня по убитомъ
имъ сынѣ, царевичѣ Ивандѣ. Съ нею онъ отправилъ въ 1582 г.
разомъ два посольства: Трифона Коробейникова съ товари-
щами въ Царьградъ, Антиохію, Александрію, Іерусалимъ, на

⁽⁴⁵⁶⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 158; Ник. Лѣт. VII, 278—279; Сношен. Россіи
съ Восток. I, 62—71, 75—76. 97. 126—127. 131—132; А. Э. I, № 289,
стр. 349.

Синайскую гору и въ Египеть, и Ивана Мешенина съ товарищами въ Царьградъ и во св. гору. Сколько послано было съ Коробейниковымъ, не извѣстно; замѣчено только, что къ одной великомученицѣ Екатеринѣ на Синайской горѣ назначено было пятьсотъ рублей. А отъ Ивана Мешенина сохранился подробный отчетъ о розданной имъ милостынь, изъ котораго видно, что цареградскому патриарху Іереміи доставлено шестьсотъ рублей и сорокъ соболей; по монастырямъ въ Царьградѣ и въ окрестностяхъ его и нищимъ роздано тысячу рублей; на Аоонѣ—Ватопедскому монастырю дано 820 р., Хиландарскому 700 р., Пантелеимонову, находившемуся тогда въ запусѣи, 500 р., а прочимъ монастырямъ роздано, черезъ прота св. горы, 2870 р., слѣд. всего—6490 рублей. Въ сентябрѣ 1583 г. царь послалъ еще въ Царьградъ и на Аоонъ торговаго челоуѣка Марка Сампсонова съ милостынею по царевичѣ, хотя и незначительною, и именно патриарху послалъ сорокъ соболей, въ Пантелеимоновъ монастырь ризу и стихарь, въ Хиландарскій полное облаченіе, и въ то же время велѣлъ отпустить милостыню по душѣ царевича въ два монастыря Сербской земли, Троицкій и Вознесенскій, чрезъ находившихся въ Москвѣ старцевъ ихъ, по двадцати рублей ⁽⁴⁵⁷⁾. Всего послано было царемъ на востокъ милостыни по царевичѣ Иванѣ, какъ слышали современники-иностранцы, до 10,000 рублей и даже гораздо болѣе ⁽⁴⁵⁸⁾.

⁽⁴⁵⁷⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 263; Спошен. Россія съ Восток. I, 134—143.

⁽⁴⁵⁸⁾ *Антоній Поссевицъ* говоритъ о царѣ: *duos Moscos ad patriarchas monasteriaque orientis misit, denis rublonum millibus (rublo paulo plus duobus coronatis censetur) ad eleemosynam filiique demortui refrigerium procurandum*

Царь Федоръ Ивановичъ успѣлъ показать, еще въ первые пять лѣтъ своего царствованія, до учрежденія патриаршества въ Россіи, свою щедрость восточнымъ христіанамъ. Немедленно, по вступленіи на престолъ (1584 г.), онъ послалъ въ Царьградъ съ милостынею по скончавшемся отцѣ своемъ Бориса Благова, который доставилъ самому патриарху Теоклиту сорокъ соболей и шестьсотъ рублей деньгами, да роздалъ по монастырямъ цареградскимъ двѣсти девяносто рублей и нищимъ шестьдесятъ рублей. Когда Благовъ возвратился и привезъ государю грамоты патриарховъ цареградскаго Теоклита, александрійскаго Сильвестра и іерусалимскаго Софронія, а отъ цареградскаго, вмѣстѣ съ царскимъ посломъ, пришли въ Москву еще два іерарха — архіепископъ елассонскій Арсеній и епископъ диррахійскій Паисій, тогда Федоръ Ивановичъ пожаловалъ этимъ іерархамъ 475 рублей и послалъ (къ концу 1585 г.) патриарху цареградскому двѣсти рублей; архіепископу синайскому, въ патриархатѣ александрійскомъ, 850 р. и еще пятьдесятъ четыре рубля на два неугасаемыя кандила, одно у Неопалимой купины, другое надъ мощами великомученицы Екатерины; и патриарху іерусалимскому 900 рублей, съ тѣмъ чтобы онъ роздалъ милостышныя деньги на всѣ церкви и монастыри своей патриархіи, да восемьдесятъ два рубля на два неугасаемыя кандила у гроба Господня и одно на Голгофѣ. Патриархъ антиохійскій Іоакимъ, не получившій милостыни, прибылъ (1586 г.) самъ въ Москву, и здѣсь принять былъ съ великою честію, и получилъ

datis (у Старчев. II, 293). Павелъ Одербонъ: supra septuaginta septem avreorum nummum millia in Graeciam ad patriarchas monachosque... transmisit... (тамъ же 255).

отъ государя, послѣ первой у него трапезы, двѣсти рублей и разныя другіе подарки, а предъ отъѣздомъ своимъ два портица бархата и венеціанскаго атласа, камку, сорокъ соболей, серебряную чару въ двадцать пять рублей и деньгами сорокъ рублей, да отъ Троице-Сергіева монастыря три образа въ окладѣ, сорокъ соболей, камку бобровую, серебряную чару и сорокъ рублей деньгами. Съ патріархомъ отпустилъ государь подьячаго Михаила Огаркова: онъ повезъ, вмѣстѣ съ царскими грамотами, цареградскому патріарху 375 рублей дополнительной милостыни по царѣ Иванѣ Васильевичѣ для раздачи тѣмъ монастырямъ, къ которымъ прежняя не дошла, да 160 рублей на выкупъ одной церкви въ Царьградѣ, которою владѣли турки, и александрійскому патріарху триста рублей, соболью шубу подъ камкою и большую серебряную чару, да на монастыри александрійскіе сто рублей ⁽⁴⁵⁹⁾. На Аѳонѣ посылалъ Оедоръ Ивановичъ милостыню по отцѣ своемъ еще въ 1584 г. чрезъ возвращавшихся тогда изъ Москвы святогорскихъ старцевъ и, между прочимъ, Ватопедскому монастырю послалъ шестьсотъ рублей... Затѣмъ приходили съ Аѳона — изъ Пантократорова монастыря игумень Романъ и изъ монастырей Иверскаго, Ксенофскаго и Никольскаго старцы (1586 г.), изъ Зографскаго игумень Паисій (1587 г.), изъ Хиландарскаго архимандритъ Арсеній и изъ Ватопедскаго екклезіархъ Григорій (1588 г.), и всѣ возвращались съ полученною отъ царя милостынею. Замѣтнѣе стало, при Оедорѣ Ивановичѣ, посѣщеніе Россіи духовными лицами изъ Серб-

(459) Сношен. Россіи съ Восток. I, 145—146. 163. 166. 169. 174. 178—182.

ской и Болгарской земли. Въ 1585 г. были въ Москвѣ старцы изъ сербскаго вознесенскаго, Милешева, монастыря, въ которомъ почиваетъ св. Савва сербскій, и изъ сербскаго благовѣщенскаго монастыря на рѣкѣ Папаротѣ,—и въ первый монастырь царь пожаловалъ 275 р. и полное облаченіе, а въ послѣдній сто двадцать рублей. Не успѣли еще выѣхать изъ Москвы эти старцы, какъ прибылъ въ нее самъ верховный ихъ архипастырь, титуловавшій себя архіепископомъ Охриды и всея Болгарскія и Сербскія земли, по имени Гавріилъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ гревенскимъ Софроніемъ и многочисленною свитою, и, получивъ отъ государя щедрые дары, возвратился въ свою землю. Послѣ него къ намъ приходили: въ 1586 г. изъ Болгарской земли—отъ благовѣщенскаго монастыря митрополитъ Виссаріонъ колоссейскій, отъ великой горы Соговицы игуменъ Гервасій, да отъ монастыря архангельскаго священникъ Стефанъ, а въ 1587 г. митрополитъ авлонскій Оеофанъ съ грамотами отъ болгарскаго-охридскаго архіепископа Оеодула, сербскій епископъ Григорій изъ города Софіи и старцы изъ двухъ сербскихъ монастырей, Аккольскаго и Милешева-вознесенскаго, и изъ Селуни отъ монастыря св. Николая,—и всѣ, надѣленные милостями государя, отпущены были въ свои страны ⁽⁴⁶⁰⁾.

Вообще число лицъ, стремившихся въ Россію съ востока и изъ юго-славянскихъ земель съ просьбами о помощи постепенно увеличивалось и, при Оедорѣ Ивановичѣ, дошло до того, что нѣкоторыхъ, по волѣ правительства, даже не пропускали въ Россію, а на границѣ, надѣливъ отъ имени царя

⁽⁴⁶⁰⁾ Тамъ же I, 146—148. 164. 167—169. 182—186.

милостынею, отправляли назадъ. Всѣ приходившіе обыкновенно представляли грамоты то отъ святителей, то отъ своихъ монастырей. Но случались и обманщики съ подложными грамотами, какъ обнаруживалось впоследствии; впрочемъ, извѣстенъ лишь одинъ такого рода случай ⁽⁴⁶¹⁾. Многіе просители довольствовались тѣми милостями, какія получали изъ рукъ вел. князя; но другіе предпринимали еще странствованія по Россіи для сбора добротныхъ подаваній. Обращаясь къ нашему государю за помощію и дарами, нѣкоторые святители и монастыри присылали или подносили и ему отъ себя помишки: то иконы, то мощи святыхъ. Такъ, царю Ивану Васильевичу — кизическій митрополитъ Іоасафъ привезъ отъ константинопольскаго патріарха Ціонисія мощи св. апостола Варнавы и св. мучениковъ Герасима и Пантелеимона; вилеємскій митрополитъ Іоакимъ представилъ отъ себя руку св. мученика Елвеверія, а старцы Хиландарскаго монастыря поднесли въ первый разъ — обложенныя серебромъ иконы св. Саввы и Симеона сербскихъ, крестъ съ животворящимъ дровомъ внутри, который носилъ на себѣ св. царь-инокъ Савва, и мощи великомученика Стефана, въ другой разъ — мозаическій на серебрянѣ образъ архангела Михаила и мощи св. исповѣдника Анѳима. Царю Федору Ивановичу прислали патріархи: царградскій Θεопитъ — часть отъ главы св. Лазаря и мощи св. мученицъ Соломоніи, Параскевы и Евдокіи; александрійскій Сильвестръ — икону Пресв. Троицы, обложенную золотомъ, на золотой цѣпи, для ношенія на груди; іерусалимскій Софроній — чудную панагію съ изображеніемъ успенія пресв. Бо-

(461) Тамъ же I, 121—122. 183.

городицы также для ношенія на груди; патриархъ антиохійскій принесъ въ даръ мощи св. апостола Ананія и Игнатія Богоносца, мучениковъ Георгія, Кипріана и Іустинці; сербскій епископъ Григорій также принесъ руку отъ мощей св. Григорія Декаполита, — и присланы были отъ монастырей: Пантократорова аеонскаго—мощи св. великомуч. Θεодора Стратилата, обложенныя серебромъ; Зографскаго аеонскаго—мощи преп. Михаила синадскаго и муч. Пигасія, да двѣ иконы Богоматери и великомуч. Георгія съ мощами; Аккольскаго сербскаго—образъ великомуч. Георгія и часть мощей муч. Георгія Новаго и проч. (⁴⁶²). Достоинно замѣчанія, что, пользуясь своими сношеніями съ цареградскимъ патриархомъ, наши государи посылали къ нему, по временамъ, молодыхъ людей для изученія греческаго языка. Напримѣръ, въ 1551 г. Иванъ Васильевичъ отправилъ къ патриарху Діонисію «паробка» Обрюту Михайлова Грекова, и просилъ патриарха держать его при себѣ, доколѣ не научится греческой грамотѣ и языку; а въ 1557 г. просилъ преемника Діонисіева Іоасафа отпустить этого Обрюту, уже научившагося греческому языку, въ Россію. Въ 1583 г. тотъ же государь послалъ въ Царьградъ тридцать рублей на двухъ «ребятъ», обучавшихся тамъ греческой грамотѣ при патриархѣ, а послѣдняго просилъ пристальнѣе смотрѣть за ними: такъ какъ патриархъ, находя ихъ слишкомъ взрослыми для изученія грамоты, выразилъ опасеніе, чтобы они не убѣжали къ туркамъ. Въ 1585 г. находился въ Царьградѣ еще одинъ ученикъ изъ

(⁴⁶²) Никон. Лѣт. VII, 273; Спошен. Россіи съ Восток. I, 62—64. 129. 151. 155. 158. 160. 165. 173. 183. 186—188.

Россія Грязнуша Ушаковъ, о которомъ въ слѣдующемъ году Федоръ Ивановичъ писалъ къ патриарху, чтобы отпустилъ его въ отечество, если онъ уже достаточно наученъ греческой грамотѣ, а если еще нѣтъ, то велѣлъ бы ему пристальнѣе доучиться и тѣмъ показать любовь къ своему царю-государю (463).

II.

Отношенія наши къ римской церкви сохраняли свой прежній характеръ. На латинянъ у насъ смотрѣли, какъ на отступниковъ отъ истинной вѣры, раскольниковъ и еретиковъ, не только простой народъ, но и люди ученые, каковъ былъ Максимъ Грекъ, и сами святители (464). Латинянамъ приписывали множество ересей, даже и такихъ, въ которыхъ они вовсе неповинны и которыя не заслуживаютъ имени ереси: припомнимъ хоть слова Стоглаваго собора, будто латиняне четверять Св. Троицу, и будто брадобритіе, трегубая алли-

(463) Тамъ же I, 69. 84. 184. 135. 151. 181.

(464) Максим. Сочин. I, 213—234; А. И. I, №№ 63. 65. 66. 272. 275. 281. Въ послѣднемъ документѣ митрополитъ Филиппъ пишетъ къ новгородцамъ, что латинство есть «богоотметная ересь древнихъ еретикъ Каруловыхъ», что «въ ересѣхъ латына пребываютъ даже и до-днесь и вси ихъ папы римскыи, четвероуластно держа Св. Троицу, глаголюще не токмо отъ Отца Духъ Святый исходящъ, но и отъ Сына.... и опресночная служатъ, а субботу хранятъ и постятъ въ ню, якоже жидове, и водою кропятся по вся дни тѣмъ же обычаемъ жидовскимъ», и присовокупляетъ: «а опрочихъ ересѣхъ латынскихъ и въ св. книгахъ поискавъ, обряцете многы зѣло ереси ихъ» (—стр. 516). Да и сами латинскіе писатели того времени свидѣтельствовали о русскихъ: *dicunt, omnes obediētes romanae ecclesiae veros christianos non esse; neque salvandos... Imo dominum Papam cum ecclesia romana dicunt haereticum esse de haeresi Ariana, et catholicos omnes arianos vocant, et anathematizant ipsum...* (Histor. Russiae Monument. I, № 123, p. 124). Спес. Примѣч. 413.

луя, троеперстіе для крестнаго знаменія суть латинскія ереси (⁴⁶⁵). Кромѣ того, что переписывались еще и употреблялись у насъ всѣ сочиненія противъ латинянъ, появившіяся у насъ въ прежнія времена, теперь появлялись у насъ въ переводахъ съ греческаго и вновь составлялись и нѣкоторыя другія сочиненія такого же рода, въ которыхъ не было латинянамъ никакой пощады (⁴⁶⁶). Самое крещеніе ихъ, чрезъ обливаніе, считалось недѣйствительнымъ, и потому латинянъ, если они принимали православіе, крестили вновь, хотя случаи такого обращенія ихъ къ православію были весьма рѣдки (⁴⁶⁷). Храмы латинянъ не хотѣли у насъ даже называть храмами или церквами, а называли божницами въ отличіе отъ своихъ, православныхъ церквей и храмовъ. Всѣ обряды римской церкви порицали и осмѣивали, а отъ иконъ, въ ней употреблявшихся, отвращались, такъ что русскіе послы, ѣздившіе къ иностраннымъ дворамъ, всегда возили съ

(⁴⁶⁵) Болѣе подробное перечисленіе латинскихъ ересей можно видѣть въ известной статьѣ «о Фразеяхъ и прочихъ латыняхъ», помѣщавшейся во всѣхъ нашихъ Коричныхъ (см. выше примѣч. 137), и въ статьѣ о препіи греческаго философа Панагіота съ латинами, обличавшаго ихъ въ 72-хъ ересьяхъ, которая очень часто встрѣчается въ рукописяхъ XV и XVI в. (выше примѣч. 130).

(⁴⁶⁶) Всѣ сочиненія противъ латинянъ, прежде у насъ употреблявшіяся, разсмотрѣны, а нѣкоторыя и цѣликомъ напечатаны, въ книгѣ *А. Попова: Историко-литературный обзоръ полемич. сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.)*, М. 1875. Новыя сочиненія противъ латинянъ, проникшія къ намъ въ XV—XVI в. въ переводахъ съ греческаго, суть сочиненія Григорія Паламы и Нила Кавасилы, архіеп. солунскихъ (Опис. рукоп. Москов. Синод. библ. II, 2, 471 — 477). А изъ русскихъ сочиненій въ этомъ родѣ можемъ указать на «Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню», составленное ок. 1461 г., при в. кп. Василіи Васильевичѣ и митроп. Феодосіи (напечатано сполна въ означенной книгѣ г. *А. Попова*, стр. 360—395).

(⁴⁶⁷) Такъ, елужившій у насъ монетчиномъ Иванъ Фрязинъ, родомъ изъ Венеціи, при обращеніи въ православіе, былъ несомнѣнно крещенъ вновь пашпимъ православнымъ крещеніемъ (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 176; Нлк. Лѣт. VI, 50). См. также далѣе примѣч. 473.

собою свои иконы, и однажды, когда въ Аринимѣ префектъ города предложилъ нашимъ посламъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, они выбросили иконы хозяина изъ комнаты, которую занимали, и на мѣсто ихъ поставили свои образа ⁽⁴⁶⁸⁾. Исповѣдниковъ римской вѣры, приходившихъ къ намъ, художниковъ, ремесленниковъ и другихъ, охотно принимали у насъ на жительство и предоставляли имъ держаться своей вѣры, безъ всякаго стѣсненія; но не дозволяли имъ имѣть свои храмы, не дозволяли входить и въ русскіе храмы. Въ торжественныхъ случаяхъ государь приглашалъ иногда иностранныхъ пословъ-латинянъ присутствовать при нашемъ богослуженіи, но въ другое время самъ же совѣтовалъ посламъ не входить въ русскую церковь, чтобы не подвергнуться нареканію отъ православныхъ ⁽⁴⁶⁹⁾. Наши архіереи продолжали повторять, предъ рукоположеніемъ своимъ, и тотъ обѣтъ, что они не позволяютъ никогда въ своихъ епархіяхъ никому изъ православныхъ ни брачнаго сочетанія, ни кумовства, ни братства, какъ съ армянами, такъ и съ латинами (А. Э. I, стр. 471). Эта отчужденность отъ латинянъ, эта неприязнь къ нимъ, переданная намъ греками и воспитанная историческими обстоятельствами, простиралась до того, что самое имя католика было ненавистно русскимъ, и если кто изъ нихъ желалъ другому зла, то говорилъ: «чтобъ тебѣ сдѣлаться латиняни-

⁽⁴⁶⁸⁾ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 239; *Histor. Russiae Monument.* I, p. 125; *Фабр. Moscovit. relig.*, у *Старчев.* I, 10; *Ант. Посевин. De rebus Moscovit.*, у *Старчев.* II, 276, 298.

⁽⁴⁶⁹⁾ *Посевин.* тамъ же II, 278. Герберштейнъ въ оба свои посольства присутствовалъ при богослуженіи въ успенскомъ соборѣ 15-го Августа, т. е. въ храмовый праздникъ (*Записки о Московии*, 72). Но Кобенцелю государь не совѣтовалъ входить въ русскую церковь по означенной причинѣ (*De legat. ad Moscovit.*, у *Старчев.* II, 14).

номъ!», а въ лѣтописяхъ нашихъ и другихъ сочиненіяхъ встрѣчаются даже выраженія «поганая латына», «безбожная латына», «проклятая латына» и под. (⁴⁷⁰). При такомъ отношеніи русскихъ къ римскому католицизму, легко понять, тѣмъ должны были оканчиваться всѣ попытки папъ и папистовъ привлечь русскихъ къ своему исповѣданію. А эти попытки продолжались, хотя и не непрерывно, во весь настоящій періодъ.

Извѣстно, какъ поступилъ папа, когда ему не удалось ввести въ Россію флорентійскую унію чрезъ митрополита Исидора. Папа рѣшилъ съ своими клеветами, по крайней мѣрѣ, отторгнуть отъ русской церкви тѣ девять епархій, которыя находились во владѣніяхъ литовско-польскаго короля-латинянина, и подчинить ихъ особому митрополиту, поставлен-

(⁴⁷⁰) Поссевинъ: cum ingens alicui malum imprecantur, utinam te, inquit, latinae fidei videam (у Старч. II, 276). Извѣстный псковскій пресвитеръ Василій, въ монашествѣ Варлаамъ, такъ начинаеть свою Повѣсть о мученической кончинѣ св. Исидора въ Юрлевѣ ливонскомъ: «Въ лѣто 6985, попущеніемъ Божиимъ на хрстіяны, разсвирѣпявшимся *безбожнымъ* латыномъ и хотящимъ брань воздвигнути... на вся Христова церквя..., христианское служеніе... умыслиша разорити *окалнни* опѣ латыне и въ св. церквей мѣсто восхотѣша свои *идольскія* храмы поставити и опресночная служенія уставити, еже отъ *проклятаго* папы римскаго Петра гугливаго пріяша; послѣди... *безбожнни* Нѣмцы, спрѣчь латынове подтвержденіе пріяша своимъ *проклятымъ* ересемъ и своей *злочестивою* вѣрѣ отъ... папы Евгения *еретика* суща, врага истинѣ, отъ *антихрестова предтечи*, отъ *проклятаго* его собора, и восхотѣша совратити люди Божія отъ вѣры хрстіанскія истинныя и въ свою *проклятую* вѣру латынскую привести». И такъ далѣе до самаго конца Повѣсти (Рукоп. Сборн. нашей библ. № 66, л. 222 об.). См. также П. Собр. Р. Лѣт. IV, 218; VI, 191. 192. Равно и краковскій каноникъ Сакранъ свидѣтельствуеть: haec schismatis huius Ruthenici una eademque est voluntas omnium, ut adversus Romanam ecclesiam et eius ritum odio fremant insectenturque eam maledictis suis, et fideles de obedientia eius, fide, bonis, gloria vitaque nudare ac privare moliantur semper,... toto nisu conantes, ut e medio fideles quosque exterminent, ut sic nomen ecclesiasticae religionis apud et inter eos abolitione prorsus interiret (Elucidar. errorum ritus Ruthenicarum, anno Dom. 1500 scriptus, apud Lasicium De Russorum Moscovit. et Tartaror. religione..., p. 185—186, Spiraе 1582).

ному въ Римѣ, Григорію, ученику Исидорову. Этимъ дѣло не кончилось. Король польскій нѣсколько разъ писалъ къ нашимъ вел. князьямъ Василю Васильевичу и потомъ Ивану Васильевичу, чтобы они приняли Григорія и въ Москву, и признали его власть надъ всею русскою церковью. Когда и тутъ послѣдовала неудача, самъ Григорій отправилъ своего посла въ Царьградъ къ патріарху Спмону (Симеону трапезунтскому) съ богатыми дарами и съ просьбою, чтобы патріархъ благословилъ и утвердилъ его въ званіи митрополита и надъ московскою митрополіею и послалъ о томъ своего посла къ русскому государю. Но патріархъ, несмотря на свою крайнюю бѣдность, богатыхъ даровъ не принялъ и благословенія не далъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе изъ Царьграда отъ Іосифа, митрополита Кесаріи Филипповой, поставленнаго у насъ въ Москвѣ, и опасаясь, какъ бы патріархъ не поколебался, Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ своимъ митрополитомъ Филиппомъ (1465—1473) и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, рѣшилъ: патріаршаго посла, если онъ будетъ посланъ къ намъ съ благословеніемъ Григорію, не впускать въ свою землю и самого патріарха того имѣть «чужа и отречена», и написалъ новгородскому архіепископу Іоанъ († 1470), чтобы и онъ не принималъ ни патріаршаго, ни Григоріева пословъ, если они придутъ въ Новгородъ, не вѣрилъ патріаршей граматъ и не бралъ никакихъ поминковъ отъ посла Григоріева, а оставался бы вѣренъ московскому митрополиту (⁴⁷¹).

Между тѣмъ, какъ все это происходило, въ Римѣ созрѣвали новыя замыслы противъ русской церкви. Туда, по па-

(⁴⁷¹) Нашей Исторіи VI, 35—45; А. Э. I, № 80.

дѣни греческаго царства, удалился (1460 г.) одинъ изъ братьевъ послѣдняго греческаго императора, Тома Палеологъ, деспотъ морейскій, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, состоявшимъ изъ двухъ сыновей и дочери, по имени Софіи. Папа принялъ царственнаго пришельца и назначилъ ему на содержаніе отъ себя жалованье, которое, по смерти его (1465 г.) продолжалъ и его малолѣтнимъ дѣтямъ; но зато старался воспитать ихъ въ духѣ своей церкви. Дѣломъ завѣдывалъ пользовавшійся особымъ довѣріемъ папы Павла II-го кардиналъ Виссаріонъ, нѣкогда православный пикейскій митрополитъ, но измѣнившій отеческой вѣрѣ во Флоренці: по его инструкціи, дѣти обязаны были имѣть при себѣ латинскихъ священниковъ, ходить въ латинскія церкви и вообще навкаты латинскимъ обычаямъ. Когда Софія пришла въ возрастъ, папа и Виссаріонъ рѣшились предложить руку ея русскому вел. князю Ивану Васильевичу, надѣясь достигнуть чрезъ то разомъ двухъ цѣлей: обратитъ князя и за нимъ всю Россію къ римской вѣрѣ и привлечь его къ участію, вмѣстѣ съ другими государями Европы, въ томъ крестовомъ походѣ, который готовлялъ тогда папа, особенно по настояніямъ Виссаріона, чтобы сокрушить могущество турокъ и возстановить греческую имперію. Виссаріонъ отправилъ (1469 г.) отъ себя посла, грека — Юрія Траханіота, съ письмомъ къ нашему вел. князю и, предлагая ему руку Софіи, скрылъ отъ него, какъ она воспитывалась въ Римѣ, напротивъ утверждалъ, что она православная христіанка и уже отказала двумъ женихамъ — государямъ латинской вѣры. Такое предложеніе породниться съ императорскимъ домомъ, царствовавшимъ въ Греціи, не могло не понравиться нашему государю, и онъ, по

совѣщанія съ митрополитомъ, съ своею матерью, братьями и боярами, послалъ въ Римъ принявшаго у насъ православіе монетчика Ивана Фрязина, родомъ венеціанца, сначала чтобы только дать отвѣтъ Виссаріону и папѣ, видѣть невѣсту и достать ея портретъ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени (16 генв. 1472 г.) уже за тѣмъ, чтобы привезть ее въ Россію. Грамата вел. князя, которую въ послѣдній разъ Фрязинъ представилъ папѣ Сиксту IV, была очень коротка: въ ней князь только кланялся папѣ и просилъ вѣрить его посламъ. А посоль, признавшій за лучшее скрывать въ Римѣ свое православіе и выдававшій себя за латинянина, рѣшился говорить отъ имени князя, съ его ли согласія или самовольно, одну лишь ложь, угодную папѣ, чтобы достигнуть своей цѣли, конечно, понимая, что если будетъ говорить правду, то Софію и не отпустятъ въ Россію. Посоль увѣрялъ, что русскій государь не отвергаетъ флорентійскаго собора, ревнуетъ о воссоединеніи церквей, питаетъ приверженность къ папѣ, какъ главѣ церкви, готовъ принять отъ него легата, который изслѣдовалъ бы на мѣстѣ обряды русской вѣры и поставилъ бы заблуждающихся на путь истины, и также готовъ принять участіе въ походѣ противъ турокъ. Папа повѣрилъ послу и успокоилъ кардиналовъ, сомнѣвавшихся въ правовѣріи нашего государя и народа; далъ Софіи богатое вѣно и отпустилъ ее въ Россію со множествомъ грековъ, а съ нею послалъ и своего легата Антонія со множествомъ латинянъ. Но скоро для папы должны были начаться разочарованія. Первая измѣнила ему Софія. Еще на пути, въ Псковѣ, встрѣченная торжественно духовенствомъ, она приняла благословеніе отъ православныхъ священниковъ, вошла въ

Троицкій соборъ, выслушала молебствіе, приложилась ко кресту и къ чудотворной иконѣ Богородицы, и, замѣтивъ, что сопутствовавшій ей легатъ, предъ которымъ несли литое изображеніе креста, въ своей пурпуровой одеждѣ и шапкѣ, гордо вступилъ въ церковь, не поклонился предъ иконами, даже не перекрестился, велѣла ему приложиться также къ иконѣ Богородицы. А когда поѣздъ уже приближался къ Москвѣ, вел. князь, до котораго дошли вѣсти, что Антоній, для большей важности, во всю дорогу ѣхалъ съ латинскимъ крыжемъ впереди, началъ совѣтоваться, можно ли допустить это и при вступленіи легата въ Москву. Одни, особенно Иванъ Фрязинъ, говорили, что можно и должно изъ уваженія къ папѣ; а другіе, что такой чести римской вѣрѣ никогда не дѣлали въ Россіи; сдѣлалъ-было Исидоръ, и самъ погибъ. Князь обратился къ митрополиту, и митрополитъ далъ отвѣтъ: «не возможно такъ легату не только войти въ городъ Москву, но и приблизиться къ ней; если же ты дозволишь это, желая почтить его, то онъ войдетъ въ одни ворота города, а я, богомолецъ твой, выйду въ другія; любить и чести чужую вѣру значило бы поругаться своей». Князь немедленно послалъ къ легату, чтобы спряталъ свой крыжъ, и легатъ принужденъ былъ уступить. Вскорѣ послѣдовала свадьба великаго князя (12 ноября 1472 г.). Легатъ представилъ ему письмо и дары отъ папы. Князь принималъ легата и прибывшихъ съ нимъ римлянъ, равно какъ и грековъ, съ великими почестями. Но когда Антоній заговорилъ о флорентійской уніи, князь предложилъ ему побесѣдовать о томъ съ митрополитомъ Филиппомъ. А митрополитъ нарочно приготовился къ этой бесѣдѣ, «много изучилъ, отъ книгъ словеса емлючи», и при-

зваль еще въ помощь себѣ книжника Никиту поповича. Впродолженіе преній съ легатомъ, митрополить то говорилъ самъ, то приказываль говорить Никитѣ. Легать, разумѣется, дѣлалъ возраженія, защищаль свои мысли; но какъ у насъ тогда господствовалъ обычай, въ подобныхъ случаяхъ, на все требовать «свидѣтельства отъ книгъ», безъ чего не хотѣли вѣрить никакимъ доказательствамъ,—обычай, доселѣ остающійся въ силѣ у нашихъ раскольниковъ,—то и отъ легата, вѣрно, потребовали такихъ же свидѣтельствъ въ подтвержденіе его словъ. Легать отвѣчалъ: «книгъ со мною нѣтъ»,—и пренія окончились ничѣмъ. Легата отпустили (26 генв. 1473 г.) изъ Москвы съ богатыми дарами папѣ; но это едва ли могло утѣшить послѣдняго, тѣмъ болѣе, что не состоялся и предпологавшійся походъ противъ турокъ съ участіемъ въ немъ нашего государя (472).

Около того же времени, когда въ Москвѣ происходили эти мпрныя пренія о вѣрѣ между представителемъ папства и православнымъ святителемъ, въ небольшомъ городкѣ Ливоніи, находившейся нѣкогда подъ властію русскихъ князей, въ нашемъ древнемъ Юрьевѣ (Дерптѣ), совершенно ревнителями латинства страшное насиліе надъ православными. Тамъ былъ «русскій конецъ», т. е. населенный русскими, и въ немъ издавна существовали двѣ русскихъ церкви: одна во имя святителя Николая, другая во имя великом. Георгія. Не далѣе

(472) Все, что происходило по этому дѣлу въ Римѣ, изложено у *Райнальда* (*Annales Eccles. ad ann. 1470—1472*). Инструкція Виссаріона о воспитаніи Софін и ея братьевъ, преподанная въ письмѣ къ ихъ учителю, напечатана у *Франки* (*Hist Byzantin. p. 410, ed. Bonn. 1838*). Все прочее—въ II. Собр. Р. Лѣт. IV, 244; VI, 196; VIII, 154. 169. 173. 175; Ник. Лѣт. VI, 7. 37. 48. 49.

какъ въ 1463 г. юрьевскій бискупъ, посадники и ратманы вновь заключили въ Псковѣ съ вел. княземъ московскимъ договоръ, которымъ обязывались давать русскому государю пошлину «по старинѣ» и также «русскій конецъ и св. церкви держать по старинѣ и по старымъ граматамъ, а не обидѣть» (473). Между тѣмъ въ это самое время и начали наиболѣе обнаруживаться обиды русскимъ въ Юрьевѣ, такъ что одинъ изъ русскихъ священниковъ, Іоаннъ, служившій при церкви св. Николая, нашелся вынужденнымъ удалиться со всѣмъ своимъ семействомъ въ Псковъ, гдѣ, по смерти жены своей, принявъ монашество съ именемъ Іоны, положилъ основаніе псково-печерскому монастырю (ок. 1470 г.). А другой священникъ, Исидоръ, рѣшившійся не оставлять своей паствы до конца, вскорѣ долженъ былъ вкусить мученическую смерть. Въ началѣ 1472 г., на праздникъ Богоявленія, когда Исидоръ съ своими прихожанами вышелъ на рѣку Амовжу (нынѣ Эмбахъ) и совершалъ водосвятіе, на нихъ внезапно устремились, по приказанію своего бискупа, толпы ливонскихъ нѣмцевъ, схватили священника и до 72-хъ его прихожанъ, мужей и женъ, и повлекли ихъ сначала предъ лице бискупа, а потомъ въ темницу. Очень вѣроятно, что власти и жители Дерпта если и терпѣли въ своемъ городѣ православную церковь, то только подъ условіемъ, какъ это дѣлалось иногда и въ другихъ городахъ латинской вѣры, чтобы православные отправляли свои церковныя службы скромно и скрытно, а отнюдь не

(473) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 225. Двѣ русскія церкви въ Юрьевѣ, Николаевская и Георгіевская, упоминаются и въ Описаніи путешествія митр. Исидора, чрезъ Юрьевъ, на Флорентійскій соборъ въ 1487 г. (Древн. Русск. Визліое. VI, 29, изд. 2).

публично и не торжественно, и что потому-то крестный торжественный ходъ русскихъ на рѣку и возбудилъ въ нѣмцахъ религіозный фанатизмъ. Кромѣ того противъ Исидора еще прежде сильно вооруженъ былъ бискупъ: такъ какъ ему было донесено, что Исидоръ, при своихъ религіозныхъ собесѣдованіяхъ съ нѣмцами, съ жаромъ защищая свое исповѣданіе, смѣло цорицалъ вѣру латинскую. По заключеніи Исидора въ темницу, бискупъ послалъ приглашеніе къ старѣйшинамъ города, чтобы они собрались въ ратушу. Потребовали въ ратушу и Исидора съ его прихожанами: здѣсь ихъ судили и убѣждали не упорствовать болѣе въ своемъ православіи, сдѣлаться католиками и сознаться, что они несправедливо хулили латинскую вѣру. Но Исидоръ и его духовныя дѣти остались непреклонными, и всѣ, по приговору своихъ жестокихъ судей, 8-го генваря потоплены были въ рѣкѣ Амвжѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ими устроенъ былъ іорданъ для водосвятія. Весною, по вскрытіи Амвжы, когда спали ея разлившіяся воды, тѣла страдальцевъ найдены на берегу ея, въ трехъ верстахъ отъ Дерпта, всѣ въ одномъ мѣстѣ, ничѣмъ неповрежденныя. Проѣзжіе православные купцы нѣкоторыхъ похоронили тутъ же, а другихъ перевезли въ Дерптъ и погребли у церкви св. Николая (474). Черезъ два года (въ

(474) Нашей Истор. VII, 41. Разсказъ о мученичествѣ Исидора съ прихожанами написанъ псковскимъ пресвитеромъ Василиемъ съ его обычнымъ многословіемъ и не чуждъ хронологической ошибки: потому что, относя это событіе къ 1472 г., а подругимъ рукописямъ — къ 1475 г. (см. выше примѣч. 470), говоритъ, будто оно случилось при повгор. владыкъ Іонѣ († 1470). Но на основаніи подобной неточности, происшедшей, можетъ быть, отъ переписчиковъ, несправедливо было бы заподозривать достовѣрность всего разсказа, который составленъ, по порученію митроп. Макарія, и могъ опираться на болѣе древнее письменное документъ. Василій влагаетъ въ уста Исидора, на судѣ, весьма рѣзкія обличенія

1474 г.) юрьевцы снова заключили съ вел. княземъ московскимъ договоръ, въ которомъ статья первая гласила: «што св. Божіи церкви у Юрьевѣ, у рускомъ концѣ, и рускій конецъ, и то честному бискупу и посадникомъ юрьевскимъ и всѣмъ юрьевцомъ держати честно, по старынѣ и по крестному цѣлованью и не обидѣти» (А. Запад. Рос. I, № 69). А въ 1481 г., при возобновленіи этого договора, сказано было: «бискупу юрьевскому и посадникомъ и ратманомъ юрьевскимъ церкви Божіи св. *Николаи и св. Георгия* очистити и рускій конецъ и села тыхъ церквей очистити, по крестному цѣлованью, по старынѣ» (тамъ же № 75, стр. 97).

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы навязывать свою вѣру своимъ малочисленнымъ православнымъ согражданамъ, юрьевцы желали распространять ее и внѣ предѣловъ своего города и всей Ливоніи. Около 1491 г. *сырые чернецы* (названные сѣрыми по цвѣту одежды) прислали изъ Юрьева въ Псковъ Филиппу Петрову, вѣроятно, намѣстнику новгородскаго владыки, грамоту о флорентійскомъ соборѣ, которую Петровъ заявилъ намѣстнику государеву—князю и посадникамъ. Затѣмъ «пришли въ Псковъ изъ Нѣмецъ,—такъ доносилъ владыкѣ Геннадію самъ Филиппъ Петровъ,—сѣрыя чернецы, да начали говорить о вѣрѣ; были у священниковъ, и я былъ тутъ же; а къ тебѣ, государь, итти не захотѣли. И священники много съ ними состязались, и переспорили ихъ отъ божественныхъ писаній. Чернецы говорили: «соединилъ вѣру нашъ папа съ

противъ латинянъ, а равно и увѣщанія къ нимъ, въ родѣ слѣдующаго: «О латини безумніи!...останитесь злыя и душегубныя предести, вѣры своея проклятыя латынскія, и примите христіанскую вѣру, и *креститесь* во имя Отца и Сына и Св. Духа...» (Сборн. нашей библ. № 66, л. 222 об.—233).

вашими на осмомъ соборѣ, да и мы и вы христіане, и вѣруемъ въ Сына Божія». Священники отвѣчали: «не у всѣхъ вѣра правая; если вы вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ послѣдуете жидамъ-богоубійцамъ, субботаствуете, постясь, и приносите въ жертву опрѣсноки? Этимъ вы, Богопротивно, жидовствуете. Еще вы исповѣдуете: и въ Духа Святаго..., отъ Отца и отъ Сына исходящаго, и тѣмъ вводите два начала въ Богъ и впадаете въ ересь Македонія духоборца. И много другого у васъ совершается вопреки божественныхъ правилъ и соборовъ. А что вы говорите объ осмомъ соборѣ, который созывалъ папа Евгений..., знаемъ мы хорошо то окаянное сборище; о немъ мы и слышать не хотимъ, оно отвержено Богомъ и четырьмя патріархами. Мы содержимъ только семь вселенскихъ соборовъ, о которыхъ сказано: *Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь....* Все это, — заключаетъ Филиппъ Петровъ, — твоимъ благословеніемъ, государь, и многое иное оттолкнули студнымъ латынамъ Господни священники отъ божественныхъ писаній» (А. И. I, № 286).

У вел. князя Василя Ивановича былъ любимый врачъ Николай Булевъ, долго жившій въ Россіи и считавшійся человекомъ ученымъ, умнымъ и искуснымъ въ словѣ. Пользуясь своимъ положеніемъ и репутаціею, онъ распространялъ въ нашемъ высшемъ обществѣ астрологическія идеи и вмѣстѣ ученіе папизма, и даже написалъ сочиненіе о соединеніи русскихъ и латинянъ. Максимъ Грекъ, какъ только прибылъ къ намъ (1518 г.), поспѣшилъ опровергнуть это сочиненіе и вступилъ въ переписку съ самимъ его авторомъ. Изъ переписки видно, что Николай-пѣмчинъ, какъ называлъ его Мак-

симъ Грекъ, былъ недоволенъ знакомъ съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ писалъ, потому что просилъ Максима объяснить ему, когда и какъ отлучились латиняне отъ грековъ; не былъ фанатикомъ-латиняниномъ, потому что просилъ Максима молиться о немъ и принималъ отъ Максима совѣты и убѣжденія отложить всякое латинское словопреніе и съ дѣтскою покорностію принять православную вѣру. Попытка Булева, очевидно, была его частнымъ дѣломъ. Но въ томъ же 1518 г. присланъ былъ въ Москву отъ самого папы, Льва X, легатъ Николай Шомбергъ, доминиканскій монахъ. Этому послу, равно какъ магистру ливонскаго ордена Альбрехту, поручено было папою— склонить нашего князя, чтобы онъ, во-первыхъ, примирился съ литовскимъ королемъ и соединился съ другими государями Европы во всенародномъ ополченіи для изгнанія турокъ изъ Греціи, а во-вторыхъ,—принялъ единеніе съ римскою церковію. Для того, чтобы подѣйствовать на Василя Ивановича, ему представляли, что онъ въ правѣ отнять у турокъ Царьградъ, какъ свое законное наслѣдіе, будучи сыномъ греческой царицы, и что если онъ соединится съ римскою церковію, то папа увѣнчаетъ его царскою короною и титуломъ, а русскаго митрополита возведетъ въ санъ патріарха, и не только не отиѣнитъ, но еще утвердитъ своею грамотою всѣ добрыя церковныя обычаи въ Россіи. Шомбергъ, вѣрно, сообщилъ папѣ пріятныя вѣсти: потому что къ концу того же года папа выражалъ ему, грамотою, свое удовольствіе за присланное имъ донесеніе, хвалилъ его ревность, благоразуміе и труды, подающіе надежду на счастливое окончаніе дѣла, и вновь давалъ обѣщаніе возвеличить русскаго вел. князя, если онъ приметъ флорентійскую унию, королевскимъ титуломъ и всѣмъ

царскими украшеніями; а въ слѣдующемъ году отправилъ въ Москву еще другаго своего легата, съ грамотою къ самому вел. князю. Папа увѣдомлялъ Василю Ивановича, что, получивъ съ живѣйшею радостію, достовѣрное извѣстіе о его желаніи покориться римской церкви, отправляетъ къ нему своего тайнаго референдарія, достопочтеннаго брата, епископа гардіенскаго Захарію, чтобы чрезъ него яснѣе и полнѣе узнать намѣренія нашего князя и сообщить ему свои, а въ заключеніе повторяетъ обѣщаніе почитать его, когда онъ присоединится къ римской церкви, высокими прерогативами, какъ самага возлюбленнаго своего сына. Но литовская рада, вмѣстѣ съ своимъ королемъ Сигизмундомъ, опасаясь, чтобы нашъ вел. князь, въ самомъ дѣлѣ, не получилъ отъ папы королевскаго достоинства, какъ можно догадываться, не пропустили папскаго легата Захарію въ Россію. Не знаемъ, отвѣчалъ ли Василій Ивановичъ самому папѣ, и что отвѣчалъ, а магистру ливонскому Альбрехту, чрезъ котораго также дѣйствовалъ тогда Левъ X на нашего князя, послѣдній поручилъ своему послу передать слѣдующее: «государь нашъ съ папою хочетъ въ дружбѣ и согласи быти о дѣлахъ; а какъ напередъ того государь нашъ, съ Божьею волею, отъ прародителей своихъ законъ греческій держалъ крѣпко, такъ и нынѣ, съ Божьею волею, законъ свой крѣпко держати хочетъ» (475).

Несмотря однакожъ на это, государя нашего не хотѣли

(475) Нашей Истор. VII, 278—281; Переписка папъ съ Росс. государ. въ XVI в., стр. 100 и слѣд.; Hist. Russiac Monum. I, № 124, р. 128; Карамз. VII, 61 и примѣч. 191. О непронускѣ легата Захарія въ Москву литовцами—А. Запад. Россіи II, № 144, стр. 172.

оставить въ покоѣ. Положеніе католицизма въ то время было самое критическое; тогда совершалась страшная Лютерева реформа, и отъ церкви римской отпадали цѣлыя государства. Ревнителі папства пламенно желали вознаградить ее новыми приобрѣтеніями. Одинъ изъ такихъ ревнителѣй, нѣкто Кампензе, никогда не бывшій въ Россіи, но на основаніи разсказовъ своего отца и брата, долго жившихъ въ ней, написалъ письмо къ папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московіи. Кампензе говорилъ, что Московія—страна многолюдная, и помощь ея была бы весьма важна въ борьбѣ противъ турокъ; что русскіе набожны, благочестивы, отличаются отъ латинянъ въ самыхъ маловажныхъ предметахъ вѣры и питаютъ сочувствіе къ папѣ; что обратить ихъ въ католичество было бы очень легко, тѣмъ болѣе, что вся власть надъ ними сосредоточена въ рукахъ одного вел. князя, который уже неразъ заявлялъ свои желанія быть въ единеніи съ Римомъ, и что если папа Климентъ VII обратитъ эти отдаленные народы Скиѣи, то заслужитъ безсмертіе въ потомствѣ, а лютеране, дерзнувшіе возстать противъ римскаго престола, заступятъ и покроются вѣчнымъ стыдомъ. И Климентъ дѣйствительно сдѣлалъ новую попытку къ обращенію Россіи: въ 1525 г. онъ прислалъ къ нашему государю обширную грамагу, въ которой напоминалъ о прежнихъ сношеніяхъ съ нимъ римскаго престола, выражалъ сожалѣніе, что доселѣ не утвердился церковный союзъ Московіи съ Римомъ, и просилъ, умолялъ вел. князя не отвергать болѣе этого союза и также оказать содѣйствіе, вмѣстѣ съ другими государями, для изгнанія турокъ. Василій Ивановичъ съ большою честію принималъ папскаго посла, капитана Павла, генуезца, и отпра-

виль съ нимъ въ Римъ своего гонца, извѣстнаго Димитрія Герасимова, съ граматою, которою отвѣчалъ папѣ, что желаетъ быть съ нимъ въ дружбѣ, поддерживать ее взаимными посольствами и готовъ ратовать противъ невѣрныхъ во славу христіанства. И нашего посла много честили въ Римѣ, подробно разспрашивали его о Московіи, и ожидали, не объявить ли онъ на словахъ какого-либо тайнаго порученія своего государя; но Димитрій сказалъ, что такихъ порученій отъ государя для переговоровъ о дѣлахъ церковныхъ или государственныхъ не имѣеть. Послѣ этого папа, хотя и отпустилъ въ Москву, вмѣстѣ съ Димитріемъ, своего легата Іоанна Франциска, епископа скаренсаго, но уже не для переговоровъ о вѣрѣ, а только для примиренія нашего вел. князя съ Польшею (476).

Прошла почти четверть вѣка, и изъ Рима не было никакихъ попытокъ къ обращенію Россіи въ католичество. Но вотъ новый русскій государь Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Германію саксонца Шлитта, въ качествѣ своего посла, чтобы пригласить оттуда въ Москву ремесленниковъ, художниковъ, врачей и вообще людей ученыхъ, и далъ ему письмо къ императору Карлу V. Предпріятіе это, какъ извѣстно, не увѣнчалось успѣхомъ; но Шлиттъ, который самъ былъ католикъ, представляясь Карлу, удостовѣрилъ его и другихъ, будто московскій князь желаетъ соединенія съ римскою церковію. Императоръ и другіе успѣшили увѣдомить о томъ папу

(476) *Кампензе*, Письмо къ Клементу VII въ Библіотекѣ иностр. писателей о Россіи, т. I, отд. III; *Hist. Russiæ Monum.* I, № 125, p. 129 131. 133; П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 271; А. Э. I, стр. 340; *Карамз.* VII, 85—88.

Юлія III, при чемъ напоминали, будто и отецъ князя, Василій Ивановичъ, обращался въ 1527 г. съ такимъ же желаніемъ къ папѣ Клименту VII чрезъ своихъ пословъ, но тогда не сумѣли удовлетворить этому желанію. Юлій III, въ 1550 г., назначилъ въ Россію двухъ своихъ нунціевъ, графа Герберштейна и Іоанна Штемберга; далъ имъ инструкцію, какъ вести переговоры съ Иваномъ Васильевичемъ о присоединеніи его къ римской церкви, и написалъ къ нему письмо. Папа выражалъ свою величайшую радость, узнавъ, что нашъ князь, по примѣру своего родителя, ищетъ соединенія съ римскою церковію, и свою готовность принять его съ отверстыми объятіями, провозгласить его во всемъ христіанскомъ мірѣ царемъ, прислать ему всѣ царскія регаліи, короновать его въ Москвѣ чрезъ примаса Россіи, московскаго архіепископа, если только князь дастъ клятву сохранять вѣрность и покорность римской церкви со всѣмъ своимъ народомъ и примириться съ Польшею и Ливоніею, чтобы вмѣстѣ съ прочими христіанскими государями направить свое оружіе противъ враговъ вѣры, татаръ и турокъ ⁽⁴⁷⁷⁾. Но это посольство въ Россію отъ папы Юлія, по настояніямъ польскаго короля Сигизмунда Августа, не состоялось ⁽⁴⁷⁸⁾. Подобное случилось впоследствии при папѣ Григоріи XIII. Въ 1575 г. былъ въ Москвѣ посломъ отъ императора Максимилиана II Кобенцель, и по возвращеніи описалъ свое посольство въ посланіи

⁽⁴⁷⁷⁾ Hist. Russiæ Monum. I, №№ 130—133, pag. 134—141.

⁽⁴⁷⁸⁾ Supplement. ad Hist. Russ. Monum. № 10, pag. 20. Тотъ же король не пропустилъ въ Москву папскаго легата, котораго Піи IV послалъ въ 1561 г. къ нашему государю, чтобы извѣстить его о постановленіяхъ тридентійскаго собора (Hist. Russ. Monum. I, №№ 141, 144, pag. 182, 199).

къ колоцкому архіепископу Дражковичу, Кобенцель свидѣтельствовалъ, что русскіе чрезвычайно религіозны, и если прежде враждебно относилсъ къ латинянамъ, то теперъ высказываютъ желаніе видѣть Римъ и поклониться его святынь, что ихъ легко привлечь къ римской церкви, отъ которой они различаются по вѣрѣ только весьма немногимъ и несущественнымъ, и что тогда католицизмъ приобрѣтетъ себѣ втрое, даже вчетверо болѣе послѣдователей, нежели сколько недавно потерялъ въ Германіи и Франціи. Объ этомъ, вѣроятно, доведено было до свѣдѣнія папскаго двора, и тамъ рѣшили (генв. 1576 г.) отправить въ Москву священника Рудольфа Кленхена, который и прежде бывалъ въ Россіи и зналъ ея языкъ и обычай, съ письмомъ отъ папы къ нашему государю. Посоль, по данной ему кардиналомъ Моронамъ инструкціи, долженъ былъ говорить Ивану Васильевичу, что папа услышалъ о добромъ расположеніи его къ римской церкви, о его побѣдахъ, доблестяхъ, ревности по вѣрѣ; что ему весьма было бы полезно соединиться съ папою, который многихъ уже властителей удостоилъ сана и титула королевскаго; что когда признаетъ папу главою церкви, тогда можетъ требовать себѣ отъ него іереевъ и богослововъ, и проч. ⁽⁴⁷⁹⁾. Въ настоящій разъ отправленію папскаго посольства въ Москву воспрепятствовалъ императоръ Максимілианъ, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія папской власти ⁽¹⁸⁰⁾.

Настала, наконецъ, пора, что царь Иванъ Васильевичъ

⁽⁴⁷⁹⁾ Кобенц. De legat. ad Moscovit., у Старчев. II, 13—14; Карамз. IX, 190 и примѣч. 564. Письмо кардинала Моропа съ инструкціею Кленхену не печатано у Старчев. II, 4—9.

⁽¹⁸⁰⁾ Supplement. ad Hist. Russiae Monum. № 10, pag. 21.

самъ обратился къ папѣ и отправилъ (1580 г.) въ Римъ своего гонца Шевригина, хотя болѣе уже пятидесяти лѣтъ туда не приходили послы изъ Россіи. Царя вынудила къ тому несчастная война съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Въ письмѣ своемъ, которое представилъ папѣ Григорію XIII Шевригинъ, царь увѣрялъ, что желаетъ имѣть союзъ и постоянныя сношенія съ римскимъ владыкою, какъ и со всѣми христіанскими государями, просилъ примирить его съ Баторіемъ и для этого прислать въ Россію своего посла, давая обѣщаніе, что, по заключеніи мира съ Польшею, обратитъ свои силы, вмѣстѣ съ другими государями, противъ турокъ; а о вѣрѣ, о соединеніи съ римскою церковью, вопреки ожиданіямъ папы, не сказалъ ни слова. Но Григорій XIII не захотѣлъ упустить такого благоприятнаго случая для распространенія католицизма и послалъ въ Москву не обыкновеннаго посла, какого просилъ царь, а ученѣйшаго богослова, іезуита Антонія Поссевина, саномъ пресвитера, чтобы онъ прежде всего повелъ дѣло съ царемъ о вѣрѣ и о соединеніи его съ римскою церковью, а потомъ уже постарался примирить его съ королемъ польскимъ ⁽⁴⁹¹⁾. Антоній, посѣтивъ сначала Баторія въ Вильнѣ и благословивъ его на бранные подвиги, пріѣхалъ къ Ивану Васильевичу, находившемуся

(491) Все это изложено въ письмѣ тогдашняго папскаго нунція Каллигари къ польскому королю (Hist. Russiae Monum. I, № 213, p. 306) и въ дневникѣ папы, гдѣ именно сказано: *cum de religione nulla fiat mentio* (въ письмѣ нашего государя), *nulla de reconciliatione cum Romana ecclesia, non visum est sanctitati suae...., nisi ut mittatur aliquis ad Moschorum ducem, qui cum eo prius agat de religione et reconciliatione cum Romana ecclesia et deinde, si obtemperaverit, de componenda pace inter cum ac Poloniae regem* (ibid № 251, p. 389).

тогда съ войскомъ въ Старицѣ, 18 августа 1581 г., былъ принятъ съ чрезвычайными почестями и представилъ письмо папы и дары: крестъ съ распятіемъ, четки съ алмазами и въ богатомъ переплетѣ книгу о флорентійскомъ соборѣ. Папа писалъ, что весьма радъ имѣть союзъ съ нашимъ государемъ и содѣйствовать примиренію и союзу его съ королемъ польскимъ, чтобы потомъ направить соединенныя дружины христіанскихъ властителей противъ невѣрныхъ, но что есть еще другой союзъ, важнѣйшій, союзъ религіозный, о которомъ онъ-папа, какъ глава церкви и намѣстникъ Христовъ, преимущественно долженъ заботиться и который всего болѣе онъ желалъ бы имѣть и съ государемъ Россіи, — для чего и посылаетъ ему книгу о флорентійскомъ соборѣ, которую проситъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ, и отличнаго богослова Антонія Поссевина, которому проситъ вѣрить во все. Царь Иванъ былъ очень доволенъ прибытіемъ папскаго посла; дозволилъ, по просьбѣ его, италіанскимъ купцамъ торговать въ Россіи, имѣть при себѣ своихъ священниковъ и совершать обряды своей вѣры, хотя и примолвилъ: «а церквей римскихъ въ Россіи не будетъ, какъ и прежде не бывало»; обѣщавъ объявить послу свое мнѣніе и относительно соединенія вѣръ; но прежде желалъ, чтобы Антоній отправился къ Баторію и расположилъ его прекратить войну и заключить миръ съ Россіею⁽⁴⁸²⁾. Когда миръ дѣйствительно былъ заключенъ, благодаря, впрочемъ, не столько стараніямъ Антонія,

⁽⁴⁸²⁾ Современное извѣстіе о пребываніи у насъ Антонія Поссевина, написанное въ видѣ дневника, напечатано въ Древн. Россійск. Вѣвлюс. VI, 71—107. Письмо папы Григорія XIII къ царю Ивану Васильевичу отъ 15 марта 1581 г. напечатано у *Старчев.* Hist. Ruthen. script. exteri, II, 340.

сколько храбрости царскихъ воеводъ и войска, защищавшихъ Псковъ и почти истребившихъ полчища Баторіевы, Антоній прибылъ въ Москву съ полною надеждою повести теперь дѣло и о соединеніи церквей. Сначала онъ домогался, чтобы царь хотя однажды выслушалъ его наединѣ; но бояре объявили (18 февр. 1582 г.), что это невозможно, что о такихъ важныхъ дѣлахъ царь никогда не разсуждаетъ безъ своихъ ближнихъ людей, что всякъ ревнуетъ о своей вѣрѣ, хвалитъ ее, и при разговорахъ о ней могутъ произойти противорѣчія, брань и затѣмъ вражда. Антоній отвѣчалъ, что надѣется не подать повода къ ссорѣ, разговаривая съ такимъ государемъ, и согласенъ вести съ нимъ бесѣду и при его сенаторахъ, если онъ того желаетъ. Тогда назначенъ былъ день (21 февр.), въ который Антоній съ тремя лезуитами явился въ тронную государеву палату, гдѣ сидѣлъ уже царь, окруженный множествомъ своихъ бояръ ⁽⁴⁸³⁾.

Царь сначала повторилъ Антонію то же, что говорили ему прежде бояре, и совѣтовалъ лучше не начинать рѣчи о вѣрѣ, опасаясь, чтобы въ жару преній не произнестъ чего-нибудь непріятнаго и тѣмъ не повредить дружбѣ, какаѧ теперь

⁽⁴⁸³⁾ Краткія замѣтки объ этихъ бесѣдахъ царя съ Антоніемъ находятся и въ означенномъ современномъ извѣстіи (Древн. Росс. Вивл. VI, 97. 100. 102 — 103). Но подробно бесѣды тогда же записаны — у насъ какимъ-либо дьякомъ и внесены въ Посольскія книги папскаго двора (напечатаны, хотя не вполне, у *Бантыш-Каменскаго* въ Истор. Извѣстіи объ Уніи, § I, и у *Карамз.* IX, примѣч. 624—635), а также — и самимъ Антоніемъ Поссевиномъ (*De rebus Moscovit.*, у *Старчев.* II, 308—316, а равно въ *Supplement ad Histor. Russiae Monum.* № 33—35). Эти двѣ записки не во всемъ сходны между собою, но одна другую какъ бы дополняютъ. Въ нашей запискѣ бесѣды изложены многословнѣе, кое-гдѣ какъ будто перемѣшаны: у Антонія, который дѣлалъ свою записку послѣ, онѣ изложены сжатѣе и въ болѣе примѣтномъ порядкѣ, котораго и мы будемъ придерживаться.

у него, великаго государя, съ папою, и съ цесаремъ, и съ королемъ польскимъ. Затѣмъ прибавилъ: «видишь, мнѣ уже 51 годъ, недолго остается жить, и не годится перемѣнять ту вѣру, въ которой я воспитанъ. Настанетъ день суда, когда Богъ разсудитъ, наша ли вѣра истинная или латинская. Впрочемъ, я не запрещаю тебѣ, какъ посланному папою Григоріемъ XIII, для защиты римской вѣры, исполнять твой долгъ: можешь говорить, что считаешь нужнымъ». Тогда Антоній сказалъ: «Свѣтлѣйшій государь! Изъ всѣхъ великихъ милостей, тобою мнѣ оказанныхъ, самая главная та, что ты позволяешь мнѣ говорить нынѣ съ тобою о важнѣйшемъ предметѣ. Знай же, что верховный первосвященникъ вовсе не нудитъ тебя перемѣнять древнѣйшую вѣру греческую, которую проповѣдывали св. отцы и законные соборы; напротивъ, убѣждаетъ тебя, чтобы ты узналъ и понялъ ее, какою она была, и удержалъ лишь то, что осталось отъ нея цѣлымъ въ твоихъ владѣніяхъ. Когда ты сдѣлаешь это, то уже не будетъ церкви западной и восточной, а всѣ мы будемъ едино во Христѣ, и не станемъ уклоняться отъ вашихъ храмовъ, богослуженій, священниковъ, которые будутъ тогда правильно совершать таинства Божіи. Не удивляйся, что св. отецъ предлагаетъ тебѣ это: его побуждаетъ къ тому папскій долгъ заботиться о церкви Христовой. Да ты и самъ писалъ къ нему, чтобы утвердилъ союзъ твой и дружбу съ прочими Государями христіанскими для одолѣнія невѣрныхъ, а ничѣмъ такъ прочно не можешь соединиться съ христіанскими государями, какъ единствомъ вѣры. Ты самъ писалъ къ королю Стефану Баторію, что это единство вѣры признали на флорентійскомъ соборѣ греческій императоръ со всѣмъ востокомъ и рус-

скимъ митрополитомъ Исидоромъ. Ты самъ сказалъ, что католики и люди римской вѣры свободно живутъ въ московскомъ государствѣ по своей вѣрѣ... Если сомнѣваешься въ дѣяніяхъ флорентійскаго собора, потребуй подлинныя писанія греческихъ отцевъ изъ Царьграда или отъ нашихъ грековъ, и я покажу тебѣ изъ нихъ истинную вѣру; или позволь мнѣ извлечь для тебя главнѣйшія свидѣтельства греческихъ отцевъ изъ той книги о флорентійскомъ соборѣ, которую я принесъ тебѣ. Если ты соединишься вѣрою съ папою и всѣми государями, то, при содѣйствіи ихъ, не только будешь на своей прародительской отчинѣ—въ Кіевѣ, но и сдѣлаешься императоромъ Царьграда и всего востока». Государь отвѣчалъ: «о вѣрѣ я къ папѣ не писалъ, да и съ тобою не думалъ говорить о ней, чтобы не причинить тебѣ чего не пріятнаго, и потому, что мой долгъ—заправлять мірскими дѣлами, а не духовными. Если ты говоришь о вѣрѣ, ты присланъ на то отъ папы и самъ попъ; а намъ, безъ благословенія митрополита и всего освященнаго собора, говорить о вѣрѣ не пригоже. Впрочемъ знай, что мы вѣруемъ не въ грековъ, а во Христа. Что же—до восточной имперіи, то Господня есть земля; кому захочетъ Богъ, тому и отдастъ ее. Съ меня довольно и своего государства, другихъ и большихъ государствъ во всемъ свѣтѣ не желаю». О флорентійскомъ соборѣ и о соединеніи съ другими христіанскими государями для прогнанія турокъ царь ничего не сказалъ; но вновь обѣщалъ, что дозволить латинскимъ купцамъ въ Россіи имѣть своихъ священниковъ и исполнять свои обряды, только не дозволить строить латинскихъ церквей.

Несмотря однакожъ на отказъ царя бесѣдовать о вѣрѣ, Антоній началъ умолять его, чтобы онъ высказалъ свои мысли

по этому дѣлу. *Царь*: «мы приняли христіанскую вѣру съ самаго начала христіанства, когда апостоль Андрей приходилъ въ наши страны и отсюда отправился въ Римъ; потомъ при Владимірѣ она еще болѣе у насъ распространилась. Такимъ образомъ, въ одно и то же время, когда вы въ Италіи приняли христіанскую вѣру, приняли ее и мы; но у насъ она сохранилась неповрежденною доселѣ, а въ римской вѣрѣ нынѣ семьдесятъ вѣрѣ, какъ ты самъ говорилъ мнѣ въ Старицѣ».

Антоній: «въ Римѣ всегда пребываетъ та вѣра, которую проповѣдали вначалѣ Петръ и Павелъ; за нее потомъ почти триста лѣтъ проливали кровь свою преемники Петра; а послѣдующіе, хотя и жили въ болѣе покойныя времена, сохранили ее неповрежденною среди всѣхъ тревоженій. Въ Римѣ не семьдесятъ вѣрѣ, а одна; семьдесятъ же и еще болѣе ересей пошли отъ Лютера, и всѣ онѣ прокляты». *Царь*: «то хорошо, что папы проливали кровь свою за вѣру Христову. Ибо Христось сказалъ: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить*». *Антоній*: «вотъ и я пришелъ въ Московію смѣло во имя Божіе, а другихъ посылаетъ папа въ Индію и въ другія страны свѣта, и они переносятъ все за имя Христово». *Царь*: «написано: *шедше, научите вся языки проповѣдите Евангеліе всей твари*. Когда совершали это всѣ апостолы, ни одинъ изъ нихъ не былъ больше другаго; а отъ нихъ пошли епископы, архіепископы, митрополиты, въ томъ числѣ и наши». *Антоній*: «прочихъ апостоловъ Христось послалъ на проповѣдь съ одинаковою властію, но одному Петру далъ то, чего не далъ имъ,—ключи царства небеснаго, и поручилъ утверждать братію и пасти своихъ овецъ. Если и происшедшіе отъ другихъ апостоловъ епископы со-

храняють свою власть, не тѣмъ ли болѣе должно сохранить ее сѣдалище Петра, которое и врата адова не одолѣютъ и которое пребудетъ до скончанія вѣка, по обѣтованію Христову?».

Царь: «мы признаемъ Петра и многихъ св. папъ, Климента, Сильвестра, Агаѳона, Льва, Григорія и другихъ. А послѣдующіе затѣмъ папы—какіе они пріемники Петра? Живя нечестиво, съ такою же ли властію они сѣдятъ на сѣдалищѣ Петра?». *Антоній:* «Безъ сомнѣнія, съ такою же, потому что они постоянно слѣдовали писанію, канонамъ и ученію тѣхъ древнихъ папъ, которыхъ и вы признаете. А что до правственности, то сила тайнства и управленіе церковію, представленное папамъ, зависятъ не отъ жизни людей, но отъ непреложнаго установленія Христова. Да и не все то правда, что говорятъ про папъ отдѣлившіеся отъ тѣла Христова... Ты, конечно, законный наслѣдникъ князя Владиміра святаго и его преемникъ: что жъ, если бы кто вздумалъ отвергать твою наслѣдственную власть, или твоихъ предковъ, ради того, что они совершили что-либо по немощи человѣческой? Развѣ не слѣдовало бы такого обличить, не говорю, подвергнуть наказанію?». Эти слова взволновали царя, и онъ, почти поднявшись, сказалъ: «знай, что папа не пастырь». «А если не пастырь, отвѣчалъ Антоній, то зачѣмъ же ты посылаешь къ нему о твоихъ дѣлахъ, и развѣ ты и твои предмѣстники не всегда называли его пастыремъ церкви?» Тогда царь вышелъ изъ себя, вскочилъ съ мѣста, и всѣ думали, что онъ поразить Антонія своимъ жезломъ; но царь только сказалъ: «тебя, вѣрно, мужики на площади научили говорить со мною, какъ съ мужикомъ?».

Антоній старался успокоить царя льстивыми словами и, къ

изумленію всѣхъ, дѣйствительно успокоилъ, такъ что онъ снова сѣлъ на свое мѣсто, и сказалъ: «не хотимъ говорить съ тобою о большихъ дѣлахъ по вѣрѣ, чтобъ тебѣ не въ досаду было, а вотъ малое дѣло: у тебя борода подсѣчена, а подсѣкать и подбривать ее не велѣно, ни попу, ни мірскимъ людямъ». Антоній отвѣчалъ, что онъ бороды не сѣчетъ себѣ и не бреетъ, а если бы и брилъ, то ничего бы худого не было, потому что это дѣлали и святые, и прежніе папы, какъ свидѣтельствуютъ ихъ сохранившіяся изображенія. Царь продолжалъ: «сказывалъ намъ нашъ паробокъ, Истома Шевригипъ, что папа Григорій сидитъ на престолѣ, и носятъ его на престолѣ, и цѣлуютъ его въ ногу, а на сапогѣ у него крестъ, на крестѣ распятіе Господа: пригожее ли то дѣло? У папы Григорія ведется то вопреки уставу св. апостоловъ и св. отцевъ, и отъ гордыни такой чинъ уставлень». Антоній объяснялъ, что папа садится на престолѣ не по гордости, а чтобы удобнѣе благословлять народъ въ торжественныхъ случаяхъ; что кланяются папѣ въ ноги, по примѣру того, какъ кланялись христіане апостоламъ, а на ногѣ у папы крестъ для того, чтобы лобызающіе его понимали, что честь, воздаваемая ими папѣ, относится къ самому Христу. Затѣмъ говорилъ: «папѣ воздается честь по его достоинству и величеству; онъ всѣмъ государямъ отецъ, и учитель, и глава; онъ сопредстольникъ Петру и Павлу, а Петръ сопредстольникъ Христу; папа царствуетъ въ Римѣ, гдѣ лежатъ мощи апостоловъ Петра и Павла, Андрея и другихъ, мощи вселенскихъ учителей и многихъ мучениковъ. Такого ли великаго государя, папу Григорія, сопредстольника Петра и Павла, всѣмъ намъ не величать и не славить?... Вотъ и ты—госу-

даръ великій въ своемъ государствѣ, и васъ, государей, какъ намъ не величать, не славить и не повергаться предъ вами?». При этомъ Антоній дѣйствительно поклонился Ивану Васильевичу въ ноги. Но царь отвѣчалъ: «твой хвалебныя слова о папѣ Григоріи ты говоришь отъ своего мудрованія, а не по преданію апостольскому. Святителямъ не подобаеъ такъ гордиться, а подобаеъ ему смиренномудрствовать и подражать Петру во всемъ по заповѣди Христовой.... Насъ, государей, пригоже почитать по царскому величеству; а святителямъ, ученикамъ апостоловъ, должно показывать смиреніе, а не возноситься выше царей гордостію; царямъ—царская честь, а святителямъ—святительская.... Мы чтимъ своего митрополита и требуемъ его благословенія, но онъ ходитъ по землѣ, и мы не поклоняемся ему, какъ Богу..... Папа велитъ носить себя на престолѣ и величается сопрестольникомъ Петру, а по Петрѣ и самому Христу. Но папа не Христосъ, и престолъ, на которомъ носятъ папу, не облако, и носящіе его не ангелы; не слѣдуетъ папѣ Григорію уподоблять себя Христу, да и Петра, верховнаго ученика Христова, хотя онъ творилъ всѣ дѣла по заповѣдямъ Христовымъ, не подобаеъ равнять Христу... Который папа живетъ по Христову ученію и по апостольскому преданію, тотъ—сопрестольникъ великимъ папамъ и апостоламъ; а который папа начнетъ жить не по Христову ученію и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, а не пастырь». Тутъ Антоній прекратилъ свою бесѣду, сказавъ: «коли ужъ папа волкъ, то мнѣ что и говорить?». А государь на это: «я жъ предупреждалъ тебя, Антоній, что если намъ говорить о вѣрѣ, то безъ раздорныхъ словъ не обойдется; да и волкомъ я назвалъ не настоя-

щаго вашего папу, а того, который не захотѣлъ бы жить по ученію Христову и апостольскому преданію. Но пора кончить». И положилъ государь руку на Антонія и, дважды обнявъ его, отпустилъ.

Черезъ два дня (23 февр.) собралось во дворецъ еще гораздо больше народа, чѣмъ прежде, и Антонія вновь позвали къ государю. Антоній былъ въ большомъ страхѣ и, на всякій случай, пріобщилъ даже своихъ спутниковъ св. тайнъ. Но Иванъ Васильевичъ, какъ только увидѣлъ его, пригласилъ его сѣсть и громкимъ голосомъ въ смѣхъ всѣхъ произнесъ: «Антоній! если я сказалъ тебѣ прогнать вразъ что-либо неприятное о римскомъ первосвященникѣ, то прошу меня извинить, и не пиши о томъ къ папѣ. Мы хотимъ имѣть съ нимъ, несмотря на разности по вѣрѣ, какъ и съ прочими христіанскими государями, дружбу, братство и единеніе, для чего и пошлемъ съ тобою въ Римъ нашего посла. А о всемъ прочемъ дадутъ тебѣ отъ нашего имени отвѣтъ наши бояре». Бояре разсуждали съ Антоніемъ о разныхъ политическихъ дѣлахъ; относительно же вѣры только просили его, именемъ государя, изложить на бумагѣ, чѣмъ разнятся вѣра русская и латинская, такъ какъ въ Россіи никто не умѣетъ перевести съ греческаго присланную папою книгу о флорентійскомъ соборѣ. Антоній обѣщаль исполнить просьбу.

Въ послѣдній разъ Иванъ Васильевичъ имѣлъ съ Антоніемъ рѣчь о вѣрѣ четвертаго марта. То было первое воскресенье великаго поста. Позвавъ къ себѣ Антонія, въ присутствіи многочисленныхъ сановниковъ и царедворцевъ, государь сказалъ ему: «нынѣ мы идемъ въ соборную церковь; пойдѣ и ты,—мнѣ сказали, что ты этого желаешь,—и посмотри, какъ

мы поклоняемся Пресв. Троицѣ, и Богородицѣ, и всѣмъ Святѣмъ, какъ чтимъ нашего отца и богомольца митрополита, но не обожаемъ его, не носимъ на престолѣ, какъ вы носите своего папу и цѣлуете его въ ногу: то гордость, а не святительское дѣло. Ты называешь папу намѣстникомъ ап. Петра; но Петръ такъ не дѣлалъ, его не носили на престолѣ, а ходилъ пѣшь и босъ». Антоній, озадаченный новыми нападками на папу, хотя царь въ нихъ уже извинялся, отвѣчалъ, что желанія идти въ русскую церковь никому не выражалъ, что знаетъ чинъ ея службы и не можетъ присутствовать при служеніи митрополита, пока онъ не утвержденъ папою, а въ защиту папы повторялъ прежнія свои слова и, подъ конецъ, сказалъ: «какъ намъ всѣмъ не чтить и не величать папы? Онъ всѣмъ отцамъ отецъ. А вотъ и у тебя, государя, митрополитъ, и ты какую ему честь воздаешь? Умоетъ онъ въ службѣ руки свои, и тою водою ты мажешь свои очи». Государь: «называешься учителемъ и сказываешь, что пришелъ насъ учить, а и того не знаешь, что говоришь: читалъ ли ты толковую обѣденную службу (толкованіе на литургію)?». Антоній отвѣта не далъ, и государь продолжалъ: «коли не знаешь, я тебѣ скажу: тою водою, которою митрополитъ на обѣднѣ умываетъ руки, какъ онъ самъ, такъ и мы всѣ просвѣщаемъ очи свои; она знаменуетъ страсти Господни». Послѣ того Антоній сказалъ: «чтобы не утруждать тебя болѣе, государь, прошу принять вотъ эту рукопись, которую я написалъ по твоему приказанію, о различіи между католическою церковію и греческою. Тутъ ты найдешь, когда пожелаешь, отвѣты на всѣ такого рода вопросы о

вѣрѣ» (484). Принявъ рукопись, царь велѣлъ боярамъ идти въ церковь вмѣстѣ съ Антоніемъ; но Антоній, когда бояре остановились предъ церковію въ ожиданіи государя, успѣлъ незамѣтно уйти. Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Россіи, Антоній снова просилъ, чтобы позволено были пріѣзжимъ латинянамъ имѣть въ ней свои церкви, и въ третій разъ получилъ отказъ. Бояре, именемъ государя, отвѣчали: «пріѣзжіе люди римской вѣры могутъ невозбранно имѣть у насъ своихъ поповъ, но только бѣ они своего ученія русскимъ людямъ не плодили; а костеловъ имъ въ нашемъ государствѣ не ставить. Въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ: живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ; а церковей еще по сіе время ни которыя вѣры въ нашемъ государствѣ не ставили». Отпуская Антонія, царь Иванъ послалъ съ нимъ въ Римъ своего гонца и грамату къ папѣ, въ которой извѣщаль, что принялъ его посла съ благодарностію и любовію, выражалъ свою готовность быть въ союзѣ съ христіанскими государями противъ турокъ, касательно же вѣры писалъ: «а что если прислалъ къ намъ съ Антоніемъ книгу собора флорентійскаго, печатную греческимъ письмомъ, и мы тое книгу у посла твоего велѣли взять; а что еси писалъ къ намъ и рѣчью намъ посоль твой говорилъ о вѣрѣ, и мы о томъ съ Антоніемъ говорили» (485).

(484) Рукопись содержала три небольшія статьи: 1) *Capita, quibus Graeci et Rutheni a Latinis in rebus fidei dissenserunt*; 2) *Errores alii Ruthenorum, qui orientale schisma secuti sunt*; 3) *Interrogationes et responsiones de processione Spiritus Sancti a Patre et Filio* (Supplement. ad Hist. Russiae Monum. №№ 36-37; также у *Старч.* 316—325. 330).

(485) Древн. Росс. Вивл. VI, 104—106; *Бантышъ-Каменск. Истор. Изв. о сѣ Уніи* § I; *Карамз.* IX, примѣч. 635. Здѣсь, между прочимъ, сказано, что

Съ горькими чувствами долженъ былъ Антоній выѣхать изъ Россіи. Мало того, что онъ не достигъ главнѣйшей цѣли своего посольства, не обратилъ русскаго государя и его подданныхъ къ своей вѣрѣ, онъ понялъ, что эта цѣль едва ли когда можетъ быть достигнута, что достиженіе ея, по крайней мѣрѣ, соединено съ величайшими трудностями, которыя онъ и изложилъ въ своемъ «Комментаріи» къ папѣ, указывая вмѣстѣ и средства къ устраненію ихъ. Антоній увидѣлъ, до какой степени русскіе убѣждены въ превосходствѣ своей вѣры, считая себя только однихъ истинными христіанами, а всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и католиковъ, заблудшими еретиками, нечистыми (486). Увидѣлъ и убѣдился, въ частности, до какой степени русскіе не любятъ латинской вѣры и настроены противъ папства. Кромѣ этихъ рѣзкихъ отзывовъ о папѣ, неразъ произнесенныхъ публично самимъ царемъ, которые пришлось выслушать Антонію, онъ узналъ нѣчто, едва ли еще не болѣе прискорбное. Въ то самое время,

царь, отпуская свое посольство въ Римъ, далъ наказъ: «если вамъ будутъ говорить, что государь вашъ называлъ папу *волкомъ* и *хищникомъ*, вы отвѣчайте, что не слышали». Знакъ, что царь дѣйствительно такъ называлъ папу, хотя Антоній объ этомъ умалчиваетъ. Письмо государя къ папѣ, въ латинскомъ переводѣ, напечатано у *Старческаго* II, 81—82. Достоинно замѣчанія, что въ то самое время когда царь велъ религиозныя бесѣды съ Антоніемъ Поссевиномъ, и митрополитъ Діонисій совѣщавъ (1 марта 1582 г.) соборъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, на которомъ совѣтовали и уложили о утвержденіи православныя вѣры греческаго закона въ отвѣтъ на письмо Антонія Поссевина». Мы не встрѣчали нигдѣ этого соборнаго уложенія; но составители извѣстныхъ *поморскихъ отвѣтовъ* не только ссылаются на него неразъ, но и приводятъ изъ него отрывокъ въ подтвержденіе своего излюбленнаго ученія о двуперстїи (въ Отв. 5, Рукоп. нашей библ. № 36, л. 21 об.).

(486) У *Старчес.* II, 276. 281—286. 315. Въ послѣднемъ мѣстѣ Антоній говоритъ: *hanca teneris annis Mosci opinionem imbuerunt, sese ut solos veros Christianos existiment, reliquos (licet Catholicos) immundos, haereticos aut errantes putent.*

когда онъ исполнялъ свое посольство въ Россіи, англійскіе купцы доставили царю книгу, въ которой доказывалось, что папа есть антихристъ, и царь тотчасъ же велѣлъ перевести ее на русскій языкъ, такъ что Антоній счелъ нужнымъ подать царю, въ опроверженіе ея, свою записку (⁴⁸⁷). Такую враждебность русскихъ ко всему латинскому и усиленіе ея Антоній приписывалъ преимущественно вліянію на нихъ лютеранъ и калвинистовъ, которые, проникая въ Москву изъ Германіи и Англии по дѣламъ торговли и другимъ, распространяли здѣсь самыя нелѣпыя слухи о папѣ и латинянахъ, и утверждалъ даже, что во время самыхъ разговоровъ его, Антонія, съ царемъ о вѣрѣ какіе-то англійскіе еретики и голландскій медикъ, анабаптистъ, возбуждали царя противъ папы (⁴⁸⁸).

III.

Идеи лютеранства, явившагося въ первой четверти XVI в. и быстро распространившагося въ разныхъ странахъ западной Европы и въ сосѣднихъ намъ Польшѣ, Литвѣ и Ливоніи, начали проникать къ намъ очень рано и, на первый разъ, могли встрѣтить у насъ сочувствіе со стороны тѣхъ, которые еще продолжали тайно держаться нѣкоторыхъ началъ ереси жидовствующихъ. Еретику Башкину, осужденный со-

(⁴⁸⁷) Напечатана у *Старч.* II, 326—330.

(⁴⁸⁸) Тамъ же II, 281. 311.

боромъ въ 1553 г. и сознавшійся, что свое злое ученіе онъ принялъ отъ аптекаря Матея, родомъ литвина, да отъ Андрея Хотѣва, которыхъ Курбскій справедливо признаетъ лютеранами, сознался вмѣстѣ, что «утверждали его въ томъ» лжеученіи заволжскіе старцы, издавна извѣстные своею расположенностію къ жидовствующимъ. Максимъ Грекъ († 1556 г.) увидѣлъ нужду написать сочиненіе и «на люторы», хотя ограничился въ немъ только защитою православнаго иконопочитанія (⁴⁸⁹). Послѣдователи лютеранства и вообще протестантскихъ сектъ нерѣдко приходили въ Россію изъ Литвы, Ливоніи, Германіи, Даніи, Голландіи, Англии, въ качествѣ посланниковъ отъ своихъ государей, а еще чаще по дѣламъ торговли, и проживали въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ; иные вызываемы были изъ-за границы нашимъ правительствомъ, какъ искусные мастера и художники; еще иные переселялись къ намъ сами и занимались разными ремеслами, или поступали на государеву службу. Всего же болѣе разсѣялось по Россіи *нѣмцевъ* (какъ называли у насъ тогда преимущественно лютеранъ и прочихъ протестантовъ) изъ Ливоніи, въ продолженіе счастливой ливонской войны: ихъ выводили, въ качествѣ плѣнныхъ, цѣлыми тысячами, и продавали или раздавали даромъ въ Новгородѣ, Твери, Москвѣ и гдѣ приходилось; а въ 1565 г. царь вывелъ изъ Дерпта даже всѣхъ нѣмцевъ и сослалъ во Владиміръ, Угличъ, Кострому, Нижній-Новгородъ, съ женами и дѣтьми. Въ Москвѣ нѣмцы селились въ новой нѣмецкой слободѣ, на берегу

(⁴⁸⁹) Нашей Истор. VI, 251; VII, 275.

Язуы (⁴⁹⁰). Сначала приняли у насъ протестантовъ довольно благосклонно: въ нихъ видѣли, прежде всего, рьяныхъ враговъ папства, и слѣд. какъ бы своихъ союзниковъ противъ ненавистныхъ латинянъ. Лютеранамъ и калвинистамъ царь позволилъ имѣть въ Москвѣ двѣ церкви; съ уваженіемъ относился къ дерптскому пастору Веттерману, переселившемуся съ своими прихожанами въ Россію, приказавъ открыть для него царскую библіотеку; любилъ слушать проповѣди голштинскаго пастора Христіана Бокгорна и открыто высказывалъ, что лютеранское ученіе, повидимому, близко къ истинѣ и что его можно было бы терпѣть, если бы Лютеръ, нападая съ неудержимою силою краснорѣчія на папское иго, не испровергалъ древняго церковнаго чина и не помрачилъ своихъ познаній въ свящ. писанія постыднымъ отступничествомъ, свергнувъ съ себя монашескія одежды и клобукъ и женившись на монахинѣ. Нѣкоторые лютеране и калвинисты, приходившіе изъ Германіи и Англіи, или находившіеся при государѣ на службѣ, пользовались особеннымъ его благоволеніемъ и довѣріемъ. Опъ часто бесѣдовалъ съ ними о вѣрованіяхъ и обрядахъ у иностранныхъ народовъ и съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ то, что сообщали ему о новыхъ христіанскихъ сектахъ, ихъ ученіи и различіи ихъ между собою. Одинъ изъ этихъ любимцевъ царя (Эберфельдъ) будто бы пытался даже склонить его къ принятію Лугсбургскаго исповѣданія (⁴⁹¹). Но когда царь близко узналъ духъ и характеръ про-

(⁴⁹⁰) *Ульфельдъ*, Legat. Moscovit., у *Старч.* I, 19. 21; II. Собр. Р. Лѣт. IV, 316; *Карам.* IX, 15—17. 52. 261 и др.

(⁴⁹¹) *Одербон.* Ioannis Basilid. Vita, у *Старч.* II, 204; *Поссевин.* De rebus Moscovit., тамъ же II, 278. 300; *Карам.* IX, 52. 261; нашей Ист. VII, 117.

тестантскихъ исповѣданій, когда русскіе увидѣли и услышали, что протестанты отвергають посты, почитаніе иконъ, призваніе святыхъ, монашество и проч., тогда взглядъ на протестантовъ у насъ совершенно измѣнился: ихъ начали считать еретиками, злыми еретиками, и царь, опасаясь ли того, чтобы они не заразили своимъ ученіемъ русскихъ и не ввели въ Россіи разныхъ сектъ, или недовольный тщеславіемъ и наглостію протестантовъ, приказаль (въ 1579 г.) сечь обѣ ихъ церкви въ Москвѣ, хотя черезъ пять лѣтъ, по ходатайству англійскаго посла Горсея, если вѣрить ему, вновь разрѣшилъ имъ построить церковь за городомъ ⁽⁴⁹²⁾.

Въ началѣ 1570 года Иванъ Васильевичъ имѣлъ торжественную бесѣду о вѣрѣ съ однимъ изъ членовъ общины чешскихъ и моравскихъ Братъевъ, Иваномъ Рокитою, приходившимъ къ намъ при послахъ польскаго короля Сигизмунда Августа *), въ качествѣ ихъ пастора, — и въ этой бесѣдѣ царя, со всею ясностію, обнаружилось, какъ понимали тогда въ Россіи лютеранство и однородныя съ нимъ религіозныя секты. Бесѣда происходила въ палатахъ государевыхъ, на особо устроенномъ и богато украшенномъ возвышеніи, въ присутствіи не только польскихъ пословъ и множества русскихъ бояръ, но и въ присутствіи русскаго духовенства. Первое слово принадлежало царю, и онъ, обращаясь къ Рокитѣ, сказалъ: «Вы привыкли хвалиться своею евангелическою вѣрою; но на дѣлѣ между вами постоянно происходятъ шумныя раздѣленія, и вы

⁽⁴⁹²⁾ На первую изъ предполагаемыхъ причинъ къ сожженію протестантскихъ церквей указываетъ Поссевинъ (у *Старч.* II, 278); на послѣднюю — Моржеретъ (*Устрялов.* Сказан. современ. о самозванцѣ, III, 28—29); *Горсея*, *The travels*, въ Сборникѣ *Бонда*, pag. 182, Лондон. 1856.

*) Собственноручная поправка: вмѣсто *Казимира* карандашомъ написано *Сигизмунда Августа*.

своими новыми догматами перевернули почти всю Европу, так что нельзя было бы тому и вѣрить, если бы до насъ не доходили, къ великому изумленію, почти ежедневныя о томъ вѣсти. Мы знаемъ, что мнѣнія вашей секты заключались въ лжеученіяхъ еще древнихъ еретиковъ, и давно уже разсмотрѣны и строго осуждены многими соборами и христіанскими учеными. Но какъ не подивиться, что вы проповѣдуете и неизвѣстныя прежде ереси, приписывая оправданіе человѣка одной вѣрѣ, когда сказано, что придетъ Господь судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому награду по дѣламъ его? Если одна вѣра доставляетъ вѣчное блаженство, то для чего нуженъ судъ, и зачѣмъ такъ часто въ новомъ завѣтѣ усвоится достоинство нашимъ дѣламъ? Гуссъ и Лютеръ, эти опустошители древней церкви, ни отъ кого не получили законной власти учить и не совершали чудесъ, какія, по обѣтованію Спасителя, творили истинные Его ученики: такъ и ты не имѣешь законнаго права учить, не можешь совершать чудесъ, не долженъ считаться проповѣдникомъ Евангелія. Помнишь слова треблаженнаго Павла: *како проповѣдаютъ, аще не послани будутъ* (Рим. 10, 15)? Подумай же теперь, Рокита, своимъ умомъ, кто васъ, бѣдныхъ, послалъ на проповѣдь; подумай, наконецъ, что вы проповѣдуете; подумай, какими недостойными способами вы разрушаете драгоцѣнный союзъ Христова стада? Живете вы неводержжно, уподобляясь свиньямъ; осуждаете и отвергаете, по ненависти къ церкви, посты, которые служатъ къ здоровью тѣла и души, тогда какъ Господь заповѣдалъ намъ бдѣть и воздерживаться... Ненавидите вы и Святыхъ на небѣ, порицаете ихъ, разрушаете ихъ храмы и алтари; а они, между тѣмъ, обитая въ не-

бесномъ свѣтѣ, могли бы много приносить вамъ пользы своимъ ходатайствомъ предъ Богомъ, который, еще во дни земной ихъ жизни, изгонялъ, по молитвамъ ихъ, демоновъ, воскрешалъ мертвыхъ. Св. иконамъ вы не только не воздаете никакой чести, но выбрасываете ихъ изъ вашихъ храмовъ и жилищъ, тогда какъ ими слѣдовало бы украшать всѣ стѣны всякихъ зданій. Такое злодѣйство тѣмъ болѣе должно считаться важнымъ что вы тутъ неистовствуете и противъ самого Бога...». Это многое другое говорилъ Иоаннъ и затѣмъ приказалъ Рокитѣ отвѣчать смѣло и свободно, безъ всякихъ опасеній, объявляя слушать его съ полнымъ вниманіемъ и снисхожденіемъ. Тогда Рокита, который зналъ славянскій языкъ, произнесъ весьма обширную и краснорѣчивую рѣчь, давая въ ней, по порядку, отзывы на всѣ тѣ мысли, какія высказаны были царемъ противъ протестантовъ: раскрывалъ ученіе ихъ объ оправданіи вѣрою и значеніи добрыхъ дѣлъ; доказывалъ, что Лютеръ имѣлъ право учить, какъ имѣютъ то же право и прочіе протестантскіе учителя, хотя и не совершаютъ чудесъ; объяснялъ, какъ понимаютъ протестанты постъ, почему не признаютъ ходатайства Святыхъ, почему отвергаютъ почитаніе иконъ и монашество. Ораторъ говорилъ съ большою энергіею и, по мѣстамъ, не только смѣло, но слишкомъ дерзко, стараясь, впрочемъ, направлять свои слова противъ римской церкви и умалчивая о греческой или даже выражая къ ней удивленіе. Грозный царь сдержалъ свое обѣщаніе: онъ слушалъ рѣчь внимательно, терпѣливо, и ни разу ее не остановилъ, хотя въ ней было немало такого, что могло возмутить его душу. Онъ даже объявилъ, что рѣчь

Рокиты ему понравилась; но приказалъ изложить ее на бумагѣ и прибавилъ, что напишетъ на нее опроверженіе ⁽⁴⁹³⁾.

Въ маѣ того же 1570 года, царь дѣйствительно доставилъ Рокитѣ обѣщанное опроверженіе на его рѣчь. Это любопытное опроверженіе, сохранившееся, къ сожалѣнію, только въ латинскомъ переводѣ, какъ и все предшествовавшее собесѣдованіе царя съ Рокитою, состоитъ изъ 14-ти главъ, которыя, впрочемъ, большею частію, очень кратки и, по содержанию своему, могутъ быть подведены подъ два отдѣла. Въ однихъ главахъ, царь высказываетъ свои мысли о Лютерѣ и о послѣдующихъ проповѣдникахъ лютеранства. Лютеръ, говоритъ царь, какъ по своей жизни, такъ и по своему имени, на нашемъ языкѣ, былъ человекъ *лутый*, свирѣпый. Устремившись на Христа, онъ ниспровергъ Его установленія, низвернулъ ученіе апостоловъ и св. отцевъ и далъ свяд. писаніямъ не тотъ смыслъ, какой они заключаютъ въ себѣ, а какой внушилъ ему его испорченный разумъ (гл. 1). Какъ сатана, съ своими демонами, повсюду обольщаетъ людей, такъ и вы являетесь способниками ему въ этомъ коварствѣ: Лютеръ не имѣлъ законнаго права учить, не былъ ни апостоломъ, ни епископомъ и ни отъ кого не былъ посланъ на учительство (гл. 9). Подобно Лютеру, и прочіе проповѣдники лютеранства не суть законные учителя: они не имѣютъ посланничества отъ Христа, низвращаютъ Слово Божіе, от-

⁽⁴⁹³⁾ Всѣ обстоятельства этой бесѣды и обѣ рѣчи, какъ царская, такъ и Рокиты, помѣщены въ соч. *Одербона* о жизни Ивана Васильевича (у *Старч.* II, 204-213). Помѣщена также эта бесѣда и въ Сборникѣ *Лазичаго*: *De Russorum Moscovit. et Tartar. relig...*, p. 1—10, Spiraе 1582; но только здѣсь она изложена въ формѣ краткихъ вопросовъ со стороны царя и столько же краткихъ отвѣтовъ со стороны Рокиты, подъ заглавіемъ: *Colloquium de religione magni ducis Moscorum cum Rohita...*, an. 1570.

вергають все, преданное св. отцами. Къ нимъ прилагаетъ гдѣ разныя мѣста свящ. писанія, въ которыхъ говорится о лжепророкахъ и лжеучителяхъ, о волкахъ, татяхъ и разбойникахъ, и восклицаетъ: «о вы, погибшіе, которые, по своей прихоти, низвращаете Писаніе!... Оставивъ законныхъ пастырей, учителей и самихъ апостоловъ, вы ниспровергаете заповѣдь Христа и вновь распинаете Его въ васъ самихъ.... И мы, по всей справедливости, поражаемъ васъ, враговъ истины, громомъ проклятія. Вы антихристы: потому что антихристъ тотъ, кто возстаетъ противъ Христа» (гл. 2. 4. 8). Въ частности, Рокиту, а въ лицѣ его и вообще лютеранъ, царь не соглашается называть даже христіанами, потому что они слѣдуютъ ученію не Христа, а Лютера,—и называетъ ихъ врагами креста Христова и собаками (гл. 3. 7). Въ другихъ главахъ Иванъ Васильевичъ разбираетъ ученіе лютеранъ и ихъ отступленія отъ истины: опровергаетъ ихъ ученіе объ оправданіи ученіемъ апостола Іакова о дѣлахъ и примѣрамъ добродѣтелей ветхозавѣтныхъ праведниковъ (гл. 6); обличаетъ лютеранъ за то, что они не почитаютъ Божіей Матери и другихъ Святыхъ, въ частности апостоловъ и отцевъ церкви, не призываютъ угодниковъ Божіихъ въ молитвахъ и рѣдко совершаютъ у себя литургію и таинство евхаристіи (гл. 6. 11. 12); отстаиваетъ церковные посты (гл. 10) и иконопочитаніе, и при этомъ объясняетъ, что извѣстныя изреченія о кумирахъ, приводимыя изъ десятословія и вообще изъ ветхаго завѣта, относятся къ идоламъ, а не къ свящ. изображеніямъ, и указываетъ на древнѣйшія иконы отъ временъ апостольскихъ и на чудеса, совершающіяся отъ св. иконъ (гл. 5. 13); наконецъ, съ жаромъ защищаетъ мона-

шество и, между прочимъ, говоритъ: «ни Христось, ни апостолы не имѣли женъ. Если у Петра были теща и жена, то это было прежде, нежели онъ послѣдовалъ за Христомъ; равно и всѣ апостолы, какъ только сдѣлались послѣдователями Христа, жили въ чистотѣ, и тещи стали для нихъ матерями, а жены сестрами.... Для сохраненія чистоты, лучше воздерживаться отъ супружества и употребленія мяса; но тѣ, которые не дали такого обѣта, могутъ жить въ супружествѣ и ѣсть мясо, лишь бы исполняли заповѣди Христовы, которыя даны равно и для монаховъ и для мірянъ» (гл. 14). Нельзя сказать, чтобы сочиненіе нашего государя, такъ любившаго заниматься религіозными вопросами и преніями, отличалось раздѣльностію понятій, послѣдовательностію и основательностію; но оно проникнуто самою живою ревностію о православіи и нескрываемою неприязнію къ лютеранизму, и переполнено множествомъ текстовъ изъ свящ. писанія, которое царь зналъ очень подробно. Подъ конецъ послѣдней главы своего сочиненія, онъ обратился къ Рокитѣ съ слѣдующими словами: «ты въ моихъ глазахъ еретикъ, потому что все твое ученіе превратно и совершенно противно христіанскому и церковному ученію; и не только ты еретикъ, но и слуга антихристовъ, воздвигнутый діаволомъ. Не одинъ ты лютеранинъ, есть и другіе, еще худшіе тебя. Потому мы запрещаемъ тебѣ распространять свое ученіе въ нашихъ владѣніяхъ» (494).

(494) Все опроверженіе царя напечатано въ томъ же Сборникѣ *Лавицкаго*, подъ заглавіемъ: *Pivius colloquii, litteris mandati, ab eodem duce refutato, an. 1570 Calend. Maii*. На каждую изъ 14-ти главъ этого царскаго опроверженія Лавицкій, который самъ былъ членомъ Евангелической общины, напечаталъ въ томъ же Сборникѣ свои опроверженія, давъ имъ общее названіе: *Verae reli-*

Несправедлива мысль, встрѣчающаяся у протестантскихъ писателей, будто Иванъ Васильевичъ предпочиталъ протестанство католицизму, хотя и правда, что нѣкоторыхъ протестантовъ онъ особенно приближалъ къ себѣ и перѣдко увлекался ихъ совѣтами (⁴⁹⁵). Если онъ рѣзко отзывался о папѣ, то еще болѣе рѣзко—о Лютерѣ и другихъ проповѣдникахъ лютеранства. Если латинянь называлъ еретиками, то лютеранъ не хотѣлъ называть даже христианами. Если латинянамъ не дозволилъ имѣть свою церковь въ Россіи, а протестантамъ дозволилъ построить новую послѣ того, какъ велѣлъ сжечь двѣ прежнія ихъ церкви, то дозволилъ изъ вниманія къ ходатайству англійскаго посла, а отнюдь не изъ какого-либо расположенія къ самому протестантскому исповѣданію. Зато, съ другой стороны, позволялъ иногда латинянамъ входить въ русскую церковь, а протестантамъ не позволялъ, водясь, конечно, тою мыслию, что первые, подобно православнымъ, признають и призываніе Святыхъ въ молитвахъ и поклоненіе иконамъ, а послѣдніе не признають: самъ пригласилъ, наприм., Антонія Поссевина въ успенскій соборъ и тутъ же присовокупилъ: «только смотри, Антоній, не введи съ собою въ церковь кого-либо изъ лютеранъ» (⁴⁹⁶). Если, при завое-

gionis apologia, falsae confutatio (pag. 11—196). Опроверженія Лазидкаго несравненно обширнѣе царскихъ.

(⁴⁹⁵) *Одербон*, у *Старч* II, 204; *Петрея* Исторія о вел. княжествѣ Москов., въ переводѣ *Шемакина*, стр. 431.

(⁴⁹⁶) *Поссевин*, у *Старч* II, 300. 315: vide, Antoni, ne lutheranum aliquem in ecclesiam inducas. Ульфельдъ, протестантъ, пріѣзжавшій посломъ датскаго короля къ нашему государю въ 1575 г., также рассказываетъ о себѣ, что когда онъ въ Псковѣ пожелалъ войти въ одну монастырскую церковь, то его не впустили, какъ недостойнаго (Legat. Moscovit. у *Старч* I, 6). См. также выше примѣч. 469.

вані Ливоніа, разрушаль всѣ латинскія церкви и выгоняль всѣхъ латинскихъ священниковъ, то точно такъ же поступаль и съ лютеранскими церквами и священниками (⁴⁹⁷). Сами латиняне и протестанты несомнѣнно старались дѣйствовать на Іоанна во вредъ другъ другу и въ пользу своихъ исповѣданій. Любимцы царя изъ протестантовъ сильно настраивали его противъ папы и папскаго посла Антонія, и подъ ихъ-то, можетъ быть, вліяніемъ царь и не согласился дозволить латинскихъ церквей въ Россіи, несмотря на всѣ просьбы Антонія. А послѣдній, именемъ папы, просилъ, чтобы царь не держаль у себя «магистровъ люторскихъ, нѣмецкихъ, которые не знаютъ Пречистыя Богородицы и Святыхъ Божіихъ, а чтобы держаль правдивыхъ священниковъ вѣры римскія». Но Антонию на это сказано было то же самое, что перазъ говорили ему: въ русскомъ государствѣ живутъ многіе люди всякихъ вѣръ, и живутъ всѣ своимъ обычаемъ; ихъ не стѣсняютъ, не преслѣдуютъ; но только никому изъ нихъ не позволяютъ возвращать русскихъ въ свою вѣру (⁴⁹⁸). Русскіе, — повторимъ вслѣдъ за самими иностранцами, посѣщавшими тогда наше отечество, — только однихъ себя признавали истинными христианами, а всѣхъ прочихъ христіанъ, въ томъ числѣ и протестантовъ и латинянь, считали еретиками, даже не лучшими турокъ, и всѣхъ не только католиковъ, но равно и протестантовъ и другихъ, перекрещивали, въ случаѣ принятія ими православія (⁴⁹⁹).

(⁴⁹⁷) *Поссевин. у Старч. II, 281; Никон. Лѣт. VII, 308; Карамз. VIII, 167*
и др.

(⁴⁹⁸) *Древн. Росс. Визитов. VI, 98, 102.*

(⁴⁹⁹) См. выше примѣч. 413. 486. *Флетчеръ* - протестантъ: «Русскіе пере-

Говорили мы объ отношеніяхъ нашей восточно-русской церкви и къ православнымъ церквамъ Востока и Юга, и къ церкви римской, и къ исповѣданіямъ протестантскимъ; но доселѣ еще не сказали объ отношеніяхъ ея къ самой близкой и родственной ей церкви, составлявшей съ нею нѣкогда одно,—къ православной церкви западно-русской, литовской. Это потому, что и сказать-то объ нихъ, объ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ, почти нечего. Русскіе московскаго государства, естественно, питали живое сочувствіе къ своимъ братьямъ по крови и по вѣрѣ, жившимъ во владѣніяхъ иноземнаго, иновѣрнаго и почти всегда враждебнаго намъ государя, и когда опустошали литовскія страны, то старались, по крайней мѣрѣ, иногда щадить православные храмы и отпускать на свободу попадавшихся въ плѣнъ единовѣрцевъ, а когда слышали о притѣсненіяхъ, какимъ подвергалось въ Литвѣ православіе, то, въ защиту его, смѣло возвышали свой голосъ, и Іоаннъ III объявлялъ даже войну польскому королю Александру. Русскіе литовскаго государства точно такъ же сочувственно относились къ русскимъ, жившимъ въ Москoвѣ, даже молились объ успѣхахъ ихъ оружія противъ

крещиваютъ всѣхъ христіанъ, не принадлежащихъ къ греческой церкви, какъ скоро они переходятъ въ русскую вѣру, потому что почитаютъ ихъ отдѣленными отъ истинной церкви, которая, по мнѣнію русскихъ, есть только церковь греческая... Всѣхъ другихъ христіанъ они считаютъ никакъ не лучше турокъ въ сравненіи съ собою» (О госуд. русск., гл. 23. 25, стр. 88. 92). Онъ же свидѣтельствуетъ, что изъ плѣнныхъ ливонцевъ многіе соглашались креститься въ другой разъ по русскому обряду, чтобы пользоваться бoльшею свободою и приобрести себѣ что-либо на прожитокъ, получая обыкновенно при этомъ награду отъ царя; а изъ англичанъ съ тѣхъ поръ, какъ они начали пріѣзжать въ Россію, рѣшился перекреститься въ русскую вѣру только одинъ Ричардъ Рельфъ (тамъ же гл. 22, стр. 84).

литовско-польскаго короля, иногда просили себѣ изъ Москвы свящ. книгъ (князь Константинъ Острожскій) и т. под. ⁽⁵⁰⁰⁾. Но сношеній собственно между самими митрополіями, московскою и литовскою, послѣ окончательнаго раздѣленія ихъ, когда въ Москвѣ отвергнуты были всѣ притязанія перваго литовскаго митрополита Григорія, не происходило никакихъ въ продолженіе всего настоящаго періода. Западно-русская церковь жила совершенно отдѣльною жизнію, имѣла свою особую судьбу и имѣетъ свою особую исторію.

⁽⁵⁰⁰⁾ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 293; VIII, 238—239; Ник. Лѣт. VI, 160—162; Карам. VI, 184, изд. Эйнера; Suplem. ad Hist. Russiae Monum. № 2.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 08171 5305

BOOK CARD
DO NOT REMOVE

A Charge will be made
if this card is mutilated

or not returned
with the book

GRADUATE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ANN ARBOR, MICHIGAN

GL

DO NOT REMOVE

OR

CARD

